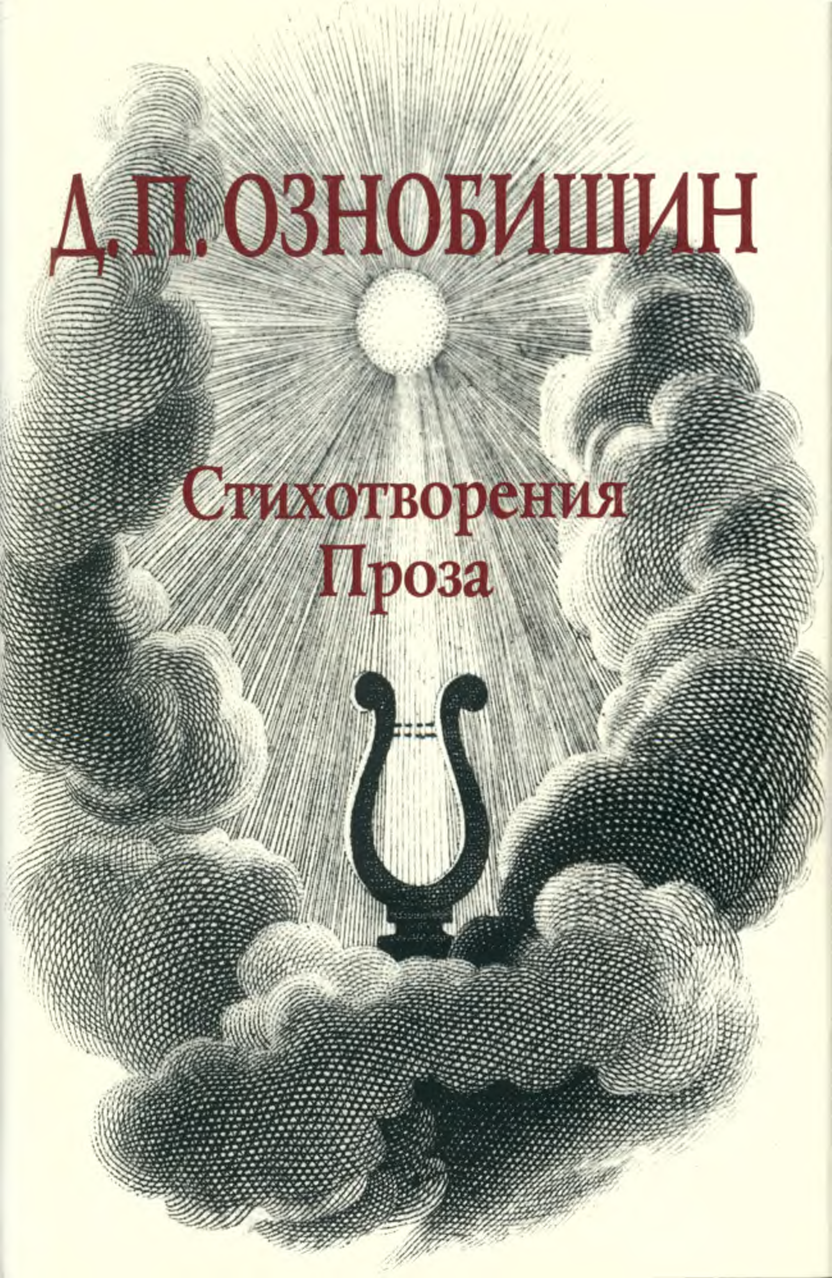

Д. П. ОЗНОБИШИН
Стихотворения
Проза

Д. П. ОЗНОБИШИН * Стихотворения * Проза

2

Д. П. ОЗНОБИШИН

Стихотворения

Проза

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Д. П. ОЗНОБИШИН

Стихотворения
Проза

В двух книгах

Книга вторая

Издание подготовили
Т. М. ГОЛЬЦ, А. Л. ГРИШУНИН,
Н. Н. ХОЛМУХАМЕДОВА

МОСКВА «НАУКА» 2001

УДК 820/89
ББК 84(0)5
О 46

Ответственный редактор
А.Л. ГРИШУНИН

ТП 2001–II–№ 207

ISBN 5-02-022639-4
ISBN 5-02-011813-3 (кн. 2)

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

ТРУБАДУР

(*С французского*)

На камень мраморный, отчизне посвященный,
Который солнца луч последний золотил,
Несчастный Трубадур, судьбою угнетенный,
В безмолвной горести обильны слезы лил.

“Куда сокрылись вы, о дни очарований,
Дни сладкой юности, – на лире так он пел, –
Когда не зная бед, ни грусти, ни страданий,
К наукам пламенной я страстию горел.

Едва увенчанный цветами жизни юной,
Уже испил я все из чаши роковой,
И Парки бледныя мне страшен взор угрюмый,
Я вяну, как цветок, подсеченный косой.

О дайте мне узреть отчизны край блаженный,
Те мирные поля, дубравы и поток,
Лобзающий цветы страны уединенной,
Отколь изгнал меня неумолимый рок!
И первы радости, и те невинны нравы,
И славу громкую, к которой я летел,
Блаженство юных лет, и первые забавы,
Тогда б, восторженный, о них я вам воспел.

Но все я потерял, отчизны удаленный…
Как счастию могу я сердцем доверять?
И что могу я петь на лире, мной забвенной,

Когда мне суждено веселия не знать?
Ах! если бы судьбой однажды благосклонной
Я мог бы счастие опять найти свое,
Когда бы я узрел блаженство в нем мое.

Тогда бы, гением всесильным вдохновенный,
Я в горния дерзнул направить свой полет,
И может быть еще глас лиры оживленный
За двери бренности к бессмертью перейдет".

Умолкнул Трубадур, и звук струны дрожащей
Еще протяжные стенанья издавал: –
Он на небо воззрел, лишь свет луны всходящей
Долины и холмы окрестны посреблял.

УТРЕННИЙ ГИМН

Воспрянь, душа моя, и восхвали Творца!
Не Он ли разделил бессмертие с тобою?
Не Он ли сам тебя, со благостью отца,
        Хранил своей рукою?

Едва оставила Природа сладкий сон,
Туманный свой покров она уже снимает;
Уже спешит заря на светлый небосклон
        И перлы рассыпает.

И вот светило дня возстало из-за гор,
И благотворный свет как океан разлился;
Среди красот весны мой удивленный взор
        Ко небесам стремился!..

Поля еще блестят сребристою росой,
Несется в воздухе цветов благоуханье,
Туман возносится над дальнею горой;
        Прервалося молчанье.

В тени густых древес пернатых громкий хор
Царя-Зиждителя вселенной воспевает;
Уже открылися вершины снежных гор;
        В лугах зефир летает.

Приветствую тебя, денницы светлый луч!
Источник радостей, – Творца благословенье!
Как юный Серафим, сияя в мраке туч,
        Несет земле спасенье;

Денница! так и ты повсюду благо льешь,
Повсюду светлыми и мирными лучами
Земле обилье, жизнь и красоту даешь,
И луг пестришь цветами.

Так! в пеньи соловья, и в шепоте древес,
И в шуме быстрых вод, в порыве грозной бури,
И в образе твоем, о красный вождь небес,
И в ясности лазури –

Я зрю везде Творца! – Он дух во мне живит;
Любовию к Нему все сердце пламенеет;
В минуты счастия душа к Нему парит, –
И глас хвалы немеет.

Душа моя! тобой пусть будет восхвален
Благий Отец благих, Господь всего творенья!
И песнь моя прейдет сквозь все ряды времен,
Как песнь благодаренья!

ПОСЛАНИЕ К Т⟨ИТОВ⟩У

Ты счастие зовешь мечтой.
Я счастлив быть мечтой желаю.
Ах! и теперь еще с тоской
О днях протекших вспоминаю.
Я жизни бедствия познал,
Летел за славою всечасно,
Искал фортуны – все напрасно!
Любил – и друга потерял!
Но светлый праздник, обольщенье
Для взоров сладкое виденье
Вновь обновляло предо мной:
Я зрел Едвина... образ милый!
Ах! сердце с ним и за могилой
Ничто не в силах разлучить;
Еще несведуш в песнопеньи...
Что мне представилось в виденьи,
Могу ли я изобразить?
В ладье на синем океане
Я быстро воды рассекал,
Зефир ветрила поддувал,
И в тонком, сумрачном тумане
Природа вся облечена,
Покоилась в объятьях сна,
А я летел по влаге бурной,
И волны вкруг ладьи моей
Мелькали сребряной струей;
На высоте небес лазурной
Смотрелся месяц в лоне вод,
И что-то тайного приход
Природе всей предвозвещало,
Но все вокруг меня дремало,

И я, предавшися мечтам,
Забыл весь свет – и мыслью там,
Где прах Едвина незабвенный,
Там, где в тени уединенной
Я дружбе жертву приносил;
Где я, от всех людей забвенный,
Один в печали слезы лил;
Но майский, легкий ветерок
Унес с собой мое мечтанье,
И струек легкое шептанье,
Влекущих быстро мой челнок,
Мое забвенье пробудили;
Над мною облака ходили
И месяц в высоте бледнел,
И звезды больше не светили,
Восток внезапно забелел,
И первый свет денницы юной,
Проникнув тьмы покров угрюмый,
Пред мной окрестность озарил.
Но спросишь ты, куда я плыл?
Не знаю; невидима сила
По океану челн носила.

И скоро удивленный взор
Увидел цепи синих гор.
Сливались с небом их вершины,
Их вечный снег не покрывал;
Земли надменны исполины...
Казалось, зефир их лобзал;
Внизу везде цвели долины,
Повсюду мирт благоухал;
В тени дубравы, водопады
Лились сребристою струей,
Шумели пышные каскады,
Все пробуждалося с зарей,
И скоро птиц запели хоры,

Впервые Феб воззрел на горы
И блеском их своим покрыл,
И тучи мощною рукою
Разнес – мгновенно пред собою
И всю природу озарил;
А я все по теченью плыл;
Меня окрестности пленяли,
Ни топот волн, ни шум ветрил
От них мой взор не отвлекали.
Нигде я пристани не зрел
И в даль туманную летел.

Летел, надеждою водимый,
Мечтая скоро видеть брег;
По влаге мой челнок носимый
То падал, то вздымался вверх;
То на поверхности носился,
То низвергался средь валов;

Во мраке Феб мгновенно скрылся,
Исчез прелестный вид брегов;
Ударил гром – и гул пустынный
Его трикраты повторил,
Едва восток сквозь завес дымный
Природы ужасы светил.
Свершилось все – и нет спасенья!
Сокрылись сладкие мечты;
Бежит волна!.. Но Провиденье,
Над мною бодрствовало ты!
Кто сей во облаке сияет,
Цветущий красотой своей,
Улыбка на устах играет,
С венцом, сплетенным из лилей,
В одежде легкой из тумана
Поверх несется океана?
Ах! то Едвин, во цвете лет

Сраженный гневною судьбою,
Тоски и слез моих предмет!
“Не я ль усердною рукою
Цветами гроб твой осыпал?
Иль небо тронулось мольбою,
И снова к жизни ты восстал?”
Но взор приветный состраданья
Мне был на все слова ответ.
“Куда ж, Едвин?” – кругом молчанье,
Я в даль смотрел, – и следа нет!
Сокрытый в утреннем тумане,
Он погрузился в океане…
А я вслед руки простирал.
Но тут прервалось сновиденье,
Мгновенно челн из глаз пропал,
Исчезло бурное волненье.
Ах! наша жизнь есть океан;
Плывущая ладья – желанье;
Скрывает будущность туман;
Несчастья в жизни – волнованья.

Пусть счастие зовут мечтой;
Я счастлив быть мечтой желаю.
Как часто с радостной душой
Я мысленно в тот мир летаю,
Где все цветет, где век златой,
Где лавры, мирт благоухают;
Где радость, счастье и покой
Ненарушимо обитают.
Нет! я счастлив мечтой своей!
Когда же нить печальных дней
Прервется паркой роковою;
Тогда, оставя прах земной,
Туда полет направлю свой,
Где мой Едвин цветет красою.

ПАУК

(*Подражание Апц-еддину Ельмокадесси*[1])

О ты, чья жизнь как тень мгновенья
Проходит в радостных пирах!
На легких, шелковых коврах.
На лоне сладкого забвенья
Ты ищешь неги и забав.
В блестящей пышности чертога.
В объятьях девы молодой
Ты позабыл свой долг святой,
Молить и вечно славить Бога.
Наутро – жребий роковой!
С лучом проснувшейся денницы
Роскошный одр заступит твой
Суровый мрак и хлад гробницы.
Ты будешь средь существ безмолвных,
Но их молчанье слов сильней!
К чему желать веселья полных
Столь быстро преходящих дней?
К чему одежды драгоценны,
Роскошны ткани и ковры
И шумной радости пиры? –
Все наслаждения мгновенны!
Блаженства чужд предел земной.
Одеждой облекись простой.
И как паук уединенный
Свой паутинит уголок, –
Трудись и ты в тиши смиренно,
Доколе жизнь – сей дар бесценный
Еще хранит суровый рок.

⟨1824–1825⟩

МОЛИТВА МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ

Отрывок из поэмы "Мореплавание" Есменарда
("Но солнце с высоты склоняет лик...")

В обширной тишине необозримых вод,
Кто сердце трепетом священным исполняет
И кроткую любовь с утешной верой льет
Под небом вечера, над влагой усыпленной,
Служитель олтаря, усердною мольбой,
Смягчает грозный рев стихии возмущенной
И грудь пловцов живит надеждою святой.
"Творец, – взывает он, – Ты манием десницы
Миры бесчисленны развесил в высоте;
Бог ветров и морей, чей взор, как луч денницы,
Смиряет Океан в безбрежной широте
И полный благостью средь бури разъяренной
Следит поверх валов за утлою ладьей!
Что наши замыслы, что ум наш дерзновенный!
Зиждитель! все, как дым, ничтожно пред Тобой!
Так, знанья бедные, и опытность, и сила,
Надменной гордости не возродили в нас.
Твоя рука средь бед всей жизни нас хранила.
Ты милость проливал; – прими хваленья глас!
Творец, даруй сынам свое благословенье!
Дай снова нам узреть брега родной земли;
И крепость, и любовь, – Твое, Отец! – внушенье! –
Ты оживи их в нас и бури отдали;
Пусть ветры грозные пред флагом цепенеют,
Узрев на нем креста изображенный вид!
Пусть шумные валы восстать на нас не смеют,
Когда руки Твоя над бездной нас хранит!"
Скончал: – и сладкий глас, утешный глас моленья

Исполнил всех к Творцу признательной хвалой.
О пламенный восторг, о светлые виденья!
Меж тем как свод небес блистает голубой,
Как пастырь скромные обеты воссылает
И тихий глас его над влагою скользит.
Как тронутый пловец чело во прах склоняет; –
Заря вечерняя на западе горит;
Смиряет Океан валов своих плесканье,
Безмолвие вокруг простерлось по волнам,
И вечера прервав священное молчанье,
Молитва понеслась Предвечного к стопам.

НА ПРИБЫТИЕ В МОСКВУ ТЕЛА В БОЗЕ ПОЧИВШЕГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

Почто престольный град в смущенье
погружен?
Что скорбь всеобщую на лицах начертало?
Все очи полны слез, в устах один лишь стон!
Не новые ль беды нам небо ниспослало?
Куда спешит, безмолвствуя, народ,
Что не гремят торжественные клики?..
О весть ужасная!.. ужель угас Великий,
Отец народа и оплот?

Кого лишилась ты, Россия?..
Кого, Москва, сретаешь днесь в слезах? –
Монарха, чьи дела благие
У всех впечатлены в сердцах.
Давно ль, в восторге упоенья,
Его хвалой встречала ты,
Ему гремели песнопенья
Нельстивой сердца правоты,
Душа и мысль за ним летели,
Как солнце Он сиял средь нас?..
Рыдайте! Александра зрели
Мы все тогда в последний раз!

Но нет, проч помысл дерзновенный!
Дух добрый жив на небесах;
Он, Ангел наш благословенный,
С такой же кротостью в очах,
К Супруге взор склоняет долу[1],

И нас Он молит о земном;
И глас Его, взнесясь Предвечного к престолу,
Приятен, внятен пред Творцом.

Коленопреклонясь, почтим днесь прах священный;
Кто, вспомнив о Царе, кто слезы не прольет!
На троне Он сиял в пример для всей Вселенной,
Друг мира, друг наук, поборник всех доброт!
Престанем сетовать!.. Престань скорбеть,
Россия!
С мольбой признательной падем у Олтаря!
Мы в Николае зрим[2] все доблести благие,
Бог дал нам мудрого и доброго Царя.

⟨*1826. Январь*⟩

ПОТЕРЯННЫЕ ПОЦЕЛУИ

(*Из Шенье*)

Я был малюткою, она ж в своей весне,
И девственной блистала красотою;
Звала меня к себе, и улыбалась мне.
Склоняясь к ней на грудь, я смелою рукою
Златые локоны прелестной развивал,
И часто взгляд ее с стыдливостью немою
Мне резвость детскую невинно упрекал.
Но гордая, она нежней меня ласкала
При взорах юношей вздыхающих вкруг ней.
О сколько раз (но грудь еще любви не знала)
Прекрасная, обняв меня рукой своей,
Устами нежными приятно целовала;
И говорили все на мой триумф глядя:
О сколько благ на ветр! счастливое дитя!

УТРЕННЯЯ ПЕСНЬ СОЛОВЬЯ

(*Из Саадиева “Гюлистана”*)

Ты знаешь ли, в тени ветвей
Что песнью вторит соловей
В час утреннеющей денницы?
Он в звуках сладостных поет:
“На холмы светлый день встает,
Пылая блеском багряницы,
Как юноша в красе младой;
Но сна волшебною мечтой
Твои окованы ресницы,
Ты спишь, о смертный, и любовь
Твоей души не согревает;
Лишь негою безумной кровь
В груди бесчувственной пылает!
Взгляни как вкруг тебя ласкает
Древесны листья ветерок,
Как развернувшийся цветок
Пьет новой жизни упоенье,
Как розы трепетной листок
Лиет Творцу благодаренье;
Исполнясь новою хвалой;
Язык прияло всё созданье;
Один ты утра в час златой
Хранишь суровое молчанье”.

НАМА[1]

Уаль нашру мискун[2]

Уст ее дыханье –
Мускус благовонный,
А ланиты – розы;
Зубы – млечны перлы,
Стан – лозы стройнее;
Бедра округленны –
Холмики песочны;
Локоны густые –
Мрак осенней ночи,
А лицо сияет
Слово полный месяц.

⟨*1826*⟩

SHE WALKS IN BEAUTY*

(*Еврейская мелодия лорда Байрона*)

Она идет, сияя красотою,
Как звездна ночь в безоблачных краях;
Чем свет и тень пленяют нас собою,
Слилося то в лице ее, в очах –
В тот тихий свет, той томностью живою,
Которых нет в блестящих дня лучах.

Придайте луч, одну лишь тень сильнее –
Волшебная затмится красота
И в локонах крыл ворона чернее,
И на лице, где каждая черта,
Весь блеск души передает живее,
Где помыслов яснеет чистота.

Величествен, спокоен лик прелестной,
Живым огнем пылает цвет ланит,
Улыбка уст, – след радости небесной, –
О бывших днях блаженства говорит.
Ее душе боренье неизвестно,
Чистейший огнь в груди ее горит.

* Она идет во всей красе (*англ.*).

ОДА ГАФИЦА[1]

(*Из книги "Даль"*[2] *его Дивана*[3])

Гюль би рухи яр хош небашед

Без красавицы младой,
Без кипящего стакана,
Прелесть розы огневой,
Блеск сребристого фонтана –
Не отрадны для души!

Без напева соловья
Скучны роз душистых ветки;
Шепот сладостный ручья
И ясминные беседки –
Не отрадны для души!

Юной пальмы гордый вид,
Кипариса волнованья,
Без тюльпановых ланит,
Где играет огнь желанья, –
Не отрадны для души!

Прелесть девы молодой,
Гибким станом взор чаруя,
Чьи уста, как сот златой!
Но уста без поцелуя –
Не отрадны для души!

Купы розовых кустов, –
Куща неги легкокрылой,
Чаша полная пиров
Вдалеке от сердцу милой –
Не отрадны для души!

Что б поэт ни создал нам,
Что бы кисть ни начертала,
Если жизнь не дышит там –
Милый образ идеала –
Не отрадно для души!

Гафиц! жребий брошен твой,
Как на шумный праздник света,
Пред веселою толпой
Вверх бросается монета –
Не отрадна для души!

⟨1826⟩

К ФАННИ

Зачем, прелестное дитя,
Ты улыбаешься так нежно?
Зачем рукою белоснежной
Меня манишь к себе шутя,
Лаская страстью безнадежной?

Лукавый взор я понял твой,
Он не родил в душе волненья;
Твой поцелуй без наслажденья
В час упоения немой,
В минуты сладкого забвенья.

Но ты, о Фанни, ты мила!
Мила невинностью прекрасной;
Природа стан твой сладострастной
Для тайной неги создала,
И все волшебнице подвластно.

Все к очарованной манит,
Все дышит свежей в ней красою;
Счастлив, кто девственной душою
Твой милый взор воспламенит
Любовью пылкой и живою.

* * *

Только сорванный лишь с ветки,
На террасе у беседки,
Я пучок увидел роз;
С ними травка обвивалась.
“Ты, спросил я, как попалась?
Кто презренную занес?”
– Не срывай меня! – сказала
Дочь стыдливая полей, –
В цвете – прелести очей,
Мне природа отказала;
Но от розы получала
Я бесценный аромат, –
Нас один взлелеял сад.

⟨1825–1826⟩

ПЛАН ВОСПИТАНИЯ

(*Из Парни*)

Забудь нескромное желанье,
Вредна ученость красоте.
Храни любезное незнанье,
Останься в милой простоте,
И ты найдешь очарованье,
Вверяясь сладостной мечте.

Мила ты в пляске сладострастной,
Божок любви тебя учил;
Как часто голос твой прекрасный,
С цевницей томною согласный,
Меня в смятенье приводил.

Презрев уставами и мненьем
Толпы коварной и слепой,
Со мною веры будь одной,
И верь в Амура, – в наслажденье
Невинной, пламенной душой,
Он всех под кров приемлет свой,
Пред ним измена – преступленье.

Неверной памяти своей
Не доверяй событий новых;
В деяньях древности суровых
Найдешь ты мало светлых дней;
Но лет златых существованье
В Назоне пламенном читай,
И нежным сердцем поверяй
Пафоса[1] древние преданья!

На карте сей, где пред тобой
Художник верною рукой
Изобразил пределы света, –
Зачем искать тебе тех стран,
Где спасся бегством Оттоман,
Знай берег милый для поэта,
Гнидос[2], Цитеру, Амафонт[3],
Темпеи мирные долины[4]
И Пинда снежные вершины,
Под небом Греции блуждай,
В стране, обильной чудесами;
Там был любви волшебный край,
Там был земной, минутный рай,
Он полн протекшего мечтами.

Вот что должно тебя занять
В часы беспечности игривой,
И миг любви нетерпеливой
И наши игры упреждать.
Зачем искать другие знанья,
Без пользы память бременить, –
Узнаешь новые желанья,
Когда узнаешь, как любить.

СМЕРТЬ КРАСАВИЦЫ

(*Из Парни*)

Она едва из детства выходила,
Стыдливою пленяя красотой,
Любовь в устах ее, во взорах говорила!
Еще один бы год, и с новою весной,
Невинная душой,
И сердцем пламенным она бы полюбила.
Но к ранней смерти рок ее определил;
Прекрасная угасла без страданья,
И смертный час ее как сон приветлив был,
Без слез на Промысл, без роптанья.
Так радость светлая очей
При грусти горестной мгновенно исчезает;
Так в тихом сумраке ветвей
Поет весенний соловей,
И сладкий глас его в дубраве умирает.

1827

ТАЙНА ПРОРОКА

Возьмите, возьмите предведенья дар,
И дивную тайну возьмите!
Смирите души истребительный жар,
Волнение дум утолите!
О, дайте мне каплю забвенья одну,
Чтоб мог я предаться отрадному сну.

Я видел, я знаю – зачем не забыл!
Мои сокрушаются силы,
В грядущем ужасном я мыслью парил,
Я тайну исторг из могилы.
Я тайну проникнул веков в глубине,
И радость с тех пор недоступна ко мне!

Сказать ли? но мир так спокоен и тих,
Все небо так чисто и ясно,
И солнце стремится, как юный жених,
В объятья природы прекрасной,
И люди привыкли так весело жить,
Зачем же мне тайной в них радость губить?

Погибни ж, зловещая, в мраке души!
О, дайте мне прежние годы,
Когда я, стад пастырь, в безвестной тиши
Светил созерцал хороводы
И, юный свидетель высоких чудес,
Был светел душою, как звезды небес!

⟨1827⟩

СОЛНЦЕ И ДОРОЖНЫЙ

(*Басня*)

Дорожный мужичек покушать захотел;
Развел огонь – и котлик закипел.
Вот солнышко пришло в недоуменье
И мужичку с досадой говорит:
"Возможно ли! Тогда, как все творенье
За каждый луч меня благодарит –
Перед тобой огонь горит!" –
Не спо́рю я со светлостию вашей, –
Сказал мужик с улыбкою в ответ,
Ваш луч живит и греет целый свет,
Да в голоде не кормит кашей.

ОТРЫВОК ИЗ ВОСТОЧНОЙ ПОВЕСТИ "ПУСТЫННИК КАНДУ"*

....
И вот уже они блуждают
Под сводами густых дерев,
Которых цвет и блеск плодов
Их взор отвсюду поражают,
И грозно им напоминают
Всегда цветущий вид садов
Очаровательной Нанданы**.
Здесь пышной зелени диваны
Земля раскинула в кустах,
Там хор пернатых на ветвях,
В волшебное сливаясь пенье,

Приветствует их появленье
В сей одинокой стороне;
Здесь гордый манго в вышине***
Своей красой обворожает,
Там померанца плод златой
На лоне зелени густой
Как бы внезапно возникает
И, мнится, издали сияет
В нем луч денницы огневой.

---

* Сия повесть есть эпизод Брама-Пураны, древнего эпического стихотворения индийцев. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

** Нандана – сад бога Индры, индийского Юпитера. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

*** Манго. Европейцы сравнивают сей плод с тающим персиком. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

Широколистные бананы
Манят здесь свежестью своей,
А там пушистые каштаны,
Чуть видные в тени ветвей.

Как Софи* в тишине ночей,
Встающий совершить моленье,
Глядит из окон заключенья;
Здесь взор прельщен красой гренад,
Плоды рубинные висят,
Волнуяся на ветви зыбкой,
Мнит зреть в их свежести живой
Уста подруги молодой
С их обольстительной улыбкой,
С их очарованной красой.

Вдали огромные раины
Глядят с высот, как исполины,
И кедров древний лес шумит,
Там пальм обильный ряд стоит,
Раскинув гордые вершины;
Под сенью их и в летний зной
Зефир прохладу навевает
И в душу радостно вливает
Веселье, бодрость и покой.

Над ними носятся толпами
Пернатые по вышине.
Все отличаются оне
И крыл различными цветами,
И разнозвучьем голосов;
В прохладной зелени кустов

---

* Софи – Мудрецы индийские, они получили свое название от слова софи (чистый) и всегда ходят в льняной одежде; главным предметом их есть созерцательная жизнь и самоотвержение. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

Они свой звук в одно сливают,
И взор и слух обворожают
Разнообразием цветов
И песнью громкой и приветной.

Вблизи сей кущи ароматной
Встречает взор по сторонам
Зеркаловидные потоки,
Над лоном вод возносит там
Лотос священноодинокий
Свой ярко-пурпуровый цвет,
Или лазурию сияет;

А здесь едва приметный след
На тихой влаге оставляет
Чета прекрасных лебедей,
Блестящих снежной белизною;
В беспечной резвости своей
Они играют над водою
Или, скрываясь в глубине,
Опять мгновенно возникают,
И с крыл серебряных стекает
Жемчужный дождь на вышине.

26 марта 1830

ЮЖНАЯ ВЕСНА

Разнообразна и пышна
Полудня светлая природа,
Когда с безоблачного свода
Нисходит южная весна.
Душистых рощей колыханье,
Колонны тополей в садах,
И в отдаленьи, на горах,
Снегов сребристое сиянье, –
И этот голубой эфир,
И тихость ночи ароматной,
И эта жизнь, и этот мир,
И воздух юга благодатный –
Все сильно трогало меня,
Питомца бурной полуночи,
Когда мне первый раз пред очи
Явилась южная весна.
Глубоким чувством вдохновенный,
То неподвижный, то живой,
Я, как младенец, упоенный
Был тих и радостен душой:
Я забывал печальный жребий мой,
И улеглось в душе моей страданье,
Так звук, знакомый с детских дней,
Так матери горячее лобзанье,
Врачует скорби жизни сей. –
Роскошен светлый юг; – но, други!
Милей мне русские снега,
И наши северные вьюги,
И стужи ясная пора.
Меня давно не занимает

Картина южной стороны:
При ней душа не вспоминает
Родимой сердцу старины.
Полудня мир, заоблачные горы,
Сей вечный блеск на своде голубом –
Не этот вид мне с детства был знаком,
Не он ласкал младенческие взоры.
Душа стремится каждый час
К снегам и бурям полуночи,
И часто горестные очи
С любовью смотрят на Кавказ.
Он мне наскучил – край чужбины!
Когда ж опять мои глаза
Увидят вас, мои пустыни,
Мои дремучие леса?

А.М.В. . . . . Й

Забыли ль вы мои страданья,
Забыли ль вы мою любовь?
Любовь, надежды, упованье –
Иль им не верите вы вновь?

Грозите ль мне вы сожаленьем
Или холодностью опять?
Вновь сердце верит заблужденьям
И не захочет вас понять.

И я на вас взглянуть не смею,
Я в сердце радость берегу.
Своим мечтам опять я верю,
Не разрушайте их, молю!

Мечты меня не обманули,
Я здесь опять у ваших ног!
В груди страдания заснули,
Их взор ваш разбудить не мог.

И я взглянуть на вас не смею,
Боюсь прочесть свой приговор,
Как прежде сердцем не владею,
То перенесть могу ль ваш взор?

Скажите, часто ль напевали
Вам про любовь, – и без меня,
Кому презреньем отвечали,
И кто сносил его, как я?

Иль чувствам начали вы верить?
И кто любить вас научил,
И кто в любви вас мог уверить,
И кто же вас, как я, любил? –

Но нет, молю, не говорите!..
Я сердца муки позабыл,
И новых мук мне не сулите,
Чтоб раз вполне я счастлив был!

Хотя на миг свиданье сладость,
Хоть вновь грозит разлуки час,
Я чувствую одну лишь радость,
Одно лишь счастье – видеть вас!

ДВЕ КАРТИНКИ ИЗ СЕВЕРНОЙ МИФОЛОГИИ

I

ИДУНА И БРАГА*

Брага

"Дай мне, Идуна, свой плод золотой,
Дряхлость бессильна да будет над мной!
Юность лиющую деву любя,
Песнью за дар сей прославлю тебя".

Идуна

"Ты ли, о Брага, ты ль молишь о том?
Дивному ль в даре нуждаться моем?
Юность вселилася в звук твоих струн;
Песнь твою слышавший вновь будет юн.

Юность покоится в арфе твоей;
Смело пыл младости льется из ней;
Сладостней песнь у певца на устах,
Прелесть стыдливая дышит в словах.

Брага, блаженнейший Азов** в толпе,
Плод свой Идуна приносит тебе;
Будет Идуна вся вечно твоей,
Если лобзание дашь только ей".

---

* *Идуна*, богиня юности. Она изображается с чашею, наполненною златыми яблоками, дающими бессмертие. *Брага*, бог красноречия и песнопений. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

** *Азы*, боги, обитающие в златых и серебряных чертогах, на небе. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

Свежестью, силою, негой отрад
Браги счастливого песни звучат;
Вдвое песнь сладостней с арфы певца,
Чувством проникнута, льется в сердца.

II

ГЕРМОД*

Кто этот всадник, дивный в лёте?
Жезл Рун в руке богатыря,
Быстрей чем облако в полете
Чрез холмы, долы и моря?
Кто он, сей витязь, жизнью полный?
Пред ним уж ад разверзся темный,
Туда ль он, птицею паря?

Под ним оседлан конь могучий,
Владыку Аз лишь носит он;
Как сокол он взлетает в тучи,
И нет в пути ему препон;
Взвевает ветер шлем пернатый, –
То Гермод – вестник Аз крылатый,
Он смертью брата удручен.

Свершишь ли смело чрез ограду,
О юный витязь, страшный скок!
Не рухнулся б, нависший к аду
Сей мост, что грозно в хлябь налег?
От сей напасти нет спасенья;
Ни смертных, ни богов моленья
Предвечный не изменят рок.

---

* *Гермод*, вестник богов, хранитель Валхаллы, греческий Гермес. (*Примеч. Ознобишина.*)

К МОЛВЕ

Резвым летом, с новым годом,
Ты пускаешься в поход,
И, летунья, мимоходом
Ловишь блестки свежих мод[1].

То, как Пери, слух лелеешь,
То, как Сильф, полна проказ,
В очи милых блондой веешь,
Иль сверкаешь, как алмаз.

Иль, под дивною ермолкой,
Как под шапкой древних лет,
По столице тихомолкой,
Ты вестей сбираешь цвет.

Ждешь у знатного в приемной;
Дремлешь в зале богача;
Иль, как тень, скользишь к уборной,
Звонкой шторою бренча.

Иль, под кровом Мельпомены,
Важно в креслах развалясь,
Свой лорнет не сводишь с сцены
И, зевая, смотришь час.

В клубе слушаешь за вистом
Про охоту, про войну;
Иль хлопочешь с журналистом,
Как приветить новизну.

Но люблю я в скромной келье
Видеть тайный твой приход…
Иль подслушать, как в веселье
Громко думает народ;

Как в восторге и радушно
За судьбу благодаря,
Он спешит толпою дружной
Видеть Батюшку Царя.

Слышать ласковые речи,
От утра и до утра
Ждать, искать повсюду встречи
Возрожденного Петра!

Н.М. ЯЗЫКОВУ

В былые дни, поклонник Феба,
Я пламенно молил у неба,
Чтобы в моей груди младой
Не угасал огнь думы сладкой,
Чтоб муза рифмою живой
Шептала мне свой стих украдкой;
Тогда в рассвете бытия
Мечтой вся жизнь цвела моя.

Блаженны были те мгновенья,
Мир светских снов и упоенья
Нежданных и завидных встреч!
Все, все прошло волною шумной –
И сердца пыл, увы, безумный,
И вдохновительная речь,
И то, чем дух ласкался юный,
Чем жили, трепетались струны!..

Теперь, как странник, на дорогу
Глядя́, твержу я: "Слава Богу!
Мой дальний путь пройден, за мной…"
Но дум исчезнул рой крылатый,
Холодный опыт, мой вожатый,
Меня уводит в мир иной,
Там циркуль взяв для измеренья,
Стопою ценит вдохновенья!..

Но ты, Языков, пробудил
Тот огнь, что я в груди таил;
На вызов твой красноречивый,
Поэт, кому в святой тиши

Знакомы радости души,
Восторгов дивные порывы, –
На вызов твой я ожил вновь
Петь юность, дружбу и любовь.

Прими ж, певец мой благодатный,
Стих дружбы нелицеприятный!
Да посетит твой мирный кров
Здоровье – спутник вдохновенья!
Дай вновь нам слышать песнопенья,
Восторг, разгул и шум пиров,
И кверху поднятые чаши,
Вино – былые годы наши!

Ноябрь 1834

МОЛВА

У резвушки-вестовщицы
Крылья радугой горят,
С яркой былью небылицы
Все сбирают наподхват:
В клуб кого ль жена загонит,
Глупость кто ль подчас проронит,
Иль прокинет остроту –
Все насмешница догонит
И оттиснет налету.

Разноцветною каймою
Шарлатана обовьет
И паяцем с мишурою
Прямо выпустит в народ;
Иль, прикинясь тихомолком,
Словно в сказке, серым волком,
На журналы налетит,
Припугнет их здравым толком
И сатирой освистит.

От насмешки нет спасенья!
Где летунье заперт вход?
Всюду, легче сновиденья,
Как иголка проскользнет.
Бьет с старушками баклуши,
Женихов считая души,
И нередко из проказ
У иных Баронов уши
Выставляет напоказ[1].

Иль, ловить соскучась вести,
К красной девице летит,
С пылом страсти, чуждой лести,
Про любовь ей говорит.
Жизнь, как пояс, развивает,
Слезы в жемчуг выливает,
Нежит роскошью похвал –
С тайной грустию про бал.

То на град первопрестольный,
Взор задумчивый вперя, –
Там, где Кремль многоглагольный
Блещет лихостью Царя,
Где, венчан крестом Владыки,
К небу взнес Иван Великий
С дивной хартией[2] главу, –
Внемлет лет минувших клики,
Величающих Москву.

О, скажи, Молва, нам боле
Русских славу, их дела!
Чьи Орлы отважней в поле?
Чья вернее грудь была?
За Царя, за край отчизны
Не щадим в боях мы жизни,
Не один нас помнит Лях!
Кремль наш чист от укоризны,
Наша Русь – в его стенах!

* * *

В тот день, когда в стенах Варшавы
На площади был стон и плач –
Когда и рук и ног суставы
Остапа разбивал палач,
И пытку Запорожец смело,
Как бы не чувствуя, сносил,
Лилася кровь, терзалось тело,
Но вопля он не уронил;

Когда паны на казнь взирали
С балконов, с смехом ус крутя,
Бледнея панны закрывали
Платком лицо; когда хрустя
Дробились мученика кости…
С трудом солдат сплоченный ряд
Толпу держал – где полный злости
Сверкал коварством ксендзов взгляд…

Замешанный в толпе народной
Один старик, склонив чело,
Был зритель пытки нехолодной –
В нем болью страшной сердце жгло,
Следил он каждый взмах обуха,
Не слыша крика, весь дрожал,
И, полн восторженного духа:
"Добрѐ сынку", – лишь повторял.

СЕРГИЕВСКИЕ ВОДЫ[1]

(*Отрывок из путешествия*)

Wir sehen unser Bild gern in des
Dichter's Träumen.
*Körner**

Клубясь, сгорая и журча
Между каменьев и плитою,
Четыре горные ключа
Кипят студеною водою;
То, влившись в тесный водоем,
Горят подвижным серебром,
Играют зеркальною влагой,
То вдруг с порывистой отвагой
Скользят, дробятся и бегут,
По желобам переливаясь,
Иль в шумных искрах долу бьют,
В зеленом озере теряясь.

Здесь летний день едва взойдет,
Лишь темя гор озолотится,
И тонкой дымкой задымится
Туман над озером, – у вод
Толпа веселая теснится.
Целебной влагой из стакана
Все ищут жажду утолить;
Иной не хочет вовсе пить,
И ходя дремлет, вставший рано;
Но говорят: здоровым быть

* Мы охотно смотрим на себя мечтами поэта. *Кёрнер* (*нем.*).

Пить надо – и назло рассудку,
Назло и вкусу и желудку,
Спешит он кружку осушить.
Другой, приехав издалече,
От стужи пожимая плечи,
С стаканом бродит вдоль и взад,
Вдыхая серный аромат,
Крутя усы, клянет путь дальный,
На степь бросая взгляд печальный,
И, вспоминая про Неву,
Мечтает балом наяву.
Иной, Москвы присяжный житель
И вод столичных посетитель,
Судьбой закинутый сюда,
Вслух мыслит: "Стоило ж труда
В глуши забиться оренбургской!
Котлами воду нагревать,
В избе au jour* без печи русской
Не жизнью жить, а прозябать!
И для чего ж? когда в столице,
Скажи лишь слово, – под рукой
В мгновенье кружка заребрится
Пирмантской, Ахенской водой[2],
Кипучий Шпрудель заиграет..."
А между тем наш критик злой
В родник с досадой опускает
Стакан на палочке кривой,
И пьет усердно и не мало,
Чтоб быть здоровым как бывало.
. . . .

Но в семь часов поутру воды
Блистают яркой пестротой,
Ища здоровья, иль для моды

* Целыми днями (*фр.*).

Сюда спешит красавиц рой.
Звенят хрустальные стаканы,
В целебный ток опущены.
Речами речи сменены;
Как разноцветные тюльпаны
Их зонтики распущены.
Под ними, свежестью пленяя,
Здоровьем блещет нежный лик,
И, мнится, бьет свежей родник,
Прелестных облик отражая,
Роскошно уловляя взгляд
К нему склонившихся Наяд.

Но не одни красы живые
Здесь встретит любопытный взор!
Он встретит у подошвы гор
И очи влажно-голубые,
И бледность страстную ланит;
Ту бледность милую Харит,
Которую воспел нескромно
В стихах прелестных Лафонтен[3],
Которая так дышит томно,
И сердце силой безусловной
Невольно увлекает в плен.
Ту, словом, бледность не больную,
Но знак избытка чувств души,
Когда в ней тлится жар в тиши –
Немая жажда к поцелую.
. . . .

ПИСЬМО АДЕЛАИДЫ N... К ЛИДИИ В.

Одесса 1839

1

Беру перо… на ваши строки
Что вам скажу? С чего начать!
На ваши нежные упреки
Что в оправданье написать!
Наш город шумен… здесь одна я
Живу безрадостно, страдая;
Так видно свыше суждено!..
Минуту длилось упоенье!
Как было горько пробужденье!
Как вкруг все пусто и темно!

2

Но ваши строки воскресили
Воспоминаний целый ряд!..
Вы мне о нем заговорили,
О нем, в ком жизнь, мой рай, мой ад!
Впервые здесь мне это слово
Душе так прозвучало ново…
Кавказа скалы, темный грот!
Ключи и снежные вершины,
Тропинки, пышные раины;
Всё вновь в душе моей живет!

3

Живет! и вашему участью,
Вверяюсь дружбе вашей я!
Вы не знакомы с этой страстью;

Вам странной будет речь моя.
Удел для вас другой назначен:
Ваш светел путь, мой жребий мрачен!
Вас нитью легкою любовь
Связала склонностью взаимной;
А мой удел, как факел дымный
Лишь тлеть, не загораясь вновь.

4

Я вам описывать не стану
Моих страданий, слез, молитв,
Моей тоски сердечной рану,
Моей души тяжелых битв.
О сколько раз, в слезах рыдая,
Перед иконой упадая,
Молилась я в тиши ночей
Смирить мятежных чувств волненье,
Дать силу вынесть искушенье…
Но рок суровый был сильней.

5

Он был так молод… Вечер юга,
Едва я встретилася с ним,
Уж сердце в нем узнало друга
И втайне назвало своим.
Он был так ловок, в вихре бала,
Когда я вместе с ним летала,
Склоняясь в вальсе на плечо,
Как робко мне сжимал он руку,
Как слов его я свыклась к звуку,
Как полюбила горячо!

6

Я полюбила… Бог свидетель!
Мне эта страсть была чужда,

Мой муж, мой друг и благодетель
На сердце был моем всегда.
Увы! с очей повязка спала!
Впервые я тогда узнала,
Что значит долг, как он тяжел!
Какую степень и различье
Кладут лета, кладет приличье
И долга жалкий произвол!..

7

Томясь бесплодными мечтами,
От всех я стала убегать;
Тогда мы встретилися с вами,
Вам трудно было разгадать
Мою печаль, уныньe, слезы!
Вы жизни знали только розы,
А я по терниям их шла…
Меня все громко осуждали.
Одне о мне вы сострадали,
В одних вас друга я нашла.

О! помните ль вы эту гору –
Машук, увенчанный крестом;
Когда, в полуденную пору,
На злачный верх ее, пешком
Мы шли. В тумане солнце было,
И только изредка златило
Хозрева памятник один:
Мы шли, путь краткий выбирая,
Пред нами, серебром сверкая,
Эльбрус вставал, как исполин.

Бештау с острыми скалами,
Подняв чело над цепью гор,
Дымился, обвит облаками,
И в небе утопал наш взор.

Там было тихо; ветер бурный
Не смел дохнуть на свод лазурный
И Пятигорск у наших ног
Лежал младенцем в колыбели...
Туда мечты мои летели
Души, исполненной тревог.
Как жизнь тогда мне улыбалась!
И что теперь ее бедней.

Там был он, там! Нет, Север хладный
Недаром слал его на Юг!
Свежей, чем в степи ключ отрадный,
Был зноя пылче юный друг.
Звездой полярной пышны ночи!
Но что сей блеск, как в ясны очи,
В бездонный блеск его очей
Гляделась я, в любви терялась,
О как мне жизнь тогда казалась
Всего ничтожней и бедней!

Да! он был мой! его лобзанья
В устах, в душе моей горят,
Он мой был! Боже упованья!
Что говорю!.. Пускай разят
Меня небес правдивых кары!
Преступная, приму удары
Я все безропотно... увы!
Как тяжки мне минуты эти!
Я все забыла! дети! дети!
Где, где в то время были вы!

Все кончено! И страх и трепет
Невольно сердце леденит!
И детский плач и детский лепет
Теперь мне душу тяготит!
Все кончено, Но, ради Бога,
Меня не осуждайте строго.

Не я, нет! рок меня увлек!
Так лист от ветки отделенный
На волны вихрем занесенный
Влечет насильственно поток.

Не долго заблужденье длилось!
Я вспомнила и долг и честь.
О, лучше сердце бы разбилось,
Чем эту казнь в нем вечно несть.
Я недостойна дружбы вашей!
Не отвергайте. Полной чашей
И без того я горе пью.
Не дружбы, искры состраданья
Я жду от вас, как подаянья,
На долю грустную мою.

Когда у шумного Нарзана
Мы вместе встретились опять,
Уж я вкусила яд обмана,
Я вновь была жена и мать.
Нет! Я уж не роняла слезы;
Судьбы суровые угрозы
На сердце каплями их жгли.
Холодную, людские толки,
Их шепот, их намеки колки
Уже тревожить не могли!

Что мог мне дать сей свет коварный!
Что мог он у меня отнять!
Он был вдали, неблагодарный,
Кому я все могла отдать.
Но вновь, как мрамор, быть бездушной!..
Мне в Кисловодске было душно!
Бежать мечтала я сто раз…
Мы далеко теперь оттоле;
Но мысль сковать не в нашей воле,
И день и ночь в уме Кавказ.

Как часто я, на взморье стоя
С детьми, вечернею порой,
Смотрю с тоской, как море, воя,
Бьет в скалы шумною волной.
Смотрю и думою глубокой
Лечу невольно в край далекой
Во след ветрилам кораблей.
Где неба край, где море шире…
О не забудьте ту, кто в мире
Теперь одна. Простите ей!..

Она писала. Слезы градом
Катились из ее очей,
Убитая, главой своей
На грудь склонилась. Слез нет боле,
Покорная суровой доле.
Но бледно – милое чело,
Но сложенные накрест руки,
Явили след тяжелой муки,
И грудь вздымалась тяжело.

Окрест все было молчаливо;
И вот, очнувшись, как от сна,
Письмо рукою торопливой
Свернув печатает она.
Уж утро луч сквозь занавесы
Пробил. По улицам Одессы
Шумя волнуется народ.
Блестит в заре рассветной море
И солнце, вспыхнув на просторе,
По небу весело плывет.

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Слышен голос Ярославны –
На заре кукушки стон,
Грустно, жалобно несется
Со стены Путивля он:

По волнам Дуная тихим
Я кукушкой полечу,
Я бобровый мой рукавчик
Во Каяле обмочу.
Князю милому на сердце
Припаду с моей тоской.
Освежу, обмою раны,
Раны крови дорогой!

Там Княгиня Ярославна
На стене на городской,
Горемычною кукушкой
Стонет утренней зарей.

Ветер шумный, ветер буйный,
Все напротив ты встаешь!
Для чего на легких крыльях
Стрелы ханские несешь?
Иль тебе уж мало веять
В облаках, поверх земли;
Мало в море синем реять
И баюкать ладии?

Для чего ж мое веселье,
Буйный ветр, ты загубил,
В чистом поле, по ковылю
Серебристому разбил.

Так Княгиня Ярославна
На стене на городской
Горемычною кукушкой,
Стонет утренней зарей!

Днепр широкий, Днепр мой славный,
Ты пробил себе простор
До земли до Половецкой
В каменистых ребрах гор.
Вплоть до войска Кобякова
Волны быстрые твои
К битве грозной Святослава
Досылает ладии.
Принеси ко мне ты князя,
Друга милого скорей,
Чтобы в море не роняла
Слез я в горести моей!

Так Княгиня Ярославна
На стене на городской
Горемычною кукушкой
Стонет утренней зарей.

Солнце ясное, златое,
Всем тепло ты, свет даешь!
Для чего ж лишь войско друга
Средь безводной степи сжешь?
Мучишь жаждой в чистом поле.
Тетивы спалил их зной
И тяжел колчан с стрелами,
Раскалившись за спиной?

ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

1

Как часто в беседе друзей я скучаю,
С раздумьем сижу в уголке,
Их шуткам, их смеху с презреньем внимаю
И рад своей странной тоске.
Как часто, внимая их песням разгульным,
Один я печально молчу:
Как часто, внимая словам богохульным,
В слезах я молиться хочу.

2

Все тихо: будто бы в каком-то усыпленьи,
Опершись на окно, безмолвно я сижу,
Волнуем думою, от шума в удаленьи,
Я с удивлением на красный мир гляжу.

Все в нем устроено так дивно, так искусно,
Пред мной в своей красе открыт он далеко;
Посмотришь на людей: невольно станет грустно;
Посмотришь на него, так на душе легко.

3

(*Из Гейне*)

Как часто и странен и слеп этот свет,
Как часто в сужденьях не прав!
Он мог говорить, что у милой моей
И злой и причудливый нрав.

Как часто и странен и слеп этот свет,
Ее он не может понять:
А он и не знает, как жарко порой
Ее поцелуи горят.

4

(*Из Гейне*)

Еще твои щечки румянит
Палящее, знойное лето,
И сердце младое твое
Еще от зимы не согрето.

Но все переменится скоро.
И так непонятно, и вдруг,
Вдруг будет зима на ланитах,
А лето на сердце, мой друг.

5

Кто любит, кто любит и бурно и страстно,
Тот долго не может любить;
Он бурно полюбит и скоро полюбит,
Но скоро и может любить.

Любовь для него, как ребенку игрушка,
Он ею утешен на миг,
Потом с нею скучно, и он ее кинет
И просит с слезами других.

Но я не таков, – я не бурною страстью,
А тихой любовью люблю.
За то уверяю, надолго, надолго
Я в сердце любовь затаю.

6

Мне снилося, будто бы юную деву
Я с пылкою страстью любил,
И часто вокруг ее тихого дома
Я целые ночи бродил.

Мне снилося, будто в объятиях милой
Я с сладким томленьем лежал,

И белые перси и черные кудри
С восторгом к устам прижимал.

Мне снилося, будто навек мы расстались,
И мрачный нас гроб разлучил;
И долго стоял я над новой могилой,
И горькие слезы я лил.
Мне снилося, будто мы встретились снова
В какой-то безвестной стране,
Где все так чудесно, где нет расставанья,
И билося сердце так сладко во мне.

7

О! пой певец! пусть голос твой звучит!
Мне грустно и теперь: я жажду вдохновенья;
Пусть сладость нежного святого песнопенья
Хотя на миг мне сердце облегчит.

О! пой певец.

О! пой певец! пусть песнь твоя святая
Блаженство тихое на грудь мою прольет,
Пусть голос твой тоской мне сердце разорвет,
Чтобы я слезы лил, твоим струнам внимая.

О! пой, певец!

О! пой певец про родину святую
И песнь твоя чуть внятно пусть звучит, –
Пусть голос твой мне тихо говорит
Про жизнь счастливую, про жизнь мою былую.

О! пой певец!

О! пой певец про деву молодую
И песнь твоя пусть страстию дрожит;
Пусть грустно мне она изобразит
Ее любовь и сладость поцелуя.

О! пой певец!

8

Меня вы зовете безумным,
И я вам поверить готов:
Мне снится так много, так много
Ужасных мучительных снов.

Я, вставши, хожу как безумный,
И много уж я тосковал,
И это случается часто
С тех пор, как я вас увидал.

9

Морозно, и вьюга, и ветер гуляет,
Как будто в раздолье степей.
На улицах темно, лишь кой-где мелькает
Свет тусклый ночных фонарей.

Но я не боюся ни сумрака ночи,
И буря ничто для меня:
Мне светят средь мрака прелестные очи,
И греют лобзанья ея.

10

ПЕРВАЯ ПОТЕРЯ

(*Из Гёте*)

Ах! кто отдаст весны моей
Спокойную, невинную любовь?
Кто возвратит мне счастье прежних дней,
Кто мне отдаст златое время вновь?

И грусть опять живет в груди моей,
И жалобу я высказать готов.
Нет радости и плачу я об ней:
Кто ж возвратит мне счастье прежних дней
И прежнюю невинную любовь?

ЖЕНА ВИЛЬЯМА

(*Народная шотландская песня*)

Вильям чрез море синее
За милой девой плыл:
Ее за светло-русые
Он кудри полюбил.
За кудри светло-русые,
Лазурь ее очей...
В свой дом привез красавицу,
Но дома гибель ей.

Томится, сохнет бедная,
Страдает ночь и день;
Над ней, прикован грустию,
Вильям стоит, как тень.
И вот идет он к матери,
Идет к колдунье злой,
И говорит ей: "Матушка,
Тронись моей мольбой!

Тебе бокал серебряный
Дарит жена. Смотри,
Тяжел он; позолотою,
Как жар, горит внутри.
Он твой. Младенца милого,
Жену мою спаси;
А если мало этого,
Что хочешь попроси!"

– Нет! ей младенца-первенца
К груди не прижимать!
Не вспыхнут щеки бледные:
Жене твоей не встать!

Умрет она, постылая!
Негодную кляну!
Другую, лучше этой, ты
Найдешь себе жену. –

“Другая, краше во сто раз,
Не будет мне милей!
К венцу не поведу ее,
Не назову моей”.
И горько, горько плакал он,
И горько он рыдал:
“Зачем на свет родился я?” –
Всечасно повторял.

“Пойди, мой милый, к матери,
Пойди к колдунье злой;
Скажи, что ей коня я дам,
Как ночь он вороной.
Его копыты спереди
Подкованы сребром,
А сзади чистым золотом
Сверкают под гвоздем.

По гриве, в косы завитой,
Бубенчики звенят,
Из серебра, на шелковых
Шнурках они висят.
Отдам ей все – пусть сжалится
Над бедной надо мной.
Спроси: что ей мы сделали,
Я и младенец мой?”

– Нет! ей младенца-первенца
К груди не прижимать!
Не вспыхнут щеки бледные:
Жене твоей не встать!

Умрет она, постылая!
Негодную кляну!
Другую, лучше этой, ты
Найдешь себе жену! –

“Другая, краше во сто раз,
Не будет мне милей!
К венцу не поведу ее,
Не назову моей!”
И горько, горько плакал он,
И тяжко он грустил;
При взгляде на страдалицу
О смерти он молил.

“Вернись, вернися к матушке,
Вернись к колдунье злой!
Скажи, что дам ей пояс я;
Мой пояс золотой;
Тот пояс весь серебряной
Отделан бахромой;
По ней звонки навешаны
Работы дорогой.

Звонки сребра чеканного,
Их счетом пятьдесят,
И – пояс тот наденет кто –
Как музыка звенят.
Скажи: звонков сто лишних дам!
Ничто мне их цена!
Младенца только милого
Пускай спасет она!”

– Нет! ей младенца-первенца
К груди не прижимать!
Не вспыхнут щеки бледные:
В них жизни не играть!

Умрет она, постылая!
Негодную кляну!
Другую, лучше этой, ты
Найдешь себе жену! –

“Другая, краше во сто раз,
Не будет мне милей!
Она – алмаз бесценный мой!
Другой не быть моей!”
И грустный, он без слез рыдал;
Тоска в нем душу жгла;
В отчаяньи он смерть лишь звал;
Но смерть к нему не шла.

Тоской его глубокою
Был тронут добрый дух.
И шепчет: “Не тужи, Вильям!
Купи вощины круг:
Слепи из воска этого
Ребенка поскорей,
И вставь ему два стеклышка
На место двух очей.

К крестинам злую мать зови;
Но осторожен будь!
И взгляд ее, и речь лови;
Что молвит – не забудь!”
Дитя слепил из воска он,
К крестинам мать позвал, –
И вот что от колдуньи он
Проклятой услыхал:

– Кто семь узлов в златых кудрях
Родительницы расплел?
Кто гребни снял тяжелые
И с ними скорбь отвел?

Кто жимолость душистую
Откинул со стены,
Где я ее развесила
По самый верх сосны?

Кто, кто козленка дикого,
Что под кроватью был,
Где спала эта женщина,
Проворно так убил?
Кто снял башмак родильницы,
С ноги кто с левой снял,
Чтобы младенец весело
Свет Божий увидал? –

Вильям узлы волшебные
Расплел в златых кудрях;
И гребни снял тяжелые,
Что крылись в волосах;
Он жимолость душистую
С стены высокой снял;
Поймал козленка в горнице
И дикого заклал.

Он тихо ножку левую
Красавицы разул –
И жизнь вдруг в щечках вспыхнула,
Как будто б кто вдохнул;
Зажглися очи ясные,
Вздох перси взолновал...
В объятьях юной матери
Младенец почивал.

⟨1842⟩

УПОВАНЬЕ

О как бы я охотно,
Скорбя душой и сир,
От жизни сей заботной
В другой сошел бы мир!
Сердечную тревогу,
Все думы бы сложил,
И так мою бы к Богу
Молитву сотворил:

«Дух света, благодатный,
Вращающий миры!
Несу к тебе обратно
Я все твои дары:
Вот разум, – с жизнью в споре,
В сомненьях он блуждал!
Вот сердце, – только горе
Я чувством испытал.

Дар воли, – безрассудно
Страстям я дань платил!..
Надежды, – блеск их чудный
На миг лишь мне польстил.
Желания, – беспечный,
Был ими я влечен...
Дары Твои, предвечный,
Прими!.. я утомлен!

Небес святая благость
Мне щедро всё дала:
Мне улыбалась радость,
Мне молодость цвела.

Восторгов дивной силой
Я мир весь обнимал!
Любил!.. цветок мой милый
Безвременно увял!

В часы предсмертной муки,
В немеющих устах,
Я зрел, как гасли звуки,
Последний блеск в очах!
Исчезло всё!.. но ропот
Мне в душу не проник!
Мольбы хвалебный шепот
Мне лепетал язык!

И день и ночь тоскуя,
Моя изныла грудь!..
Тяжелый крест несу я...
О! дай мне отдохнуть!
Одно к тебе моленье,
Всевышний, возношу:
Пошли мне в дар забвенье, –
Иного не прошу!..

Души бессмертной горе
Ничто не исцелит!..
Но верой полн я: вскоре
Твой Ангел низлетит,
Неслышными стопами
К страдальцу подойдет,
И, полные слезами,
Глаза мои сомкнет;

И скажет среброкрылый,
С участьем взор склоня:
"Не плачь! Всё то, что было,
Был сон земного дня!

В обители изгнанья
Он слезы зрел твои!..
Есть горю воздаянья!
Есть вечный мир любви!”»

1847. С.-Петербург

21 ИЮНЯ

Дрожит, дымится пароход,
Знак подан в дальний путь!
Кипит сребром равнина вод,
Кипит тоскою грудь!

О чем грущу невольно я?
Ужель пугает даль?
Отчизна милая моя,
Тебя покинуть жаль!

Гляжу, как тонет берег твой
В лазуревых волнах,
Гляжу, поникши головой,
С слезами на очах...

Зачем, ребенок милый мой,
Так жмешься ты ко мне?
Иль сердце просится домой –
К родимой стороне?

Но там никто тебя не ждет
Из дальнего пути,
Никто, рыдая, не прижмет
К трепещущей груди!

Была б она!..[1] Она б ждала!..
Родной давно уж нет!..
В могилу хладную легла,
Легла во цвете лет!

Нет, крепче жмись к моей груди, –
Родная в ней живет!

Прости, о родина, прости!
Лети, мой пароход!

Неси меня скорее вдаль
Чужбины к берегам!
Мою глубокую печаль
Сложу, быть может, там!

1847

"ДОЖДИК СИЛЬНЫЙ ВСЮ НОЧЬ..."

Крейценах[1]
весь в горах;
Ночь и днем
Там ручьем
Дождик в нем.

Мы сидим
И глядим
Взаперти
Дома все:
Как идти,
Как ползти
По шоссе?

15/27 июля 1847

К МАРИИ

Не спрашивай меня, Мария,
Зачем я здесь, отколе я? –
Моя отчизна снеговая –
России дальние края!

Не спрашивай! Мне вспомнить больно;
Печален будет мой рассказ;
Слеза в очах твоих, невольно,
Дитя мое, блеснет не раз!

Нет, пусть твои смеются очи!
О, дай мне наглядеться в них,
Как в блеск луны лазурной ночи
Прирейнских берегов твоих!

Твой детский смех, невинный лепет
Напомянул так много мне!..
Проникнул в грудь невольный трепет
К застывшей сердца глубине!..

Не спрашивай меня, Мария,
Зачем я здесь, отколе я?
Дай мне задуматься впервые
С тобой, красавица моя!

Пробьет он скоро, час разлуки,
И море вновь разделит нас!
Но сохраню твои я звуки
И блеск твоих веселых глаз...

Я вспомню. Рейн зеленоволный
У виноградников сверкал,
Ложился вечер благовонный
Во глубь горящих солнцем скал;

Вдали грядой синелись горы,
В ладье мы плыли – и волна
Вокруг плескалась; наши взоры
Пленяла дивная страна.

Ты пела, – меж утесов рея
Звучала песнь и голос твой.
И мне казалось – Лорелея
Сидела милая со мной:

Но взгляд прелестной чаровницы
Участьем кротким полон был;
Но сквозь опущенны ресницы
Он так задумчиво светил;

Но так рука твоя дрожала,
Моею сжатая рукой;
Но грудь так сильно трепетала
И голос прерывался твой!..

Ловил я жадно эти звуки,
Тобой любуясь, чуть дыша...
Ужель предчувствие разлуки
Твоя уж слышала душа!..

Но эта грусть пройдет так скоро!
И, в полном блеске красоты,
Дитя прелестное, как Лора,
Меня вдали забудешь ты!

Бинген. Август 1847

* * *

Когда в тоске, бледнея, в сон глубокий
Торжественно вдруг погрузилась ты,
Задумчив мир вперял с слезами око
На спящую во блеске красоты.
Он мнил, что смерть рукой своей жестокой
Оледенит прелестные черты,
И для тебя, как бедной жертве рока,
Могильные готовил он цветы...
Но ты жива! В ланитах дышут розы!
О милая! ты негой дышишь вновь,
В твоих очах восторженные слезы,
В твоих устах свобода и любовь!

⟨1847⟩

ЗВЕЗДЫ

На небе звезды ясные,
Недвижные горят.
И целые столетия
Друг на друга глядят.

Их очи полны страстию,
Восторгом речь полна;
Но для мирских филологов
Беседа их темна.

Я понял речи дивные,
Таинственный язык,
Глядя на очи милые,
Глядя на милый лик.

Июль 1847

ЛУНА

Все улеглось и спит давно;
Одна луна в мое окно
Глядит, блуждая в вышине,
И будто просится ко мне;
Волшебный луч, дробясь, скользит
И в тайне сердцу говорит:

“Я зрела мирный уголок;
Где жил ты... тих и одинок,
Старинный дом твой пуст стоит,
Веселый говор в нем забыт...
Пестреет сад от георгин,
Но бродит ветер в нем один,
И лишь уныло в водоем
Фонтан журчит и ночь и днем.
О как душе тяжел сей звук!..
В забытых комнатах паук
Ткет нить свою!.. И в той стране
Пустынной, страшно стало мне!..

И вот бледна, как ранний день,
Мелькнула в зале чья-то тень,
В одежде белой, как туман,
С балкона сходит... на фонтан
Глядит печально; юный лик
Задумчиво к земле поник;
Вот села близ него она.
В немую скорбь погружена,
Как будто в грусти что-то ждет,
Как бы следя паденье вод,
Как бы беседуя с струей...

Я озарила лик младой,
Я слезы видела на нем,
Сверкали ярким серебром...
Сей образ дивной красоты,
Но полный грусти и мечты,
И томный взгляд, блеснувший вдаль...
Мне так прекрасной стало жаль,
Что я, как ни была светла,
Заплакав, в облако ушла".

Не верю я тебе, Луна!
Ее не зрела ты!.. Она
Спокойно спит в земле сырой,
Зарыта чуждой мне рукой...
Об ней я пролил много слез!..
О! я бы жизнь мою принес
Ей в дар, когда б мог сон прервать,
Когда б ей мог "люблю" сказать,
Хоть раз в уста поцеловать!

Август 1847. Крейцнах

СОСНА

(*Из Гейне*)

На севере хладном, на голом утесе
    Стоит одиноко сосна,
Под льдяной корою, покрытая снегом,
    И дремлет под вьюгу она.

И снится ей: пальма младая востока
    Грустит в отдаленной земле,
Грустит молчаливо, стоит одинока
    На знойной, пустынной скале.

* * *

Я был в Шильоне[1]. Он стоит
В углу Лемана. Грустный вид!
Как бы с скалы скала растет,
По черным стенам плющ ползет
Гирляндой яркой вкруг бойниц.
С зубчатых башен ярко шпиц
Горит без знамени. Давно
Войны вкруг нет. Лишь ветр в окно
Разбитое шумит порой
Да вторит эхо шум глухой
Иль ночью, вставши, бурный вал
Кипит серебряный у скал,
Холодной пеной бьет в гранит
И будто с вздохом прочь бежит.
. . . .
Есть в подземельи семь колонн
И тысячи на них имен
Стран отдаленных пришлецов
Словами разных языков
Начерчены. Уж многих нет
Давно в живых. Погиб и след,
И только суетность одна
Осталась на столбах видна,
В немом архиве этих скал
Нет букв бессмертных. Я искал
И долго с думой и тоской
На них глядел, передо мной
Певец, прославивший Шильон[2],
Стоит в задумчивость склонен,
И с Бониваровой[3] судьбой

Равнял печальный жребий свой,
Живую скорбь своей души,
Свободно-чистую в тиши
Без мрачных сводов и теней,
Но в мире чуждую людей.

ВЕНЕЦИЯ

(*Ночь 1848 года*)

Спят Венеции лагуны;
Моря гладь в звездах горит;
Но молчат гитары струны,
И балкон синьоры юной
Не растворенный стоит.
Не разносит благовонный
Ветерок с прохладой сонной
Смех беспечный на брегах,
Плеск знакомый весл согласных,
В поцелуях сладострастных
Звуки прерванных октав!

А давно ль еще гондолы
С звонким пеньем баркаролы
В бег неслись, стрелой летя,
И в извилинах канала
Жизнь кипела, мысль сверкала,
И смеяся исчезала
В маске бархатной дитя.

Спят Венеции лагуны;
Вкруг на взморьи тишина,
Пробудят ли снова струны
От томительного сна?

Дышит нега ночи жаркой!
Опустела площадь Марка[1]
Как в палящий полдня зной.
Нет огней, не слышны клики;

Бледный месяц базилики[2]
Фриз целует кружевной.
И на бреге Пиацетты[3]
Гондольер легко одетый
Ждет напрасно, думы полн,
Чтоб по мраморной ступени
Проскользнула легче тени
Прелесть-ножка – в час видений
Подышать прохладой волн.

Спят Венеции лагуны;
Вкруг на взморьи тишина,
Чу, звенят живые струны,
Пробудилася она.

ВЕЩИЙ СОН

В дни юности пылкой, ночною порой,
Волшебных видений слетал ко мне рой;

Но помню один я таинственный сон,
Чудесный и светлый, – пророческий он.

Три образа милых явилися мне:
Воздушные сестры – все прелесть оне!

Вот к сонному робко одна подошла
И мне поцелуем всю душу сожгла;

Задумчив и грустен был взгляд у другой,
Как гаснущий вечер над тихой рекой;

Но плакала третья, как месяц бледна;
Златое колечко дала мне она.

Сбылося!.. Умчалась с годами любовь,
Лишь память о прошлом волнует мне кровь.

Храню, как святыню, златое кольцо,
И слезы невольно скользят на лицо.

ВАРЛАМОВ[1]

Много звуков, много песен
Наш Варламов нам дарил;
Мир поэта был чудесен,
В нем мечтой он светлой жил.

Грудь невольно трепетала,
Голос слушая родной...
Что ж цевница замолчала?
Где ж певец наш дорогой?

Он угас – избранник неба –
Под ярмом земных забот.
Он угас! Семья без хлеба
Над могилой слезы льет...

. . . .
Был тяжел, певец, твой рок.
Звучным песням в воздаянье
Брошен скудный лишь венок.

Но когда под звук рояля
Глас красавицы младой,
Полный думы и печали
Нам романс напомнит твой,

Грудь поднимется высоко,
Заблестит слезою взор,
Будет внятен всем глубокий
Замогильный твой укор!

⟨1848⟩

ПЕВЕЦ

Под лазурной далью
Песня звучно льется,
Неземной печалью
Сердце в груди бьется.
Нет! восторг и радость
У певца младого:
Жизни пьет он сладость,
Полюбил он снова!

Полюбил он страстный
Душеньки-девицы
Взгляд, как небо ясный,
Длинные ресницы;
Плеч атласных мрамор,
Снег роскошной шеи,
Там, как стройный явор,
Ножку милой феи.

Он поет так сладко
Про любовь и очи;
Поцелуй, украдкой
Данный в мраке ночи;
Как, смеясь, горели
Губки огневые;
Как слезою млели
Очи голубые;

Как на них глядели
Звезды золотые!

НИКОЛАЕВСКИЙ МОСТ[1]

Великий Петр, прельстясь Невою,
Сказал: "Я град мой здесь устрою!"
Но вод широких сжать не мог.
Его потомок – царь могучий, –
Пробил гранитом вал кипучий,
И мост чугунный дивно лег!

⟨1851⟩

ПОРТРЕТ*

Люблю блуждать с беспечною толпою
Средь шумных зал, где взорам напоказ
Петрополь снес богатою рукою
Плоды искусств: блестящий свой алмаз!
Любуюсь часто я заветной стариною,
В рядах картин роскошно тонет глаз;
Но, полный дум, стою в собраньи этом
Я каждый день перед одним портретом.
То не лицо прелестной итальянки
С распущенной, роскошною косой;
Его не кисть волшебника Зарянки[2]
Душевною проникла теплотой!
Нет!.. наскоро наброшенный, из рамки
Выходит он, болезненно худой;
Средь впалых щек едва румянец рдеет
И, мнится, грудь страдальца леденеет...

Как Прометей могучий, властью рока
Во цвете лет прикованный к скале –
Склонился он усталый; но упрека
Нет на устах, ни гнева на челе...
Открытый взор пронзает даль глубоко –
Он думою парит не на земле;
Восторг власы кудрявые взвевает,
И смерть над ним невидимо летает!..

---

* Портрет К.П. Брюллова[1], писанный им самим, принадлежащий Ф.И. Прянишникову, на художественной Выставке в пользу бедных под № 42-м. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

Уже рука без силы опустилась;
Но бледный лик так светел, важен, тих,
Как будто мысль в нем дивно прояснилась:
"Я вечно жив в созданиях моих!
Недаром грудь призваньем светлым билась;
Удел искусств высокий я постиг!
Пусть жребием мне рок сужден суровый, –
Гляжу на смерть, как на венец лавровый!"
Ты будешь жить, художник наш великий!
Помпеи день зарей твоею был!
Твоих святых так дивно дышут лики;
Италии нас с небом ты сроднил,
И ждут тебя России плеск и клики,
Когда с одра восстанешь, полный сил,
И кисть схватя рукою бойкой снова,
На суд векам отдашь *Осаду Пскова*![3]

1851. 10 марта

СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ

(*Посвящается Ольге Петровне Малевинской*)

“Счастливый путь вам! добрый час!” –
твердят все, провожая вас.
Но трудно сердце обмануть!
Сказать легко: “Счастливый путь!”
А слезы просятся из глаз,
а грудь невольно жмет печаль!..
Всего боимся мы за вас;
страшит нас даль... а вас нам жаль!..

Вдали от родины святой
вас скоро встретит мир иной –
столица роскоши и мод,
где жизнь летит чужда забот,
где все пирует вечный бал,
где для веселья день так мал,
что ночь, как день, горит в огнях,
в алмазах, в блондах и в цветах.
Но там не искренний привет:
Там Русских много, – близких нет!..

Помчит вас шумная волна
в тот край, где дивная страна
царит среди лазурных вод;
куда покорно мир несет
от всех земель, от всех морей
груз многоценный кораблей,
в дворец кристальный на показ,
прельщать и ум, и вкус, и глаз...

Но средь сокровищ в той стране,
вы сердцем будете одне,
как птичка в клетке золотой,
в чужбине грустной сиротой!

По тихим Рейна берегам
блуждать вы будете. Очам
и светлым думам там простор!
Развалины на высях гор
старинных замков. Плющ на них
в гирляндах вьется кружевных
как бы легендою немой...
Там бьют ключи живой водой...
Весь в виноградниках зарыт
по дну златому Рейн бежит.

На зеркало зеленых вод
вас примет легкий пароход
беспечных странников толпой...
Но говор их вам не родной;
но детский смех, но их печаль
напомнят вам иную даль!..
Ваш мирный дом, брега Невы,
и, верю я, вздохнете вы!..

Вы будете и в той стране,
где горы тонут в вышине
под легкой дымкой облаков,
в венце нетающих снегов...
В краю, где померанцев сад,
льют олеандры аромат,
где стройный кипарис стоит,
где в солнце виноград горит,
и пальмы благодатной тень
укроет вас в палящий день...
То Ницы рай, – то роз страна!

Там круглый год цветет весна!
Там море в час ночной у скал
дробит жемчужно-теплый вал!..

Счастливый путь!.. Но к нам возврат
желаю вам душой стократ!
Молю, чтоб Бог – податель сил!
здоровье ваше обновил;
чтоб в полном блеске ваших дней
вы возвратились к нам скорей:
в кругу друзей, в семье родной
могли бы сердцем отдохнуть,
и, улыбаясь, вспомнить свой
минувший путь, счастливый путь!

1851 г. Марта 21. С.-п-бург

ЧУВСТВА ОРЕНБУРГЦА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ В.А. ПЕРОВСКОГО[1] ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОМ

Летит Орел ширококрылый,
сияньем солнца озарен,
летит к степям... и край унылый
стрясает с веждей тяжкий сон,
очам не верит... Гул несется:
"Пернатый наш! его полет!"
По шумным стогнам радость льется,
и сердце сердцу весть дает.

Так, избранник Монаршей воли,
вдали твой празднуют возврат:
поселянин в смиренной доле,
Козак, киргиз – водитель стад,
восторженные всюду лики!
Все память дел твоих хранит!
Вздохнет вольней башкирец дикий,
А хищник в страхе отбежит...

Да подкрепит на подвиг новый
тебя, податель благ, творец!
Совьет тебе венец лавровый
любовь признательных сердец.
Вновь оживут поля и кущи,
Довольство всюду закипит,
и край, во дни твои цветущий,
тебя вдвойне благословит.

1851. 23 марта

НАРОДНАЯ ПЕСНЬ

Когда Творец могучим словом
Впервые к жизни Русь воззвал,
Хор ангелов над Царством новым
С небес пророчески звучал.
Цвети, народ, в красе державной,
Царелюбивый, православный!
Твой флаг моря покроет славой!
Там клич побед, где ступит рать!
И будет твой орел двуглавый
Хранить друзей, врагов карать!
Цвети, народ, в красе державной,
Царелюбивый, православный!
В твоих степях неизмеримых
Златые нивы заблестят.
В твоих странах необозримых
Не будет солнце знать закат!
Цвети, народ, в красе державной,
Царелюбивый, православный!

В тебе найдут приют науки, –
Ты им укажешь верный путь!
Восторга пламенные звуки
Твоих певцов пополнят труд!
Цвети, народ, в красе державной,
Царелюбивый, православный!
Россия! Промысл над тобою!
До поздних будешь ты веков
Греметь и дев своих красою
И сердцем доблестных сынов.
Цвети, народ, в красе державной,
Царелюбивый, православный!

ВАКХАНКА[1]

Какою прелестию нежной
Вакханка юная полна!
На коже барсовой небрежно
От шумных игр утомлена,
Лежит раскинувшись она!
Ей чужды пышные уборы –
Один венок на ней простой!
И тонут сладострастно взоры,
Любуясь жрицею нагой,
Отброшен торн. Она недавно
С ним резво мчалась по полям!
Вот, гроздий сок подносит жадно
К своим томящимся устам.
Уже кувшин опущен звонкий
В другой руке. Но робкий слух
Встревожен эхом песни громкой
Ее ликующих подруг.
Головкой милой обернулась, –
С ревнивой думой смотрит в даль;
В ней бодрость прежняя проснулась, –
Как будто б игр ей шумных жаль,
Уста красавицы раскрыты,
Трепещет девственная грудь,
Усталость, жажда позабыты...
Одно мгновенье!.. В резвый путь
Она помчится. Ветр летучий,
Тебе ее не уследить!
    Резец художника могучий
Умел Вакханку уловить.

Пред нами торжество искусства!
Холодный мрамор оживлен!
Тревогой страсти, пылом чувства
И дивной негой дышит он!

Ц.А.П. Г-ой

(*Посвящение*)

Резец и кисть издревле в споре
За первенство между собой.
Вы строги в вашем приговоре:
Я преклоняюсь пред судьей.
Ваянья защищать не смею.
Ц***! я брожу во тьме,
Но скрыть восторга не умею
Перед Вакханкой Bien-Aime[1].

Е.П. Н-ой

Ваш голос так душу чарует!
В нем юга вся прелесть слилась,
Что сердце невольно тоскует,
К Италии думой несясь!
Но если б вы песню родную
Нам спели... Я верю вполне,
Мы нашу бы Русь снеговую
Тогда б полюбили вдвойне.
Так снежные Альпов вершины
От солнечных блещут лучей:
Так сердцу милее долины,
Где сладко поет соловей!

16 апреля 1851

СУВАЛКИ[1]

1851 года 24 августа

Скучно, грустно! День дождливый
В мрачной, северной красе!
Мой мальпост[2] ползет лениво
По Варшавскому шоссе;

То с горы, то снова в гору,
Колесо скользит назад,
И одна отрада взору:
Щебня ряд, каменьев ряд!

Сбоку тянутся болота,
Мох да лес берез кривых;
Идут версты, и зевота
Давит грудь, глядя на них!

Здесь ямщик без песни звонкой,
Русской песни не слыхать!..
Ни обоза, ни с котомкой
Пешехода не видать!

Птичка весело на воле
Не поет, не пролетит;
Только ветер свищет в поле;
Иль кондуктор протрубит.

На пустынную дорогу
Не хотелось бы взглянуть,
И невольно: “Слава Богу!” –
Скажешь, кончив длинный путь.

О.П. М-Й[1]

Помню время, – грустью полны
Были мы вкруг вас безмолвны:
Ваш отъезд стеснил нам грудь.
На ланитах ваши розы
Исчезали... и сквозь слезы
Мы шептали: “добрый путь!”

И как пери молодая,
Вы исчезли, улетая
В край полуденных светил.
Лондон нес вам мира дани;
Дивным блеском чарований
Вас Париж к себе манил.
Пиреней, склоня вершины,
Звал вас в мирные долины
Посмотреть на *болеро*;
Рейн обвился виноградом;
Ницца вся оделась садом
Древ миндальных в серебро.

Все, что Генуя скопила
Во дворцах своих, раскрыла
Вам тщеславно напоказ.
Рим, в обломках величавой,
Ватикан свой, дряхлый славой,
Храм чудес отверз для вас.

Вас Неаполь прихотливый
Влек в роскошные заливы,
Где так негой воздух полн;

Где, дымясь, Везувий блещет
И задумчиво трепещет
Свет луны в лазури волн.

Пред очами юной феи
Стогны мертвые Помпеи
Снова жизнью облеклись;
И Венеции гондолы
Под напевы баркаролы,
На регату понеслись.

Во Флоренции прекрасной
Примадонны голос страстный
В Пергола звучал для вас.
Краткий миг вас зрели стены
Музыкальной, шумной Вены, –
Не увлек вас страстный вальс!..

Вы взглянули для забавы
На живой балет Варшавы,
Полный блеском и красот, –
И поклон пославши югу,
Сквозь метель и зимню вьюгу
Взяли к родине полет.

Слава Богу, вы уж с нами!
Близ Невы, опять с друзьями –
И свежей весенних роз!..
Мы глядим, – ненаглядимся,
И, заслушавшись, боимся
Вновь, чтоб юг вас не унес!..

3 декабря 1851 г.

* * *

Царевна, я прошу прощенья,
Что дерзко смел карандашом
Живые ваши вдохновенья
С холодным проследить умом.

Быть может, что судил я строго,
И под свинцовою чертой
Боялся, не потускло ль много
Чувств нежных, полных красотой!

Так часто в цветнике роскошном
Ребенок ловит мотылька;
Схватил... но стерт неосторожным
Весь блеск воздушного цветка!

Поникнув после головою,
Он смотрит: крылья не блестят!
И долго, позднею слезою,
Глаза веселые горят.

3 декабря 1851. СПб.

БЫЛА ПОРА

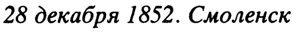
Посвящается Е.П. Забелло[1]

Была пора! Мне Муза молодая
Беспечною сопутницей была,
И кудрями у юноши играя
По имени так ласково звала!..

Доверчиво глядел я в очи милой,
Я лепет уст смеющихся ловил:
Надеждами, восторгом сердце жило...
Была пора! – я плакал и любил!..

Все унесло в полете быстром время,
Сроднился я с бессонливым трудом;
Чело браздит забот тяжелых бремя,
И кудрей шелк оделся серебром.

Подчас в груди встает невольный ропот,
О прошлых днях ревнивая тоска!..
Убил мечты неумолимый Опыт...
Готов рыдать... Нет слез у старика!

28 декабря 1852. Смоленск

* * *

Зачем торопитесь Вы вдаль,
        На берега Невы?
О, знали б Вы, как Вас нам жаль!
        Так не спешили б Вы!

В Смоленске грустно, скучно Вам,
        Хоть город наш, как сад;
Но здесь нет оперы как там,
        И прост на всех наряд!

Вкруг Вас не вьется легкий рой
        Поклонников младых;
Здесь не случится и порой
        С улыбкой слушать их!

Зато их речь, – игра лишь слов,
        Где ум блестит подчас; –
А наш привет, – он не таков:
        Мы с Вас не сводим глаз,

Движенья Ваши, мысли, взгляд,
        Всё ловим мы в тиши,
И что уста у нас твердят,
        Твердят всё от души.

Мы Вашу радость и печаль
        Готовы разделить...
Зачем торопитесь Вы вдаль?
        К чему Вам так спешить?

О, верьте нам, что вдалеке
Вы вспомните об нас, –
Об нашем мирном уголке,
Где так все любят Вас,

И дума легкая, как тень,
На личико взбежит,
И ясный взгляд Ваш свеж, как день,
Слезою задрожит.

Взгрустнетесь вы, но Вам о том
Кому там рассказать!
Там только чувствуют умом,
А сердцем не понять!

Зачем торопитесь Вы вдаль,
На берега Невы?
Побудьте с нами! Вас нам жаль!
Зачем спешите Вы?

21 июля 1853

БЫЛ ВЕК!

Был век! Шел Запад на Восток! –
Век дивных дел и громкой славы!
С крестом на персях, кто лишь мог,
За гроб святой шел в путь кровавый.

Двор покидали короли,
Бароны – замок феодальный;
Забыв турниров блеск, текли
Все рыцари на подвиг дальный.

И думы не корысть влекла!..
На смерть рвалися паладины![1]
Святая цель у всех была:
Освобожденье Палестины.

Теперь пигмеев род! Иной,
Продажный век, – век алчный злата!
И, пресмыкаясь пред луной,
Христианин идет на брата![2]

Моредержавный Альбион,
Как пал ты с высоты глубоко!
Сменял ты совесть и закон
На роль позорную Шиллока[3]!

Не слышно клика Сен-Дени[4]
Святого Людовика в стане!
Торгуя верой, в наши дни
Французы стали мусульмане!

Что ж долго держит вас Босфор? –
Вам Черное открыто море!
Туда, друзья! Решим наш спор!
Наш спор давнишний на просторе!

Иль время бурь пугает вас?
Иль страшно вам за пароходы?
Пожар Синопа не угас[5];
Он осветит вам наши воды!

Не нов в боях наш юный флот!
Под Чесмой помнят исполина![6]
И слава русская живет
В разгроме грозном Наварина![7]

Что ж медлите? – Скорее в путь!
Казарских встретят ваши силы!
Не сокрушить вам храбрых грудь:
В пучинах моря есть могилы!..

С надеждой в промысел, с крестом
Навстречу вам пойдем мы смело!
Пусть много вас, – в бою сочтем!
За нас сам Бог и святость дела!

Январь 1854. Санкт-Петербург

1854. ИЮНЬ. 9

Мы много изведали горя,
И годы разлуки текли.
Кто знал, что средь бурного моря
В каюте нас встреча ждала!

Лицо изменилось недугом;
Был грустен наш взгляд без огня
И мы, как чужие, друг с другом
Сидели, молчанье храня.

Но с первого слова. Лишь звуки
Могли мы сменять меж собой, –
Друг другу мы подали руки,
И очи блеснули слезой.

И то, что мы годы таили,
В устах пробудилося вновь...
Мы бурю и море забыли –
Припомнив былую любовь.

НЕДОКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ

Смеясь красавица когда-то
Мне обещала свой портрет,
И верил я, что слово свято,
Что вероломства в мыслях нет.
Я жил мечтой: вот скоро краски
Мне образ милый сохранят!
Передо мною вспыхнут глазки
И влажной негой заблестят.

Шелк светлых кудрей прядью зыбкой
К ланитам розовым прильнет;
Уста затеплются улыбкой,
Роскошны, как гренады плод...
Теперь я вижу... Для забавы
Портрет был дан мне на словах:
"Язык жены, язык лукавый!" –
Рек в книгах мудрости Сирах[1].

Портрета нет! Авось сумею
Создать на память. Для чела
Сорву я нежную лилею,
Что утром только расцвела.
В ее глаза луч кину света –
Сорента солнечный закат, –
Всю неба даль, всю негу лета,
Чтобы тонул и таял взгляд.

Тень вечера затку в ресницы,
Чтоб длинной пали бахромой,
Зажгу на щечках огнь зарницы –
Румянец персика живой.

В уста – рубин; в моря спущуся,
Коралл и перл возьму со дна,
И снегом девственным Эльбруса
Задышит груди белизна.
Роскошных кудрей шелк душистый
Из солнечных лучей совью,
И блеск звезды в струю сребристый
В ее улыбку перелью.
Увы! старанья все напрасны!
Подобья много, сходства нет!
Все краски бледны и не ясны,
Неуловим ее портрет.

7 мая 1852 года. СПб.

* * *

Нет, вы не любите меня!
Не мне ваш взор был брошен страстный;
Томлюсь я ревностью ужасной,
Судьбу жестокую виня.
Как пышны щечек ваших розы!
Взор полон неги и огня!
Любуясь, я шепчу сквозь слезы:
Не для меня, не для меня!
Будь я любим... готов отдать я
Всю жизнь за миг единый дня...
Но робко ваших рук пожатье!..
Нет! вы не любите меня.

НИЦА

Бегите Ницы, злой Сирены,
Из-под сребра кипучей пены,
Игрива, как виденье сна,
Всплывает, хитрая, она!
Истома жаркой, южной ночи
В лице красавицы младой,
Потуплены и робки очи,
Но страстный взгляд их сжет бедой!
Перевитые жемчугами
Сбегают кудри по плечам;
Вот песнь запела над волнами
И дивный звук скользит к брегам:
"Приди, Сын Севера, желанный,
Ко мне, на девственную грудь!
Мой поцелуй благоуханный
Вознаградит за дальний путь!
Чертог мой пышен изумрудный, –
Он моря синего на дне;
Сокровищ полон край мой чудный, –
Они твои, – доверься мне:

"Заботы будут нам безвестны;
В роскошном, радостном пиру
Ты позабудешь, друг прелестный,
И Самарканд, и Бухару!

Мои так пламенны объятья,
Одну я ласку жду твою!
Горю тебя расцеловать я,
Как плющ твой стан я обовью!"

Она поет... И бранной славой
Был Русский полн; но вдруг замлел;
На миг прильнул к устам лукавой
И вмиг, как мрамор, охладел.

РУССКАЯ ПЕСНЬ

Во поле березынька выростала,
Во поле ранешенько под ненастьем;
Что же так березынька приуныла,
Что же так раскинулась не кудряво?
Листья у березыньки пожелтели,
По полю разносит их ветр осенний.
Солнышко березыньку не согрело,
Дождичек зеленую ль не взлелеял? –
Видела березынька град по листьям;
Гложет червь березыньку в самом сердце!

Вилась, вилась пташечка у калины,
Крыла тепло гнездышко под малину,
Что ж малютка пташечка не щебечет,
Носиком на веточку прикорнула?
Или нет у пташечки звонких песней?
Иль пропал у пташечки звонкий голос?
Много есть у пташечки звонких песней,
Сладок голос пташечки, только грустен.
Гнездышко расхитил серый коршун;
Пух один белеет в чистом поле;
Бедная малиновка сиротеет,
Рано спела пташечка, да замолкла.

Не воркует горлинка средь дубровы,
Плачет красна девица во светлице,
Слезы крупным дождичком так и льются;
Личико румяное побледнело.
Что же у красной девицы за кручина?
Иль журила душечку мать родная?
Иль ее просватали по неволе?

Ах, покинул девушку друг сердечный,
Уж его ли девушка не любила?
Как любила девушка – день не видел,
Знает ночь осенняя, знает сердце.

ОЖИДАНИЕ

Желаньем замирает дух,
Тревожной думой грудь волнуя,
И мнится, мягкий ложа пух
Сжет теплой негой поцелуя.

Беги ж отсель, бог дивный снов,
Чтоб мог я внять, нетерпеливый:
И шепот сладострастных слов,
И шорох ножки боязливой.

Но тихо. Бледная луна
Льет тихий свет в туманах ночи.
Нейдет она, нейдет она!
Знать, мне не то сказали очи.

ЗВОНОК
(*Е.П. З-о*)

У подъезда, где, как пери,
Вы, вечернею порой,
Легкой тенью, стукнув в двери,
Исчезали предо мной,
Врезан ныне с рукояткой
Колокольчик на стене:
Возмутитель неги сладкой
В безмятежной тишине.

Почивайте ж беззаботно!
Есть хранитель ваших лар;
Двери запертые плотно
Не услышат вновь удар;
Но за то ваш сторож звонкий
Даст сигнал издалека
И узнает слух ваш тонкий,
Чья дотронулась рука.

Городская вестовщица
К вам заглянет ли когда, –
Ваш звонок раздребезжится;
Ни гу-гу! не то беда!
Дверь спокойно на запоре
Подержите с добрый час;
Пусть бунтует на просторе;
Скучась, скроется из глаз.

Дама ль юная коснется
До звонка, – легко узнать!
Звук приятно отзовется;

Поспешайте отворять.
К вам воздушною стопою
Гостья милая вспорхнет,
Встретит ласкою живою,
Сладко время уведет!..

Не пройдет недели даже –
Всех знаком вам будет звон.
Жизнь ведет кто в бельэтаже,
Колокольчик тем: дон-дон!
У пришельца делового
Вечно он звучит: день-день!
Вертопраха у пустого
Так и льется дребедень.

Кто ж душой вас чтит и любит,
Тех коснется лишь рука,
Чутким эхом вас разбудит
Звук таинственный звонка!
Чаще всех сей звук беспечный
Оглашай ваш уголок!
А замолкнет он – пусть звучный
Разобьется ваш звонок.

5 сентября 1854

ЛОРЕЛЕЯ

(*Из Гейне*)

Я не знаю, мне так скучно!
День томлюся, ночь без сна;
Всё со мною, неразлучно,
Повесть дивная одна.

В свежем вечера дыханьи
Рейн как зеркало лежит;
Солнца летнего в сияньи
Горный верх его горит;

На горе сидит девица.
Чудной лик неуловим!
Русы кудри, чаровница
Чешет гребнем золотым;

Чешет кудрей шелк роскошный
И поет, и в песне той
Дышит страстью глас тревожный
Безотрадною тоской.

Сладкой песни в звуках млея,
К ней пловец свой правит челн...
Легковерный!.. Лорелея
Манит песнью в бездну волн.

Сентябрь 1854

К РУЖЬЮ!

(*Высочайший манифест 14-го декабря 1854 года*)

С крестом в груди, с железом в длани!
Вперед, по манию Царя!
И стар, и млад готовы к брани,
К святой защите алтаря!

Как древле, мужу мать-спартанка,
Без слез, в сердечной теплоте,
Воскликнет сыну россиянка:
“Иль со щитом, иль на щите!”

Сверкай же, меч и штык трехгранный!
Вам будет пир в груди врага!
Пылайте, села, в вьюге бранной,
Где ступит дерзкого нога!

Нам встретить натиск не впервые:
Шлет дряхлый Запад племена!
Для новых полчищей *Батыя*
Напомним бой *Бородина!*

Пусть видит крест, как в оны годы,
И вновь дванадесять язык
Сочтет и разберет их роды
Победоносный русский штык!

К ружью, к ружью!.. Хоругви веют!
Вперед! С молитвой к Богу Сил!
И кости вражьи побелеют
Среди ненужных им могил!..

Н.И. ГРЕЧУ[1]

В честь того, кто для науки
Годы лучшие обрек,
Кто родного слова звуки
В формы новые облек,
С речью русскою певучей
Нас знакомил и дружил[2]
И тайник ее, могучий,
Полн богатства нам раскрыл!

В честь того, кто в дни невзгоды,
Как на Русь, на смертный бой,
Вел Европы всей народы
Счастья баловень[3] с собой,
На врага воспрянул смелый[4], –
Сын Отечества возник[5] –
И России за пределы
Прогремел победный клик!

В честь того, кто крыльям Пчелки[6]
Мысли, чувства поверял,
Городские вести, толки
Подмечал и собирал,
Нам романом[7] или шуткой
Услаждал досужий час.
В длинный вечер прибауткой
Мастерски цветил рассказ!

Многих нет!.. Иной далече
Знал кто труд его, досуг!
Но припомнит имя Греча
Не один наш тесный круг!

Будут помнить и потомки;
С ним навек слилась пора
Детских лет!.. И тост мой громкий:
Благодарное Ура!..

⟨1854⟩

СПОДВИЖНИКАМ ЛУНЫ

Клеветники народной славы,
С трубой подкупленной молвы,
Христовраждебные державы,
Победой хвастаетесь вы!

Но где ж? на Альме ль? – В первой встрече
Вам русских горсть дала отпор!
Вы победили... а далече
Бежали, кроясь меж гор!..

Не бой ли в долах Инкермана? –
Трепеща помнит Албион
Трехгранный штык во мгле тумана,
Своих вождей предсмертный стон!..

Наезд ли Балаклавы смелый? –
Но конь там всадника не спас!
За строем строй низвержен целый,
Картечь не пощадила вас!..

Где ж, где трофеи? Что свершили?
Что сокрушил ваш грозный флот?
Вы Севастополь наш громили...[1]
Но тверд, незыблем наш оплот!

Стоит... Всевышнего десницей
Под градом ядр и бомб храним!
Над ним, над каждою бойницей,
Незрим витает Херувим.

И в сердце крестоносной рати
Вливает дух богатыря,
Отвагу дивных предприятий
Во славу Русского Царя.

Бойцов тех имя неразлучно
С бессмертьем здесь и в небесах;
В потомстве жизнь их; в песне звучной
У всей России на устах!..

Пройдут века... К морской твердыне
Паломник свой направит путь:
Воздать хвалу родной святыне,
В молитве храбрых помянуть.

Он вспомнит там и бой кровавый,
И трех держав напор окрест,
Как блеск луны померк без славы,
Как воссиял победный крест!

28 апреля 1855. Москва

ГРАФ
М.М. ВИЕЛЬГОРСКИЙ-МАТЮШКИН

Богатство, знатность, ум – он все соединил!
Он украшением был северной столицы!
И, пламенный к добру, к болящим послан был
С дарами щедрыми младой Императрицы...
Святаго подвига не позабудет Крым:
Являлся ангелом средь доблестной он рати!
О чем же скорбь отца? О чем мы все грустим?
"Завидна смерть средь дел высокой благодати!"

* * *

Есть Икона Чудотворная
Над вратами у Днепра;
Риза вся на ней узорная
Из литого серебра.

Жемчуг, яхонты огнистыя
На иконе той блестят,
И, как жар, горит Пречистыя
Раззолоченный оклад.

Было время... перед битвами
Шла, победная, Она![1]
За царя, за Русь с молитвами
Верным строем несена!

Гордо встретили могущую
Очи дерзкого врага,
Но зарыли рать бегущую
Неба чуждого снега!..

Во вратах, достойно-чтимая,
Днесь Смоленск Она хранит,
И лампада негасимая
День и ночь пред ней горит;

День и ночь мольба усердная
Скорбных к ней обращена;
И отраду, милосердная,
Щедро всем дает Она.

⟨1855⟩

БОГОМОЛЬЕ В КЕВЛАРЕ

(*Из Гейне*)

1

В постеле сын был хворый,
В окно глядела мать.
"Идет ход крестный, Вильям,
Спеши скорей привстать!" –

"Не в силах я, родная,
Мне глаз не разомкнуть;
Лишь вспомню об усопшей,
Моя заноет грудь!" –

"Молитвенник и чётки
Возьми, пойдем в Кевлар[1]!
Небесная Царица
Пошлет целебный дар!"

И вот, шумят хоругви,
И громко клир поет;
То в Кёльн, на берег Рейна
Поднялся крестный ход.

И мать к толпе примкнула
И сына повела.
В устах их песнь: Мария,
Хвала тебе! хвала!

2

Мадонны лик в Кевларе
Сегодня весь в цветах,
Сегодня к ней молений
Без счету на устах.

Стремятся к ней больные, –
Обычай древний есть:
Чтоб руку ей, иль ногу
Из воску в дар принесть.

Кто руку даст из воску,
Не будет ран в руках;
А кто из воску ногу,
Тот бодр и на ногах.

В Кевларе помнют многих
Недвижных, на клюке,
А ныне – на канате
Иль с скрипкою в руке.

Вот сердце мать слепила
Из свечки восковой.
“Подай Царице неба,
Недуг исцелит твой!”

И сердце восковое,
Вздохнув, взял сын больной;
Вздохнув, припал к иконе
С слезами и мольбой:

“Пречистая! царица
И неба и земли!
Прими мое моленье
И скорбь мою внемли:

Я в граде в Кёльне, вместе
Жил с матерью моей,
Во граде том, где сотни
Часовен и церквей;

Близ нас жила там Гретхен, –
Угаснул милый цвет. –

Прими из воску сердце,
В моем смой скорби след.

Мое исцелишь сердце,
Всегдашняя б была
Мольба к тебе: Мария!
Хвала тебе, хвала!"

Спят в комнатке убогой
И мать и сын больной;
Вот, входит к ним Мадонна
Чуть слышною стопой.

Склонилася к больному,
Улыбкой светел лик,
Рукой коснулась сердцу,
И скрылась в тот же миг.

Сквозь сон все матерь зрела, –
Тот сон был не простой;
Проснулась на рассвете,
Собак был громок вой.

Пред нею, на постеле
Был сын, – он мертв лежал;
В его ланитах бледных
Рассвета луч играл:

Сложила сыну руки,
Взгляд к небу возвела,
Шепча мольбу: Мария!
Хвала тебе, хвала!

MEMENTO MORI

Раз инвалида встретил я
Над свежею могилой,
Лопатой землю на края
Собрав рукою хилой,
Он осыпал. Старик седой
Творил в молчанье дело;
Не плакал, но лицо бедой
Сердечной тяготело.
С какой он скорбью землю рыл
И в небо тускло очи,
Вперив, как будто говорил:
Дождусь моей ли ночи?
Моей чреды в могилу лечь?

К могиле одинокой
Я подошел и начал речь:
Кому в тоске глубокой,
Старинушка, ты тесный дом
Усердно убираешь?
И землю свежую кругом
В молитве осыпаешь? –
Он поглядел, но грустный вид
Я этот не забуду:
– Здесь внука, молвил он, лежит
Но с ней я скоро буду.
Короток был наш разговор!
Я свыкся сам с утратой,
Но часто зрим мне с этих пор
Старик с его лопатой.
Где б ни был я, в кругу людей,

Один ли, в грустной кельи,
На светлом ли пиру друзей,
Средь игр, в пирах, в весельи –
Везде за мною мчится тень
Седого ветерана;
Начну ли пить: твой близок день! –
Мне шепчет из стакана.

На бале шумном, где вокруг
Горят восторгом очи,
Где брилианты и жемчуг
Блестят, как звезды ночи,
Где время – яркий метеор,
Любовь под дымкой пышет,
Волнуя роскоши убор,
Где шаробьющий разговор
В устах прелестных дышит;
Где жжет огнем пожатье рук,
Где взгляд: восторг иль горе,
И жизнь уносится, как звук
Волной в бездонном море.
Мне шепчет голос старика:
С кем пляшешь? пыль и тленье;
Коснусь лопатою слегка,
И – прах твое виденье.

Летел забыться я в боях,
На пир мечей кровавый,
Где смерть сверкает на штыках,
Перевитая славой,
Где пушек гром, и гул, и дым
Для нас мир делают чужим
И нас над миром ставят;
Где чужды мщенье и любовь,
И смело пролитая кровь
Позором не бесславит,

Там, опустясь на барабан,
Усталый после боя,
Мечтал я: здесь мой ветеран,
Себя не беспокоя,
Меня не тронет. Надо мной
Уж он стоял с лопатой,
Качая дряблой головой
И гладя ус мохнатый.

СТЕННЫЕ ЧАСЫ

(Из Лонгфелло)

L'éternité est une pendule, dont
le balancier dit et redit sans cesse ces
deux mots seulement, dans
le silence les tombeaux:
Toujours! jamais! Jamais! toujours!

*Jacques Bridaine**

Вблизи дороги за селом
Старинный виден барский дом,
На ветхую крыльца ступень
Ряд тополей набросил тень,
И в доме, ныне без жильцов,
Лишь слышен звук стенных часов:
"Никогда – навсегда!
Навсегда – никогда!"

Грозит, как грозный перст судьбы,
В дубовом шкафе, без резьбы,
Их стрелок выгнутый конец,
Как будто б встречу вам чернец
В одежде грубой крест творит
И скорбным гласом говорит:
"Никогда – навсегда!
Навсегда – никогда!"

Часов тех днем чуть слышен ход;
Но мрак лишь ночи настает,

* Вечность – это часы, маятник которых в могильной тишине все твердит без конца лишь два слова: "Всегда – никогда! Никогда – всегда!" *Жак Бридэн* (*фр.*).

Протяжный маятника стук,
Как бы шагов тяжелых звук,
По залам носится пустым,
И внятно, громко вторим им:
"Никогда – навсегда!
Навсегда – никогда!"

Здесь был восторгов громкий клик,
И скорбь, и первый жизни крик,
Все, что меняется со днем!..
Часы, не изменясь ни в чем,
Все видели, вокруг глядя,
Одно торжественно твердя:
"Никогда – навсегда!
Навсегда – никогда!"

Была веселий здесь пора;
Шел пир от утра до утра;
Хозяин здесь радушный жил;
Желанным гостем каждый был,
Но, как скелет, среди пиров,
Звук вещий падал от часов:
"Никогда – навсегда!
Навсегда – никогда!"

Здесь детских игр был слышен шум;
Здесь юноша, полн сладких дум,
Вверял красавице, в тиши,
Все тайны пламенной души...
Счастливец! он не замечал,
Как старый маятник стучал:
"Никогда – навсегда!
Навсегда – никогда!"

Вот здесь, чрез длинный комнат ряд,
Невеста шла – ее наряд
Был белый весь. – Внизу там зал,

Мертвец где в саване лежал;
Псалтырь читался, – и меж слов
Был слышен мерный звук часов:
 “Никогда – навсегда!
 Навсегда – никогда!”

Исчезло всё; пропал и след!
Те замужем, а тех уж нет!
И часто, грустный, мыслю я:
Сойдется ль снова здесь семья,
Как в дни давно минувших лет? –
Но тот же был часов ответ:
 “Никогда – навсегда!
 Навсегда – никогда!”

Здесь никогда! Там – навсегда,
Где чужды горе и беда,
Где незаметна лет чреда.
Там навсегда – здесь никогда.
Что было, не придет назад,
И Вечности часы звучат:
 “Никогда – навсегда!
 Навсегда – никогда!”

⟨1859–1860⟩

КОРОЛЬ ГАРАЛЬД ГАРФАГАР

На дне океана Гаральд Гарфагар;
Лазурными скрыт от волнами;
Красавицы хитрой под властью он чар, –
И годы бегут за годами.

Любим, околдован русалкою он,
Чужд смерти, без жизни свободной;
И вот уж два века мелькнули как сон
Над ним в той темнице подводной.

Глава короля в упоеньи лежит
На персях волшебницы милой;
Ей в светлые очи он, страстный, глядит,
Прикован к ним чудною силой.

Златых его кудрей серебрян уж цвет,
На скулы осунулись щеки,
Лик желтый, в морщинах, иссох, как скелет,
Одряхл он, стан сгорблен высокий.

Порою встревожен он в сладостном сне
Мгновенным желаньем свободы;
Дрожат ли при шумной и бурной волне
Чертога кристальные своды,

Иль ветер завоет, – он слышит, гремят
Норманнов победные звуки;
К ним рвется, вверх руки; к ним радостный взгляд
Но грустно вдруг падают руки.

Порою он слышит, над синей волной
Песнь витязей бойкая льется,
И славит Гарольда их хор удалой,
Хвала Гарфагару поется.

Рыдает и стонет, и плачет он... Там
Так сильно, так горько тоскует...
Русалка смеется, льнет быстро к устам,
И страстно героя целует.

А.И. САБУРОВУ[1]

Когда по мраморной ступени,
Фортуны баловень, я в твой
Всходил палаццо, – мнилось, гений
Искусств и светлых вдохновений
Незримо вился надо мной.

Повсюду шелк, ковры и злато,
Статуи, бронзы и фарфор;
Роскошно, пышно и богато!
Как бы чертоги Мецената
Мой с наслажденьем видел взор!

С зеркальных стен сиянье лилось
От ламп и гаснущей зари,
И в зыбком полусвете, мнилось,
Как бы по воздуху носилась
Виденьем чудным Дюбарри[2]!

Мне улыбалися так нежно
Головки Грёза[3]. Предо мной
Спала красавица: – небрежно
Скользила дымка с белоснежной
Груди, взволнованной мечтой.

Карарский мрамор в изваянье
Волшебно ожил под резцом!
Вот Эвва с яблоком, – Всезнанье
Так сладко!.. Сильно обаянье
Змеи, прильнувшей к ней хвостом!

И сад вблизи, – подобье рая!
Вокруг деревья знойных стран;
Фонтаны бьют, в бассейн плеская,
Играет рыбка золотая,
Лепечет листьями банан.

Под шумный ропот водопада,
Средь померанцевых ветвей,
Любимец роз, весны отрада,
Зимой, в душистой ночи сада,
Защелкал звонкий соловей.

Дробятся, льются, тонут звуки
И смолкли вдруг. Из дальних зал
Несется песнь сердечной муки, –
Весь пыл любви, с тоской разлуки,
Певец в клавишах выражал.

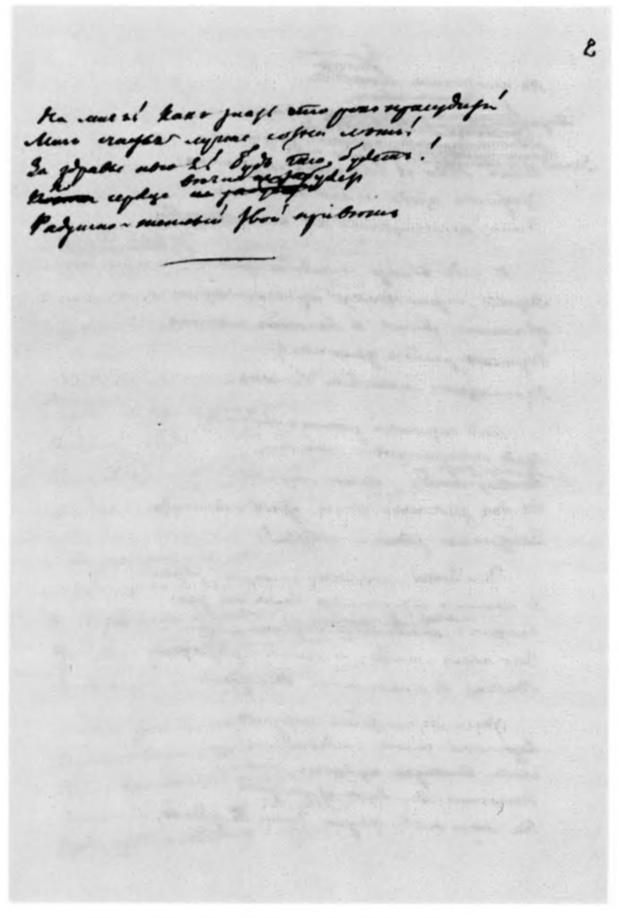
Эрара[4] трепетали струны;
Незримый голос сладко пел:
“Лови восторги, сердцем юный!
Судьбы завистливы перуны;
На миг нам жизнь дана в удел!”

На миг!.. Как знать что рок присудит?
Миг счастья лучше долгих лет!..
Пусть вечный гость твой счастье будет!
Твое палаццо не забудет,
Кто встретил теплый в нас привет!

Февраль 1861

Черновой автограф
стихотворения "А.И. Сабурову" (1861). РГАЛИ

Черновой автограф
стихотворения "А.И. Сабурову" (1861). РГАЛИ

СИМБИРСК

(после пожара в августе 1864 года)

Ряды сожженных стен, развалины церквей
И куполы без глав соборов,
Пустые улицы, без зданий, без заборов,
Необозримых пустырей,
Где жизнь кипела, – вот для взоров:
Былого города, погибших мавзолей!..

Уж осень на дворе: дождь, слякоть и мороз;
В землянку кроется страдалец бесприютный;
Повсюду скорбь и очи полны слез,
И нищего встречаешь поминутно...
Всё выжжено огнем, злодейскою рукой!
Здесь полный был разгул для мстительного Ляха!..[1]
Врасплох застигнутый бедой,
Два века пережив[2], поднимется ль из праха
Симбирск, поникший головой?..
Ликуй, коварный жонд[3], ты цель свою достиг
Бесславную, – испепелил жилищи!
Пусть нежится твой слух, внимая вопль грудных
Младенцев, стариков без крова и без пищи
В подвал забившихся, где в мраке, без печей,
Врываясь в двери, ветер воет,
И, в жалком рубище, и женщин и детей
Продрогших телом, сердце ноет!..
Но торжество твое минутное!.. Отплаты
Наступит тяжкий день, и день тот недалеко!
Тебе проклятия гремят. И оком
С лихвою ты поплатишься за око!..
За что, как хищник злой, ты мирный город сжег?

За то ль, что Поляка в изгнаньи здесь ласкали?[4]
Что, глядя на него, твердили втайне: "Бог
Карает и без нас виновников тревог!"
И бранью слух его ни раз не оскорбляли?
Иль ненасытен тем, что мы своих детей
Благословляли в бой на грозный штурм Варшавы[5],
Где, верные царю и родине своей,
Они стяжали все венец завидной славы?..
Но там был честный бой, а здесь, как подлый тать,
Невинных ты сгубил злодейством!
Ты, как разбойник, здесь решился длань поднять
На беззащитного с семейством!..
Внимай же плач и стон, но знай, не сокрушил
И правнук в памяти и в сердце сохранил,
Как Стеньку Разина здесь предок отразил[6]
И Пугачеву рыл могилу!..[7]

Смотри!.. По манию царя,
Его посланники с приветными речами
К нам притекли и суд, и милости творя!
Спешит Россия вся, участием горя,
Своими щедрыми осыпать нас дарами;
Первопрестольная откликнулась Москва,
К нам братски простирает руки,
И, мнится, льются к нам из уст ее слова,
Как бы пророческие звуки:
"Мужайся и крепись, мой нареченный брат!
Была не раз, как ты, я в огненной купели,
Но сорок сороков церквей моих гудят
Звучней, чем в старину гудели!"

РОКОВАЯ ВЕСТЬ

Свершилося!.. во цвете лет почил
Великий Князь полуночной державы!..
Он ангел наш, кто всем благотворил
И чей бы век был полон дивной славы!..
Мы ждали все, стремясь на Юг душой,
О нем мольбы всечасно воссылая:
Вот явится с невестой молодой!..[1]
И вдруг нас весть сразила роковая!

Но будет жить, как светлый идеал
Всех доблестей, в веках Порфирородный!
Так много он России обещал![2]
Так счастлив был любовию народной!
Невольно всех сердца к себе он влек,
К нему неслись людей свободных клики,
В нем каждый зрел благ будущих залог,
Надеждою сияли всюду лики!..

Утешься, Царь!.. скорбишь ты не один!
При вести сей взрыдали миллионы!..
Был дорог всем твой первородный сын,
Наследник твой – бесценный перл короны.
Не испытал тяжелых он забот:
Свой путь земной свершал он скоротечно,
Но, плачущий с Царицей, твой народ,
Молясь, Его не позабудет вечно.

⟨*Апрель 1865*⟩

ХОЛЕРА

(Симбирянам, 1866 год)

Грудь каждого полна тревог,
Во всех домах переполох:
Холера, шепчут, к нам пришла
И губит, губит без числа!
О ней одной повсюду речь,
Без ней ни встать, ни сесть, ни лечь;
Не только думы, даже сон
Ее приходом возмущен.

Гласит преданье, что она
Как пальма Сирии стройна;
Роскошен странницы наряд;
Коса волнистая до пят;
Под длинной тканию ресниц
В очах и ночь, и блеск зарниц;
К кому свой взгляд лишь устремит,
Тот без ума, в чаду лежит!..

Твердят еще: смугла лицом,
Как персик солнечным лучом,
Взрумяненный, полудня зной
В ланитах пышет огневой;
Уста, – не зрел в садах Восток
Столь свежий, розовый шипок!
Улыбка не сбегает с них;
А поцелует, – гибнешь вмиг!

Как молнья поцелуй тот жжет,
Восторгом члены все ведет
И за безумную любовь

Оледеняет в жилах кровь;
Такой наполнит грудь тоской,
Что жизнь бесцельной и пустой
Покажется, и смертный час
В страданьях призовешь не раз.

Когда же помрачится ум, –
Без пользы в каплях опиу́м!..
Врачи бессильны от любви,
Хоть их в подлунной всех сзови,
Хоть утюгами спину три, –
Все бесполезно!.. смерть внутри!..
Кто одолеть соблазн не мог,
Тот к жизни подводи итог!..

Но поцелуй и страстный взгляд
Еще не все; лукавств есть ряд
У чужестранки молодой: –
То встретит с сливой золотой,
То вспенит вам клико[1], – и вот
Бокал, смеяся, поднесет,
Иль нежной ручкою своей
Сорвет вам яблоко с ветвей...

Испей иль скушай – и *caput*!
Благой совет не вспомнишь тут:
"Со льдом не пить, плодов не есть!"
Да всех запретов и не счесть!..
Уж не вернее ль приговор:
"От ней ворота на запор!
Фланелью укрывать живот
И пить один лишь *Portwein-old*?"

Но слышал я, что и не так
Проводит жизнь иной чудак, –
К младой красавице суров,

Ее чуждается даров;
Живет себе, как прежде жил,
Весь день в трудах и пьет, что пил;
А вечером, чтоб не скучать,
Садится в ералаш играть.

Смеется в клубе, за столом,
Как счет гробам ведут кругом,
И добавляет в свой рассказ:
"Что пульс не бил, а прожил с час;
Что всем инспекторам давно
Холерой кончить суждено!"
От множества таких идей
Невольно будешь веселей!..

О чем и плакать, господа!
Холера, право, не беда!
В груди откинем детский страх:
Есть Бог – заждитель в небесах;
Он нашей властвует судьбой;
К нему с усердною мольбой!
Ему лишь вверитеся вы,
И волос не спадет с главы!..

Храня умеренность во всем,
Себя мы верно сбережем;
Но свыше коль сужден недуг,
Свой должно одолеть испуг,
И, собираясь умереть,
Врача призвать, чтоб стал тереть,
Чтоб после, вкруг как будет плач,
Сказали б: "Тертый был калач".

29 июля 1866. Симбирск

СТИХИ, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ НА 100-летнем ЮБИЛЕЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИОГРАФА НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА В СИМБИРСКЕ, 1-го ДЕКАБРЯ 1866 ГОДА

Давно ли здесь, при общем ликованье
На площади толпился весь народ!
В сиянье риз, кадил в благоуханье,
Неслись мольбы в лазурный неба свод;
Речь пастыря отрадою дышала.
Торжественно приволжская страна
Свой памятник в Симбирске открывала,
России дар – в хвалу Карамзина!
И вот, мы вновь стеклись не к годовщине; –
Сегодня, здесь мы празднуем сто лет
Как был рожден, кем край гордится ныне,
Бессмертный наш историк и поэт.
Стремятся в храм народа те же волны,
Молебствий глас там льется как тогда ж,
И тот же клик, одушевленья полный,
В устах звучит! "Он наш! он вечно наш!"
Короток был двух празднеств промежуток;
Но если б мог наш Карамзин восстать!
О, как бы он, к родному сердцем чуток,
Что тут сбылось сумел бы описать!..
Сказал бы он, как юный, полный силы,
К нам Сын Царя являлся на пути...
Его уж нет!.. но образ вечно-милый
Живет у нас в признательной груди!..
Сказал бы он, как тяжело нам было,
Когда Симбирск был пышущим костром:

Святыню, все, чем сердце дорожило,
Незримый враг в нем пепелил огнем!
Сказал бы он, как после той невзгоды,
Дары Царя, дары России всей
Сносились к нам не день один, а годы,
И плач умолк отцов и матерей!..
Волшебные б нам вылились картины
Из-под его певучего пера: –
Блестящий век он зрел Екатерины,
Он изучал Великого Петра! –
Двухлетний бой и грозная тревога
Предстали вдруг на рубежах морей;
Конец войне! у мирного порога
Воскресла жизнь в тиши родных полей!
Везде Монарх порядок вводит новый,
На рамена приняв огромный труд;
Сложил с крестьян тяжелые оковы,
Уставил всем открытый, гласный суд;
Смирил внутри крамольных увлеченье;
Державно все скрепил, благотворя;
Дал слову жизнь, с печати сняв прещенье,
Наукам – свет, их Верой озаря!..
Чудесное прочли бы мы сказанье!..
Но скорбь и гнев его бы сжали грудь,
Когда б рассказ повел о злодеянье,
На жизнь Царя дерзнувших посягнуть!
В Державе всей, где солнцу нет заката,
Где Царь Отец, был говор в час тревог:
"Мог изверг быть в среде лишь супостата;
Но русским, нет!.. он русским быть не мог!"
О, как тепло и сладкозвучно б вместе
Нам передал порыв восторгов он
России всей, воспрянувшей при вести
Как дивно был Помазанник спасен!..
Сказал бы он, как с именем Марии –
Бесценным нам, слилась душой Заря

С Царевичем – надеждою России,
На радость всем и доброго Царя!
Представил бы, средь Царского чертога
Нам брачный мир блеск праздничный кругом;
Народа сонм, благословленье Бога
Зовущего на светлый Царский Дом;
И в дни торжеств, в ликующей столице,
Как Царь-Отец, обилием щедрот,
Смягчил судьбу томящихся в темнице,
Отер слезу бездомных и сирот!
Столетье протекло!.. Безмолвен знаменитый,
Наш русский Златоуст, обворожавший слух!
Но вещий глас его, творенья – не забыты:
В них слово искренно, в них слышен Русский дух!
Народной славе он сочувствовал сердечно
И вознесет его прославленный народ,
И будет имя жить его в России вечно,
Доколь в сердцах любовь к Отечеству живет!

⟨1866⟩

КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ ПО ПРОЧТЕНИИ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ "ТОМУ СТО ЛЕТ!"

Правдиво, наравне с пророком,
Был древле чествуем поэт:
Орлиным созерцает оком
Он тайники минувших лет!

Взлетает мыслью в свод небесный,
Нисходит в моря глубину;
Все вопрошает – лист древесный
И в берег бьющую волну.

Могучих полон вдохновений,
Земных чуждаяся даров,
Поет, – и звуком песнопений
Пленяет избранник богов!..

Скажите ж, князь, где краски взяли,
Тот огнь, с которым так тепло
России вы пересказали
Тому сто лет, что протекло?

Карамзина от колыбели
Вы проследили светлый путь;
Во глубь души его прозрели,
Сумели в сердце заглянуть!

Историк-гражданин пред нами
Воскреснул, свея сон могил,
И нас певучими словами
На путь добра благословил!

Волшебной прелестью одели
Вы сердца искренний рассказ!..
И, мнилось нам, когда вы пели,
Что жемчуг сыпался на нас!

Декабрь 1866. Симбирск

ЧТО НЕОБХОДИМО ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ: УМ ИЛИ СЕРДЦЕ?

Об женском сердце споров тьма;
Но ум, твердят, всего дороже,
Люблю красавиц без ума!
Избави от педанток, Боже!

По мне давно уж спор решен:
Скажу, и правды не нарушу:
Любовью полн Пигмалион[1]
Сумел вложить и в мрамор душу.

Когда в статуе жизнь зажглась,
Он к ней приник, благоговея,
И с ним душой своей слилась
В лобзанье страстном Галатея[2]!..

Живой, латинский лексикон,
Была Дасье[3], – для мужа мука!
Там *чувство*, – мрамор оживлен!
Здесь ум, – и в гроб свела наука!

Декабрь 1866

МАРЬЕ МИХАЙЛОВНЕ НЕЙКОВОЙ НА НОВЫЙ 1867 ГОД

При встрече с вами я в смятенье,
Трепещет грудь, без слов язык;
Рисует мне воображенье
Давно исчезший, милый лик!

Я знаю, это чувств ошибка, –
Обман встревоженных очей;
Но та же прелесть, та ж улыбка
Играли на лице у ней!

Мне голос ваш звучит так нежно,
Как в тех устах, где звук угас,
И сердце плачет безнадежно,
Когда заслушаюся вас!

Вот отчего, при каждой встрече,
Мне грустен милый ваш привет:
Чем сердце жило, то далече,
Тому навек возврата нет!..

Пред вами я благоговею.
Когда малюток вы с семьей.
Один к вам льнет, целуя шею.
И на коленях спит другой!

Как мать вы мне прелестны вдвое!
Очаг домашний свято чту!
И чуждо помыслу земное,
Глядя на вашу красоту.

Молю, чтоб благость Провиденья
Хранила вас на долги дни,
На радость всем, от осужденья.
От глупой светской болтовни!

Симбирск

ГРАФИНЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ТОЛСТОЙ, УРОЖДЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ

Графиня! От меня куплета
Желаете вы в новый год:
Но для племянницы поэта, –
Певца родных нам волжских вод,
Мой бледен будет стих, – и Лета
Его к себе зараней ждет!
Что нужды! Все безделка эта
Вам обо мне напомянет,
Когда судьба от шума света
Вас вновь в деревню приведет.
Мне недоступен верх Парнаса,
Там знатный лишь живет народ!
Там нектар пьют! – Стакан же кваса
Приятней мне кастальских вод!
Крылатая спина Пегаса
В Олимп тех баричей несет.
Седлать коня того не смею,
Мой сивка-бурка полн огня,
Схвачусь за гриву иль за шею, –
И мчит он по свету меня.
Несусь дорогой непробитой
В чудесной шапке набекрень,
И хоть нековано копыто,
А льется искр за мною день.
Мой конь ноздрями пламя пышет,
Вкруг дым и пыль валят столбом,
И ваш слуга покорный пишет
Дубинкой русской, не пером!

Когда-нибудь я в час досужий
Вам путевой журнал мой дам;
Столичных, право, он не хуже;
В нем типов тьма прелестных дам!
Чудесных в нем рассказов много.
От царь-девицы и доднесь;
Теперь же занят я дорогой
И погружен в укладку весь.
Простите ж мне вы, ради Бога,
Не в силах петь я мадригал!
Такая на душе тревога,
Как у девицы в первый бал!
Хотел бы вам сказать я много;
Вы так достойны всех похвал!
Да тройка ждет уж у порога,
И я, как пень, бессловен стал!

5 января 1867. Симбирск

АННЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ЯЗЫКОВОЙ

Когда б дана была мне лира.
Которой дядя ваш[1] владел.
Во всеуслышание мира
Хвалой вам глас бы мой гремел;
Восторгом сердце б полно было.
И, дивной прелестью стихов.
Вас как фатою бы накрыло
Сотканною из жемчугов!

Скромнее суждена мне доля:
Я дилетант, а не Поэт!
Как с ветки лист скользит средь поля.
Кружится легкий мой куплет;
По воле ветра он несется,
Забвенья падая в поток!
В пустыне звук мой раздается
И замирает одинок!
К чему ж погибшие вам звуки?
Им петь ли младость с красотой!
Они полны сердечной муки,
А не отрадною мечтой;
Но вашу волю исполняя,
Одно бы вам я пожелал:
Чтоб вам, как свежей розе мая.
Была вся жизнь веселый бал!

5 января 1867, Симбирск

НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ДУБЕЛЬТ[1], УРОЖДЕННОЙ ПУШКИНОЙ

Как много в Вас блеска, и неги, и света,
Властительной силой чарует Ваш взгляд!
Гляжу с восхищеньем на дочь я Поэта,
Чьи песни в России так сладко звучат.

Любуюся Вами, невольно прикован
Зеркальным сияньем очей голубых,
И думаю: будет кем взор сей взволнован?
Чей лик отразится с любовию в них?

К кому-то склонится головкой прелестной,
Так мило повитой повязкой златой?
Кого осчастливит она в поднебесной
Лобзанием страстным, восторга слезой?

Молю, чтобы жребий Вам выпал счастливый,
Чтоб избранный Вами ценить Вас сумел,
И всем, что прельщает в мечте Вас игривой,
Жизнь Вашу, как вязью б цветочной, одел.

Чтоб грустной тревоги не видели вечно,
Чтоб всё Вы былое забыли, как сон,
И радость была бы Ваш спутник беспечный,
И был путеводной звездою Вам он!

25 февраля 1867. Санкт-Петербург

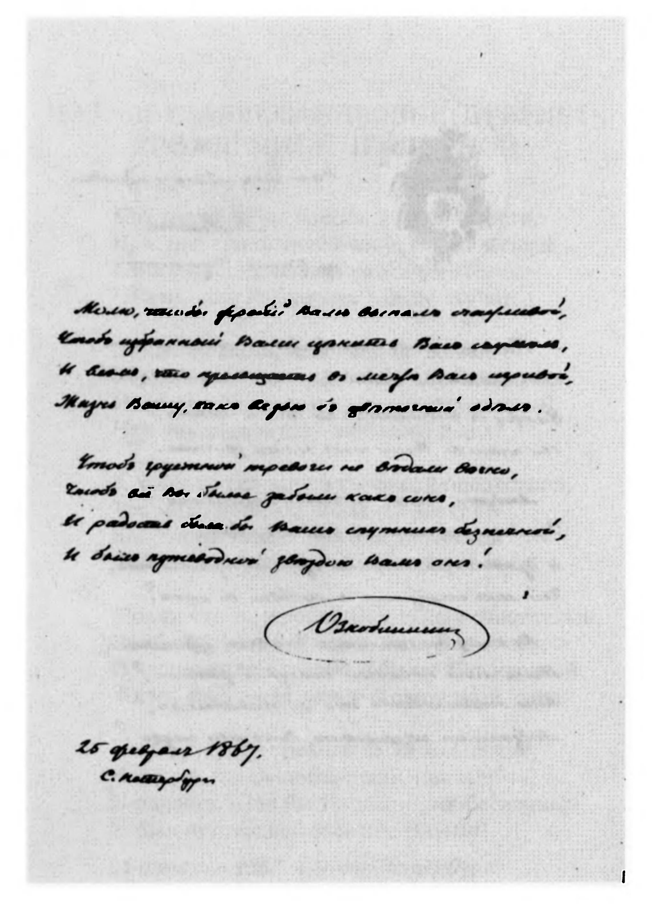
Натальѣ Александровнѣ
Дубельтъ,
урожденной Пушкиной

Какъ много въ Васъ блеска, и нѣги, и свѣта,
Властительной силой чаруетъ Вашъ взглядъ!
Гляжу съ восхищеньемъ на дочь я Поэта,
Чьи пѣсни въ Россіи такъ сладко звучатъ.

Любуюся Вами, невольно прикованъ
Зеркальнымъ сіяньемъ очей голубыхъ,
И думаю: будетъ кѣмъ сердце ея взволновано?
Чей ликъ отразится съ любовью въ нихъ?

Къ кому-то склонится головкой прелестной,
Такъ мило повитой повязкой златой?
Кого осчастливитъ она въ поднебесной,
Лобзаньемъ страстнымъ, восторга слезой?

Беловой автограф стихотворения
“Наталье Александровне Дубельт, урожденной Пушкиной”
(1867)

25 февраля 1867.
С. Петербургъ

Беловой автограф стихотворения
“Наталье Александровне Дубельт, урожденной Пушкиной”
(1867)

АТЛАСНАЯ МАСКА

(Посвящается К.Р. Булгаковой)

Есть в мире преданье: в ночной тишине
Плыл ангел – хранитель небес в вышине;
Он грешницы душу в объятиях нес.
И светлые очи блистали от слез.

Одну уронил он в эфир голубой –
Сверкнула и вспыхла сребристой звездой;
Сияет надеждой, любовью полна
И в раннее утро на небе видна.

Другая упала на твердый гранит –
Безжизненный камень был чувством пробит;
В холодной темнице, незримо для глаз,
Горит она чудно – бесценный алмаз.

Над темною бездной лазурных морей
Скатилася третья с бессмертных очей;
В ковчег перламутра прильнула на дне –
Восточное перло в морской глубине.

На белой перчатке в браслете златом
Я видел алмазы и перлы кругом.
Под маской атласной взор негой светил.
Нет, ангел-хранитель недаром грустил!

Симбирск

МУДРЕНЫЙ СУД

Моя устроилась карьера!
В бокалы чекнемся, друзья!
По воле нашего премьера
Рысистых бегов членом я!

Член общества не водовозных,
Рысистых, кровных бегунов,
Времен Чесьмы для турок грозных, –
С погрома вывел их Орлов[1]!

Тех бегунов, лихою тройкой
Когда мы мчались на Восток,
Дрожал Султан, бег видя бойкий,
В Европе раздавался скок!..

Тревожно буду я в беседке
В курульских креслах[2] восседать;
Часы поставя на заметке,
Платком по воздуху махать.

Дам знак! и кони встрепенутся,
Копыта взроют ипподром,
Летят, кругами быстро вьются,
Взметая к небу пыль столбом.

Один ездок уж близок к цели;
Вот запоздалый взял перед!
И вслед счастливцу загремели
Ура! и плещет вкруг народ!

В сребристой пене конь крылатый
Весь знойным паром окружен...
Что нужды! Приз им взят богатый,
К бессмертью в штут-бук он внесен!..

Весь этот суд творится гласно,
И быть судьей не трудно тут;
Но есть другой, и беспристрастно
Тут не легко исполнить суд!

То суд богинь на злачной Иде;
Его творил пастух младой;
Он отдал яблоко Киприде, –
И десять лет был страшный бой!

Дралися десять лет герои!..
Воспел их подвиги Омир[3],
И над развалинами Трои
Досель стоит в раздумье мир!..

Когда б то яблоко мне строго
Здесь довелося присуждать,
Красавиц так в Симбирске много,
Что я б не знал которой дать.

НА ПАМЯТЬ ДМИТРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ВЕНЕВИТИНОВА

марта 15 1867

Нас всех собрала здесь утрата;
Десятки лет с тех пор прошли,
Но память милого собрата,
Певца мы память сберегли.

Кружок друзей его стал тесен:
Одни вдали, других уж нет!
Но вечен мир высоких песен
И с ними вечно жив Поэт!

Сегодня церковь совершила
О нем молитвенный обряд!
Не все ж с собой взяла могила!
Душа бессмертна. Вслух звучат

Для нас воздушной арфы струны,
Знакомый слышится нам глас,
И мнится, сам он, свеж и юный,
Как бы присутствует средь нас!..

Смирим же скорбь, и Провиденье
За жизнь его благословим;
За то, что мы хоть на мгновенье
Могли порадоваться им!..

ЧАСОВНЯ ЛЕТНЕГО САДА

4 апреля 1867

Куда бежит с утра народ?
Сияют радостию лица!
К какому торжеству зовет
В сад Летний Севера столица?..
Туда гвардейцев бодрый строй
Пронес знамена боевые;
Там царедворцев пышный рой
Толпится; в злато залитые
Посланники, сановных ряд!..
Чего там ждут? Зачем стоят?..
Собор Казанский весь в огнях,
В нем Царь с Семейством. Двор в молитве! –
Не враг ли царства на краях?
Не манифест ли к грозной битве?..
Нет! меч не вынут из ножен.
Спокойна Русская Держава.
Раздора западных племен
Чуждается России слава.
Орел двуглавый зоркий взгляд
Вперяет смело в край Востока.
Он близок, близок день отплат; –
Но не сегодня ждет булат
Борьбы креста и лжепророка!..
Нет! радостный всем ныне день!
День годовщины незабвенной!
Была на солнце русском тень, –
Но тучей пронеслась мгновенной...
В потомство перейдет рассказ;
Дед место правнукам укажет,
Где Божий гнев вблизи был нас,

И как Господь был благ к нам скажет:
“Вот здесь, средь липовых аллей,
Наш Царь, в тиши уединенья,
Один, с заботой лишь своей,
Искал себе отдохновенья. –
Вот, против этих самых врат,
С толпой смешавшись любопытной,
Его следил убийцы взгляд,
В Него прицеливаясь скрытно. –
И грянул выстрел роковой.
Нежданный... В страже крик смятенья!..
Удар, испуганной рукой,
Отвел избранник Провиденья!..
В толпе тревога, вопль и стон!..
Злодей там в жертву истязаний
Народной местью обречен, –
Но, мановеньем Царской длани,
Законной каре предан он.
Восторг был общий, несказанный.
При криках: невредим и жив
Наш кроткий ангел; наш Желанный!
И каждый в день тот был счастлив!
На месте том, где Божья сила
Хранила видимым перстом,
Любовь народная крестом
Часовню скромно осенила.
Там повседневно стар и млад
Возносят к Господу моленья;
Творит богач и бедный вклад
Во славу дивного спасенья!”
Туда сегодня крестный ход,
Народом стогны все покрыты;
Архиереев сонм идет;
И митр и риз забудешь счет;
В алмазы, в жемчуга залиты
В руках иконы. Клир поет

Мольбы хвалебные. Развиты
Хоругви. К небу мысль и взор!
Полн воздух звоном колокольным;
Все дышит чувством богомольным;
Митрополит ведет собор!..
В саду, в виду всего народа,
Встречает Царь его у входа,
Благочестивой думы полн...
Средь смолкнувших и пестрых волн,
Отборных войск между рядами,
Прошел торжественный синклит.
Завесы пали. Дивный вид!..
Пред изумленными очами
Не бедный домик уж стоит! –
Часовня мрамором одета
Карарским, пепельного цвета;
В ее основу лег гранит;
Резьба ласкает взор отрадно,
Гирляндой белой мрамор жадно
Полуоблек овал икон;
С ее наружных трех сторон,
Из бронзы ярко-позлащенной,
На фризе текст гласит священный,
С какою мыслью возведен
Алтарь. Вся крыша узорочной,
Златообрезной чешуей,
Прельщает взор красой восточной,
И не один в ней крест резной –
Четыре зодчий взнес нарочно
На каждый край страны земной!
Внутри все мрамор разноцветный!
Часовни в глубине предсветной
Из гроздий белоснежных свод
Являет мраморный киот.
Стоит, одеян в багряницу,
Прижав к груди своей десницу,

Князь Александр в кольчуге там!
Он кисти Нефа[1] животворной! –
Хранитель Невский взор покорный,
Молясь, подъемлет к небесам.
Златая перед ним лампада
И два креста со двух сторон;
Кресты те созданы из вклада
Златых и сребряных икон;
Но драгоценны те иконы
Не по окладу риз своих, –
Они без камней дорогих, –
Они народом принесёны
В слезах к Царю, как дань сердец,
Что Богом их спасен Отец!..

Молебен начат. Озарился
Свечами лик святых икон.
Зажглась лампада. Заклубился
С кадильниц нард и киннамон.
Весь воздух полон громким хором
Певцов избранных. Всем собором
В хвалу Творцу митрополит
Мольбы возводит. Да хранит
Царя, Дом Царский, всю Державу!
Да дней Того умножит славу,
Кто не искал ее в боях,
Но видел блеск венца – в трудах!
И Сам, в наследственной порфире,
В своей державе–полумире –
Ввел милость с правдою в судах!..
Звучит Евангельское слово
О прокаженных, как Благова
Из десяти пришел один
Благодарить самарянин...[2]
Но лишь святые смолкли звуки,
Как – вечно-незабвенный вид! –
С мольбой, подъявши к небу руки,

Царь на коленях уж стоит!..
Вблизи народа сын смиренный[3],
Его спасти определенный,
И весь Державный, Царский Дом,
И Двор, и войско, сонм народный –
Все пали ниц к земле холодной
В хвалебном чувстве пред Творцом...

Окроплена святой водою
Часовня. Глас хвалы воспет,
Взвилась ракета над Невою,
И с крепостных твердынь пальбою
Отгрянул радостный привет.
Сердца восторгом пылким бьются!
При громе пушек в воздух льются
Царю желанья долгих лет...
И в торжестве своем Державный
Объемлет царственной рукой
Того, кто был сосуд избранный –
Ему в спасенье Богом данный,
Кого Он, сердцем благодарный,
Вознес, облил щедрот рекой!..[4]
Вот Царь уж войск перед рядами,
И гимн звучит где ступит Он;
Ура! стотысячно устами
Народ, следя Его толпами,
Гремит со всех Ему сторон!

Монарх! Такие ж сердца клики
В сей день, в хвалу небес Владыки,
Возносятся Россией всей!
Как сей часовни пред святыней –
Там о Царе молитва ныне
Его признательных детей!

СЛАВЯНАМ

"Добро пожаловать!" при встрече
Прием радушный вам готов!
Мы северяне, и далече
От ваших южных берегов;
Но вам отверзты здесь объятья,
В устах у всех привет один:
Ура вам! милые собратья!
Взывает Русский Славянин.

Брега Москвы, Молдавы, Дравы
Одноплеменства носят след!
Различен наш орел двуглавый;
Но розни в нашем сердце нет!
Мы любим вас, не льстим лукаво.
Нам лицемерить нет причин!
Вы охраняли наше право,
Как верный долгу Славянин!

Издавна, Чехи, вы науку
Внесли в Славянский темный быт!
Нам песня Сербов и по звуку,
И складом сердцу говорит.
Знакомы нам Болгар поверья;
Кирилл[1] их – нашей церкви сын!
Святым писаньем мрак неверья
У нас рассеял Славянин.

Известны нам и ваши муки;
Любушин Суд[2] нам дал их знать:
"Не хвально нам", там льются звуки,
У Немцев правды ожидать!"

Вы много скорби потерпели
И от Мадьяр и от Латин;
Но свой язык сберечь сумели
Как теплый сердцем Славянин!

Год тысяча шестьсот двадцатый
На *Белой* памятен *горе*[3]!
Там, говорят, звучат булаты
И крики битвы на заре!..
В *Косове*[4] стонет одиноко
Лишь ветр курганов вкруг вершин;
Марк Кралевич[5] зарыт глубоко!..
Но скоро вспрянет Славянин!

Собрав Славян в венце державном,
Россия высится главой!
Нет рабства в царстве православном!
Монарху все гремит хвалой!
Ликуют вкруг него народы.
Рабу дал руку господин.
И дышит воздухом свободы
В полях и селах Славянин.

Мы угостим вас, чем богаты,
Чем Бог наш край благословил!
Свои дворцы, свои палаты
Вам Петроград наш отворил.
Здесь бьется сердце всей России!
Здесь Кремль – наш древний исполин!
Сняв шапку, входит во святые
Свои твердыни Славянин.

Не зная гордости и страха,
Зовем славян в обитель муз.
Зовем без укоризн и Ляха
Вступить в научный наш союз[6].
Пусть он забудет спор племенный,

И, как России верный сын,
На деле выкажет вселенной,
Что он душою Славянин!

В святилище наук и знаний
Пусть каждый долю принесет!
Мы здесь для мирных состязаний,
Бойцов не лавр, олива ждет!
Придет ли час соединенья
Славянства будущих годин,
Пытать не станем Провиденья!
Здесь брат нам каждый Славянин!

Май 1867

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМОВ

I

ПСАЛОМ VI

Стихи 1 и 2

Умилосердись! грозным взором,
Господь! меня не обличай,
И в гневе, тяжким мне укором
Вины сурово не карай!

3 и 4

Даруй целенье мне; без сил я;
Трясутся кости, всюду боль;
Уныньем душу истомил я…
Страдать мне, Господи, доколь?..

5

Склонись ко мне в своей щедроте,
В душе огнь скорби угаси,
И, по несказанной доброте,
Меня помилуй и спаси!

6

Тебя умерший не вспомянет,
Когда пробьет кончины час;
Безмолвен ад, – во тьме не станет
Звучать Тебе хвалебный глас.

7

Устала грудь моя, о Боже,
От воздыханий; в сердце страх;
Слезами обливаю ложе
Ночь каждую, – встаю в слезах.

8

От горя потухают очи;
Печаль наморщила мой лик;
Я духом стал мрачнее ночи,
Одряхл, хилею как старик!..

9 и 10

Прочь! беззаконников род злобный!
Сокройся от моих очей!
Господь услышал плач мой скорбный,
Господь молитве внял моей.

11

Да, устыдясь, придет в смятенье
И в ужас сонм моих врагов,
Узнав, как Бог мой, вняв моленье,
Мне дал отраду и покров.

II

ПСАЛОМ VIII

Стихи 1 и 2

Егова, Бог наш! сколь чудесно,
По всей земле прославлен Ты!
Твое величье в поднебесной
Вместить не могут высоты!

3

Из уст младенцев, грудь сосущих,
Ты громкой вознесен хвалой, –
И сонм врагов, Тебя не чтущих,
Смутясь, немеет пред Тобой!

4

Взгляну ль на небеса: – перстами
Ты дивно горняя соткал;
Луну с блестящими звездами,
На них раскинув, основал…

5

Что человек в звене творенья!..
Но Ты его не позабыл;
Ты, полн к нему благоволенья,
Его потомство посетил.

6 и 7

От светлых Ангелов умалил
Немногим смертного удел;
Венчал красою и поставил
Царем Тобой свершенных дел.

8 и 9

Повергнул пред его стопами
Овец, волов и всех зверей,
Небесных птиц и рыб, стадами
Ходящих в глубине морей!..

10

Егова, Бог наш, сколь чудесно
По всей земле прославлен Ты!
Твое величье в поднебесной
Вместить не могут высоты!

III

ПСАЛОМ XI

Стихи 1 и 2

Блажен, приемлет кто убогих,
Кто нищим милости творит;
Господь его от бедствий многих
И в день напасти сохранит;

3

Он сохранит и, полн участья,
Умножить дни его готов;
Осыплет жизнь дарами счастья
И в руки не предаст врагов;

4

Придет к больного изголовью,
И истомленному тоской
Оправит одр, пошлет с любовью
И сон целебный и покой.

5

Господь! воззвал я неутешный, –
Умилосердись, вопль внемли!
Прости мне, я виновен, грешный;
Я болен, – душу исцели!

6

Враги бранят меня; с укором
Твердят: “Что медлит умереть?
Покроем жизнь его позором,
Чтоб память имени стереть”.

7

Ко мне зайдут ли для свиданья, –
О мне жалеют; в их речах
Привет и добрые желанья, –
А уж клевещут во дверях.

8 и 9

Мне вероломны их объятья,
Обидный шепот слышу их:
"На нем лежит печать проклятья!
Не встать, не быть ему в живых!"

10

И тот, кто хлеб мой ел со мною,
С кем тайны сердца я делил,
Занесся на меня пятою, –
Мой искренний мне изменил!..

11

Но Мой Господь меня восставит,
И, милостью Его храним,
Язык мой щедрого прославит,
Воздам добром врагам моим.

12

Я верю сердцем несомненно,
Что Ты, Господь, ко мне был благ;
Не подпустил Ты, дерзновенно
Чтоб надсмеялся мною враг!

13

Ты за незлобье и смиренье
Меня покровом осенил,
Послав мне скорбному целенье,
И пред Тобою утвердил.

14

Да будет славен в благостыне
Господь Израиля сынов!
Благословен всегда и ныне,
И до скончания веков!

IV

ПСАЛОМ XLIX

Стих 1

Воззвал Предвечный, Бог богов,
И в страхе, ужасом объята,
Земля, с востока до заката,
Дрожит, громовый слыша зов.

2 и 3

Грядет, Сион оставя свой,
Во славе Бог; – в устах улики;
Блеск молний пред лицом Владыки,
Окрест шум вихря, бури вой.

4

И все что в неба высоте,
И что в земле таится дольной,
Все созывает Он, крамольный
Судить народ свой в правоте.

5

Велит Он Ангелам своим
Собрать святых, законы чтущих,
В свидетели для всех живущих
Завета, сделанного с Ним.

6

В день страшный грозного суда
Раздастся с неба голос трубный;
Господь судья вам правосудный!
Готова всем и казнь и мзда!

7

Внемли же, сонм Моих сынов,
Израиль Мой, внемли Мне ныне:
Уверуй слов Моих святыне,
Един я Бог из всех богов!

8

Не в жертвах Мой тебе упрек, –
Твои пред Мною всесозженья!
Но Я тельцов без заколенья,
Без козлищей пробыть бы мог!

9 и 10

В твоих Мне жертвах нет отрад!..
Зверей Моих дубравных мало ль?
В Моих степях недоставало ль
Пасущихся на воле стад?

11 и 12

Всех птиц под небом зная, Я;
Поля все жатвами убрал Я;
И не к тебе, когда б взалкал Я,
Приду, – вселенная Моя!

13 и 14

Я ль мясо ем твоих тельцов?
Пью ль козлищ кровь Я пролитую?
Не жертв сих жду, – хвалу иную:
Молитву верных Мне сынов.

15

Ко Мне в день скорби воззови, –
Пошлю тебе Я избавленье,
И Мне воздай ты прославленье
Словами теплыми любви!..

16

И скажет нечестивцу Бог:
К чему устав Мой восхваляешь?
Завет в устах лишь сохраняешь,
А соблюсти его не мог!

17 и 18

Тобой отвергнут Мой закон,
Мое презрел ты поученье!
Зришь вора – тотчас с ним в общенье
И в стыд преступный погружен!

19 и 20

С лукавой наглостью речей,
Поносишь брата клеветою;
Покрыл позора срамотою
Ты сына матери твоей!

21

Я видел и молчал... Слепой,
Ты мнил, потворствуя молчу Я!
Но темный грех твой обличу Я: –
Гляди! он весь перед тобой!

22

Уразумей, лукавый род,
Предавший Господа забвенью!
Есть казнь, – конец долготерпенью, –
И где ж заступник? кто придет?..

23

От вас не жертвы фимиам –
Одной молитвы жду усердной; –
Раскайтеся! и, Милосердный,
Открою путь к спасенью вам!

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ОДОЕВСКИЙ

Наш скромный круг друзей науки
Редеет с каждым новым днем,
И голосов знакомых звуки
Уж многих мы не слышим в нем!

Не буду вам считать утраты,
Кого на перекличке нет –
Их имена для сердца святы!
Их жизни памятен нам след!..

И вот, над свежею могилой,
Молебный вновь несется глас:
Внезапно, полный жизни силой,
Наш князь Одоевский угас!

Он жрец был истинный искусства:
Клавиш касался ли рукой, –
Звенели струны полны чувства,
Лилась гармония рекой.

Писатель был он благородный
И желчью не пятнал пера;
Сиял в нем ярко ум природный
С желаньем искренним добра.

Своей приветливою лаской
Талант он юный ободрял;
А нам то повестью, то сказкой
Досуги наши услаждал.

Напевов старины следитель,
В мир древнерусский углублен[1],
Нам любознательный мыслитель,
Прекрасный дар готовил он…

Но не сбылись его желанья;
Осиротел наш скромный круг!
Сквозь слезы шепчем: “До свиданья,
Наш милый, незабвенный друг!”

Март 1869

А.С. НОРОВУ[1]

Угас паломник наш, участник грозной битвы,
Безногий юноша с полей Бородина!..
Он, чья душа была святилище молитвы,
Сердечной теплотой вся речь оживлена!
В кругу друзей навек его замолкла лира,
Но к славе родины любовью он горел,
И старец, видя блеск картин "Войны и мира",
Как лебедь песнь свою прощальную нам спел.

СИМБИРСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ЗЕМСКАЯ СЕССИЯ, ОКОНЧИВШАЯСЯ 19 ДЕКАБРЯ 1874 г.

I

И в губерньи песня та же:
От волков отбою нет!
Молвил кто-то: "*Кстати б даже*
Был бы Волчий комитет!"
Но иным здесь веет духом:
Эта мысль не привилась
И попытка с волчьим ухом,
Разлетевшись легким пухом
Без хвоста оборвалась.

II

К пользам земства, из усердья
Предлагалася нам роль:
"*Взять сестер всех милосердья,*
Так сказать, *под свой контроль*".
По нежданному воззванью
Дружный земства был ответ:
"*Христианскому даянью*
На Руси учета нет!"

III

Повела к большому спору
Нас стерляжая Сура!
Сколько в ней открыто сору,
Корня, пней et cetera.

Чтоб спасти от бедствий грузы,
Предлагались нам не шлюзы;
“На процентный с грузов сбор
Брать бы земству с этих пор”.
Способ сей удачлив редко;
Вел к борьбе с властями он!..
Мненья выслушав сторон,
Был вопрос поставлен метко
И... “*прошли мы Рубикон*!”

IV

Был прочитан не в забаву
Нам комиссии доклад,
На Карсунскую управу
Обвинений длинный ряд:
Как в восточном узорочье
Выставлялись напоказ:
“*Сбор, налогов средоточье,*
Слом печати в книге касс
И подмен документальный,
Запоздалый денег взнос,
Беспорядок капитальный
Все, что было̀, иль нашлось”.
Пренья жаркие настали
Дать иной сказаньям вид; –
Честью каждый дорожит! –
Мы защите все внимали
Пункт за пунктом разбирали,
И на деле испытали
Все мученья Данаид,
К твердой пунктов постановке
Дан исход к баллотировке:
“*Суд решит, кто прав, где ложь*!
По народной поговорке:
“*Что посеешь, то пожнешь*!”

V

На Порецкие постройки
Не вели мы баттарей:
Чересчур там сметы бойки;
“*Без окошек, без дверей*”.
В деньгах не было растраты:
Не достало для расплаты;
А всему виной: *авось*!
Если б сверили мы смету,
Что в ней есть, чего в ней нету,
Вновь платить бы не пришлось.
Этот случай нам находка;
Свой во всем вести итог,
Помня твердо, “*что колодка*
*Не одна для всех сапог**!

Эпилог

О былом воспоминаньи
Много будет грустных дум,
Сколько здесь страстей кипело!
Сколько прений шло в разлад!
Как общественное дело
Тормозить иной был рад!
Вспомнишь козни все, тревогу,
Волновавшую умы.
И воскликнешь: *Слава Богу*,
Что разъехалися мы!

* Губернский архитектор г. Колодка составлял все 13 смет порецких построек. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

ЗЕМСКИЕ МОТИВЫ

(Экспромты гласного)
Карсунская осенняя уездная сессия
уездного земства,
кончившаяся 14 сентября 1874 года

I

Много били мы баклуши,
Бойко лилась наша речь:
И при всем том, вольчи уши
Не сумели толком сжечь*.

II

Дать полиции движенье,
Видя скорбь всю в отношенье,
Семь лошадок мы нашли,
Ей прибавив в утешенье:
"*Разъезжаться ж ведь могли*"**!

III

Проверяв дорожну смету
Мы сломать решили мост:
Потому что свай всех нету;
"*Тонки бревна, камень толст*!"

---

* Гласные сожгли лишние четыре пары ушей, за которые еще не было выдано из Уездной управы по 2 р. за каждую пару ушей и хвост волчьих. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

** Стихи, поставленные в скобках и подчеркнутые – собственные выражения лица, протестовавшего против предложения, сделанного Председателем Земства. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

IV

За минувшие растраты
Чуть не вспыхнула война:
"*Но в виду внесенной платы*",
Жарких прений время траты,
Речь об них отложена.

V

Сбор коснулся трубочиста
И вопрос был возбужден:
"В курных избах труб нет, чисто:
Что ж там делать будет он?"

VI

К охранению жилищей,
Так как труб пожарных нет,
Дан совет был братье нищей, –
Назидательный совет:
"Чтоб дома не жались к дому,
Чтоб лучины в них не жгли,
И чтоб крыш своих солому
Глиной впредь обволокли!"

VII

Весь прослушали мы сладко
Чувством дышащий рассказ,
На какой на почве шаткой
Просвещение у нас!
"*Что учитель в сельской школе*
Жить не может без сумы!"
Состраданья к тяжкой доле,
Им проценты дали мы.

VIII

При больнице был смотритель,
Трезвый, дельный, всем хорош;

О болящих был рачитель,
Сберегал и земский грош!
Санитарным комитетом,
Компетентным в деле этом,
Признан лишним друг добра;
"*Присмотреть за лазаретом*
Могут де и фельдшера!"
Жутко бедному пришлося!
На руках жена и дочь!
Дело честно им велося;
С просьбой к земству: – не нашлося
Средства бедному помочь!..

IX

Предстояло гласных десять
Нам в губернские избрать:
Все должно тут было взвесить,
Чтобы промаха не дать.
Вот места все с бою взяты;
Уж за них благодарят,
Но избраний длится ряд,
И спустили дипломаты
Первоизбранных за штат…

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ КОСАГОВСКОМУ[1]

Причислен в Министерство Ваше,
Тружусь усердно я, как все;
Стал сед как лунь, хилею даже
Вертяся белкой в колесе!
Судья почетный пятилетье,
Советник статский десять лет,
Всей службы ровно полстолетья,
А всё действительного нет!
Моих уж сверстников немного;
Кто жив, – давно сей носит чин;
Лишь мне преграждена дорога;
Забыт министром я один…
Когда б года Мафасуила
Мне были небом суждены,
В избытке б были здравье, сила,
Я б терпеливо ждал чины…
Тогда б хоть лет чрез двести дали
Превосходительный мне класс,
Нисколько б не было печали
Имея лет шестьсот в запас,
Но патриарших лет нет боле;
Сам Псалмопевец-царь сказал:
“Десятков семь, немногим доле
Господь здесь жить нам указал!”
А там, – глядишь, – зовет могила:
“Memento mori! Дай отчет!”
Взовьется к небу дым кадила,
Клир память вечную поет! –
Нельзя ли Вам замолвить слово
О позабытом старике,

Иль дать мне знать, за что сурово
Ко мне начальство вдалеке?
Узнав невзгоды сей причину,
Главу смиренно преклоня,
Без грусти службу я покину,
Где нет награды для меня.

31 июля 1874

П.П. КОСАГОВСКОМУ

Благодарю, поэт мой милый,
За теплый, родственный привет!
Но мне уж на краю могилы
Не льстит звезда под старость лет!
Пускаться тяжко мне в дорогу!
Взглянувши на пройденный путь,
Припомня дней былых тревогу,
Со вздохом скажешь: слава Богу,
Теперь не грех и отдохнуть!..
В обмен Вам шлю привет сердечный:
Господь, Вас щедро награди!
Чтоб мог я звезд путь видеть млечный
На Вашей доблестной груди!
Чтобы здоровье крепко было,
Семейный круг всегда счастлив,
И стих, внушенный Музой милой,
У Вас лился бы с прежней силой
Всегда и весел и игрив!

16 апреля 1875. Захарьевская, № 10

22 АВГУСТА 1870 г.

(*Из народных реляций*)

Чернь ворвалася в палаты;
Крик: "*Республика*!" в устах,
И воссели депутаты
Министерства на скамьях,
Где же Франции властитель,
Наших дней Агамемнон[1]!
В Солферино победитель,
Где же, где Наполеон[2]? –
Тот, кто мир держал в тревоге
Мановением бровей,
Ныне пленник; по дороге
Быстро мчится в Вильгельмсгёге
С жалкой свитою своей!
За безумную отвагу
Он короной заплатил,
И к стопам Вильгельму шпагу
Раболепно положил.

Позабудутся невзгоды
Тяжких, царственных годов,
Истязания свободы,
Ссылка доблестных сынов;
Миллионов расхищенье
Для безумственных растрат,
Нравов роскошью растленье,
Биржей созданный разврат;
Двор из челяди бездушной;
Все, что Францию томит!..
Край простит великодушный,

Но позора не простит!..
Смерть найди в разгаре боя –
Был, как дядя, б он велик;
С славным именем героя
В сонм бы встал земных владык;
А теперь без сожаленья
На него взирает мир,
И, подняв с земли каменья,
С громким хохотом презренья,
Мечет в сверженный кумир!..

Где же та, кому до боя
Он правленья сдал бразды? –
Нет в Париже. Грозно воя,
Вихрь Регентши смел следы![3]
Опустели вдруг чертоги;
Смолк в них шумных празднеств звук;
Удалились полубоги;
Ниспроверг все люд убогий,
В залах нить заткал паук!..
А давно ль Императрицу
Зрел в величии Босфор?
Ей цветы под колесницу
Рассыпал Царьградский двор!..[4]
Пред Суэцкими вратами
Пышный поезд мир дивил
И плескал, звеня волнами,
Новой Клеопатре Нил!..[5]

КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ ПО ПРОЧТЕНИИ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ: “ПАМЯТИ М.П. ПОГОДИНА[1]”

Как арфа Эола в нагорной тиши
При легком звучит дуновенье,
В устах у Поэта сочустье души
Является в сладостном пенье.
И то, что в сердечной кипит глубине,
Под думой безмолвной скрываясь,
Проснувшись, восторгом пылает извне,
Волшебно стихом окрыляясь.
Так звучный ваш голос, Князь, тронул мой слух,
Как благовест с дальнего края:
Безвременно умер наш труженик-друг,
Славянам душой сострадая!..
В горах звук оружья, пожары и бой!
Бегут, обезумясь в боязни,
И старцы, и дети, и жены толпой
В край чуждый, спасаясь от казни!
Возмогут ли слиться огонь и вода?
Крест гонит поклонник Корана!
Мгновенно не гаснет народов вражда!
Бессильны веленья Султана!
Сын верный России, рыдая, молил:
“Спасите! Они наши братья!
Четыре столетья народ выносил
Обиды, насилья, проклятья!
Их стоны, их слезы не чужды для нас!
Мы также влачили оковы!

В полях Куликовских Россия взнеслась, –
Позор они смоют Косовы!..”

Взывал он, в могиле стоя уж ногой;
Пророчески слово звучало!
Заря возрожденья над вещей главой
Всходила… но старца не стало!

Мир сбудется ль? Лучшей дождутся ль судьбы?..
Россия тверда в упованье;
Хоругвь православья в день грозной борьбы
Не выдаст наш царь в поруганье!..

⟨*1876*⟩

КАМЫШОВАЯ ТРОСТЬ

*Государю наследнику цесаревичу
великому князю Александру Александровичу,
атаману всех казачьих войск,
при поднесении трости,
принадлежавшей гетману казацких войск,
светлейшему князю
Г.А. Потемкину-Таврическому*

Был век, – роились исполины,
Венчал нас лавром каждый год;
Век дивных дел Екатерины
В народной памяти живет!

Пред северной ее державой
Никто не смел возвысить речь!
Судьбу царей и царств со славой
Решал ее победный меч.

В среде бойцов ее могучих,
Сподвижников великих дел,
Один, как молнья грозной тучи,
Державной помыслом владел.

Причудлив, как волна морская,
Тверд, неподкупен, как булат,
Он был, в алмазах весь сверкая,
Солдат и тонкий дипломат.

Ему, смеясь, она вручила
Однажды трость из камыша,
Сказав: “Носи ее, как я носила!”
И, царским даром дорожа,

Той тростью Запорожской Сечи
Он буйство дерзкое смирил[1];
Был с нею под дождем картечи,
Когда Очаков разгромил;

За вековые мстя обиды,
Ордынцев стер с лица земли;
Дал тростью знак, – брега Тавриды
К ногам монархини легли.

Пред тростью сей султан в Царьграде
Дрожал, предвидя смертный час,
Готов молить был о пощаде…
Но вдруг герой в степях угас![2]

Упала трость из рук без боя;
Но в память будущим векам,
Кладу ее с гербом героя,
Великий князь, к твоим стопам.

Спб. 27 дек. 1875 г.

ИЗ ПЕСЕН ЦАРЯ ДАВИДА

Псалом 13. "Рече безумец в сердце своем: несть Бог"

1

Помыслил в сердце муж безумный:
Нет Бога!.. Мир в грехах растлел.
Разврат, разгул повсюду шумный,
Все люди чужды добрых дел,
У всех преступные влеченья –
Слепая жажда наслажденья!..

2–3

Господь проник с небес высот,
Безбожных сонм окинул оком;
Быть может в их среде найдет
Незараженного пороком…
Напрасно!.. нет ни одного,
Кто б добр был, веровал в Него!

4–5

"Ужель не может вразумиться
Погрязший в беззаконьях род,
Забывший Господу молиться,
Как хлеб, снедая Мой народ?
Вселю ж в них ужас я великий,
В испуге смолкнут пиршеств клики!

5–6

Покрою бледных лик стыдом,
Презренны будут их чертоги;

Господний – праведника дом
Где уповал в него убогий,
Где всеми он осмеян был
За то, что Бога не забыл".

7–8

Когда б к Сиона высотам
Дошли Израиля моленья,
И Бог, сердечным вняв мольбам,
Извел народ свой из плененья,
Иаков бы возликовал,
Восторг в Израиле б взыграл!

СЛУЧАЙ

Твердят: всем случай руководит;
А он, слепец, на колесе
Одной ногою став, обходит,
С припрыжкой быстрой, страны все.

Счастлив, кто бег заметя шаткий,
Был на пути его так скор,
Что у слепца схватил украдкой
На лбу оставшийся вихор.

Схвативши раз, держися крепко!
Отпустишь – разобьешься в прах!
Держись всех мышиц силой цепкой,
Замрут пусть пальцы в волосах!

Тогда во всем тебе удача,
За что б ты в жизни ни взялся,
И скажут все, в юдоле плача,
Что ты в сорочке родился.

Богатство иотечет рекою,
Ума палатой будешь ты,
И что ни молвишь, – пред тобою
В восторге все разинут рты.

У черни идолом ты станешь;
Врагов, завистников смиришь,
И, словом, на кого ни взглянешь,
Того рублем ты подаришь.

Не ускользнет вихор из горсти, –
И чернь, что в лести так громка,
Тебя, с насмешкой едкой злости,
Раздавит пяткой каблука.

ВЕНЕРА И ПЛОВЕЦ

Однажды с мосту вниз глядя,
Челнок Венера увидала,
Его под свод теченьем гнало,
Как бы волной разбить хотя.
“Пловец, пловец, держи прямее! –
Кричит богиня: – узок свод!”
Но он чем ближе, тем смелее,
В ответ: “искусство не спасет!
Видал я, как с ладьей иною
Пловец другой, не мне чета,
Не в добрый час, над глубиною,
На мель был вскинут быстриною
У Купидонова моста[1]”.

ЕЕ СИЯТЕЛЬСТВУ КНЯГИНЕ МАРИИ АРКАДЬЕВНЕ ВЯЗЕМСКОЙ

В воспоминанье первой встречи
Царьграда в чуждой нам стране,
Где я, пришелец издалече,
Увидел вас и русской речи
Был звук ваш так приятен мне.

С тех пор с босфорскими дворцами
В моих мечтах ваш образ слит;
Над изумрудными волнами
Он дарданельскими скользит;

Карамзина от колыбели
Вы проследили светлый путь;
Во глубь души его прозрели,
Сумели в сердце заглянуть!

Историк, Гражданин пред нами
Воскреснул, свея сон могил,
И нас, певучими словами,
На путь добра благословил!

Волшебной прелестью одели
Вы сердца искренний рассказ!..
И, мнилось нам, когда вы пели,
Что жемчуг сыпался на нас!

9

Ея Сіятельству

Княгинѣ Маріи Аркадьевнѣ

Вяземской.

Въ воспоминанье первой встрѣчи
Царьграда въ чудной намъ странѣ,
Гдѣ я, пришлецъ издалече,
Увидѣлъ Васъ и русской рѣчи
Былъ звукъ Вашъ такъ пріятенъ мнѣ.
Съ тѣхъ поръ съ Босфорскими дворцами
Въ моихъ мечтахъ Вашъ образъ слитъ;
Надъ изумрудными волнами
Онъ Дарданелльскимъ минаретомъ;

Автограф стихотворения "Ее Сиятельству княгине Марии Аркадьевне Вяземской". РГАЛИ

Карамзина отъ колыбели
Вы проходили свѣтлый путь;
Во мнѣ души его призванье
Сумѣли въ сердце заглянуть.

Историка, Гражданина предъ нами
Воскресили, свѣтя само живя,
И насъ, напутили словами,
На путь добра благословили!

Волшебной прелестью одной
Вы сердца искренній разсказъ!
И, милостью нашею, когда Вы пели,
Что жемчугъ сыпался на насъ.

ПОЭМЫ

ГИНЕКИОН

Язык любви красноречивый, –
Эллады пламенный язык
Роскошный, сладостный, игривой
Свободно Музе прихотливой
Я втайне поверять привык.
Природа мне внушала краски,
И я, неопытной рукой,
Я рисовал живые маски –
Восторги девы молодой.
И не искал, не жду награды:
Надеждой сладкой упоен,
Быть может, робко бросит взгляды
Она на мой Гинекион.

Se non fosse amore, sarreble la vita nostra
come il cielo senza stelle e sole.

*M. Bandello**

Perduto è tutto il tempo,
Che in amor non si spende!

*"Aminta". Atto prima, sc. pr.***

1

Весь пламень мудрости глубокой
Хочу в сердцах возжечь сперва.
Начну ж с Эрота: хитроокой,
Он огнь вольет в мои слова.

Неизвестного

* Если б не было любви, наша жизнь была бы подобна небу без звезд и солнца. *М. Банделло* (*ит.*).

** Все то время потеряно, которое не истрачено в любви. "*Аминта*". *Акт первый, сц. первая* (*ит.*).

2

СФЕНЕЛАДА

Воспламеняющую грады,
Беспримерную в цене,
Златом весящую взгляды –
Образ гордой Сфенелады
Ночью сон представил мне.
Деву я ласкал младую –
С поздней ночи до утра;
И не верил, что целую
Недоступную вчера.
О, не стану же напрасно
Докучать я ей мольбой!
В дар мне сон дает прекрасной
Прелесть девы дорогой.

Неизвестного

3

ХРИСИЛЛА

Улыбается денница,
О Хрисилла, уж петух
Подал весть, и утренница
Зарумянилась вокруг.
Прочь, завистливая птица,
Ты встревожила мой слух.
Я, любовью пламенея,
Ликовал в восторгах ночь!
О Титон, Титон! дряхлея,
Рано с ложа Гименея
Ты Аврору гонишь прочь!

Антипатра Фессалонийского

4

КСАНФА

Росой оливы благовонной,
Филена, свещник напои!
Он наших тайн посредник скромный,
Он тихо светит для любви.
Но выдь, и двери за собою
Захлопни твердою рукою.
Живых свидетелей Эрот
В лукавой робости стыдится!
О Ксанфа! Ложе нас зовет,
С курильниц тонкий пар клубится,
Скорей в объятия ко мне!
А ты, жена, открой зеницы,
Всю прелесть Пафоса царицы
Узнаешь, милая, вполне!

Филодима

5

НАПА

Я, свещник сребряный, посредник тайн
безмолвный,
От Флакка, подарен прекрасной Напе был;
И верный – я не изменил:
Над ложем девы вероломной
Чуть теплюсь горестный, снедаемый стыдом.
Каких я дел немой был зритель!
Флакк! сон бежит тебя, ты думой отягчен,
В разлуке нас томит один огонь губитель!

Статиллия Флакка

6

НИКАРЕТА

Ты бережешь любви цветок прелестный,
Скажи, к чему полезен он?
Все в ад сойдем; в юдоли тесной
Всех примет хладный Ахерон[3].
Там нет Киприды наслаждений,
Как в здешнем мире, чуждом тьмы, –
Носиться будем в виде тени, –
Костьми и пеплом станем мы.

Фсклипиада

7

ЕВРОПА

Европы сладок поцелуй
Когда к устам едва прильнешь –
Он сладок как душистый сот!
Но крепко девы не целуй,
Не то и душу унесет.

Руфина

8

ХАРИТА

Уж солнце шестьдесят кругов
Свершило над главой Хариты;
Но глянец черных волосов,
Плеча, тюникою не скрыты,
И перси, тверды, как лиглин[4],
Еще красуются живые,
И очи томно-голубые,
Чело и щеки без морщин,
Дыханье полно аромата,

Всё чудно, всё прелестно в ней
В годину позднего заката!..
Вы, новых жадные побед,
Поклонники безумной страсти,
Сюда! ее предайтесь власти,
Забыв десятки лишних лет.

Филодима

9

КОРИННА

Не буду течь златым дождем,
И песни лебедя мне чужды;
Пусть Зевс становится быком –
В таких игрушках нет мне нужды!
К Коринне страстью полон я;
Два овола – моя.

Васса

10

КАЛЛИСТИЯ

Явись, двурогая, ночная,
Дремоты чуждая луна!
Явись, в решетки проникая
Уединенного окна, –
И тихо луч свой среброцветный,
Скользя, Каллистью освети;
Эрота маски для бессмертной
Без зависти легко снести.
Здесь вместе мы в восторгах таем,
Сей огнь – тебе понятен он;
Так, ночью некогда скрываем,
Тебя ласкал Эндимион[5].

Филодима

11

ИРАКЛИЯ

О свещник, трижды пред тобою
Клялась Ираклия тайком ко мне придти;
Клялась, и не пришла!.. Когда ты бог, мольбою
Моею тронешься; – изменнице отмсти!
Ложницу резвых игр Эрота освещая,
Где вероломную иной ласкает друг,
В тот миг, когда к нему она в восторге тая,
Падет на грудь, все клятвы забывая,
Погасни вдруг!

Асклипиада

12

ЛИСИДИКА

Еще твое не наступило лето
И не видать полуопадших роз,
Незрелый грозд, на солнце не согретый,
Не точит кровь своих душистых слез!
Но примешь ты все прелести Харита,
О Лисидика. За тобой
Эроты с луком и стрелой
Несутся резвою толпой,
И тлеет огнь, под пеплом скрытый.
Скорей укроемся от гибельных очей,
Пока еще стрела дрожит над тетивою!
Пожар, пророчу вам, от искры вспыхнет сей
Сильней, чем некогда опепеливший Трою.

Филодима

13

АРИСТОНОЯ

Меня приводят в исступленье
Те губки, свежих роз нежней,
Те губки, льющие томленье, –

Владычицы души моей,
Многоречивые, душисты,
Предверья уст, точащих мед;
Ресницы длинны, шелковисты,
Глаза, где с сетью ждет Эрот.
Обворожает грудь младая
Прелестной, млечной белизной,
Полускругленная, живая –
Приятней чаши круговой!
Но для чего собакам кости
Хочу открыть я, где лежат?
Болтливый молвит, а от злости
И тростники заговорят.

Диоскорит

14

ФИЛЕНИЯ

Зачем скорбишь, и в исступленье
Терзаешь волосы суровою рукой?
В очах заплаканных смущенье...
Не зрела ль милого в объятьях у другой?
Я знаю дивное целенье;
Доверься мне – и будет скорбь легка.
Молчишь, и слезы проливаешь!
Уже мне тайну скрыть мечтаешь! –
Глаза, Филения, понятней языка.

Мециева

15

ДИОКЛЕЯ

Я худощавою пленился Диоклеей.
Когда б ее увидел ты,
Сравнил бы с юною, бесплотной Дионеей:
В ней всё божественно, – и взоры, и черты.
На перси тонкие прелестной упадая,

Вкруг сладострастной обовьюсь:
И, в наслажденьях утопая,
Душой своей легко с ее душой сольюсь.

Марка Аргентария

16

АНТИГОНА

Нет, нет! тот не был воспален
Высокой, истинною страстью,
Кто, резвою красавицей пленен;
Невольно взором увлечен
Он был к живому сладострастью.
Лишь тот один постиг любовь вполне,
Кто красоты не разбирает,
Пред безобразною в немом восторге тает
И, исступленный, весь в огне,
Молчит – и слезы проливает.
Безумной мыслию кипит его душа!
Он, чуждый сна, винит мрак ночи
И, трепетный, едва дыша,
С трудом усталые приподымает очи.
Вот образ истинный Эротова жреца!
Вот жертва лучшая Киприде.
Пленяет всех краса лица, –
Влюбленный пламенно не думает о виде!

Марка Аргентария

Гинекион – слово греческое, означает покой для женщин, определенное место для пребывания женского пола; из сего слова французы произвели свой дупесée. Название сие дано мною сим антологическим безделкам, потому что каждая носит имя какой-либо женщины, по большей части взятое из самой эпиграммы, только в трех местах

позволил я себе поставить имена произвольные; но и в этом случае старался я выбрать такое, которое было воспето тем же автором, только в другой эпиграмме... Так например в VI эпиграмме Аскениада не упоминается никакого имени, а просто сказано корү (девица); я дал ей название: Никареты, основываясь на 153 эпиграмме того же Аскениада. В эпиграмме 13 Диоскорида, названной у меня: Аристоноя, руководствовался я также другою эпиграммою сего же автора 53-ю в том же издании, которую перевожу здесь буквально: "Ласковая Армстоноя ранила меня, любезный Адонис, пронзив мне грудь при твоей пещере. Если даже окажет мне милость умертвить меня, то безо всяких отговорок, приняв ее в подруги плавания, отвези вместе со мною".

Наконец, 16 эпиграмма названа также Антигоною; именем, заимствованным мною из 128 эпиграммы того же Марка Аргентория, которую любопытные могут прочесть в подлиннике.

Вот все, что я считал необходимым заметить. Можно б было много сказать занимательного о греческой антологии вообще, не ограничиваясь одним отделением ερατιυω, к которому принадлежат все здесь не близко мною переведенные; можно б было также заметить, что эпиграмма 3 намекает об обыкновении спартанцев, которое не сохранено в переводе; – в греческом сказано: пропади ты, завистливейшая из птиц, гонящая меня из дому в собрание юношей и проч. Но я предоставляю писать об этом другим, более меня сведущим филологам.

СЕЛАМ, ИЛИ ЯЗЫК ЦВЕТОВ

Sometimes her eyes sparkled on finding, perhaps, a stunted marigold, or one of those bitter, scarlet flowers, that lend their mockery of ornament to the desert.

*The Epicurean, by T. Moore**

Улыбнись, моя радость! Anthyllis tetraphylla.

Немецкая книжка, напечатанная в 1823 году в Берлине[I] **, была главным источником предлагаемого издания. В досужее время я перевел сию безделку; дополнил ее многими новыми растениями и цветами; написал посвящение, в котором коснулся изобретения Восточных Меламов, и в таком виде представляю ее теперь читающей публике. Почту себя слишком счастливым, если моя книжка будет принята с тою же благосклонностию, какою был удостоен труд немецкого издателя, и если сия безделка обратит на себя минутное внимание прекрасного пола.

Нельзя при этом не заметить, что наша отечественная ботаника бедна именованиями цветов. Я не говорю, что она имеет в них недостаток; напротив, для иного цветка есть их несколько; но это самое обилие мало радует. Сии названия, по большей части, неприятны, отзываются какою-то грубостью, противною вкусу очищенному, или,

* Иногда глаза ее горели от радости, встречая или иссохшие ноготки, или те горькие и красные цветы, придающие обманчивый блеск своей пустыне. *Эпикуреец, соч. Мура*

** Римскими цифрами отмечен текст, комментируемый Д.П. Ознобишиным (см. с. 238).

быв заимствованы с греческого языка, переданы буквально, и от того нашему языку почти не свойственны. Не говорю также, что все названия дурны: есть и прекрасные, но много ли их? Вообще сказать можно, что эта часть у нас еще младенчествует по недостатку в делателях. Сей недостаток в звучных и приятных цвето-названиях, как позволяем себе думать, есть главная причина, почему цветы так редко употребляются в стихах у наших поэтов, между тем как у всех просвещенных народов Европы и Азии они служат богатым рудником пленительных сравнений.

Скажите, кто б решиться мог
Ввести в свой стих *чертополох!*

Иначе каким образом объяснить ту холодность русских стихотворцев к народным преданиям, в которых цветы играют лицо столь важное; так, например, в наших народных праздниках: Красная горка, Кума, Семик, Троицын день и проч.! Еще и поныне ходят в народе разные поверья, странные и чудесные: о колдуновой траве, о могильнице, кукушкиных слезках, ясенице и проч. Все это, с каждым годом, неприметно изглаживается; и таким образом, со временем, один из прекраснейших источников поэзии русской, сохранивший в себе древний быт наших предков, их нравы и образ мыслей, иссякнет и затеряется в забвении.

Еще недавно русские сказки ожили было под гармоническим пером любимого отечественною публикою поэта, столь разнообразного и обворожительного во всех своих произведениях; но он был один делатель, и в этом только роде, требующем многообразного таланта, не имел последователей, хотя в других увлек целую толпу подражателей. Угрюмые и важные мыслители XIX столетия, мы отвергаем с равнодушием сии блестящие создания игривой фантазии; ищем повсюду идей глубоких, возвышенных, жертвуя для них всем прекрасным, которое на каждом шагу встречаем, и при том в каком обилии! – Искупается

ли пожертвование? – Едва ли! – Не с новым ли, каждый раз, удовольствием обращаемся мы к тем златым временам, которые некогда составляли весь волшебный мир нашего детства со всеми его желаниями и надеждами; когда наше младенческое внимание приковано было к рассказам домашнего оратора – старой няни, вокруг которой теснились мы, дети умом, но уже *люди* сердцем чувствующим, и, можно сказать, ловили на воздухе каждое слово ее, принимая живое, деятельное участие в судьбе какого-нибудь Ивана-царевича, в Бородке с локоток, а сам с потолок и проч. – Страх, печаль, радость и тогда уже сильно умели волновать нашу грудь, а торжество Яги-бабы было единственным горем, нередко вырывавшим слезы у многих внимательных слушателей и слушательниц. Детство прошло!.. Мы смеемся над прошедшим; но память всегда с удовольствием останавливается на предметах, некогда освященных нашею первою любовью, и наслаждается ими, как сокровищем навсегда утраченным; но тем не менее драгоценным. А. Шлегель прекрасно умел выразить сию потребность нашей души:

Ach, dürfen wir mit Träumen nicht
Die Wirklichkeit verweben,
Wie arm an Farbe, Glanz und Licht
Wär unser Erdeleben!*

Новый образ мыслей и воспитания, с каждым днем, ограничивает пространное поле старинных предрассудков и распространяет в бо̀льшую сферу объем своего благодетельного влияния; но вместе с сими предрассудками, к сожалению, исчезает и первобытная простота чувствований – тот нежный их оттенок, который умел вливать жизнь во всё и придавал всему особенную цену.

---

* Ах, мы не должны подменять реальную жизнь мечтами, как бы ни была бедна наша земная жизнь цветом, блеском и светом (*нем.*).

Теперь красавицы-девицы,
Которых скука в старину
Хранила под замком светлицы,
Как заповедную казну,
Живут с мадамой в полной воле;
Им чужд язык для них родной.
Зато их не пугает боле
Скупой Кащей и Домовой.
Злой Дух, как прежде, не уносит
Тайком за тридевять земель[1]
И добрый молодец не просит,
Чтоб посадили за постель[II],
Где он, под шапкой-невидимкой,
Бывало, жив-не-жив сидит
И в страхе, с робкою ужимкой,
На Духа черного глядит.
Нет! ныне Русью уж не пахнет,
И даже изредка, во сне
Девица невзначай не ахнет,
Припомянув о старине!
Поклонницы блестящей моды!
Вас рано увлекает свет!
Забыты игры, хороводы;
Родимых песней гибнет след!
В них прежней прелести вам нет,
Рассказы нянь вас не пленяют
Простосердечною мечтой,
И томны очи не сияют
Бывалой, тихою слезой.
Зато, как часто свет лукавый
Вам изменяет – и в тиши
Готовит медленно отравы
Для слишком вверчивой души!

Но я забыл, что пишу предисловие, которое чем короче, тем лучше. Да простят мне мои любезные читательницы это невольное отступление.

Предлагаемый русский “Селам, или Язык цветов” не может иметь у нас такого обширного предназначения, как Селам восточный, основанный единственно на *рифме*[III], о котором так много занимательного можно прочесть в письмах леди Монтегю[IV], в Дневнике путешествия в Турцию Эдуарда Рачинского[V], в сочинениях Виньо[VI] и в диссертации Г. Гаммера, напечатанной в Восточных Рудниках[VII]. Причины – ясны, и говорить о них почитаю излишним. Если русский Селам доставит удовольствие, а в досуги приятное препровождение времени – цель его достигнута, и мое желание совершенно будет выполнено.

Имея, однако же, в виду соединить в предлагаемой книжке, по возможности, удовольствие с пользою, я выставил в конце каждой страницы названия цветов на языке латинском, иногда вместе с русскими общенародными их именами, руководствуясь Словарем Российской академии и многими другими изданиями отечественными и чужестранными, в особенности сочинением Мюллера[VIII]. Это – полагал я – будет приятно для любителей и любительниц ботаники, которые весьма часто затрудняются в переводе латинских имен цветов на русский язык. В конце книжки помещен латинский алфавит всех цветов в ней находящихся, с указанием на буквы, где их отыскивать*.

Я никак не думаю, что труд мой близок к совершенству. Напротив – уверен, что в нем есть много недостатков и погрешностей (всякое указание на сии последние приму с благодарностию); и если б я не полагался вполне на снисходительную защиту моих любезных читательниц, коих покровительству вверяюсь, то едва ли бы эта книжка увидела когда-либо свет. Ныне так много критиков, – так легко попасть под журнальную опалу! Для них, в особенности, помещена мною на обертке *мимоза*[IX]. “От неосторожного прикосновения свертывается это нежное растение Юга, а холодное дуновение Севера невозвратно

* В наст. изд. не приводится.

его губит. Только тогда можно сохранить этого зыбкого переселенца, когда усвоим ему родной воздух, и будем заботливо его лелеять".

Ознобишин

К***

Бесценный друг! в уединенье
От светских бурь укрылась ты!
Тебе Природа – наслажденье;
Предмет любви твоей – цветы.
Как Пери нежная Востока[x],
Ты пьешь их чистый аромат,
И, в сладкой думе, одинока,
На́ них лелеешь милый взгляд.
Я посещал приют безвестный,
Я видел сад, где степь была;
Там всё волшебство, всё прелестно:
Беседка, мостик и скала;
Там рощица прохладной тенью
Манит в зной полдня отдохнуть;
Там ручеек, журчащий ленью,
Змеит сребром свой резвый путь;
Но ты, младая чаровница,
Всего милей ты, нежный друг!
Как часто мысль к тебе стремится...
Прими цевницы робкий звук,
Прими сей плод досугов скромный!..
Могу ль желать других наград,
Когда, с улыбкой благосклонной,
Ты обратишь ко мне свой взгляд.

Язык цветов, очам приятный,
Тебе, быть может, будет нов
Своей гармоньей ароматной,

Восточной негой страстных слов.
В стране, где жребий жен суров,
Где страждут милые созданья
Ревнивостью заточены, –
Не знаю, верить ли в преданья!
Но говорят, из той страны,
Гарема из темницы грустной,
Цветы, сменив язык изустный
И Billet-doux – впервые в свет
Явилися в пучке Селама[XI].
Одна из дочерей Ислама[XII],
Черкешенка в пятнадцать лет[XIII],
Любовью пылкою сгорая
По милом друге Кафских гор[XIV],
Селам изобрела вздыхая –
Немой, но внятный разговор.
То было в тихий час заката...
На волны тигрские глядя
(Ее купил Паша Багдада),
Грустило милое дитя,
Отчизны край воспоминая,
Жилище мирное отца,
Где роза – прелестью лица,
Она, как серна молодая,
Была беспечна и резва,
Где нежно мать ее ласкала,
Где радость скромная едва
Для неги сердце развивала,
Где до нее не долетала
Ни грусть, ни скука, ни молва.

Брега пустынные Кубани,
Места живых очарований!
Она подумала о вас:
“Там только снег один для глаз
Венчает близлежащи горы;

Там дикость изумляет взоры;
Там Альманзор, там мой Кавказ".
И слезы катятся из глаз.

Всё, всё припомнила она,
И с тихой грустью восклицает:
"Прекрасна здешняя страна!
Здесь всё вокруг благоухает;
Под сенью пальм шумит волна;
Очаровательна прохлада,
И твердь небесная ясна;
Повсюду вечная весна...
Но мне какая в том отрада!"

"Меня ничто не веселит!
В чертоге этом я царица;
Но ах! чертог мне сей темница!
Паши несносен дряхлый вид.
И мне какая радость в этом,
Что рой невольниц пред рассветом
Мой сон почтительно хранит?
Проснулась я – и вот спешит
Одна, с лоханью золотою,
Мне ноги теплой мыть водою*;
Другая мне на руки льет
Емена аромат бесценный[XV];
Та, очи потупив смиренно,
Густые локоны мои
В росе Калафы погружает*,
Или обильно возливает
Галанги светлые струи[XVI];
А та, в коробочке алмазной,
Несет и газе и сурме[XVII];

Здесь и далее знаком * отмечен текст, комментируемый Д.П. Ознобишиным (см. с. 236).

С одеждой та подходит разной,
На выбор предлагая мне;
Та драгоценные каменья,
Цейланский жемчуг подает[XVIII];
Все раболепно ждут веленья...
Заметят, что грущу – и вот
Незримо флейта заиграет[XIX]
Пленительно издалека,
Иль в струны лютни ударяет
Певицы легкая рука.

Что мне в нарядах, в ожерельях?
Что в песнях, коль грустна душа?
Возьми назад свои веселья,
Отдай мне милого, Паша!"

Она глядит на тигрски волны...
Склонился вечер над водой,
И ветерок, прохлады полный,
Как будто шепчется с волной,
В ней легкие вздымая струи;
Так юной девы на устах
Любовь срывает поцелуи,
В передрассветных, зыбких снах.
Мечети долу наклонились[XX],
Как бы за солнцем вслед стремясь;
Раины, пыльмы оживились,
Вечерним мраком освежась.
Вдруг что-то на волнах мелькнуло,
Все ближе, ближе; – вот луна,
На небо выглянув, блеснула, –
Волшебным днем горит страна.
Пленительны Востока ночи! –
Там нет ночей, – но свето-тень;
Как альбионской девы очи,
В них томной негой блещет день.

Но вот челнок уж близко сада,
Кругом обвившего Сераль[XXI].
Она отвесть не может взгляда:
Восторг, надежда и печаль,
Все вместе грудь ее тревожит;
Не изменил предчувствья глас:
"Он, он! другой здесь быть не может.
Алла, будь милосерд для нас!
Мой Альманзор глядел приветно;
Как он узнал меня тотчас!
Он медлил, ждал призыв ответный
И скрылся молнией из глаз".

"Чем дам ответ ему? – Калама[XXII]
Язык опасен будет нам!
Пророк! внуши мне... Из Селама...
Да, да, всё выскажет Селам!"
В чертах прелестной грусть пропала;
Она в восторге в сад бежит;
Все в милой прелестью горит!
Воздушным газом покрывала
Зефир играет, – и порой
Чернее ночи локон взвеет;
То, страстно к груди молодой
Прильнув, ее рисуя, млеет;
То обоймет вдруг гибкий стан,
Манящий негою роскошной;
Ее принять за Пери б можно,
Покинувшую Джиннистан[XXIII].

Прекрасен пышный сад Паши!
Раин там рощи молодые[XXIV];
Там, в очарованной тиши,
Гранаты блещут огневые;
Там померанец и лимон,
И апельсин благоухают;
Там финики на ветви тают,

И, мнится, воздух напоен
Роскошным запахом сандала[XXV].
Перенесенный с южных стран,
В коронах блещет мангустан[XXVI];
Там с пышной амрой сочетала
Краса дубров свои листы[XXVII].
Опередивши время лета,
Мадгави в алые цветы
От корня до верху одета[XXVIII].
Малати дремлет в сладком сне,
Но вспыхнет день – она раскрыта![XXIX]
Сирига дышит при луне[XXX],
Шипами острыми покрыта.
Нагацессары нежный цвет
Любовь заботливо лелеет;
Как от нее прелестно веет! –
От стрел любви защиты нет[XXXI].
И ты, любимица ночная[XXXII],
Сребристый венчик вскрыла свой,
К восторгам неги призывая,
На сладкий поцелуй ночной.
Как нежно, пылью золотистой,
Лот'ос, всплывая из ручья[XXXIII],
Вливает блеск в источник чистый!
Ты здесь, Подруга соловья![XXXIV]
На пламенных листках прекрасной
Лежит холодная роса;
Быть может то блестит слеза
Любви отверженной и страстной;
Прошла весна, и песней нет,
И овдовел роскошный цвет!
Подобный персям юной девы,
Ласкает очи бимбы плод[XXXV];
Чампак душистый Камадевы[XXXVI]
Очаровательно цветет.
Туда и Юг, и Запад дани

Снесли своих благоуханий; –
Там все восточные цветы!
Все рвешь, черкешенка, их ты!

И много сорвано; но мало
Тебе все кажется, хотя
Твое уж полно покрывало,
Неоцененное дитя!
Прелестной ты тогда казалась,
О Зара – цвет Кавказских гор!
Как серна ты всего пугалась,
Вокруг бросая робкий взор:
На вышке ль пташка встрепенется,
Качаясь сонная во сне,
Листок ли с дерева сорвется,
Фонтан плеснет ли в тишине, –
Все тайный страх в тебе наводит,
Невольно возмущает дух,
И будто шепчет: “вот евнух
Вблизи тебя дозором ходит!”
Едва дыханье переводит
В трепещущей груди она;
Бежит, – огнем горят ланиты!
Бежит – и яркая луна
Сребрит стезю младой хариты.
Роскошной прядью на плечах,
Черней крыл врана, кудри веют;
Усталость томная в очах,
Уста нежнее пламенеют.
В одной руке у ней – цветы,
Другой покров приподымает,
Бежит, и дерн едва следы
Чудесной ножки сохраняет.

Пылает знойный день давно.
Цветы стоят в сосудах Патны[XXXVII],

И запах веет ароматный
Сквозь растворенное окно.
Пред ним, с невольницей младою,
Сидит черкешенка одна,
Склонясь на руку головою,
Селам свой хочет плесть она.
Какое ж дать цветку значенье? –
Любовь наставник лучший нам,
Любовь пошлет ей вдохновенье,
Любовь внушит ему уменье
Сплетенный разгадать Селам.
Вот розан-лавр она сорвала[XXXVIII];
"Меня ты чаровал не раз;
Скажи ему, что каждый час
Его любить не преставала".
Потом снимает азалею[XXXIX]:
"Как ты, томлюся я, бледна,
Без друга милого, одна,
Одна с печалию моею".
С ней нежный камалаты цвет[XL]
Она свивает розовидный:
"Внуши, о грозд любви завидной!
Лети, преград отважным нет!"
Потом буя-таньонг душистый[XLI]
Она взяла: "своей звездой
Пленяешь ты семилучистой;
Скорей, вечернею порой;
Спеши увидеться со мной!
А ты, пленительный мюлати[XLII],
Скажи ему: в неволе я;
Но жажду я его объятий –
К нему летит душа моя.
Вот саржи цвет, бальзам носящий[XLIII]:
Тебе мой поцелуй горящий!
Пусть жин-сенг кончит мой Селам[XLIV]:
Ты жизнь, ты свет моим очам!"

“Иди, Лулу[XLV], (так имя было
Невольницы) “на Тигр скорей;
Лишь дня палящее светило
Угасит блеск своих лучей,
Ладью увидишь ты, и в ней...
В ней... это знать тебе не надо!
Брось только в волны мой Селам.
Исполнишь ты, – за то в награду
В фальгу играть позволю вам[XLVI].
Но более, – смотри – вниманье,
Когда увидишь на волне
Цветок, – удвой свое старанье,
Доставь, и принеси ко мне”.

Луч угасающей денницы
На расписные черепицы[XLVII]
Мечетей слабо ударял;
Багдад, днем знойным утомленный,
Как старец, днями отягченный,
В мечтаньи сладком засыпал.
Дремали пальмы вековые
И кипарисы, здесь и там,
По светлым Тигра берегам.
Уже турчанки молодые
Несут подушки пуховые
На кровли плоские домов[XLVIII];
Там сон им кажется приятней,
И воздух веет ароматней
От зеленеющих садов.
Кто смеет бросить взгляд пытливый
На цвет гарема прихотливый,
На милые черты лица,
Хотя б то было издалёка,
Падет от меткого свинца
Сынов ревнивого Пророка.

Заботливо, полна томленья,
Ждет Зара вестницы своей.

Она считает все мгновенья,
Миг веком тянется для ней;
Но вот опять ладья мелькает...
Иль это был очей обман,
Как тот мучительный туман[XLIX],
Который путника прельщает
Водой, среди безводных стран.
“Нет, это он; средь ясной ночи,
Его, его я зрела очи!”
(Любовь так видит далеко!)
Ей стало на душе легко...
Она глядит, – ладья пропала,
Лишь струйка ярким серебром,
На лоне Тигра голубом
Вилась, и быстро исчезала.

Лулу пришла. В ее руках
Лист видит Зара дятловинный.
“О радость! *Пламень наш взаимный!*
Он понял мысль мою; но ах!
Придет ли сладкий час свиданья?” –
Минувших дней воспоминанья
К ней сильно в грудь теснятся вновь.
Она всю ночь о нем вздыхает,
Все утро лишь о нем мечтает,
И молча, в вазах поливает
Цветы – души своей любовь.

Так, милый друг, Селам прекрасный,
Манящий свежестью цветов,
Был языком любови страстной[L],
Бесценных тайн ее покров!
Но что ж с черкешенкою стало?
С ней съединился ль Альманзор? –
О том преданье умолчало.
Есть темная молва: *Сын гор*

Звался утес, теперь безвестный;
Три камня там и кипарис,
Близ Тигра, в ночь одну, чудесно
Вдруг из земли приподнялись.
Там днем не видно ни былинки;
Но лишь придет полночный час,
Цветы, как будто из-под дымки,
Сквозь тонкий пар блестят для глаз.
Но страшно там... Там призрак бродит
В чалме сребристой, – кровь на ней, –
И, сев под кипарис, не сводит
С цветов задумчивых очей.

Мелькали дни, недели мчались...
Давно ладьи уж не видать!
Цветы, по-прежнему, свивались;
Увы! их некому понять!
Однажды (это было утром
В прекрасный месяц Фервардин)*[LI]
Роса сверкала перламутром
На сребряных листах раин;
Нилики в венчике лазурном[LII]
Дремала нежная пчела;
Цвет сбросив бледный, вся в пурпурном
Роскошно альма зацвела[LIII].
В своем киоске одинокий
Сидел Паша, и пил шербет[LIV];
От Зары он одни упрёки
Доселе слышал за привет;
Томимый ревностью, с досады
Отбросил дымный он кальян;
Сверкают раздраженны взгляды –
В них месть горит восточных стран[LV].
Что будет с Зарою невинной!
Ужель в весне прекрасных лет,
Подобно лилии пустынной,

Поблекнуть должен милый цвет?
В объятиях Паши седого
Томиться ль бедной суждено?
Уже евнуху, без покрова
Ее привесть повелено...

Но где она? – в приюте скромной
Цветы, как свежие, блестят:
С златых курильниц благовонный
Алоя дышит аромат[LVI].
Все говорит: "еще недавно
Я здесь была!" – Но где ж она?
Иль, утром, райской птичкой рано
Она порхнула из окна?
Иль светлый Дух Амбер-Абада[LVII],
Носясь над дольнею землей,
Зрел слезы – грустную из сада
Унес на радуге с собой?

В саду Паши, под темной сенью,
Где вьется жимолость вокруг,
В купальне, милой вдохновенью,
Шумит фонтан, лелея слух.
Там рано песнь свою заводит
Весенним утром соловей,
Там Одалыка в полдень сходит
В объятья хладные зыбей;
Но часто в грудь ей непонятный
Какой-то проникает страх,
Из вод ей слышен голос внятный,
Поющий сладко о цветах,
Пленительный, как плод вильвама*[LVIII],
Как юных пери дивный хор; –
И это место, с давних пор
Зовут купальнею Селама.

Вот неподдельный вам рассказ,
Что родило Селам восточный; –

Из древней хартии нарочно
Его я выписал для вас.
Как сладостны цветы Востока
Невыразимою красой!
Но для поклонницы Пророка
Приятней их язык немой!..
У нас гаремы неизвестны;
Наш Север холоден! – Для дам
Селамы будут бесполезны:
Они так преданы мужьям!..
Но вы, чьи очи голубые
Так робко вниз опущены,
Для вас, девицы молодые,
Блестят в полях цветы весны!
От строгой маменьки украдкой,
От прозорливых няни глаз,
Селам свивайте, в неге сладкой:
Любовь легко научит вас.

---

* *Мне ноги теплой мыть водою.* Этот обычай необходим на Востоке; там не носят чулков, и прекрасная ножка выказывается во всей своей красоте.

* *В росе Калафы погружает.* Бен иначе называется: *вода Халафа.* Oleum balanicum – масло, извлекаемое из плода Гвиландины (Guilandina moringa. Linn.). Страсть восточных народов к благовониям и курениям простирается почти до невозможности. Они преимущественно употребляют мускус и находят особенное наслаждение в разнородных благоуханиях, исходящих из душистых лепешек Сераля. Сверх того украшают свои залы сильно пахучими растениями: базиликою, мятою и всеми родами душистых трав; жгут в курильницах дерево алое, росный ладан и другие ароматы, и опрыскивают как себя, так и гостей своих розовою водою из пузырька, в серебряной пробке ко-

торого, нарочно для этого, сделано несколько отверстий. – *Гарсен де Тасси.*

* *В прекрасный месяц Фервардин.* Вот описание весны Могаммеда Магади, в его Истории Шаха Надира:
"В то время весна раскидывала в пиршественной зале садов изумруд своих зеленеющихся растений и покрывала розовые беседки мантиею, сотканною из тысячи цветов разнообразных. Высокие кустарники были украшены тиарами и венцами, образованными из почек и цвета розы, и облечены в одежду из свежих листьев. Ивы, тополи, сосны и яворы движением своих ветвей производили приятную мелодию; между тем как розы, блистающие по берегам источников, довершали полноту картины его пленительного собрания прелестей природы. Облака, подобно юным чашникам, орошали своею прохладною влагою луговины цветов, а весенние ветерки свевали с поверхности сада дурные травы и зимние терния".

* *Пленительный как плод Вильвама.* В полном собрании сочинений Гердера помещено стихотворение *Тамаяндри* – прелестный цветок, вероятно перенесенный им из роскошного цветника Индостана. Передаем как умеем.

ТАМАЯНДРИ

Кто представить может
Прелесть Тамаяндри,
Брамы лучший подвиг!
Тысячи столетий
Бог сей упражнялся
В славном мирозданьи,
И, собрав из лучших
Обольщений сердца
Прелести живые,
Создал Тамаяндри.

Кама и Приятность[2],
Милые супруги,
Только лишь узрели
Образ несравненный,

Сняв с себя веночки
Их на грудь Прекрасной
Тихо возложили;
И тогда возникли
Холмики отрады,

В легком округленьи,
Как плоды Вильвама,
Медленно волнуясь,
Как последний отзыв
Томнозвучной лютни.

Пять лишь стрел в колчане
Бог любви имеет;
Три из них мгновенно
Расстрелял он в небо,
В землю, в царство бездны;
Две же остальные
Скрыл он, Тамаяндри,
В твои ясны очи.

[I] Die Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach orientalischer Art. Ein Toilettengeschenk. Achte vermehrte Auflage. 1923. Berlin.

[II] Смотри русские сказки.

[III] Вот примеры: *уцум* (виноградный грозд) рифмуя с *чейцум* (глаза), означает: "очи мои" в *Ишагла* (свежие миндали) с *агла* (плакать), значит: "я плачу". *Юндша* (дятлина), рифмуя с *олундша* ("болезнь, смерть"): "я буду любить тебя и до самой смерти". *Stambul oder Constantinopel wie es ist*. 1827.

IV Letters of Lady Mary Wortley Montagu, written during her travels in Europe, Asia and Affrica. London. 1784, in 8.

V Dziennik podrozy do Turcyi, odbytey w roku MDCCXIV (1714). Wroclau, 1823, b 8 дол. – В сем дневнике мы видим, что не одни цветы входят в восточный Селам, напр. жемчуг, бисер: *Инджи*. 1) Ты сокровище красоты. 2) Для чего не любишь меня. – Мастика, древесная смола: *Сакиз* – люблю тебя, девушка. Мускус: *миск* – ты без порока, без недостатков и проч.

VI Le secretaire Turc par du Vigneau.

VII Fundgruben des Orients. T. 1.

VIII Dictionnaire jardinier par Müller.

IX Mimosa pudica. – Не тронь меня. Linn.

X *Пери* – существа воображаемые, населявшие мир наш за две тысячи лет до сотворения Адама; ниже ангелов, но превосходнее людей. Индейцы и другие народы восточные представляют их в виде женщин, живущих в цветах радуги, питающихся одним благоуханием роз и ясминов и порхающих в облаках ароматных. *Ричардсон, Розенцвейг*. См. также "Пери и Ангел", пер. *Жуковского*.

XI *Селам* – приветствие. Под сим именем на Востоке разумеется также аллегорический язык цветов.

XII *Дочь Ислама* – Могаметанка. Слово Ислам происходит от *эселам* – посвящать себя Богу. *Савари*.

XIII Женщины на Востоке рано развиваются; но скоро и блекнут. Айеша, любимая супруга Могамеда, не имела еще и пятнадцати лет, когда сопутствовала лжепророку на возвратном пути его в Медину после победы, одержанной им над Моталекитами. *Савари*.

XIV Гора *Каф* (под сим именем, в пространном смысле, подразумеваются: Кавказ, Имаус, Эмод и Тавр; в теснейшем же значении один Кавказ) окружает, по мнению Восточных Писателей, всю землю как бы кольцом, или поясом. *Розенцвейг*.

XV Благовония Иемена – счастливой Аравии издревле были славны. См. *Библия*.

XVI *Галанга* – galenga major et minor. Чистое масло цветов галанга, получаемое нами из Индии, редко и драгоценно. *Toilette de Flore*.

XVII *Газе* или *гюлвеюне* – румяны. *Сурме* или *коголь* – черный порошок, который будучи проведен под ресницами, возвышает блеск в глазах. *Розенцвейг*.

XVIII Перлы Багарема уступают в белизне жемчугу, добываемому в Цейлане и Японии. *Ментелс*.

XIX Флейта, употребляемая на Востоке и называемая арабами *кассаб* есть род наших флейттраверс. Они египетского происхождения, и, по преданиям, изобретены Моисеем в то время, когда он пас стада своего тестя Иемро. *Розенцвейг*.

XX Есть много мечетей в Багдаде, которых минареты наклонились, как бы близкие к падению. Туземцы вообще предполагают, что они склонились, приветствуя Мекку. *Оттер*.

XXI *Сераль-Паша* примкнут к стене, ведущей к реке. Дворец сей имеет прекрасные сады, наполненные лимонными, померанцовыми и кипарисными деревьями. *Оттер*.

XXII *Калам* – трость, которую употребляют на Востоке вместо пера для письма. *Гербень*.

XXIII *Джиннистан* – земля гениев.

XXIV *Раина* – белая или сребролиственная высокая тополь.

XXV *Sandalum album, flavum, rubrum*. Сие ароматное дерево весьма ценится на Востоке. Белое сандальное дерево, высоко растущее, почитается лучшим. См. Fundgruben des Orients, 5 часть.

XXVI *Garcinia mangostana*. Linn. На верхушке плода сего дерева находится корона, образованная из пяти или шести соединенных в один круг треугольников и многих зеленых вогнутых листьев, оставшихся от цветка. *Vojage de Cook*.

XXVII "Взгляни, Сакontала, как эта юная и свежая *Малика*, проименованная тобою: *Ванодизини,* или *краса дубров*, сочетала свои зеленые листья с сею величественною *Амрою*". *Калидас.*

XXVIII *Мадгави* – gaertnera racemosa. *Лангле.*

XXIX *Jasminum grandiflorum. Linn.*

XXX Mimosa siricha. Linn. "Так нежный цвет *сириги* развертывается на грубой и покрытой иглами ветви. *Калидас.*

XXXI *Нагацессара* – одно из прелестнейших деревьев на земле; по сладостному аромату, цветы его помещены в колчане Камадевы, или бога любви. *Сир В. Жонес*[3]. Полагают, что это *pandanus odoratissima.* Linn. *Форстер.*

XXXII "Оn у trouve encore le sundal malam, ou *polianthes tuberosa.* j'en parle à cause de son nom Malais qui signifie *intrigante de nuit. Voyage de Cook.*

XXXIII В Индии находится два рода водяных лилий, nymphea lotus и nymphea nelumbo. Linn. "Золотая пыль его (лот'оса) сообщает цвет свой источникам обители Кассиапа и оставляет несколько следов на прелестных ланитах Саконталы". *Калидас.*

XXXIV *Подруга соловья* – роза. Любовь соловья и розы прославлена поэтами Востока: Гафицом, Саади, Жами[4] и проч.

XXXV *Momordica monatelpha.* Linn.

XXXVI *Michelia champacca.* Это один из числа пяти цветков, которыми вооружены стрелы бога любви – Камадевы. *Форстер.*

XXXVII Terre de Patna, espèce de bois du mogol. Из нее делают сосуды; влитая в них вода принимает приятный запах, *Toillete de Flore.*

XXXVIII *Nerium oleander*; *rosage.*

XXXIX *Azalea Pontica.* Linn.

XL *Ipomea.* Камалата есть один из цветков замечательнейших по цвету и образованию своих листьев и цветка. Его прелестные, розонебесные венчики –

цвет посвященной любви, были виною, что ему дано название *Камалаты*, или *грозд любви. Сир В. Жонес.*

XLI Mimusops elengi. Linn. Сей цветок имеет вид звезды, окруженной семью или осмью лучами: он желтого цвета и приятного запаха.

XLII *Nyctanthes sambac*. Linn. Он более известен под названием *Аравийского ясмина*. Voy. de Cook.

XLIII "Дождь перестал на время, уступая место воздуху сладостному и прохладному, исполненному запахом сандала, и обремененному роскошными ароматами, похищенными с цветков Кадамбы, Сарджи и Арджуны". – *Гариванса*. Shorea robusta. *Linn.*

XILIV *Panax, ginseng*. Linn. Сему растению приписывают в Китае силу продолжать жизнь; надобно пить только его настой несколько времени. – *Toilette de Flore*.

XLV *Лулу* у арабов означает перло. Histoire de la Domination des arabes en Espagne par Conde.

XLVI Сия игра, обыкновенная в сералях Востока, состоит в том, что играющие бросают друг в друга просто рукою или из трубки красную пыль, называемую *фальгу*, которая вдруг осыпает всего с головы до ног. – *Лангле*.

XLVII Багдадские мечети покрыты расписными черепицами. – *Спикер*.

XLVIII Дома в Багдаде устроены с террасами, на которых спят в летнее время, по причине жаров необыкновенных; ибо солнце столь знойно в Багдаде, что утверждают даже, будто оно раскалывает мрамор. – *Оттер*.

XLIX Сей феномен степей, именуемый *сераб*, происходящий от преломления лучей палящего солнца в песке, представляется очам жаждущего странника в виде отдаленного озера. "Ce phenomène (mirage de sable) s'est offert plusieurs fois à nos yeux dans le désert; on ne saurait croire combien le sentiment de la soif est irrité par ce jeu de la lumiére, qui fait apparaitre l'image de l'eau au milieu d'un éspaec aride. – *Courier de l'Egypte N. 31*.

L На Востоке (где женщин не обучают письму, опасаясь, чтобы они из этого не сделали злоупотребления), цветы, пепел, маленькие камешки и проч., выражают чувствования двух сердец, чрез посредство всесветного Меркурия – старухи. Пепел означает: "горло для тебя"; пучок цветов, перевязанный волосами, – "похить меня и убежим"; но что значит маленький камешек, – того ничем другим нельзя выразить. – *Л. Байрон.*

LI Так называется иногда месяц март у персиян. *Histoire de Nader Chah par Jones.*

LII Меня уверяли, что *Нилика* есть *cephalica* индейцев, потому так названная, что пчелы спят в ее цветочках. – *С.В. Жонес.*

LIII Когда вы ни взглянете на это дерево, то всегда нам нем увидите цветы или плоды. Земля часто бывает усыпана его пурпуровыми цветами; но едва один цветок упал, как другой уже его заменяет и проч. *Гиенгоф.*

LIV *Щербет* – питье. Так обыкновенно зовется напиток сладостный, прохладный и по большей части розового цвета, делаемый из фруктового сыропа и благовонных цветов, распущенных в воде. – *Розенцвейг.*

LV Если бы кто пожелал видеть примеры сей ужасной мести, свойственной жителям Востока, то пусть заглянет в жизнь Могамеда, написанную г. Савари.

LVI "По правую и левую сторону дымились ароматницы, в коих горели сандал и алое и проч". – *Гариванса.*

LVII *Амбер-Абад* – град Амбры, один из трех городов, обитаемых светлыми духами, или Пери. – *Розенцвейг.*

LVIII Я не мог найти описания сего прекрасного плода, растущего в Индии; но в конце помещаю стихотворение из Гердера, в котором оный упоминается.

ГОРОДОК

(Сказочка)

Ну, садитесь, детки, в ряд!
Сказочку, на новый лад,
Вам сказать хочу я.
Чур же слушать! Ни гугу!
Шум подымете ль, не лгу,
Тотчас замолчу я!

Наверху приволжских гор
Зеленел когда-то бор,
Ветер выл без смены;
Вот, в средине пустыря,
Глядь-поглядь монастыря
Поднялися стены[1].

Козней дьявола боясь,
Там, от мира затаясь,
Сестры приютились;
Вкруг чуваши и мордва,
Свой ясак[2] платя едва,
Мирно заселились.

Не по дням, а по часам
Городок разросся там,
Ветреный – прозваньем*.
Назван был ли так от гор,
Иль по милости сестер, –
Смолчано преданьем.

---

* Симбирск, правильнее: Синбирск, по мнению майора Назарова, привезшего одного из киргизских султанов на жительство в Синбирск, происходит от двух татарских слов: сюн и бирск, что означает ветреная гора. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

Видел он набег татар,
Пало царство как болгар,
Как в стенах Казани
Грозным юношей-царем
Задан был орде погром[3]
Вместо прежней дани.

Городок был сам в боях;
Охранял он царский стяг,
Жизни не жалея;
К Дону рыл глубокий вал,
Чтобы в страхе он держал
Конников Гирея[4].

В грозный Разина набег[5]
Поголовно собрал всех –
Весь свой муравейник;
Не робея пред толпой,
Крест взял в руки, дал отбой, –
И бежал изменник!

Но страшней была пора
Как, под именем Петра,
Шел Емелька с силой![6]
К *городку* он шайки слал
И свой путь обозначал
Кровью и могилой.

Пугачева, в краткий срок,
В клетку запер *городок* –
И в Москву, к поклону.
В герб за то царица-мать
Верному велела дать
Со столбом корону[7].

И, гордясь столбом своим,
Стал он зваться *столбовым*,
Вовсе не из чванства.

Много лет спустя затем,
Красовался титлом тем
Знатный род дворянства!

Уходил за годом год;
Много было воевод
В старом *городочке*!
Всех имен не перечесть!
А творили что? – Бог весть! –
Все строчили строчки.

“Строчки!” – Да! Вам, дети, смех!
А вот я сошлюсь на всех,
Что, иной порою,
Не одних был строчек ряд:
Взглянешь пристальней, стоят
Точки с запятою!

Страшный был от перьев скрип;
А, подумаешь, могли б
Сколько сделать дела –
Оторвавшись от пера
И взглянувши, хоть с двора,
Жизнь как вкруг кипела!

Громко вслух кричал народ:
“Дайте нам водопровод,
Не чернильной влаги!
На реках мы – без воды!
Плохо будет! В час беды
Не спасут бумаги!”

И ответ им был на то:
“Есть *распивочных* вам сто,
А на вынос – страсти!
В час же огненной беды –
Чаны полные воды,
Три пожарных части!

Что соваться вам в дела!
Ведь без вас машина шла,
Так и не мешайте!
Сядьте в палки, в ералаш,
Охранять вас – долг ведь наш!
Спите, почивайте!"

Крик большой был в этот миг;
Много шуму; – шум затих;
Все поусмирели.
И, одним прекрасным днем,
Город выжжен был огнем[8]
На одной неделе!

Где ж был тот из воевод,
Кто брался хранить народ, –
Провиденья око? –
. . . .

Ныне, был где монастырь,
Столб стоит, кругом пустырь;
Столб тот без короны!
И на нем слова: "Не враг
Нас сгубил, а тьма бумаг,
Перьев миллионы".

Сказку кончить довелось.
Что ж вы, дети? Полны слез
Глазки голубые! –
Не тужите! Голый, ох!
Но за голеньким есть Бог,
Царь и вся Россия!

⟨*1866*⟩

СИЗИФ И СМЕРТЬ

Милетская сказка

Милетские сказочники пользовались в древности большою славой. Милет составлял в Малой Азии греческую колонию; жители ее говорили на диалекте ионическом. Сказки милетские дошли к нам в отрывках, и даже неизвестно, были ли они писаны стихами или прозою, невзирая на двустишие Овидия, относящееся к Аристиду, которому приписывается бóлыпая часть этих легенд или пестрых сказок классической древности. Можно с некоторою вероятностию предполагать, что рассказчики милетские мешали прозу с стихами, подобно арабским рассказчикам. Не предрешая, однако ж, этого, лорд Литтон передал в стихах целый ряд мифологических рассказов под заглавием: *Потерянные сказки милетские* (Lost tales of Miletus by Bulwer Lytton). Одна из них предлагается ныне в вольном русском переводе.

“Мы знаем Сизифа, – говорит лорд Литтон, – только по переданному нам великими поэтами окончательному приговору, который был должен совершиться над ним в аду; а не по романтическим приключениям его мифологической жизни, из которых те, кои он имел с Смертию и Плутоном, не менее других любопытны. Сизиф признаваем был и своими главными врагами мифологами за основателя Ефира, впоследствии Коринфа. Он считается в числе первых учредителей торговли и мореплавания. Особенное его преступление, заставившее Зевеса послать Смерть к Сизифу, рассказывается поэтами различно, хотя они все согласны в том, что это преступление заключалось в его дерзком вмешательстве в божественные тайны”.

Однажды, так гласит старинное преданье,
У Зевса, на небе, случился званый пир;
Жаль, что смолчал о нем божественный Омир:
Он дивно б описал богов нам ликованье!
Где вкруг с амврозией носилось много блюд,
Где юный Ганимед лил нектар полной чашей...
Но вот пир кончился... В земной юдоли нашей
Вдруг Зевсу вздумалось творить обычный суд.
И что ж! Со всех сторон к нему несутся клики,
Один всеобщий вопль: "Спаси нас, Зевс великий!
Ты был к нам милосерд, человеколюбив,
Избавь нас, огради! Виной всех зол – Сизиф!"
"Что за диковинка! – подумал Зевс державный, –
Вся сила ведь в толпе; ум вечно одинок;
На одного здесь все! В такой борьбе неравной
За ум я заступлюсь и добрый дам урок!"

Вот жалобы он все прослушал со вниманьем
И, ознакомясь с их нелепым содержаньем,
От смеха сильного чуть с трона не упал:
Воришек целый сонм Сизифа вором звал.
Положим, что Сизиф, как хищный волк, был жаден,
Да с лисьей хитростью был в подвигах счастлив;
И взвыли волки все, – товарищ был накладен:
"Отдай нам, Зевс, овец! Погибнет пусть Сизиф!"
Был в изумленье Зевс, такое зря бесстыдство;
И в Громовержущем закралось любопытство:
Взглянуть в лицо того, кто был тот архиплут,
Против которого так дружно брань ведут.
Помыслил; на челе державном брови сдвинул, –
На том челе, где мир – и все лежит в тиши;
Но лишь нахмурится – трепещет всё... Он кинул
На вора зоркий взгляд, проникший в глубь души.

Сизиф против него в то время козни строил;
У близкого родни он гурт волов спроворил,
И, чтобы выгодней свою добычу сбыть,

"Сизиф и Смерть. Милетская сказка". Издание 1871 г. Обложка

СИЗИФЪ и СМЕРТЬ.

МИЛЕТСКАЯ СКАЗКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОГЕНФЕЛЬДЕНА И К°.

(Вас. Остр., 2 л., д. № 44).

1871.

"Сизиф и Смерть. Милетская сказка". Издание 1871 г. Титульный лист

Жрецов Зевесовых задумал подкупить:
Оракул возвестить был должен всенародно,
Что за грехи страну постигнет вскоре глад;
На рынке бы для жертв тогда б он взял свободно
Тьму денег за волов. Ну, дело было б клад!
"Потише! – молвил Зевс, – теперь ты, друг, попался!
Расчет был верен твой; но здесь ты обсчитался!
У человека красть волов еще ты мог;
Но Зевса обмануть!.. Ты позабыл, – он Бог!" –
"Гермес! – воскликнул тут карающий громами: –
Лети! И чтобы Смерть сдала тебе тотчас
Того разбойника, что возится с волами;
Скорей, доколе гнев мой пылкий не угас!"

Меж тем Сизиф, свой торг с жрецами тайно сладя,
И бороду свою с самодовольством гладя,
Домой шел ужинать. Вот сел; перед столом
Он выпил чарочку; накрыл главу венком...
Вдруг Смерть нежданная вошла к нему без зова,
С походкой светскою; сухой скелет – как есть;
Не говорит ему, как водится, – "Здорово!"
Но, приседаючи, пищит: "Имею честь..." –
"Уж ты не Голод ли! – прервал Сизиф в испуге, –
Сейчас я деньги внес, заботяся о друге;
Признаться надобно, нелишний труд бы был,
Когда б хоть кожицей ты остов свой прикрыл!" –
"Да, – возразила Смерть, – толстяк, тучнейший телом,
Будь в беготне, как я, чтоб сна и в ночь не знал,
Как спичка высохнет, моим занявшись делом...
Я Смерть! Спеши допить последний твой бокал!" –

"Ты Смерть! голубушка! И людям было можно,
Что, грубиянка ты, так клеветать безбожно!
Скажи, чем заслужил великую я честь
Увидеть у себя. Прошу покорно сесть!
Как, милая моя, твои взопрели кости!

Хоть на минуточку присядь и отдохни.
Подвинь-ка креселки. Твердят мои все гости,
Что так привольно в них; покойны так они!"

Обвороженная радушностью приема,
И ласки новизной, ей вовсе незнакомой,
"На миг, – сказала Смерть, – присяду за привет!"
И в креслах захрустел усевшийся скелет.
Но были кресла те, твердят нам мифологи,
Изделья чудного, когда рассказ не лжив,
Их не кузнец сковал – Циклопы-полубоги,
В подушках бархатных искусства тайны скрыв.

К тем креслам архиплут наш прибегал нередко:
Врага ль завлечь к себе хотел в засаду метко,
Иль с кредиторами желал покончить счет,
Приветливо к себе на ужин зазовет;
Тут в преданности лил он щедро заверенья,
Брал во свидетели домашних Лар своих,
Ласкал, божился, льстил без всякого зазренья,
Чтоб только усадить в тех креслах роковых.
Из кресел тех, лишь Смерть до их коснулась спинки,
Поднялись сотнями сокрытые пружинки,
Как змейки обвились промеж костей сухих,
Стальными кольцами их оковали вмиг.
"Пойдем! – сказал Сизиф, – теперь идти с тобою
Готов я! Что ж?" – Но Смерть ноги не оторвет,
Клянется, бесится. Угрозами, мольбою
Ее не тронут плут, – ее здоровье пьет!

Напенил ей бокал и говорит умильно:
"Пей, гостья милая! Не горячись так сильно!
Сердиться не за что, ты согласишься в том,
Когда спокойно мы все дело разберем.
Не ты ль сама сейчас произносила пени
На горький жребий свой: быть вечно в беготне,
Стоять подчас в крови по самые колени

И даже отдыха не знать в минутном сне.
То воздымать моря громадными волнами;
То раздувать чуму, войну меж племенами;
Младенцев похищать у бедных матерей
И отравлять их жизнь до самых поздних дней;
Повсюду слезы зреть и слышать лишь упреки,
Страданья возбуждать, в груди тяжелый стон!
Скажи по совести: твой труд, всегда жестокий,
Бывал ли чем-нибудь хоть раз вознагражден?

Весь век разбойничать, в добыче ж быть без доли;
Быть вечно палачом всегда противу воли...
Ну, рассуди сама, что лучше предпочесть:
Любимой быть людьми иль ненависть их несть?
А если хочешь ты сердечно быть любимой,
Сиди спокойно здесь. Устроим пир горой!
Пусть опустеет Стикс. О нем заботы мимо!
Для Смерти не теплей, когда людей там рой!"...

Скелет, задобренный правдивым рассужденьем,
Притих, довольный сам покойным положеньем,
И в челюстях его, хозяину в ответ,
Гримасою мелькнул улыбки беглый след.
Лукавый наш Сизиф, для узницы в угоду,
Творил чтó только мог, чтоб дружбу с ней снискать,
Ведь пленница могла вновь получить свободу,
Так был прямой расчет ее не огорчать.

Вот тешит он ее то сказкой с прибауткой,
То новой песенкой, то остроумной шуткой;
Как нежный юноша в глаза ей вечно льстит
Иль блюдом лакомым в ней будит аппетит
И хвалит чудный вкус; из сребряной корзины
На выбор тонкие ей предлагает вины,
Их сам отведает, ей изобильно льет,
Или на череп ей венок душистый вьет.

Так уходили дни; так шли в забавах ночи,
И ваши бы на них залюбовались очи,
Зря собеседников, сидящих за столом,
При ярком блеске звезд, пирующих вдвоем.
И подлинно; нельзя тут было не дивиться:
Вражду окончил мир негаданный вовек;
Вода с огнем никак не могут вместе слиться:
Слились же дружбою здесь Смерть и человек!

В то время занят Зевс иными был делами;
Таинственных раскрыть не смею перед вами;
Непосвященным знать о них воспрещено;
Вниманье было все его поглощено
В Олимпе. Скрыт от всех туманами эфира,
Земное позабыл Тучегонитель сам;
Вдруг вспомнил о жильцах подлунного он мира
И захотел узнать, что́ делается там.

С небесной высоты склоняет слух свой долу.
Тишь непробудная. К надзвездному престолу,
Как прежде, ропщущий не всходит глас людской;
Молений, жалоб нет, нет просьбы никакой;
Как будто бы богов и смертных съединяя,
Златая цепь судьбы внезапно порвалась,
И люди, в счастии, в довольстве утопая,
Как бремя лишнее отвергли эту связь.

"Вот как избавился я от людской докуки,
С тех пор как только сдал Сизифа Смерти в руки! –
Подумал про себя властительный Зевес:
– Спустись к земле; взгляни, что́ там внизу, Гермес!" –
"Всесильный! – отвечал гонец его крылатый,
Носящий жезл златой, опутанный в змеях. –
Заграбил всех Сизиф, на козни тороватый;
Смерть не взяла его, – он держит Смерть в цепях!

Весь род людской с тех пор, как Смерть в неволе
тесной,
Подобен жизнию стал твари бессловесной,

Не знающей молитв. Исчез лишь смерти страх,
Забыты боги, храм; нет жертв на алтарях;
Твои жрецы давно б от гладной сгибли пытки,
Будь Смерть; живут травой, как бедные улитки,
Тенями движутся, тощее чем Тифон,
Пока в тончайший пар не обратился он;

А Смерть костлявая вся кожею одета,
В щеках ее горит румянец Ганимеда;
Судьбой довольная, день целый ест и спит,
Тогда как сам Сизиф везде грабеж творит.
Ему покорны все; он держит Смерть в засаде;
Боятся прогневить, не выпустил бы вдруг..."
Зевс призадумался на миг при сем докладе
И, сострađанья полн, сказал с улыбкой вслух:

"Увы! сильней бы я не мог придумать пени,
Когда бы, преклонясь на глас людских молений,
Обрек покою Смерть! Не вынесли б судьбы!
Зло было б без конца; страданья без мольбы!
Безумцы жалкие, не чествуя нас ныне,
Ужели думают, что в них богам нужда!
Нет! Людям жить нельзя в безверии к святыне;
Не будь у них богов, – изобрели б тогда!..

Не чтили ль божеством бездушные каменья!..
Но глиняный их род достоин сожаленья;
Готов он землю в ад преобратить как раз.
Смерть должен я от уз освободить тотчас.
К Плутону, в царство Тьмы лети с моим приветом –
У брата служит Смерть. Наверно, он забыл.
Пусть выручит ее, да пожурит при этом,
И чтобы к Стиксу путь немедленно открыл".

Умолк он. С высоты надзвездной эмпирея,
Крылами легкими сквозь тонкий воздух рея,
В страну, где Ночь царит, где вечен мрак густой,
Посол небес вступил неслышною стопой.

Так быстро падает морей над влажной бездной
Огнистый метеор среди полярных льдов,
Во мгле ночных небес, роняя блеск свой звездной
Испуганным очам блуждающих пловцов.

Гермесу чудная представилась картина:
В дремоте Царь Теней; младая Прозерпина
Зевает близ него, вся в траур убрана;
Вкруг них подземный двор готов упасть от сна.
Повсюду тишина, бездейственность тупая,
Последняя борьба изнеможенных сил;
Сам Цербер, утомясь от яростного ла́я,
Оцепенел и пасть трехзевную смежил.

"Проснись, Аидоней!" – вскричал гонец, касаясь
Златым жезлом Царя. И, дико озираясь,
"О, как я рад тебя увидеть, – рек Плутон,
С отяжелевших век рукой сгоняя сон: –
Скажи: что нового вверху у вас творится?
Не исключили ль вы уж Землю из планет?
Иль людям суждено в бессмертных обратиться!
Сижу я здесь не день, недели, – всё их нет!

Хотя бы тень одна случайно забежала
И нам о жителях Земли порассказала.
Куда девалась Смерть?" В ответ ему Гермес:
"Об этом донести и послан я с небес".
Тут вкратце изложил свое он порученье
И волю Зевсову, и царственный указ...
Встал бог, не ведавший улыбки от рожденья,
Нахмурил лоб – и мгла по царству разлилась;

Надел с забралом шлем, чтоб от луча дневного
Сокрыть черты лица свирепого и злого;
В поход готовится. Пустеет Ада трон;
Из растворенных бездн пронесся долгий стон;
Жестокая гроза над всей Землей завыла;

Запрыгали в морях вспененных корабли,
Трещат... Но буря смех в матросах возбудила:
“Пусть тешится! – кричат, – мы жители Земли!

Мы застрахованы, – ведь Смерть в засаде ныне;
Бессильной в ярости смеемся мы пучине!”
Низвержен молньей был грабитель алтарей;
Упал на люльку гром, – лежал ребенок в ней;
Но беззаконник встал, над молньей издеваясь:
“Сверкай! я не боюсь; не можешь жизнь отнять!” –
“Спи, спи, дитя мое! Нет смерти! – улыбаясь, –
Не нужны мы!” – твердит, ребенка бросив, мать.

Неверная жена, дрожа перед грозою,
В терзаньях совести, раскаянья с слезою,
Исправить жизнь обет спешит произнести;
Рыдая молит: “Зевс! Преступницу прости!” –
“Чего боишься ты? – твердит ей обольститель, –
Пускай ревет гроза; напрасен твой обет!
Твой безоружен Зевс! Какой теперь он мститель!
Целуй меня! Целуй! Ведь ныне Смерти нет!” –

“Добро вам! Смейтеся! Но прежде этой ночи
Все, все перед мои предстанете вы очи!” –
Шептал незримый Бог, которого полет
Ужасной бурей тмил небес лазурный свод.
И грозный ураган, сорвав с дверей запоры,
Вломился в комнату, где Смерть Сизиф берег,
Где щедро предлагал он вкусных яств ей горы
И вина тонкие и потешал чем мог.

Сидела Смерть одна Сизифа в ожиданье,
Готовясь ужина делить с ним ликованье,
Румяная, в венке, с смеющимся лицом,
Как бочка раздобрев откормленным брюшком;
Пружины гибкие у кресл из чудной стали,

Как видно, ей полнеть нисколько не мешали;
Она привыкла к ним, и в сладостных мечтах
В честь Вакха песнь у ней слагалася в устах.

Вдруг обдал всю ее внезапно пар кипящий,
Дохнул в лицо ей смрад, тот ветр огнепалящий,
Которым Флегетон от вечности живим,
И сталь пружин, как воск, растаяла пред ним.
Свободу ощутя, внезапно Смерть восстала.
И хоть невидим был для ней Плутонов лик,
Но грозный глас царя мгновенно распознала, –
С земли до адских бездн носящий ужас крик:

"Как! верный мой слуга у жизни стал рабою!
Долой отсель! Не то разделаюсь с тобою;
Но прежде, чем свой бег в далекий путь стремить,
Проклятого должна Сизифа ты схватить;
Потом без отдыха, без леностной ужимки,
Как буря облети концы земли мне всей.
За время прошлое очисти недоимки
И – что ни встретишь – все убей, убей, убей!

Схвати матроса мне, что в бурный шквал хохочет,
Ребенка, мать о ком заботиться не хочет,
Преступную чету, шепнув на ухо им:
Что царствует Зевес и Смерть владычит с ним!
Хватай! хватай! хватай! не терпит Ад потери!
Он ждет!.." И с бурею бегущий слился глас...
Веселый шел Сизиф в растворенные двери;
За горло Смерть его схватила в этот раз.

"Как! кто освободил, подруга дорогая?" –
Наш плут взмолился ей, почти изнемогая.
"Плутон, – сказала Смерть, – расторгнул сталь цепей,
Но дела много мне. Ступай за мной скорей!" –
"Я вижу, – молвил тут Сизиф, – мой час последний

Пробил; но дружбою недавнею ко мне,
Но, если помнишь ты, как угощал намедни,
Дозволь мне слова два сказать моей жене.

Гей, душка!" – вскликнул он слабеющей гортанью,
Тогда как Смерть ее сжимала крепко дланью
И, сжалившись над ним, минутный только срок
Дарила, чтоб мольбой спасти он душу мог
От лютых ада мук. На зов жена вбежала.
"Бесценная моя! – к ней обратился вор
И на ухо шептал, чтоб Смерть не расслыхала: –
Я много зла другим творил до этих пор,

Тебе же, милочка, всегда во всем был верен;
Из женщин феникс ты добротой! Я уверен, –
Ведь прихотям твоим всегда я угождал, –
Что выполнишь ты все, что я б ни пожелал.
Дай клятву в этом мне! Вот видишь ли в чем дело:
Мне втайне знать дано чрез вестника небес,
Что временно моя душа покинет тело;
Совета моего великий ждет Зевес.

Казаться мертвецом я буду предстоящим;
Но ты, дружочек мой, считай меня лишь спящим
И тотчас в спальную вели отнесть скорей;
Там одеялами прикрой меня теплей.
Теперь свободна Смерть. Так у моей постели
На столик жирного поставь мне каплуна;
Попригляди сама – зажарить чтоб сумели,
Да не забудь бокал хиосского вина.

Послушай, душечка, исполнишь просьбу эту,
На ручку каждую по чудному браслету
С ормуздским жемчугом, не в счет других наград,
Получишь от меня, лишь возвращусь назад".
С слезами на глазах он целовал при этом;

Все точно выполнить жена обет дала.
Сизиф уверен был в любви ее... к браслетам,
И душу Смерть его из залы унесла.

Ее сдала она Гермесу на пороге;
Сама же бурей злой умчалася в тревоге:
Раздался на морях вопль, залитый волной;
Стон, слышный на земле, был прерван тишиной;
С зарею раннею от жертв страна дымилась;
Коленопреклонен во храмах был народ.
Смерть беспощадная на землю воротилась,
И чествовал богов Олимпа смертных род.

В то время темною, заглохшею тропою
К вертепам Тартара, сокрытым под землею,
Вел плута хитрого Меркурий, бог воров.
Сизиф выспрашивал у вестника богов:
За что он в цвете лет и за какое дело
В ночь сослан вечную, лишен родных небес?
"Когда б одних воров обкрадывал ты смело
Таких, как ты, – сказал мошеннику Гермес, –

Года бы долгие и ты был жил, как ворон:
Все ваши плутни счесть, – не так, как он, ты черен, –
Хотя сознаться здесь я должен пред тобой,
Что получить диплом ты мог бы за разбой!
Но Зевса обмануть с дрянным твоим умишком!..
Оракулы его подделав так легко
Из жалких барышей!.. Нет! это уже слишком!.."
"Ты прав! – Тень вора тут вздохнула глубоко. –

Но если снова жизнь мне даст богов властитель,
Строжайший буду я жрецов его блюститель,
С продажною душой не встретит одного!
Не о себе прошу; тут выгода его, –
Скажу важнейшая, слов липших не теряя:

Какое для страны всей будет торжество,
Честнейшим увидать Сизифа негодяя!..
Ведь только из чудес и явно божество".

"Святая истина! Все это превосходно, –
Сказал ему Гермес; – но жаль, что слишком поздно!
Как все великие открытья искони
Всегда без польз для тех, кем сделаны они.
Я Зевсу не могу подать о том доклада". –
"Не поздно! если ты замолвишь обо мне;
Преступных миловать царю богов отрада,
Когда раскаянье он видит их вполне". –

"Раскаянье живых! вот с этим я согласен;
Но мертвым каяться, приятель, труд напрасен!" –
"Так ты вступился бы, когда бы жив я был?" –
"Да, и, наверно бы, Зевес тебя простил". –
"Ну хорошо ж! Просить я большего не смею;
Итак, лишь вырваться б из царства мне Теней
И в теле быть... в тебе ходатая имею?" –
"Да, выйдешь ты оттоль, верь помощи моей!" –

"Еще словечка два: избавь меня сомнений!
Я слышал, – продолжал Сизиф, – что развлечений
Так много у богов; а Смерть не знает их!
Пока ты изберешь благоприятный миг –
У Зевса вымолить в Олимпе мне пощаду,
Безжалостная Смерть меня закинет в Тьму!" –
Веселый бог тут скрыть не мог свою досаду: –
"Друг милый! – с важностью он возразил ему: –

Ужель и вправду ты еще надеждой льстишься,
Что вновь из царства Тьма на Землю возвратишься?
Питать такой мечты не стоит и труда;
Поверь, кто умер раз, тот умер навсегда". –
"Вот друга узнаю, – Сизиф ему ответил, –

Все неприятное вам выскажет любя;
Пусть вздор мечтаю я, как ты теперь заметил;
Но буду ужинать сегодня у себя". –

"Ты будешь ужинать? – сказал Гермес. –
Забавно!
Ну! пищу ежели желудок твой исправно
Сварит, – хоть будет тут и чудо из чудес, –
Отужинав, вскричи три раза мне: "Гермес!"
И прежде нежель Смерть тебя захватит снова,
Я Зевса умолю, как раз уже сказал,
Ты будешь тень иль нет, дам знать тебе в два слова". –
"Отлично!" – наш Сизиф, воскликнув, заплясал,

Пустился в россказни, дал язычку потеху
Такую, что Гермес чуть двигался от смеху;
Когда ж дошли они до Стиксовых брегов,
С невольным вздохом тут подумал бог воров,
Что этот балагур, вступи в рой душ блаженный,
В Элизие бы жизнь им сделал веселей.
"До вечера! – шепнул наш вор ему. – Почтенный! –
Харону вскликнул он, – гей, лодку мне скорей!" –

"А деньги за провоз? – спросил Харон. – Мне в руки
Подай-ка свой обóл!" – "Какой обóл[1]? Вот штуки
Придумал лодочник! Глупейший из глупцов!
Лишь те, могильный нард чей умастил покров,
Дать в адскую ладонь должны тебе монету.
С бездомников за дом налог не положен;
Гробовых пошлин нет, где вовсе гроба нету;
А я, – я не зарыт и даже не сожжен.

Я ровно ничего, – я нуль; и каждый знает,
Что нуль, скупец седой, лишь нуль и предлагает".
Тут лодку оттолкнув от берега, взбешен,
Вскричал Харон, чтоб шел на виселицу он!

"Ссуди ж мне шею, хрыч!" – воскликнул призрак громко.
При этом тени все, собравшиеся вкруг,
Лишенные могил, так засмеялись звонко,
Что этот злобный смех привел весь Ад в испуг.

Толпа огромная у берега теснилась;
За Стиксом долгие века она копилась:
Невинный, сгубленный злодейскою рукой,
Убийца, кровию обрызганный людской,
Бросающий назад встревоженные взгляды,
От фурий в пропасти, в колючий прячась терн,
Снедь оба коршунов, клюющих без пощады,
Непогребенные у мрачных зрелись волн.

Там, жертва грозных скал, где их корабль разбился,
Куда с тех пор пловец ни раз не приютился,
На побелевшие их кости в той дали
С молитвой теплою не бросил горсть земли,
Блуждали любящих печальные две тени;
Был жгуч их поцелуй, и, за руки сплетясь,
Глядели с ужасом они, без слез и пени
На блеск потухший вод, главою к ним склонясь.

Вдруг шум неведомый средь областей Плутона
Толпы хохочущей достиг ступеней трона,
Несясь из-за реки, которая весь Ад
Волною черною обвила девять крат.
"Что слышу! – вскликнул царь, сидящий на престоле,
Свой бурный по Земле успевший кончить бег. –
Безумный сонм теней – здесь, в смертной сей юдоле,
Осмелился поднять свой нечестивый смех?"

В то время шла душа вождя из трибунала
От адских трех судей и так царю вещала:
"Я тени видела у дальних Стикса вод,

Где сонная волна в земные грани бьет;
Как сволочь буйная, когда напьется сдуру,
Беспутной песнею сильней возбуждена,
Так бледная толпа прильнула к балагуру,
Забавной болтовней его увлечена.

Хохочет, с жадностью его все ловит шутки,
Рассказы, остроты, веселые погудки.
Пришлец сей, говорят, еще не погребен;
Грек родом и себя зовет Сизифом он.
Харон не может снесть его насмешек доле,
Клянется, грозный царь, он весла изломать,
Когда сей смех, как шмель терзавший Ио в поле,
Его тревожущий не поспешишь унять".

Но было нелегко Сизифу дать веленья!
Он вызван быть не мог, лишенный погребенья,
И потому Плутон, чтоб свой отдать приказ,
К нему чрез Стикс пройти был должен девять раз.
Дошел бог Тартара, не знающий улыбки,
И вскрикнул: "Скоморох! Здесь место ль для потех!
Уймись! не то сейчас узнаешь прелесть пытки,
Определенной тем, кто возбуждает смех!" –

"Плутон! – в ответ ему вещал Сизиф лукавый, –
Правдивый твой закон гремит повсюду славой!
Не может быть душа мученью отдана,
Доколь ее судьба судом не решена.
Твое ж судилище Стикс отделяет темный, –
Кто не был схоронен, тем средства нет дойти!
Тут не моя вина – супруги вероломной, –
Она мой бедный труп не хочет погребсти.

Когда б душе моей, в щедроте беспримерной,
Ты краткий отпуск дал на Землю, я б неверной
Всю гнусность высказал ее преступных дел

И схоронить себя с почетом бы велел.
Все скоро б выполнил; сюда бы возвратился;
За Стиксом, как теперь, несчастный не стоял;
Решенью трех судей охотно б подчинился
И жизни б ты моей невинность всю узнал".

Так говорил хитрец, рыдая неутешно.
"Ступай! – сказал Плутон, – но воротись поспешно,
Чтоб Смерть не посылать! Минуты не теряй!
Да уж жене своей дай добрый нагоняй!"
Душа Сизифова, не медля тут нимало,
На Землю поднялась, прокралася в свой дом,
Юркнула вмиг в свой труп, укрытый в одеяло,
И каплуна давай уписывать потом.

Насытившись вполне сей вкусною едою,
Бокал хиосского, поставленный женою,
Он выпил; три раза Гермеса вслух позвал
И, лишь окончил зов, как в сон глубокий впал,
И видит он во сне, что близ его постели
Стоит Гермéс, свой жезл почтительно склоня;
Чело его в венце, где отблески горели
Улыбки Зевсовой сияньем ярким дня;

Из уст божественных к нему звучало слово:
"Жизнь Громовержущий тебе дарует снова;
Отныне Смерть уже не властна над тобой,
Доколе сам ее не вызовешь мольбой.
Все будешь ты иметь, чем смертный род так льстится:
Богатства, почести, блеск празднеств и пиры;
Но, как на фимиам, что с алтаря клубится,
Гляди на эти все желанные дары.

Алтарь останется, дым легкий в воздух канет:
Совет из трех судей допрашивать не станет:
"Каков был аромат? С приятностью ль сожжен?"

Но спросит про алтарь – “Всегда ли чист был он?”
Вот утром, пробудясь от сонного виденья,
Сизиф часть первую лишь вспомнил наяву.
“Наследникам моим придется ж взять терпенья, –
Подумал он, – я Смерть не скоро позову!

Да как и звать ее средь почестей и пира.
В богатстве, в празднествах, средь благ заветных мира!
Нет, ты воистину воров всех бог, Гермес!
Неслыханный контракт мне подписал Зевес!”
Тут он с постели встал и солнцу поклонился.
С тех пор блистательно дела его пошли;
Он краденым гуртом волов своих разжился:
Огромный взял барыш; построил корабли;

В далекие моря пустил их с грузом ценным;
Повел широкий торг с успехом неизменным;
Где гибли все пловцы от разъяренных волн,
Торговый флот его там плыл, сокровищ полн.
Добытым золотом, которого сердитый
Вал потопить не смел, он воинов нанял,
И вскоре силою, богатством знаменитый,
Как царь, страною всей владычествовать стал.

Судьями честными наполнил он палаты;
По капищам жрецы все были жизнью святы;
И деревушка та, где прежде жил Сизиф,
Преобразилася в цветущий град Коринф;
Покрылась зданьями, зубчатыми стенами,
Верхи ее дворцов взнеслись в небесный свод,
И, как красавица, между двумя морями,
Гляделася она в лазурь зеркальных вод.

В местах, где лишь притон разбойники имели,
Где пастухи пасти стада свои не смели,
Там, с песней на полях, вел селянин свой плуг;

Полны пшеницею тянулись склады вкруг.
Все оградил закон спасительною властью,
И хоть железный скиптр порядок водворил,
Но каждому открыл он путь доступный к счастью,
Смирив и произвол, и алчность грубых сил.

Впервые мир узрел, исполненный отрады,
Блестящую зарю прекрасных дней Эллады!
Так от богов успех дается людям злым,
Чтоб добрые могли воспользоваться им.
Сизиф и капища, и алтари дарами
Украсил, к божеству усердьем не горя;
Он знал, что свой престол поддержит он богами;
Но не имел в душе живого алтаря!

Не из правдивости он поблажал закону;
Нет! власти он своей в нем видел оборону;
Торговлю, подати, налоги всех родов
Он обворовывал, как прежде, гурт волов.
В богатстве, в почестях, средь празднеств долго жил он,
Но старость подошла с недугом по пятам;
Мнит вечно человек, что вот перехитрил он
И Зевса самого; всегда ж обманут сам!

Сизифу дряхлому тянулись дни уныло;
Нет радости в пирах; без блеска злато было;
Измучен, наконец, болезнию своей, –
Смерть ночью он позвал и в путь пустился с ней.
С почетом в этот раз свершилось погребенье;
Душистых древ смолой костер был весь облит,
В златую урну прах был собран по сожженьи
И в гроб порфировый, полн ароматов, скрыт.

Лет несколько спустя, до позднего потомка,
Его сменявшего, провозглашалась громко
Всем подвигам его одна лишь похвала

И темные наверх не выплыли дела.
Одни поэты лишь его лукавцем звали,
Твердя, что в плутовстве он всех перехитрил;
Но их не слушали и хором повторяли,
Что он счастливейшим из смертных в мире был.

Когда ж Сизифа род в том крае прекратился
И новый на престол властитель воцарился, –
Причины не было щадить его лица, –
Рассказов множество пошло про мертвеца.
Легенды страшные носилися повсюду,
Казнь вспомня грозную, сужденную ему,
Как будто б вскрылся Ад, по некоему чуду,
Преобращая день в томительную тьму.

Но вот что́ сообщил о нем мне жрец Саисский[2],
Узнав, что интерес к нему питаю близкий;
Я передам вполне вам весь его рассказ,
Безвестный в Греции; он будет нов для вас.
Когда убит своей утратою великой,
Рожденный Фракией[3], бессмертный наш Орфей
Всю землю исходил, следя за Эвридикой,
Спустился в мрачный Ад и в край вступил Теней,

Услышал он средь бездн ужасного Эреба
Песнь сладкозвучную, как бы лилася с неба,
Какую некогда, во цвете юных дней,
От Музы матери он слыхивал своей.
Звучала песнь в устах у тени одинокой, –
Обломок от скалы она, ловя рукой,
Взметнуть старалася на верх горы высокой;
Но прядал камень вниз, не тронув крути той.

Не прерывалась песнь; шел труд неутомимый...
И вот, как камень тот летел наверх чуть зримый,
В короткий этот срок, фракиец наш, дивясь,

С участьем вопросил, к той тени обратясь:
“Скажи мне, кто ты, глас чей в этой адской ночи
Звучит как жавронок, почуя дня призыв?”
И призрак, не сводя свои от камня очи,
В ответ ему: “Звался я на земле Сизиф.

Хотя вступил теперь уже Теней я в царство;
Но прежнее при мне осталося коварство;
Я адских трех судей перехитрил и тут:
Они, как злую казнь, мне этот дали труд;
А труд ведь в радость нам! Не все ль рабы в неволе,
Гремя оковами, трудятся и поют!..” –
“Но, – возразил Орфей, – рабы в суровой доле,
Свободой в будущем, надеждою живут”. –

“А у меня ужель, ты мнишь, была бы сила
Возиться с камнем сим, когда б меня не льстила
Надежда, что взметну его на верх горы,
Где казнь окончится, ждут благости дары!” –
“Но если ты его туда не вскинешь вечно?” –
Упавший камень зря, Орфей, сказав, вздохнул...
“Безумец! – призрак рек, – я буду с бесконечной
Надеждою!” – и вновь он камень вверх метнул.

ПРОЗА

АРАБЕСКИ, ИЛИ ВОСТОЧНЫЕ ПОВЕСТИ

ПОСЕЩЕНИЕ

Восточная повесть

Исаак, сын Ибрагима из Моссула, рассказывал:

В один зимний вечер случилось мне остаться одному дома; погода была ужасная, облака громоздились над облаками, дождь лился ливнем, и улицы Багдада сделались почти непроходимыми от луж и грязи. Мне никаким образом не возможно было выйти из дома, чтоб посетить друзей моих, почему и сам должен был я опасаться, что никто из них не отважится навестить меня. Чтоб убить время по возможности веселее, приказал я невольнику изготовить ужин.

Я все однако ж ожидал, авось-либо случай приведет ко мне товарища, и в этом ожидании пристально смотрел на темную улицу, в которой гудел ветер и крупный дождь падал беспрерывно. Тогда была у меня связь с невольницею одного из сыновей Магади, превосходною певицею и отличнейшей мастерицею играть на флейте. Теперь-то в особенности обратились к ней все мои желания, и я, бог знает, чего бы не дал, чтоб только иметь ее при себе. Ночь была длинна и ненастна; – диким и скучным казалось мне одиночество. В сию минуту кто-то постучался в двери и раздался голос: отвори!

А, подумал я, может быть это моя возлюбленная, – и запел:

О, кто стукнул в дверь, кто кликнул?
Не она ль идет?
Даст ли ныне куст желаний
Свой бесценный плод?

Я пошел к дверям, отговорил их и, вообразите! это была моя любезная, покрытая зеленою мантиею с парчевым покрывалом на голове для предохранения себя от ненастья; но впрочем от ног до головы грязная, как лошак, и вся насквозь промоченная дождем.

Милая моя повелительница, – сказал я сей, – что побудило тебя прийти сюда в такое время? – "Твой посланный, – отвечала она, – который мне твое нетерпеливое и сильное желание изобразил столь пламенными красками, что я не могла отказаться от исполнения твоей просьбы и решилась немедленно навестить тебя". Это весьма меня удивило, ибо я никого не посылал, но не желая ей о том сказывать, отвечал: слава богу, что все это так случилось; если бы ты еще несколько помедлила, то я наверное послал бы за тобою в другой раз, – слишком велико было желание мое сего дня тебя видеть. Она приказала невольнику моему согреть воды; когда вода была готова, я велел ему лить оную ей на ноги, и сам начал мыть их. Потом приказал принести лучшие платья, переодел ее и велел подать ужин. Она потребовала вина, и я подал ей бокал. – Кто ж будет петь? – спросила она. – Я, моя милая повелительница! – Нет, – прервала она. – Ну, так один из моих невольников. – Этого я также не хочу. – Ну, так ты сама. – Ни за что. – Так кто же? – Поди на улицу и сыщи кого-нибудь, кто бы для нас спел. – Но, милый друг, в такую погоду! – Иди, – сказала она, – и приведи кого-нибудь. – Я слишком хорошо знал нрав ее и совершенно был уверен, что если не захочу повиноваться, то должен буду отказать себе в удовольствии на целый вечер, а потому и пошел, не имея и малейшей надежды встретить желаемого человека.

Лишь только дошел я до перекрестка, как увидел слепого, который своею палкою ощупывал вокруг себя дорогу и говорил сам себе: "Боже правосудный, умилосердись надо мною в такую погоду! Пою ли я, меня никто не слушает; прошу ли милостыни; ничего не дают мне!" – Как, – спросил я, – ты певец? – Да, – отвечал он, – к твоим услу-

гам. – Не можешь ли ты эту ночь провести у меня? – Охотно, если ты этого желаешь, только поведи меня за руку. – Я взял его за руку, привел в свой дом и сказал своей любезной: погляди-ка! чудесная находка: певец, да притом еще слепой, чего желать лучше; он нимало не может стеснить нас. – Пусть он взойдет, – отвечала она. Я ввел его в комнату и посадил за стол. Он ел весьма исправно, омыл руки и выпил три стакана вина. Потом спросил, кто я таков? – Исаак, сын Ибрагима из Моссула, – отвечал я. – Давно, – сказал гость мой, – знаю я тебя по славе твоего музыкального таланта и сердечно рад, что нахожусь в твоем сообществе; сделай однако же мне одолжение, спой первый. – Я взял лютню и запел одну из лучших моих песен. Когда я окончил, слепой сказал: эх, эх, Ибрагим, я до сих пор думал, что ты мастер в пеньи; но теперь вижу, что я очень на этот счет ошибался. – При сих словах от удивления выронил я из своих рук лютню.

Нет ли у тебя кого, кто бы лучше пел? – спросил он потом. – Не знаю, разве только одна невольница, которая находится здесь в доме. – Моя любезная поняла знак и запела. – Все это никуда не годится, – прервал ее слепой, и она с досадою далеко бросила от себя лютню, так, что сия разбилась вся вдребезги об пол. – Пусть теперь споет для нас сам чужестранец, – сказала она, и я велел принести новую лютню. Он настроил ее и прелюдировал совершенно новым, дотоле мною неслыханным образом, потом запел следующие стихи:

Темнеет ночь, ужасно ветер воет;
Где медлишь ты, отрада бытия?
Кто стукнул в дверь, – зачем так сердце ноет?
Когда б она, бесценная моя!

В большом удивлении взглянул я на мою любезную и начал упрекать ей, зачем она открыла слепому то, что между ею и мною должно было оставаться в тайне. Она оправдывалась и стала ко мне еще нежнее ласкаться. Я по-

целовал ее руку, прижал ее к груди моей и, обвив ее руками, – пой! – закричал я слепому. Он взял лютню и запел:

Сбылися пылкие желанья;
Ты наступил, блаженный миг!
Весь пламень страстного лобзанья
Я пью в объятиях твоих,
Томлюсь, и млею, и сгораю,
Ловлю улыбку, каждый взгляд,
И, упоенный, исчезаю
В восторгах неги и отрад.

Но почему он знает все, что мы ни делаем? – спросил я, еще более удивленный, у моей подруги: – может быть он вымышленный слепец; если так, то я полагаю, нам гораздо лучше от него избавиться. Мальчик, – вскричал я, – принеси огня, нам хочется хорошенько рассмотреть этого слепого! – Тогда слепой встал и пошел к дверям. Я бросился за ним, чтоб запереть дверь и не допустить его выйти; но уже не нашел его. Дверь была заперта, и ключ у меня. Не знаю, провалился ли гость мой сквозь землю или исчез в воздухе. Тогда ясно увидел я, что это долженствовал быть злой дух, который посетил меня, вероятно, для того, чтоб доказать истину арабской пословицы: “где женщина с мужчиной одна, там третий всегда сатана”.

СПОР

Восточная повесть

Однажды Халиф[1] Гарун аль Рашид[2] не мог во всю ночь закрыть ни на минуту глаз своих. Он встал с постели и прохаживался из одной залы в другую, не находя нигде успокоения. – Поутру велел он призвать к себе Асмая. Как скоро сей пришел с дружественным приветствием, Халиф сказал ему: Здравствуй! Асмай! – Расскажи мне что-нибудь для рассеяния скуки, которую нагнала на ме-

ня длинная и бессонливая ночь. Расскажи мне, прошу тебя, лучшее, что ты когда-либо слышал из уст женщины-певицы. – С удовольствием и охотою, Повелитель Правоверных, – ответствовал Асмай. – Много слышал я в моей жизни песен девических, – но только три из них, петые тремя красавицами, в особенности мне понравились.

"Расскажи мне сию повесть", – сказал Халиф, и Асмай начал:

"В один день, когда я находился в Бассоре[3], нестерпимый жар понудил меня искать прохладного убежища. Долго искал я оного с правой и левой стороны, и наконец увидел галерею, украшенную коврами. В одном углу ее возвышалась софа. Окны были растворены, ветерок навевал запахом мускуса. Я взошел в галерею, сел на софу, и в ту же минуту сладостная мелодия возбудила всё мое внимание. Один голос пел:

Я дремала, но украдкой
Мимо ложа он мелькнул,
О, зачем сей ночью – сладкой
Сон глаза мои сомкнул.

Другой девичий голос продолжал:

В светлом, утреннем виденье
Милый друг явился мне.
Я мечтала, в упоеньи,
Жизнь утратить в наслажденьи; –
Счастье было лишь во сне!

Наконец послышался третий девичий голос:

Всякий час прохладной ночи
Я делюсь восторгом с ним;
Мне его сияют очи
Наслаждением живым;
Мне – в устах его прелестных
Поцелуй всегда горит;
Но когда с полей небесных

Ночь покров свой удалит, –
Мнится вкруг моей ложницы,
С пробуждением денницы,
Запах роз и лилий слит.

Когда сии ангельские голоса умолкли, я хотел удалиться. Смотрю, – вот приближается ко мне невольница и говорит: садися. Она подала мне листок. Я развернул его и нашел следующие строки, написанные прекрасно-округленным почерком:

"О Шейх[4]! да сохранит Небо жизнь твою! три сестры положили нынешним утром по сту золотых монет – в награду за лучшие стихи, которые будут спеты. Мы представляем тебе право произнести приговор и полагаемся на твою справедливость. Да будет мир с тобою!"

"Дай мне перо и чернилы", – сказал я невольнице. Она принесла мне серебряную чернильницу с мускусовыми чернилами и золотое перо, – я написал следующие стихи:

На миг один ко мне вниманье –
Из уст невольницы младой
Я слышал сам повествованье:
Три девицы – очарованье,
Как розы прелестью живой
Вступили в спор между собой –
Чья песнь приятней и звучнее?
Вот день угаснул вечерея
И ночь простерлась в вышине;
Им мнится, будто бы оне
В сей час таинственно-глубокий
Никем не зримы, одиноки;
Но я их мысли угадал;
Забав, веселости резвивой
Свидетель тайный, я внимал,
Как глаз красавицы стыдливой
В прелестных звуках выражал:
"Я дремала, но украдкой

Мимо ложа он мелькнул,
О, зачем сей ночью – сладкой
Сон глаза мои сомкнул!"
Умолкнул глас, и неги полный
Будто сердца вздох невольный
Из груди умчав с собой,
Тихо слышен звук другой:
"В светлом, утреннем виденьи
Милый друг явился мне;
Я мечтала, в упоеньи,
Жизнь утратить в наслажденьи; –
Счастье было лишь во сне!"
Силу чувства понимая,
Все волнения души,
Песнь свою поет меньшая
В очарованной тиши:
"Всякий час прохладной ночи
Я делюсь восторгом с ним;
Мне его сияют очи
Наслаждением живым.
Мне в устах его прелестных
Поцелуй всегда горит;
Но когда с полей небесных
Ночь покров свой удалит, –
Мнится, вкруг моей ложницы
С пробуждением денницы
Запах роз и лилий слит!"
В мраке ночи стихло пенье;
Но прелестных милый хор
Мне доверил их сужденье,
Беспристрастный приговор:
Младшей, младшей вся награда,
Песнь ее души полна,
В ней небесная отрада
С звуком сердца сдружена!

Я отдал листок невольнице, которая скоро возвратилась и сказала мне: Асмай, садися! – Кто открыл тебе мое имя? – спросил я. – Стихи, – отвечала она. В это время растворилась дверь. Первая певица вышла и предложила мне корзинку с бисквитами. Я поблагодарил ее, встал и хотел удалиться, как вдруг третья певица, воскликнув: "Садись, Асмай", – принесла мне на подносе триста золотых монет в прекрасно-вязанном кошельке. – "Вот награда, – сказала она, – которую ты присудил мне; прими же ее от меня за исполнение судейской должности".

Халиф, которому вся повесть чрезвычайно понравилась, спросил Асмая: "Зачем присудил ты награду младшей, – отчего не старшей или средней?" – "Да сохранит тебя Всевышний, Повелитель Правоверных, – ответствовал Асмай. – Первая осталась только при желании: *о если б, о когда б*! Вторая касалась только сновидения, а не истины. Третья, напротив того, видела действительно своего возлюбленного и чувствовала себя обвеянною благовонием роз". – "Понимаю, понимаю, – прервал Халиф. – Что ж потом, Асмай?" – "Потом, Повелитель Правоверных, взял я триста золотых монет, весьма удивленный, что в один день таким странным случаем выиграл подарок столь значительный".

ИДЕАЛ

Восточная повесть

Амру, сын Ребия[1], князь поэтов, родственник халифа Абдольмелека, рассказывал о себе следующую повесть:

В один день, когда я сидел дома и спокойно занимался чтением, вошла ко мне старуха. "Я хочу, – сказала она, – доставить тебе случай видеть такую красавицу, какая едва ли когда-нибудь существовала под солнцем, но с условием, чтобы ты с нею не слишком коротко обходился и дал бы мне обещание в словах своих быть скромным и

благоразумным". Я поклялся ей Кораном. – Она завязала мне глаза, водила меня долгое время по разным переулкам и сняла наконец с глаз моих повязку.

Я очутился в великолепной палатке из красного бархата с большими золотыми цветами и наполненной прелестнейшими невольницами. Для меня был приготовлен табурет из черного дерева. Еще не совершенно опомнился я от моего удивления, как зашумел занавес, и женщина красоты небесной вышла и села подле меня. Мы разговаривали, смеялись и пели всю ночь. Пред наступлением утра спела она одну из моих песней, начинающуюся сими словами:

Ты, чья перси белоснежны
Дышат негою живой!..

"Кто эта красавица с белоснежными персями, дышущими негою?" – спросила она у меня. – "Я ее не знаю, – отвечал я, – это воздушный идеал стихотворца, или лучше – *Серна*."

"Обманщик, – вскричала она, сильно ударив меня по щеке; – таковы-то вы все, стихотворцы! песнь твоя славится не только здесь, но даже в Геджасе[2], Ираке и Сирии, а ты уверяешь, что дело идет в ней о каком-то воздушном идеале. Невольницы, прогоните от меня этого лжеца!" С завязанными глазами проводили меня домой.

На другой день то же самое посещение старухи и то же предложение. Я принял условия и поклялся Кораном. Повязка была с меня снята в черной палатке с золотыми каймами. Моя красавица появилась окруженная своими невольницами, села подле меня и начала со мною разговаривать по-вчерашнему.

Часы пролетели как и в прошедшую ночь, посреди песней и шуток; наконец спросила она у меня, кто сочинитель известной песни:

Посреди трех дев прекрасных
Зрел ли ты меня вчера?..

"Я", – был ответ мой. – "Ну кто ж были сии три красавицы?" – "Клянусь честью, – прервал я, – я их не знаю, и они существуют только в песни". – "Если так, – возразила она, – когда нет и тут ни одного слова истины, что ж понимал ты далее под выражением: я возгордился знаками благоволения, – если ты никогда ничего не получал. Сказывай, клеветник! – (При сих словах она сильно ударила меня по щеке.) – Невольницы, удалите его от очей моих!"

Я пришел домой с завязанными глазами и пылающею щекою. "Не отчаивайся!" – сказала мне при расставаньи старуха. Я бросился на постель, но сон от меня удалялся.

На другой день явилась старуха раньше обыкновенного, спросила о моем здоровье, и не имею ли я желания снова видеть мою красавицу. Я поклялся Кораном в сохранении тех же условий; но придумал в то же время средство узнать жилище прелестной незнакомки. Я окрасил свою левую руку сафраном, и как только мы приблизились к дверям палатки, то протянул ее к наружной половинке, как бы желая постучать в двери.

Повязка была с меня снята в палатке из зеленого атласа с большими серебряными цветами. Спустя несколько минут пришла красавица, села подле меня и весьма много смеялась, видя, что щека моя еще пылала от вчерашнего удара. Мы разговаривали о многих предметах, о различных приключениях, случившихся в Иемене и Геджасе, о важнейших происшествиях арабской истории, о любви и ее удовольствиях. Мне казалось, что я был перенесен в рай. Наконец спросила она у меня: кому принадлежат известные стихи:

Носилки мимо пронесли,
Я не видал очей,
И мне лишь слышался вдали
Приятный звук речей;
Но ветерок игривый вдруг
Покров ее унес,
И от ланит ее вокруг
Разлился запах роз.

Я назвал себя сочинителем. – “Кто же эта красавица в носилках, которую ты не видел, но только слышал, и с которою ты, как видно из продолжения песни, был счастлив в паланкине?” – “Сжалься надо мною, – сказал я, – прелестнейшая из женщин. Я ничего другого на это отвечать не могу, как только то, что сказал вчера и третьего дня”. – “Поэтому ты лжешь и клевещешь на женщин, ты негодяй, недостойный быть в их сообществе. Невольницы! накажите его как он заслуживает”. – Они бросились на меня, избили и исцарапали ужаснейшим образом; наконец старуха вывела меня с завязанными глазами; но вместо того, чтобы сей раз проводить меня до дому, как делала прежде, слышал я, как она на улице приказывала кому-то, давая ему деньги: “поди, отведи сего человека с завязанными глазами в дом поэта Амру, сына Ребия, большого негодяя; я никогда более не посещу порога его жилища”.

Казалось мне, что я не дождусь минуты, когда дойду до дома. Я бросился на постель; но не мог закрыть глаз. Все случившееся со мною и боль от полученных ударов удаляли сон от ресниц моих.

При наступлении дня собрал я всех своих невольников, приказал им отыскивать дом или палатку, у которых правая половинка дверей была окрашена сафраном, и обещался тому, кто отыщет, дать в награду тысячу червонцев. Еще до полудня пришел ко мне с радостным лицом один из посланных. – “Хорошая весть, наш добрый господин! я нашел двери, которых правая половинка носит отпечаток руки, обмоченной в сафране”. – “Эта та самая”, – вскричал я вне себя от радости, отсчитал ему тысячу червонцев и велел тот же час вести себя к означенному месту.

Как же велико было мое удивление, когда я увидел, что замеченная мною палатка была из числа принадлежащих принцессе *Мерве*, дочери царствующего халифа Абдольмелека. Немедленно приказал я вблизи раскинуть свой шатер и прогуливался довольно долго вокруг, с тем намерением, чтобы принцесса могла меня заметить. Как

скоро она увидела, что я открыл ее, то вышла ко мне навстречу, подняла свое покрывало и сказала: “послушай, Амру, ужели нет в тебе охоты сочинить песню из своего приключения; по крайней мере, ты не подвергнешься опасности прибегать ко лжи и не будешь иметь надобности изобретать ударов подобно своим идеальным красавицам!”

Я отвечал ей без всякого приготовления стихами, внушенными мне нежнейшею любовью и которые скоро разнеслись повсюду. Молва, ими возбужденная, и слух о перенесении моей палатки в непродолжительном времени достигли даже до двора халифа, в то время находившегося в Дамаске. Он изъявил дочери своей желание ее видеть, и я сопутствовал ей в сем путешествии в числе ее свиты; но пламень страсти снедал меня, и я был очень болен, сам еще того не зная.

В расстоянии двух переходов от Дамаска прибыли посланники объявить принцессе, что халиф со всеми вельможами поколения Оммиадов идет к ней навстречу. Шествие скоро приблизилось.

Халиф, сойдя с лошади, вошел в палатку, и поздравляя принцессу с благополучным ее прибытием, сказал ей: “Дочь моя, ты должна, для соблюдения приличия, въехать в город ночью, дабы никто тебя не видел”. – “Охотно, если так вам угодно, батюшка, – отвечала она, – впрочем, для меня все равно, видят ли меня или нет”.

При выходе оттоле халиф заметил мою палатку и спросил, чья она? – “Амру, сына Ребия”, – отвечали ему. Я приблизился и приветствовал его, по установленному обычаю, сими словами:

“Благодать и милосердие божие да будут над тобою, Повелитель правоверных!” – “Ни того, ни другого тебе не желаю”, – отвечал халиф. – “Дозволь знать, мне, Повелитель правоверных, почему обходишься ты ныне со мною столь сурово?” – “Несчастный, разве не ты стихами своими обесславил дочь мою!” – И он в то же время произнес

стихи, сказанные мною принцессе, когда она вышла из палатки. – “Выслушай меня снисходительно, государь, стихи сии нимало не касаются принцессы, они посвящены красоте идеальной, которая, как твоему величеству известно, существует только в воображении поэта”. – “Ты лжешь, – сказал улыбаясь халиф, с мгновенно переменившимся выражением лица, и весьма важным голосом продолжал: – Женат ли ты?” – “Нет, государь, но желал бы иметь только одну жену – дочь твою”, – отвечал я с твердостью. – “Если так, то возьми же ее, – продолжал халиф, – я соединю тебя с нею”.

Упоенный радостью, я воскликнул: “чем мог заслужить столь великое счастие невольник Повелителя правоверных? Как мог я – слабый луч солнца твоего могущества, сделаться достойным союза с величайшим монархом нашего времени!”

– “Пословица говорит, – прервал халиф: – *кто о покрывале спросит, тот его и купит*”, – и приказал немедля призвать судью и свидетелей для заключения брачного договора принцессы. Он дал ей пятьдесят тысяч червонцев приданого. Свадьба была праздновала на месте. Я прожил с нею три года, счастливейшие в моей жизни, потом она умерла и оставила мне на память три жемчужные нитки, которые и в могилу будут сопровождать меня.

ЖЕЛАНИЕ

Арабская повесть

Однажды пришел я, рассказывал Абусеид Елишеди, к Халифу Сулейману, сыну Абдольмелекову. Он сидел в зале, стены коей были из красного мрамора, а пол был устлан зеленым бархатом. Перед окнами, обращенными в сад, шумели источники, сливаяся с песнию соловья и воркованием горлицы. У изголовья и в ногах распростерше-

гося на софе Халифа стояли невольницы, одна другой лучше. Солнце склонялось к западу и рубинное пламя его проливало блеск, подобный смарагду, на деревья, коих ветви колыхались, как бы согласуясь с сладостными звуками певцов воздушных.

“Приветствую тебя, сказал я, Повелитель Правоверных, Наследник Пророка! милосердие и благословение Божие да будет над тобою!” Халиф приподнял свою голову и отвечал: Абусеид, пожелай мне лучше теперь мира и спокойствия. – “Да ниспошлет тебе Всевышний и то и другое”. – А чего бы ты пожелал себе, Абусеид? – спросил Халиф. – “Я ничего не желаю, Государь, кроме пития рубинного цвета в зеркальном сосуде; но чтоб оно было поднесено мне прелестнейшею девушкою Багдада, чтоб я мог пить его из обнаженной руки ее и потом утереть о сию же руку уста мои”.

Сулейман умолк, но искры гнева блеснули из очей его. Яростно смотрел он вокруг себя и невольницы трепетали. Наконец поднял он голову и сказал: “Абусеид! последний час твой настал! Я велю немедля отрубить тебе голову, если ты мне в сию же минуту, по всей правде, не сознаешься, каким образом родилось в тебе это желание; без особенной причины оно не могло зайти в твою пустую голову. – “Ты угадал, Повелитель Правоверных. Я сидел у ворот брата твоего Саады сына Абдольмелекова, как вдруг они растворились и вышла из дворца девушка нежная и легкая, подобная серне, убегающей сетей зверолова. Она была в тонкой, полупрозрачной, из шелка александрийского сотканной одежде, которая не только не стесняла и не скрывала прелестных персей ее; но обличала в одно время и очерк и цвет их. Златые повязки обвивались вокруг ног ее, коих белизна, подобно атласу, отделялась от красного сафьяна туфлей. Ее ресницы уподоблялись стрелам, напряженным из очей, исполненных очарования. Ланиты были как бы образованы из белых и пурпуровых листьев розы, а уста, уста казались разрезан-

ным персиком, из которого алая кровь еще истекала. Тихо напевала она:

Что стонешь ты, лютня, что ропщешь, тимпан?
Что в утренней песни твоей,
Прижавшися к розе, нежней
Вздыхая, поет соловей?
Любовь и надежда обман,
Минутные гости земли,
Они улетят, как прозрачный туман
Без следа в дали.
Что, сердце, ты бьешься, что грустно так мне?
В очах навернулась слеза,
Как светлая мая роса,
Блеснет и угаснет краса.
Жить розно, страдать в тишине,
Хотя б поцелуй огневой!..
Нет, Анку на Кафе, небес в вышине
Кто зрел под луной?

Когда она замолчала, я сказал ей: красавица, дочь ли ты человеков или Джинов*? Земное ли, или небесное создание?

Твой возвышенный образ мыслей, твои глубокие чувствования похитили у меня и ум и сердце. – Тогда она закрыла лицо свое рукавом одежды, как бы пристыженная, что я ее заметил. Извини меня, милый льстец, сказала она; горестна та минута, когда сердце раскрывается в одиночестве, и другого доверителя, кроме воздуха, не имеет. Сказав это, она отвернулась и убежала. Клянусь тебе Пророком, о Повелитель Правоверных! С тех пор ежеминутно пред очами моими носится ее образ; никаким удовольствием не могу наслаждаться, не вспомнив прежде о ней; вижу ли прелестных, и она снова в моих мыслях!"

* *Гениев.* Так называются они в мифологии персов и арабов. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

– Твое описание, Абусеид, сказал Халиф, победило мое негодование; возвращаю тебе мою благосклонность, хотя подозрение мое, возбужденное твоим желанием, действительно оправдалось. Я с самого начала подумал, что то создание должно быть выше обыкновенного, которому удалось воспламенить такую голову, как твоя, Абусеид; – я подумал: это возможно было только сделать моей Дельфе, – и не обманулся! Дельфою называется виденная тобою, моя возлюбленная Дельфа, о которой весьма справедливо сказал стихотворец:

Дельфа! ты первый рубин из рудников падишаха,
Злато манящий к себе жадных ко блеску царей,
Тысячу тысячей дам, дам за тебя я и боле,
Только люби лишь меня, – мне ты бесценней всего!
Вечно любовью дыша, ты насладишься бессмертьем,
Ненависть только одну может могила скрывать.

ЗОЛОТАЯ МОНЕТА[1]

Динарийская макама

Харис ибн Хаммом рассказывал:

“Случилось мне быть в один из прошедших дней в собрании веселых людей, где господствовала общежительность и снисходительность и изгнана была споров нерассудительность. Между тем как мы нитью слов, кто как мог, забавлялись и в волнении мнений занимались повестями, новостями и стихами, вошел человек в одежде убогий и, судя по походке, хромоногий, который ногу как бы волочил за собою, ступал одной лишь ногою и на палку опирался рукою. Он сказал: “О вы, драгоценные камни святыни, утешительный свет милостыни! Пусть всегда встречает вас день средь наслажденья и уходит, не оставляя огорченья! Да радостно разбудит вас денница, и да утреннее питье усладит гортань любимца! Вы видите чело-

века перед собою, который всем был наделен судьбою, у которого был дом, двор, застольники и яства: пастухи и паства, одежда и одеваемые, награда и награждаемые, питье и утоляемые, поля и рощи, пиры и гости. Но вихрь бедствий вдруг поднялся, червь зависти подкопался, быстро вторглось злополучье за порог благополучья. Все на дворе моем пусто стало, стадо мое пало и пропало, колодцы мои заглохли, деревья засохли, в пыли постеля моя брошена, борода моя всклочена, мои невольники стали роптать, собаки рычать. Конский топот в конюшнях не слышен, дым от огня в зале не виден – так что и завистник мой начал сетовать со мной: и радующийся бедству, увидев мое, предался бегству. В когтях безнадежности, средь плача бедности, мне стала туфлей на ноге мозоль, а пищей грусть и боль. Я крепко затянул тело, чтобы пламя голода в нем вновь не возгорело. Исчезли в нас гордости внушения, и мы начали жить среди унижения. Теперь не гоним коня рукой, ходим по терниям босой ногой. Нам смерть лишь прибежище, утешение, мы ропщем лишь на судьбы замедление. Может быть, здесь есть кто добросовестливый, совестливый, доброподатливый, к людям приветливый, который подкрепит безнадежного, сил лишенного, прольет каплю щедрости на изможденного. Клянуся тем, кто от Кайлы[2] меня извел на свет, кто бедность мне в удел дает! Мне даже в ночь нигде приюта нет".

Харис ибн Хаммам сказал:

"Чтоб успокоить его жалкую бедность и на опыте видеть слов его верность, остроумия безмерность, вынул я золотую монету, и сказал: "Получишь эту, когда похвалу ей нам скажешь стихами", – и покатились вдруг из уст его перлы рядами:

"Целую Желтушку с блестящей каймой!
Как солнце, свершаешь ты путь круговой;
Моря преплываешь, страну за страной;
Тебе всякий берег и край, как родной,
Лишь имя промолвишь – все ниц пред тобой.

Как гостью встречают отверзшей рукой,
Приемля с восторгом, прощаясь с тоской.
Будь криво все дело, ты толк дашь прямой;
В заботах, в печали – советник благой;
В утес постучишь ли, ответит немой,
И жалость вольется в холодных душой;
Волшебница, шутишь безвредно с змеей;
Красавица! всех превосходишь красой;
Герой! – побеждаешь, не вышед на бой.
Всесильному силу, глупцу ум живой,
Надменность и гордость внушаешь порой,
С родни тот вельможам: кто друг только твой,
Хотя б в низкой доле рожден был судьбой!
Кто метит с тобою – бьет верной стрелой!
Ты славы и власти залог дорогой.
Ты – семя земли; вздор – весь мир остальной".

Когда он к концу был уже близко, то за подачей нагнулся низко, протянул руку смело и воскликнул: "Взявшись, кончи дело; без дождя и облако б не гремело".

Тогда я динар ему дал. "Употребляй его в пользу", – сказал. Он сунул его к себе в рот, промолвив: "Мне Бог его сбережет!" Потом пошел он, шатаясь ногами, осыпая нас похвалами и привознося над облаками. Но сладость его сочиненья, исполненного вдохновенья, довела меня до такого упоенья, что я, не жалея иждивенья, вынул из кармана другую монету, восклицая;

"Получишь и эту, когда вместо стихов ей в хваленье ты скажешь стихи в поношенье". И снова – откуда что взялось – красноречье рекой полилося:

«Пусть льстец будет проклят с двуличным челом,
Холодным, с притворной улыбкой на нем!
Ты всех соблазняешь в наряде своем,
Лукавая таешь в томленье немом,
Как страстный любовник, палимый огнем.
Хоть в мраке родилась и в недре земном, –

Но солнце бледнеет пред ложным лучом,
И правды не видно в деянье твоем,
Ты мир поучаешь коварством и злом,
И суд прорекаешь судьи языком.
Блеснула – и распри, раздоры кругом;
Блеснула – и вор обезручен судом,
И предана вера, спит дом крепким сном.
Завес твой, невежда, прославлен певцом;
Ты с тайной боязнью стрегома скупцом;
Ты зависть взрываешь, сводя с богачом.
Что ж хуже! Без пользы, когда под замком,
Полезна, когда покидаешь лишь дом, –
За тем ты презренна всегда мудрецом,
И он восклицает в порыве живом:
"Негодная, прочь, не кажись пред лицом!"»

Я воскликнул: "Сам Бог озлатил твои речи!" Он в ответ мне: "Дав слово, ты долг взял на плечи". Я отдал ему вторую, такую же монету золотую и сказал: "Сделай из нее употребленье, это для тебя Божье благословенье". Он сунул ее с благодареньем себе в рот, где было прежнее даренье, и удалился, на посох хромая, дарителя и дар прославляя.

Харис ибн Хаммам продолжал:

"Я подумал, что это, верно, Абу-Зайд, и что хромота его только притворный вид, догнав его, воскликнул: "Боишься ли ты Бога! Тебе острота изменяет так много. Давно ли, скажи мне, ты стал хромоногий?" – Тогда он, поглядев на меня, сказал в ответ: "Ты, конечно, Харис. Такой же на волосах твоих черный цвет. Всегда нахожу тебя посреди шумных бесед, где только одно веселье, а забот нет". – "Да, да, я Харис ибн Хаммам! Скажи ж мне теперь, кто ты сам? И также ль ты счастлив по всем делам?" Он отвечал: "Все бывает со мной, сегодня я с ногами, а завтра хромой. Мне в парус всегда дует ветер двойной, и только выбирать остается любой – попутный или с грозой". Я сказал

ему с досадою: "Грешно тебе смущать людей неправдою и хромать ногою здравою". Тогда на лице его показались морщины, и он вскричал: «Не суди, не зная прежде причины.

Хромаю, не с тем, чтоб себя услаждать;
Хромаю, чтоб пить мне, чтоб пищу достать;
Хромаю, где может надежда сиять;
Хромаю, где злато легко мне снискать;
Где с просьбой не можно, так хитростью взять,
Писанье нас учит: "Греха нет хромать!"»[3]

СОПЕРНИЧЕСТВО ШЕСТИ НЕВОЛЬНИЦ

Восточная повесть

Однажды Халиф Мамун* созвал к себе всех своих министров, вельможей и поэтов, одним словом, всех тех, которые обыкновенно приглашались во дворец к его дружественным пирушкам. Между сими последними был некто по имени Могаммед из Басры*.

– Хочу я, – сказал ему Халиф, – чтобы ты рассказал нам какую-нибудь приятную повесть. – Какую прикажешь, повелитель правоверных, – отвечал Могаммед. – Какую угодно будет, чтобы я рассказал тебе? Такую ли, которой я сам был свидетелем или известную мне только по слуху?

– Расскажи, – прервал Халиф, – что-нибудь такое, что бы сам видел; пословица весьма справедливо замечает: от глаза до уха расстояние велико.

– Я знавал, – начал Могаммед рассказ свой, – человека родом из Йемена, имевшего небольшой достаток, с которым однако ж он мог жить независимо. Из Йемена пере-

---

Знаком * отмечен текст, комментируемый Д.П. Ознобишиным (см. с. 299).

селился он в Багдад, желая вести жизнь свою с большим удобством и приятностью. У него был гарем из шести невольниц, прекрасных, как месяц в различных его изменениях. Одна была белая, другая смуглая, третья толстая, четвертая худощавая, пятая желтоватая, а шестая черная.

Впрочем все они обладали в совершенстве разными искусствами и отличались в музыке и пляске. Однажды, проведя весело день свой за чашею, наговорившись с ними досыта и наглядясь на их пляски, налил он полный стакан вина и, подав знак первой, сказал ей: "Новый месяц!* Услади меня очаровательными твоими звуками". Она взяла лютню и, настроив ее, запела следующую песню:

Образ милого в очах моих сокрыт,
Имя нежного в груди схоронено.
Мысль о нем – и взор мой радостью горит;
Назовут ли – сердце вдруг упоено.

Господин был доволен, подал ей стакан; потом, наполнив его снова, обратился к смуглой, говоря: "Пылающий свет, удели нам один из тех огненных лучей, которыми ты воспламеняешь сердце". Она схватила лютню и сопровождала звуками ее следующую песнь:

Клянусь огнем твоих очей,
Клянусь лицом для сердца
милым,
Тебя, о царь души моей!
Любить я стану до могилы.
Забыть тебя какая власть
Меня к тому принудить может!
Ах, мне блаженство эта страсть,
Твой взгляд мне жизнь, он
радость множит.

Господин подал ей стакан, снова налил его и обратился к толстой: "Теперь очередь за тобою, полная луна; по-

дари нас чем-нибудь твоего изобретения". Она заиграла на лютне и запела следующие слова:

Ты доволен мной, – я рада!
В этом все мои мечты...
Что желать! Моя отрада –
Улыбнешься если ты.

Стакан был осушен и снова налит. Тогда господин обратился к той невольнице, у которой был прекрасный гибкий стан: "Райская гурия, извлеки из лютни те очаровательные звуки, которыми ты умеешь возбуждать восторг в душах блаженных". Она взяла лютню и, наигрывая на ней некоторое время, запела следующее:

Мой друг равнодушен, я вижу, я знаю;
А я, – я пылаю к нему.
Его б мне холодность, а то, чем сгораю,
Хотя б одну искру ему.
Тогда между нами бы равенство было,
И бедное сердце одно не грустило.

Господин подал ей стакан, снова наполнил его и обратился к желтой: "Полуденное солнце, сказал он ей, ты без сомнения, не откажешь усладить нас одною из сладкозвучных своих песен". Она попросила лютню и с ее аккордами слила слова следующей песни:

Взглянет милый – вся горю я,
Острый меч для сердца очи;
Тщетно сердцу говорю я:
Берегись глядеть на очи.
Сердце льнет к ним – сердцу больно!..
Я горю, томлюсь невольно...

Господин отпил немного и подал стакан невольнице. Потом оборотился к черной: "Теперь ты одна осталась; утешь нас своими задумчивыми песнями". Она взяла лютню, и после безуспешного, в продолжении нескольких ми-

нут, старания спеть что-нибудь веселое и живое, звуки лютни ее, согласно с ее духом и характером, сделались томны и унылы, и вот чувствования, которые она выразила в своей песне:

Млею целый я день,
И скитаюсь как тень,
Без любимца души,
Грусть скрывая в тиши.
Но раздался звук бокала,
Лютня весело звучит;
Друг со мной... и покрывало
С тайных прелестей слетит.
Запах мускуса свевает
С милых уст мне ветерок,
Он груди не прохлаждает;
Сердце пышет как восток.
Ярче розы рая
Цвет его ланит.
Я смотрю вздыхая,
Роза огневая
И во мне горит.

Лишь только она выпила стакан, все шесть невольниц упали к ногам господина, прося его сказать им, которая из них более всех ему нравится?

После внимательного, продолжение некоторого времени рассматривания их прелестей, он наконец сказал им: "Хвала Всевышнему, который создал вас с таким избытком совершенств. Я люблю вас всех одинаково и поступил бы весьма несправедливо, если которой-нибудь из вас отдал преимущество перед другою. Придите, мои милые, обоймите меня все вдруг". – Они бросились к нему на шею, осыпая его поцелуями.

– Ну, сказал он им, теперь пусть каждая из вас защищает свое дело, превознося себя похвалами, разумеется, приличными, и уменьшая достоинство красоты своей со-

перницы: белая против черной, худощавая против толстой, желтая против смуглой, но с условием основывать свои доказательства на свидетельстве поэтов".

Прежде всех начала белая:

"Я лучезарный свет! Чело мое отражает блеск серебра, мою красоту хотел изобразить поэт, говоря:

Она бесценный перл, заботливо хранимый;
Слилися брови в лук; ресницы стрел острей!
Ланиты, перси – смесь и розы и лилей;
Стан гибкий – кипарис в красе невыразимый!
Я тысячи садов не променяю с ней!

Цвет мой – сияние дня, цвет белой розы, цвет утренницы. Когда Бог повелел Моисею, руку его, пораженную проказою, приложить к груди, он вынул ее оттоле сияющей белизною. В Коране написано: те, кои убелили свое лицо, то есть, которые очистили себя раскаянием, вечно будут обитать в эдеме. Цвет мой – царь всех цветов, и моя красота не имеет подобной, хотя с нею обыкновенно и сравнивают чистоту души и тела. Снег, падающий с неба, – бел; бела и кисея, которую правоверные употребляют на чалмы свои. Я могла б гораздо более распространиться похвалами насчет красоты моей; но истина, как свет, бросаясь в глаза, говорит сама за себя. И так, оставя это, перейду теперь к моей черной сопернице. Вспомните только, что говорит один поэт, рассуждая о белом и черном:

Взгляните, как ценится жемчуг высоко,
И может ли уголь в сравненье с ним стать!
Цвет белый – примета любимцев пророка;
По черному грешных нетрудно узнать.

Он заключает в себе то проклятье, которое Ной изрек на Хама, смеявшегося над его наготою.

– Садись! – сказал господин.

Черная встала и начала:

"Разве ты не знаешь, – сказала она, обращаясь к своей сопернице, перед тем только севшей; – разве ты не зна-

ешь то место Корана, где Бог клянется мраком ночи и сиянием дня?

Если бы ночь не была превосходнее дня, то Всевышний наименовал ли бы ее прежде? Разве чернота не есть признак юности, и не тогда ли, когда уже минут прекрасные дни жизни, белизна впервые появляется?

Обо мне говорил поэт, воспевая в своих стихах:

Деву черную я знаю:
Блеск агата – цвет у ней;
Но она дороже сердцу,
Чем зрачок моих очей.
Лик ее темнее ночи;
Но зато как ясен взгляд!
Ах, ее умильны очи
Словно звездочки горят.

Я могла бы сказать еще многое в похвалу себя и к твоему унижению. Разве цвет твой не есть цвет проказы, льда, инея? Но лучше буду защищать себя, чем выставлять недостатки и злословить мою соперницу.

"Чернилы, которыми нам передано слово Божие, Коран, разве не черного цвета? Черен мускус, носимый самими царями и проливающий столь драгоценные благоухания. Разве вы не видите, сказал один из поэтов, как высоко ценится мускус и в каком презрении известь? Как много заботятся о черном зрачке глаза и как мало, напротив того, думают о белке его?"

– Довольно, – сказал господин, – садись. – И в то же время дал знак толстой. Эта, поднявшись с места, все с себя сбросила, оставя только одно легкое покрывало, которое было прозрачно как воздух и красоту приятно округленных форм ее выказывало в самом выгодном свете. "Хвала и благодарение Богу! – сказала она. – Он в особенности явил на мне благость свою, создав меня полною. Сыщется ли кто-нибудь, который бы не нашел удовольствия в рассматривании этих очертаний моего тела? Сам

Коран восхваляет толщину, чтобы корова, для жертвы обреченная, была упитанная и жирная. Взгляните на садовые плоды: от которых из них у вас во рту показываются слюнки? Это апельсины, дыни, персики! Не одна ли у них форма с моими щеками, грудью?.. Какая любимая птица у охотников до лакомого блюда, птица, о которой израильтяне сожалели более, чем о всем прочем, оставленном ими в Египте? Разве это не перепелка, столь славная по своему жирному телу?

Слышано ль было когда-нибудь, чтобы у продавца мяса требовали сухой части, и не тогда ли мы вполне чувствуем все удовольствие мясной пищи, когда находим ее жирною и сочною? Какой жалкий вид у всех вас, мои соперницы! Точно как будто вы решились умереть голодною смертью, точно смотрите вы как тощий воробей, как спички!"*.

– Садись, – сказал господин, – пусть говорит теперь твоя соперница. – "Слава Богу, – сказала эта, – что он создал меня наподобие древесной ветви, дал мне величественность и стан кипариса. Встаю ли я, сажусь ли, прелесть отпечатлевается во всех моих телодвижениях. Я легка и воздушна, как ветерок, как благоухание цветов. Никогда не слыхала я, чтобы любовник, желая похвалить свою любезную, говорил о ней: "Она подобна слону; она как гора тяжеловесна!" Немногое достаточно для напитания меня; одною каплею может быть утолена моя жажда. Мои ласки быстры, мои объятия воздушны. Я легче скворца, несравненно живее воробья. Все душевно желают иметь меня; сравнивают с виноградною лозою, обвивающеюся вокруг явора, уподобляют серне, томящейся от жажды. Я одна возбуждаю сильные и пылкие страсти, и шутя вскруживаю самые умнейшие головы. Я привязчива, и легко могу исполнять все желания моего возлюбленного. Склоняется ли он ко мне, я увлекаюсь с ним; хочет ли он заключить меня в свои объятия, я сама в них вкрадываюсь. Как далека от всего этого, ты – моя полная! Ты не можешь ни получить, ни доставить этого удовольст-

вия; ты ничто другое, как гора из жира! Едва даже может приблизиться к тебе твой любезный; одна огромность твоего тела уже есть преграда для его желаний. Вздыхает ли он, ты едва можешь перевести дыхание; обнимает ли он тебя, пот мгновенно выступает из тебя градом; бодрствуешь ли ты, уже запыхалась; спишь ли, у тебя делается одышка; малейшее движение приводит тебя в усталость; если же ты и в покое, то сама себе в тягость. Ты подобна горе, которая и одним видом своим наводит ужас; сон и пища, пища и сон, вот твои наслаждения. Ты не что иное, как вздутый шар, и вместо того, чтобы говорить, ревешь, как вол на бойне; о тебе говорит поэт:

Как мешок надутой
Стан у полновесной,
Ей повсюду тесно!
С каждою минутой
Сердце в опасенье,
Что как ступит... тут-то
Жди землетрясенья!.."

– Полно, полно! – сказал господин, – садись; теперь очередь желтой.

"В мою пользу, – начала она, привстав с места, – Бог сказал в Коране, говоря о моем цвете: желтый цвет услаждает лицезрение. Мой цвет придает прелесть золоту, он блестит в солнце и звездах, им красуется персик и шафран. Я истинно драгоценный камень, между тем как нет ничего обыкновеннее темного цвета. Это цвет волов и лисиц. Назови мне хотя одно блюдо, в котором бы находился цвет сей. Это цвет грусти и скорби. Никакой цветок, ни один драгоценный камень им не украшается. Ты ни бела, ни черна, так что ничего не можешь применить к себе изо всего того, что говорено было в пользу этих двух цветов. Правда, ты имеешь одно большое преимущество: тебе не нужно умовений..."

– Будет, – сказал господин, – садись и выслушай ответ

твоей соперницы. – Это была довольно полная, прекрасная ростом невольница, у которой все части тела были в столь удивительной соразмерности, какую редко можно встретить. Она встала и начала говорить:

“Благодарение Богу, создавшему меня ни великою, ни малою, ни толстою, ни худощавою, ни белою, ни черною; он в прекрасных размерах соединил в теле моем все цвета и формы. Сколько есть поэтов, предпочитающих смуглый цвет всем прочим. Свидетелем может быть тот, который говорит:

К смугляночке привязан я,
Меня пленил сей цвет;
Есть родинка в лице ея,
Подобной в мире нет!

Смугл цвет у ней, сладок в устах аромат!
Она как алоэ приятна на взгляд.

В последнем дня мерцании
Приходит ли ко мне,
Я с ней в очаровании
Пью радости вполне.

Но только свой сумрак лишь ночь разовьет,
Она, как виденье, с ней цвет свой сольет.

Какой же цвет, напротив того, имеешь ты на лице твоем? – Цвет вохры и мышьяка, который мы употребляем в ванне для истребления волос. Цвет лица твоего бронзовый; он подобен плодам адского дерева цакума, которое, как тебе известно, приносит вместо плодов одни головы чертенят”.

– Довольно! – сказал господин и приказал сесть невольнице. Потом в награду за их соперничество он наделил их платьями и разными подарками.

Эта повесть рассмешила халифа и невольниц его гарема. Последние много раз и после того ее слушали, но при всяком разе от души всегда хохотали. – Что ж делает

теперь этот веселый господин с своими шестью невольницами? – спросил Мамун. – Он влюблен в них более прежнего, – отвечал Али Могаммед из Басры. – Поди же к нему, – сказал Мамун, – и постарайся купить всех этих невольниц для меня; пусть он возьмет за них, что хочет. Я влюблен в них по твоему рассказу, хотя ни одной еще не видел.

Али Могаммед отправился исполнить поручение повелителя правоверных, и как халифу ни в чем отказать нельзя, то господин невольниц послал их всех ко двору, для представления в подарок Мамуну. Халиф был совершенно очарован, увидя различие в их цвете, наружности и обхождении, удивился остроумным их ответам и уму, усовершенствованному заботливым воспитанием; но когда он узнал, что прежний их господин, при мысли о потери сих невольниц, умирал с отчаяния, то послал их к нему назад, наградив каждую из них подарком в тысячу червонцев.

* Халиф Мамун, седьмой из поколенья Аббасидов, был сын халифа Гарун-Рашида, наследовавший престол после старшего брата своего Амина. Хондемир изображает нам этого государя одаренным всеми царственными добродетелями: он был кроток, великодушен, храбрый военачальник, покровитель наук, которыми и сам занимался с отличным успехом; преимущественно любил он упражняться в науках умозрительных; для этого не жалел никаких чрезвычайных издержек, чтобы только привлечь к своему двору людей ученых и приобресть лучшие сочинения, писанные на языках еврейском, сирийском и греческом, которые приказывал переводить на язык арабский.

Этот же писатель оканчивает портрет Мамуна, говоря, что он бесспорно был величайший и знаменитейший Государь из поколения Аббасидов, поколения, самого

обильного великими людьми изо всех, когда-либо владычествовавших над мусульманами. Он царствовал двадцать лет и восемь месяцев, и во все это время безразлично покровительствовал всем ученым людям: какой бы они веры ни были; эти ученые с своей стороны весьма много способствовали к увеличению славы Монарха, посвящая ему свои произведения, заключавшие в себе все отличное и редкое, что только было можно найти у индийцев, магов, евреев и христиан всех различных сект Востока.

Гербалот[1]

* Могаммед из Бассоры, проименованный Аль-Джалис, что значит *советник*; слово это на языке арабском преимущественно употребляется, когда хотят сказать о человеке, удостоенном искренностью от другого или принимающем участие в дружеских беседах.

* Древние поэты арабские давали следующие имена своим любезным: нама – удовольствие, богатство; лейла – ночь, темнота; соад – блаженство; абела – белая (имя возлюбленной Антары, одного из сочинителей мааллак); хадза – драгоценная; фатима – имя любезной Асираикеша, древнейшего поэта арабского. Вот маленькая роспись имен, ныне употребляемых: они все почти знаменательны и по большей части даются невольницам: неймат ессоба – утренница, утренняя звезда; якут улькулуб – рубин сердец; мерджаня – коралл; икд-юльдур – жемчужное ожерелье; зара – цветок; вард-писан – весенняя роза; магбубе – любезная и проч.

* Может быть иные заметят, что толстая невольница не выполнила условия: не опиралась на свидетельство поэтов; но Коран, по мнению арабов, есть самая высшая поэзия, сам Магоммед говорит в нем: "принесите мне какое-либо творение, которое могло бы хотя приблизиться к учению и изяществу Корана". Случившееся с знаменитым поэтом Лебидом[2] слишком известно, и потому будет бесполезно снова пересказывать здесь это событие. *Д.*

ПОЛИВНА

There are more things in heaven and earth, Horacio,
Than are dreamt; of in your philosophy.

Shakespeare, "*Hamlet*"*

Весьма часто и невольно приходит мне на память всем известный стих Шекспира: "и на небе, и на земле есть еще много такого, Горацио, чего и мудрецы не разгадают!" – Встречаемся с лицами, в которых есть что-то роковое, чего объяснить себе не можем; есть какое-то предчувствие, которого боимся, хотя, по-видимому, ничего особенного нам не угрожает; есть места, над которыми висит какой-то таинственный, злобный рок, подобно *двадцать четвертому февраля*, замечательному произведению Вернера[1]. Так я знал одну деревню, где гибель преследует целое семейство: отец умер от выстрела, два сына моряка, приехавшие на побывку, утонули, купаясь в реке, через которую переходила курица; дочь сгорела во время бала; мать, потеряв детей, сошла с ума от горя, и наконец меньшой сын, последняя отрасль погибшей семьи, взлетел на воздух от рассыпанного им на диване пороха, к которому он, собираясь зарядить пушку для домашнего праздника, полою халата случайно придвинул не совсем погасшую трубку. После этого как не согласиться, что в природе есть много для нас непонятного; как винить людей за их странное верование в приметы: не предпринимать ничего важного в понедельник, не держать трех зажженных свечей в горнице, не венчаться в мае месяце, возвращаться поспешно домой при встрече, бледнеть, просыпавши на столе соль, не дариться собака-

---

* Гораций, много в мире есть того, Что вашей философии не снилось. *Шекспир*, "*Гамлет*" (*пер. Б. Пастернака*).

ми, и мало ли сколько подобных причуд мог бы я высчитать, если бы не боялся утомить ими милых моих слушательниц! К тому же все эти приметы известны каждому, и хотя большая часть людей над ними смеется наружно; но, поверьте мне, многие из насмешников втайне крепко в них веруют. Такая же судьба – магометанский *fatum*, существует и в числах, играющих столь важную роль в древней Кабалистике евреев, в календаре Брюса, в новейших анаграммах. Кто не помнит стиха: "И посла мирови Ангела кротости", которого каждое слово, приведенное в словенские числа, указует рождение Благословенного Александра. Наконец, число семь, столь символически-многозначительное в древних таинствах: семь планет небесных, семь светильников, семь мудрецов, семь чудес в древнем мире... Правда, мне возразят на это, что ныне и планет, и чудес гораздо более, и что мудрецы считаются сотнями. Против этого я и не спорю; это число было древнее; новейшие времена должны, и, вероятно, имеют другого численного представителя. У монголов, например, число *девять* почиталось священным. Чингисхан, по свидетельству Катрмера, на молитве своей совершал девять поклонов; знамя монголов имело девять знаков; когда подносили государю подарки, какого бы то ни было рода, они всегда были в количестве девяти, и этот обычай был в точности соблюдаем турками и монголами. Есть также числа счастливые и неблагополучные. Так рассказывает Доктор Деви в замечаниях своих об Ионийских островах и Мальте, в рядной все вещи, принадлежащие к приданому, должны быть выставлены в числе трех или пяти – другие числа считаются неблагополучными.

При этом не могу не вспомнить об одном городе, для которого число *два*, как в знаменитой египетской мудрости,

---

* См. Сто Русских Литераторов, ч. 3, Микерия Нильская Лилия, перевод древнего египетского папируса, найденного на груди одной мумии в Фивских катакомбах, барона Брамбеуса с подлинными египетскими иллюстрациями, стр. 604. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

если верить глубоко-ученому переводу барона Брамбеуса*, самое бедственное. Вы смеетесь, милые слушательницы, качая вашими прелестными головками и думая про себя: какое отношение может иметь город с числами! Не обвиняйте меня в парадоксах, выслушайте терпеливо, и вы, верно, будете со мною согласны. Город, которого я не назову вам, лежит между *двух* рек; эти реки, в малом расстоянии друг от друга, текут одна против другой, и долго, очень долго между собою не сходятся; при всем этом видимом изобилии воды, город, однако ж, почти всегда нуждается в хорошей воде для питья. В этом городе есть *два* публичные сада, в которых никто не гуляет. Вы, может быть, скажете, потому что они публичные. Нет! один из них без тени, а другой окружен лазаретами. В нем есть *два* собора, которые, на зло перспективе, стоят почти рядом; один тепел, но стар, другой великолепен, но холоден. В нем есть *два* дома Губернского собрания, один разрушается, а другой не кончен постройкою. Говорят, есть и два... но этому можно не верить; это городские сплетни, необходимое зло каждого города, как губернского, так и уездного! После этого не прав ли я, уверяя вас, что число *два* злополучно для бедного города; да и сами вы сознаетесь, что когда в глазах двоится, то невольно сбиваешься с дороги. Вот это и случилось со мною: желая вам рассказать кое-что о Поливне, я и до сих пор еще не сказал вам об ней ни слова.

Весна 1845 года в Симбирске была холодная и дождливая. Мне случилось обедать у одного из моих добрых знакомых. За обедом зашла речь об окрестностях города. – Не поедете ли вы с нами за город? – спросил он меня. – А куда путь ваш? – Мы едем в Поливну. – Далеко от города? – Верст семь или восемь от Симбирска, общество будет избранное; к тому же вечер будет, кажется, хороший, дождя ожидать нельзя. Едемте. – Я к тому не приготовился; жаль, что вы не предупредили меня накануне; я бы нашел экипаж и лошадей для этой прогулки. – Если только за этим дело; то едемте вместе; у меня тарантасы

легки и удобны, и хотя они не так затейливы и не так игриво замысловаты, как тарантасы графа Соллогуба; но для вас найдется место; кони добрые. Поверьте мне, вы не будете раскаиваться в вашей прогулке. В Поливне мы сядем в лодку и поплывем на конноводную машину. В нашем бедном Севере надо пользоваться каждою ясною минутою. – Против такого обязательного предложения возражать было нечего; к тому же я и симбиряк, но к стыду моему должен сознаться, что окрестности Симбирска, в числе коих некоторые довольно живописны, мне почти вовсе неизвестны. Баратаевку с ее садами и Киндяковку с ее веселою рощею знаю только по одной наслышке. – Я дал слово явиться к пяти часам вечера.

В назначенный час почти все уже были в сборе, в покойных плащах и пальто, как бы собираясь в дальнюю дорогу; у многих были в руках зонтики, – предосторожность на этот раз излишняя, – вечер был, действительно, чудный. Это был один из тех очаровательных вечеров, которые случайно вырываются при переходе весны к лету, и которые можно только встретить при таких больших реках, какова Волга в ее широком разливе. Мы поместились в трех тарантасах и шумною вереницею понеслись за город. Когда мы проезжали под сводом церкви Св. Ильи, один из спутников сравнил этот проезд со сводом главного Штаба из Малой Миллионной на Дворцовую площадь нашей северной Пальмиры. Шутливая выходка заставила других усмехнуться; подобие было так же верно, как сходство блестящей капли росы со светлою поверхностью Женевского озера! Вот уже справа осталась церковь Св. Германа, замечательная по своей новой архитектуре и старинной колокольне; замечательная и как воспоминание прежнего единства епархий Казанской и Симбирской, из которых последняя отделилась весьма недавно. С обеих сторон тянулись маленькие домики со своими маленькими обитателями, –

нечто вроде предместья лилипутов; там пошли огороды, и вот, наконец, мы за городом.

Перед нами мелькнули красные столбы, – новый знак попечительности внимательного начальства, которому жители городские со временем будут обязаны более чистым воздухом, нежели каким они дышали доныне. Теперь уже не слыхать ни о вольных прогулках коров по городу, ни о бесчисленном множестве собак, угрожавшем на каждом шагу бедным пешеходам. Губернская публика, не опасаясь этих страшных врагов, и не избирая середины улицы, может ныне гулять с благонадежностью по крепким, дощатым тротуарам, которые в прежние времена нередко напоминали падежи грешников в один из первых ярусов преисподней Данта, к невольному смеху других прохожих, более осторожных и предусмотрительных. Эти времена еще далеко не исторические! Век подвигается вперед; татарский вал, пересекающий Симбирскую губернию, уже не останавливает преобразований взыскательного XIX столетия!

Вот мы и в поле. Кругом нас пышно волновалась роскошная зелень колосьев; нас опахнул свежий деревенский воздух; городская пыль, еще долго столбом вившаяся над нами, улеглася, и наконец мы вздохнули свободно. Солнце играло в лазурном небе; с веселою песнью взвивался жаворонок в поднебесье и мерными кругами плавал над нами коршун; то облетая поля, то качаясь на зыбких крыльях своих над зеркальною поверхностью широко разливавшейся Волги, которая с шумом дробила серебристые волны свои об окраину горы, по которой пролегала наша дорога. Несколько верст от Симбирска, и какая противоположность!.. Там душная атмосфера, пыль и шум, и говор народа; здесь, – широкое раздолье; свежий, благорастворенный горными цветами воздух; тишина, прерываемая только топотом коней и

шумным движением колес наших тарантасов; зеркало Волги, за которой выставлялись окрестные села и деревни, и на которой, как в блестящей панораме, бежали парусные суда, скользили лодки, тянулись вдоль берега Тихвинки, нагруженные сочными плодами прихотливого Юга; местами, среди воды, начинали уже высказываться песчаные отмели, – печальный знак, что и поительница русских городов – Волга, стареется; истребление прибрежных лесов год от году ее мелководит и фарватер ее от этого нередко изменяет свое течение. Невольно воскликнешь с поэтом:

Все чередой идет определенной!..

С нами повстречалась карета, запряженная шестериком. – Кто это? – спросил я у своего спутника, указывая движением головы на сидящих в экипаже. – Это помещик Поливны. – Очень жаль, что мы его не увидим среди его владений. Всякий заботливый хозяин – лучшее украшение своего жилища; никто не сумеет ни рассказать, ни указать на все замечательное так хорошо как тот, кто все это сам устраивал. Я так много слышал о дорогих затеях Поливны! – Спутник мой, не отвечая мне, улыбнулся.

Вот наконец мы началй спускаться под гору... По ее наклону зеленели молодые березы, дубки и орешник; дикие яблони и вишни стояли, осыпанные серебристым цветом. – Какое прелестное место для сада, – невольно воскликнул я! – Как легко было бы убрать эту гору! Сколько удобств представляет здесь сама Природа! Приложить только деятельную руку, и это все, как бы по волшебству, может быть преобразовано в прекрасный уголок садов Армиды! – То же самое думал несколько десятков лет назад и владелец этой земли, – отвечал мне мой неговорливый товарищ, – но не так вышло на деле. – Кто же этот владелец? – прервал я его с нетерпением. – Кто владелец Поливны! – Да разве это Поливна? – Это

она самая. – Где же гостеприимный дом помещичий, о котором так много рассказов в губернии, в котором, как бы по волшебству, столы, полные вкусных явств, то являлись, то исчезали, послушные легкому мановению руки? – Он указал мне на открытый холм, по которому кое-где росли деревья. – Где же по крайней мере сад, этот приют роскоши и неги, где раздавались веселые звуки роговой музыки, далеко уносимые волнами Волги, те деревья, из дуплей коих били фонтанами разные вина; те беседки, где под шум падающих, тихо журчащих вод так приятно было забыться дремотой; те оранжереи, наполненные лимонными и померанцевыми деревьями, которые, стоя по обе стороны дороги от дома к Волге, наполняли воздух своим нежным ароматом? – Где этот сад, с правильными дорожками, с полевыми рощами? – Он указал мне на Волгу. – Волга в разливе своем тихо плескалась у берега; серебристые вершины тополей едва виднелись над голубой ее поверхностью. – Как! все это в Волге? – спросил я, увлекаемый чувством невольного, грустного любопытства.

– Да, – сказал он, присевши на срубленное дерево, лежавшее при подошве горы. – Этот сад в Волге. Здесь щедро сыпалось золото, чтобы украшать природу по воле и прихоти гостеприимного и богатого русского барина; но прихотливая Волга была могущественнее в своих усилиях. Каждою весною горная вода с силою врывалась в этот овраг, что за нами, на украшение которого искусство ничего не щадило; никакие преграды не могли остановить этой новой Ундины, стремящейся в объятия Волги, и сия гордо подымалась навстречу, все истребляя в своем грозном приливе. Видите ли вы эти верхушки серебристых тополей! Тут была прелестная роща, уставленная статуями; тут были прекрасные залы для игр и танцев, здесь еженедельно собирался весь лучший круг нашего Симбирска попировать у радушного и ласкового хозяина. – В этом доме, – тут он указал мне

на холм, – который словно исчез с лица земли: владелец переселился в другое свое поместье, – раздавалась веселая музыка, заглушаемая звоном бокалов и громкими голосами стройного хора певиц; здесь нередко ночь преобразовалась в день, да и в какой день! полный удовольствия, шумный и радостный! Я сам был тогда еще очень молод, я был свидетелем всего этого, и, наконец, как наши древние сказочники, могу прибавить: я там был и мед пил! Все это прошло, как чудный сон, как волшебный рассказ Шехеразады!.. Владельцу Поливны наскучили беспрерывные истребления, делаемые Волгою; с грустью, но с твердою решимостью он пособил Волге все это уничтожить. Что было возможно, перенес он в другую свою вотчину; к тому же и век переменился. Другие заботы, другие потребности обратили на себя его попечительное внимание. Дух фабричной промышленности дохнул и в нашу губернию; филатура, суконные фабрики, винокуренные заводы, как и многих других, отвлекли и его от устройства садов и теплиц с редкими цветами. "Наш век торгаш", – сказал Пушкин и кто с этим не согласится! Теперь каждый считает существенно нужным и полезным не прихоти жизни и удовольствия; а то, что может доставить выгоднейший оборот капиталам. Англичане показали пример всему миру, а мы, русские, были искони подражателями!

– Но где же лодка? – спросил мой рассказчик, прервав свою историческую повесть, – без нее мы не попадем на конноводную машину – цель нашей загородной поездки, да и самой машины не видно. Пока он и другие суетились, отыскивая лодку, я присел на срубленный пенек, и задумчиво глядел на Волгу. Передо мною, блистая своими белосеребряными крыльями, отыскивая мелкую рыбку, с плеском кидались в воду чайки; кругом меня были одни бедные развалины минувшего: недавно напиленный тес, сложенный в стопы, изрубленные бревна, позади виднелись соломенные крыши селения, которое одно сохрани-

ло имя Поливны; но бессильно было передать то, что некогда было, и что с каждым годом истребляется в самой памяти очевидцев, исчезая невозвратно, подобно минутному следу, который легкая ладья оставляет за собою. “Vanitas vanitatum et omina vanitas” – глубоко вздохнув, подумал я вместе с Экклезиастом.

Товарищ мой возвратился, не отыскав лодки, и, сердясь, сел на прежнее свое место. – Что ж будем мы теперь делать? – спросил я его. – Будем ждать лодки. Один из нашего общества сел в челнок, и вместе с рыбаком поехал ее отыскивать. – Чего ждать нам у моря погоды или лодки у Волги, пойдемте пешком вдоль берега. Мы в ходьбе не заметим расстояния, а время сократим разговором. – Вызов был принят, и по предположению нашему, что конноводная машина должна быть недалеко, к нам присоединился еще один из наших спутников.

Все трое перешли мы на другую сторону оврага через зыбкий мостик, отчасти напоминающий страшный для грешников мост *Сират*, описанный в Коране. То же запустение заметно было повсюду. За легким, наскоро устроенным из жердей забором, показался перед нами небольшой питомник молодых яблоней. – Не остаток ли это прежнего сада? – спросил я. – О нет, – отвечал мой спутник. – Все это, как вы сами видите, заведено недавно.

После этого мы долго шли в молчании. Неровность дороги, от недавно бывших дождей еще наполненной лужами, заставляла нас взбираться на крутые бока горы, где беспрестанно за нас цеплялись колючий шиповник и другие кустарники. В иных местах мы сами должны были хвататься за ветви растущих берез и черемухи, чтобы не оборваться в лощину; одним словом, в этом путешествии, если б на нас были только другие платья, мы были похожи на альпийских охотников, гоняющихся за сернами. Новый наш товарищ, непривыкший к ходьбе, изнемогал от усталости. Его уже не занимали ни дикие яблони, ни

вишни, в изобилии растущие, ни горные травы, дышащие бальзамическим ароматом. Внутренне упрекал он себя за свою решимость идти вместе с нами, понадеясь, что путь был не дальний; но уже более версты мы прошли, а конноводной машины было еще не видно.

– Скажите, – спросил я моего спутника, – неужели ничего замечательного не осталось от Поливны? – Ничего, – отвечал он. – Правда, есть еще одни исторические развалины. – Какие же? – спросил я с любопытством. – Монастырь, прозванный Соловецким. – Так монастырь еще цел? – с живостью прервал я. – Кто это сказал вам; его уже давно не существует: остались одни только очерки его фундамента. – Был он чем-либо известен? – Да, осталось немного преданий, и я на досуге вам передам их. Но кажется, за этим холмом виднеется конноводная машина. Пойдемте ободрить нашего усталого товарища. Посмотрите, как он утомился.

И к счастью, что машина наша была близка. Товарищ наш чуть не падал. Через несколько минут мы уже были у пристани. Сели в лодку и четыре мощные бурлака в одно мгновение причалили нас к машине. Не прошло четверти часа, как и другая лодка, с остальным, более терпеливым обществом нашим, показалась на виду. Скоро все мы уже были на палубе, где радушно приветствовал нас хозяин купец X...; а его душистый чай укрепил нас от сделанного нами перехода.

Не буду вам рассказывать про устройство конноводной машины. Кто этого не знает? Огромная плавучая масса приводится в движение лошадьми, кружащимися в средине ее около вóрота, на который навивается толстый канат, вперед завезенный лодкою к известному месту. Неровный бег 45 лошадей, запряженных тройками; крики и бичеванье погонщиков, – все это составляет довольно пеструю картину; но невольно заставляет желать, чтобы дух промышленности развил устройство пароходов на Волге. Жалеешь, глядя на это младенческое состояние

судоходства; видя это непомерное усилие бедных животных, которые редко выдерживают одну путину и обыкновенно за негодность после оной распродаются; жалеешь, повторю я, потому что результаты этих тяжких усилий ничтожны. Машина не проходит в час и версты; а сочтите капиталы, на устройство ее употребленные: покупку лошадей (машина, на которой мы были, устроена на 90 лошадей), фураж их, наемку рабочих, и после этого делайте сравнение с пароходами! Правда, что устройство сих последних потребует вдруг более капиталов; но зато какие неисчислимые преимущества и в ходе судна, и во времени, и в последствиях! Что же удерживает наше купечество от устройства этих крылатых двигателей, спросите вы? – Без сомнения, не капиталы, которые бы нашлися; но недостаток строителей; трудность в приискании механиков для управления, и наконец, скажу вам по секрету, то полузнание коммерческих расчетов, которые не могут вполне уяснить им собственные их выгоды. Прозорливое внимание правительства на устройство и введение всего истинно полезного в нашем отечестве ручается за то, что рано или поздно Волга оживится пароходным судоходством для нее истинно необходимым и благодетельным.

С бокалом шампанского в руках пожелали мы радушному хозяину счастливого плавания и сели в шестивесельную лодку, нарочно для возврата нашего в Поливну приготовленную; мощные гребцы ударили в весла, и мы быстро понеслись по течению Волги, в город. Вечер был тихий, светлый месяц выводил за собою бесчисленные хороводы звезд, которые с любовью гляделись в безмятежном небе Волги. Дальние села исчезали в дымке подымающегося тумана; на песчаных отмелях кое-где загорались огоньки рыбарей, скользящие столбом по зеркальной поверхности воды; ни одна ундина не шептала вокруг нас своей призывной, обольстительной песни, и только серебряная струя далеко означала след наш, робко виясь за нами.

На берегу Поливны приветствовал нас соловей своею громкою трелью; хотел ли он передать нам, в веселых переливах своих, былые радости Поливны; думал ли он убедить нас своими звучными и разнообразными перекатами, что удовольствия природы не столь изменчивы и быстро преходящи, как затеи, вызванные искусством и рукою человека. Не знаю! Мы пересели в тарантасы; отдохнувшие кони быстро взвились в гору, проскакали поле, уже чуть видное в теплом сумраке вечера, и скоро огни городские ярко замелькали перед нами.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Т.М. Гольц

"...ПОЭТ И ПОЛИГЛОТ..."

Где ты странствуешь? Где ныне
Мой поэт и полиглот
Поверяет длинный счет?..
Или кони резвоноги
Мчат тебя с твоей судьбой
В дождь осенний, в тьме ночной,
По извилинам дороги
Нелюдимой и лесной?
Иль на отдых миговой
Входишь ты под кров убогий
И гражданственность с тобой?..

Н. Языков. 1834

Адресат послания Н. Языкова – его земляк Дмитрий Петрович Ознобишин – был к тому времени активным участником литературного процесса, часто выступавшим со своими произведениями на страницах ведущих журналов и альманахов "золотого" пушкинского века.

Наверное, поэта вернее всего может понять другой поэт:

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их связует...

Проникновенные строки Языкова, близкого Ознобишину по природе своего дарования и оптимистическому мироощущению, его дружеское внимание вызвали в душе адресата светлые воспоминания о молодости. В ответном послании он писал:

...Тогда в рассвете бытия
Мечтой вся жизнь цвела моя.

Блаженны были те мгновенья,
Мир светских снов и упоенья
Нежданных и завидных встреч!..

На вызов твой я ожил вновь
Петь юность, дружбу и любовь...

О каких встречах, “нежданных и завидных”, говорит поэт? Это могли быть встречи и с поэтами-декабристами – казненным К. Рылеевым и томящимися в крепостях и на каторге А. Бестужевым, В. Кюхельбекером, с Ф. Глинкой...

Имя Д.П. Ознобишина ставилось в ряд талантливейших русских поэтов. Современники оценивали его дарование высоко; оно заслужило одобрительные отзывы В.Г. Белинского[1].

Еще при жизни поэта его стихотворения включались в хрестоматию[2]. Биобиблиографический очерк о нем создал Б.Л. Модзалевский[3]. О гармонии, силе, музыке и образности его стихов писал Н. Державин[4].

---

[1] *Белинский В.Г.* Поли. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 215; М., 1954. Т. 4. С. 342; М., 1955. Т. 8. С. 214.

[2] См., напр.: Русская стихотворная хрестоматия, собрана В. Золотовым. М., 1829. Ч. 2. С. 212; *Галахов А.Д.* Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии... 1842. Ч. 2; Сборник лучших произведений русской поэзии. Издание Н. Щербины. СПб., 1858. С. 297; Сборник стихотворений русских поэтов для юношества. М., 1867. С. 500; *Гербель Н.В.* Русские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1873. С. 368; *Он же.* Английские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1875. С. 223.

[3] Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 12. С. 197.

[4] *Державин Н.* Забытые поэты. Тургенев, Ознобишин и Тимофеев. (Из Симбирской хроники.) // *ИВ*. 1910. Кн. 9. С. 851–864.

Младший современник Ознобишина – поэт-петрашевец А. Баласогло называет его в ряду известных поэтов пушкинской эпохи:

Где мой волшебник, мой Языков,
С разгульной чашей, с красотой,
С цевницей песен, с пиром кликов,
С своей тригорскою душой?
Где Веневитинов? – угрюмец,
Философ жизни в двадцать лет,
Он, сирый в мире вольнодумец,
Осиротивший мир и свет!
Где грустный демон Подолинский,
С глухим гудением стиха?..
Где Баратынский – Баратынский,
Ум, падший ангел без греха!
Где Хомяков, младенец веры,
С живой мелодиею строф?
Где русский Мур ирландской сферы,
Всегда задумчивый Козлов?
Где Ознобишин, мой восточник,
Игривый, страстный, полный сил?..

"Восточник" Ознобишин, со второй половины 1820-х годов систематически выступавший на страницах журналов и альманахов с ориентальными материалами (переводами и подражаниями, статьями-экскурсами) под персидским псевдонимом "Делибюрадер" ("Дел-е берадер" – "Сердце брата"), выделялся на общем фоне увлечения восточной экзотикой глубокой эрудицией в сфере ориенталистики.

Первый из русских поэтов он стал переводить с оригинала и пропагандировать произведения классиков персидско-таджикской (Фирдоуси, Саади, Хафиз), арабской и индийской поэзии. Ему, как и "барону Брамбеусу" (псевдоним О.И. Сенковского), принадлежит ряд "восточных повестей", которые он намеревался издать отдельной

книгой[5]. Поистине, без "восточника" Ознобишина невозможно составить полное представление о литературном процессе 20–40-х годов XIX в.

Псевдоним "Делибюрадер" имел для поэта принципиальное значение: все его творчество проникнуто истинно братским отношением к литературам различных народов мира. Обращался ли он к шотландской или сербской народной поэзии, переводил ли Шекспира или Беранже, Мура или Гюго, Гейне или Мицкевича, Байрона или Лонгфелло, Данте или Барбье, Тегнера или Бульвер-Литтона, перелагал ли новогреческие, богемские песни, собирал ли русский, украинский или чувашский фольклор – его душа была открыта восприятию художественных сокровищ иноязычных культур. Владевший четырнадцатью иностранными языками, он в поэтических шедеврах Запада и Востока находил общечеловеческое начало, жизнеутверждающий пафос, первозданность образов, и все эти качества органически вошли в его лирику.

Как сладко дышать здесь! Как сердцу отрадно!
Пью ветер с восторгом, пью сильно и жадно!
Аравии целой весь воздух вдохнуть
Казалось бы мог я в свободную грудь!
Привольно очами мне в даль погружаться,
В окрайнах пустыни блуждать и теряться,
И руки свободно раскинуть, – и в них
Сжать Запад с Востоком в объятьях моих!

(А. Мицкевич. "Фарис" в переводе Д. Ознобишина[6])

Начало творческого пути поэта совпало с растущим влиянием свободолюбивых идей, восстанием 1825 года и расправой над декабристами. Ему довелось пережить годы николаевской реакции, стать свидетелем французской

[5] Арабески, или Собрание восточных повестей // *ИРЛИ*. Ф. 213. № 46. 82 л.

[6] *ИРЛИ*. Ф. 213. № 28. Л. 6. Без даты, ок. 1840 г.

революции, поражения России в Крымской войне, быть современником и участником крестьянской реформы 1861 г. Менялось отношение и к самой поэзии, которая с середины 30-х годов отходила на второй план; ведущим жанром литературы постепенно становилась проза.

Время наибольшей известности Ознобишина как поэта – конец 20-х – начало 40-х годов XIX столетия. Он вступал в поэзию, когда развивалось ее романтическое направление и "школа гармонической точности". Подобно другим поэтам XIX в., Ознобишин не избежал чарующего влияния пушкинского стиха. Позднее его захватил гений Лермонтова: он попал под обаяние его мировосприятия и образов. В то же время творчество поэта по-своему оригинально и значительно в богатой поэтической полифонии его времени.

Сам поэт так и не выпустил свои стихотворения отдельной книгой, хотя о таком издании, по-видимому, думал. Первый сборник стихотворений Ознобишина появился только в 1992 г.[7]

В 1994 г. вышел обзор архива поэта, хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома, составленный Н.А. Хохловой, а в 2001 г. – Библиографический указатель, составленный В.В. Морозовой[8].

Итак, несмотря на прижизненную известность и высокую оценку его творчества современниками, поэтическое наследие Ознобишина оказалось в дальнейшем выключенным из историко-литературного процесса.

Предпринимаемое "Литературными памятниками" издание – первая попытка научного комментированного собрания основного корпуса поэтического наследия Д.П. Ознобишина, включающего ранний сборник "Меч-

[7] *Ознобишин Д.П.* Стихотворения / Сост., вступ. ст. и примеч. Т.М. Гольц. М., 1992.

[8] *Хохлова Н.А.* Обзор архива Д.П. Ознобишина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1991. СПб., 1994. С. 3–28; Д.П. Ознобишин. Библиографический указатель опубликованных произведений. 1820–1999. Ульяновск, 2001.

ты" (1821–1822) и четыре альбома, составленные самим поэтом: первый (1823–1829), второй (1830–1832), третий (1830–1847) – лучшее собрание произведений зрелого поэта, и четвертый, незаконченный, в который вошли произведения последних лет. Ознобишин продолжал работу над альбомами на протяжении всей жизни. В особенности это касается альбома третьего, где поэт дал новые, более совершенные редакции уже опубликованных произведений.

* * *

Дмитрий Петрович Ознобишин родился в сентябре 1804 г. в наследственном поместье отца – селе Троицком Карсунского уезда Симбирской губернии. Отец его, Петр Никанорович, принадлежал к старинной дворянской фамилии, известной с XIV в. Предки его были воеводами и жалованы вотчинами за "крепкое сидение в Москве" во время осады ее поляками; при царе Алексее Михайловиче "на стенах смоленских" они охраняли башни кремля, одна из которых до конца XIX столетия носила название Ознобишинской[9]. Прадед поэта, Иван Михайлович, "был капитаном гвардии при императрице Екатерине II, находился в Турецких походах и был любим при дворе, наделен богатыми поместьями, которых только малую часть сберегли его потомки, все, как и отец мой, служившие в гвардии"[10]. Дед, Никанор Иванович, также служивший в гвардии, женатый на "пензенской дворянке Агнии Петровне Акинфьевой", умер около 1775 г.[11] Он не чужд был

[9] [*Горизонтов А.П.*] Биография Д.П. Ознобишина. СПб., 1878. С. 3.

[10] Письмо Д.П. Ознобишина к П.А. Вяземскому от 20 янв. 1867 г. // *РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. № 2456. Л. 2 об.

[11] Гос. архив Пензенской обл. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2150. Л. 43. Эти сведения любезно сообщены нам главным библиографом отдела краеведения Ульяновской гос. научной библиотеки В.В. Морозовой.

Место усадьбы Д.П. Ознобишина Троицкое.
Современный вид

литературных занятий, плодом которых стали его сочинения – “Несчастный француз, или Жизнь кавалера Белинкурта, описанная им самим” (М., 1764), вероятно, перевод с французского, и “Нещастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина...” (СПб., 1775), носившее автобиографический характер. Об имущественном положении героя говорится там следующее: “у господина Алексея Е.: изрядный отцовский дом в Петербурге, а у господина Никанора хотя дому в Петербурге и нет, однако отец его имеет хорошие за собой деревни, более четырехсот душ” (с. 122).

Отец, Петр Никанорович, коллежский ассесор, был директором коммерческого банка в Астрахани, где он и женился на Александре Ивановне, дочери богатого грека Ивана Андреевича Варвацци (Иоаннис Варвакис, 1750–1825), уроженца острова Ипсары, оказавшего важные услуги русскому флоту в Чесменском сражении, за что произведен в лейтенанты. В 1789 г. Варвацци получил русское подданство и потомственное дворянство, был впоследствии астраханским губернским предводителем, откупщиком во многих губерниях, нажил миллионы, которые все завещал в пользу Греции на благотворительные учреждения и университет в Афинах. “Он был один из числа гетеристов, восстановивших греческое королевство, был искренним другом графа Каподистрия”[12]. Иван Андреевич был активным членом тайного революционного общества “Филики Этерия” (“Дружеское общество”), о чем даже не знало русское правительство. Когда в Яссах началось греческое народное восстание против турецкого владычества (1821), Варвацци, оставив в России семью и все состояние, уехал в Грецию, где на свои деньги формировал отряды повстанцев[13]. Современный историк пишет о нем: “Нео-

[12] Письмо Д. Ознобишина к П.А. Вяземскому от 20 янв. 1867 г. // *РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2459. Л. 2 об.

[13] *Марков А.* Были Астраханского края. Волгоград, 1976. С. 160–162.

бычайная история жизни этого человека могло бы стать сюжетом увлекательного романа”[14].

И.А. Варвацци прославился и как щедрый меценат, много сделавший для благоустройства Астрахани и Таганрога, куда он внезапно переехал в 1813 г. Памятью о нем в России долго оставались завершенное им в Астрахани за свой счет строительство канала (1817), по высочайшему повелению переименованного в Варвациев (1838), ныне – “1 мая”[15], несколько мостов, красивая соборная колокольня, а в Таганроге – греческий монастырь[16].

Дед поэта с материнской стороны был человек просвещенный. С директором Астраханского главного народного училища Дмитрием Агафи его связывала тесная дружба. В доме Агафи собирались видные деятели культуры Астрахани. Сын Дмитрия, Александр, известный баснописец, читал на этих вечерах свои сочинения, а сам Дмитрий – новые переводы восточных авторов. Он преподавал в училище арабский, персидский и турецкий языки. Зная о нехватке учебных пособий, Варвации преподнес в дар библиотеке училища редкий экземпляр Алькорана на арабском языке[17].

С большой долей уверенности можно предположить, что именно И.А. Варвации пробудил в юном поэте интерес к изучению восточных языков.

После смерти обоих родителей опеку над внуками согласно духовному завещанию, составленному их матерью 29 февраля 1812 г., взял на себя И.А. Варвацци[18].

У П.Н. и А.И. Ознобишиных было двое сыновей, Иван и Дмитрий, и четыре дочери: Елизавета, Варвара, Александра и Екатерина, умершая в детстве. Старшая, Елизавета, в конце 1825 г. вышла за дворянина Вологодской гу-

---

14 *Арш Г.Л.* Этеристское движение в России. М., 1970.
15 *Марков А.* Были Астраханского края. С. 158.
16 *ИВ.* 1910. № 3. С. 1078–1083.
17 *Марков А.* Были Астраханского края. С. 160.
18 Гос. архив Ульяновской обл. Ф. 85. Оп. 1. Д. 339. Л. 50.

бернии, отставного гусарского поручика Александра Григорьевича Волкова, брата литератора П.Г. Волкова. Года через три она умерла, оставив мужу сына Юрия, впоследствии также литератора[19], и дочь Варвару. Вскоре Юрий тоже умер[20]. В результате раздела недвижимого имущества между Иваном и Дмитрием, проведенного И.А. Варвацци 20 июля 1821 г., по достижении внуками совершеннолетия Дмитрию предстояло получить родовое имение село Троицкое, а Ивану – село Сумароково Мокшанского уезда Пензенской губернии[21]. Старший брат умер, вероятно, в 1827 г., так как с начала 1828 г. имение было введено во владение Дмитрия Петровича[22].

Варвара вышла замуж за сына стерлитамакского уездного благочинного Ивана Федоровича Базилевского, впоследствии богача и мецената, близкого друга поэта в течение всей его жизни. Александра до 1840-х годов жила в семье брата.

Первым наставником Дмитрия был сын французского эмигранта барон А.К. Боде, впоследствии поэт-любитель, публицист и агроном. В 1814 г. дед привез внука в Петербург, чтобы поместить его в Горный корпус, инспектором которого был его родственник будущий сенатор А.В. Казадаев. Этому намерению не суждено было осуществиться, но Казадаев принял мальчика в свое семейство, где тот в течение пяти лет воспитывался с его детьми. Среди учителей Дмитрия Ознобишина были известный статистик, географ и историк К.И. Арсеньев и актер И.И. Сосницкий. Арсеньев отличался передовыми взглядами. В своей книге "Начертание статистики Российского государства" (СПб., 1818–1819) он выступал против кре-

---

[19] См. о нем: Русские писатели. 1800–1917. М., 1989. Т. 1. С. 466–467.

[20] *Артемьев А.И.* Ю.А. Волков. Биография // *РНБ*. Ф. 37. Д. 228. Л. 1–5. (Сообщено Н.Н. Холмухамедовой.)

[21] Гос. архив Ульяновской обл. Ф. 85. Оп. 1. Д. 339. Л. 50–50 об.

[22] Там же. Л. 40, 49.

постного права, отдавал предпочтение свободному труду, противопоставляя его труду крепостному; превозносил свободу промыслов, порицал подкупность судей, за что впоследствии был удален из университета.

В 1819–1823 гг. Ознобишин вместе с В.П. Титовым, С.П. Шевыревым, Э.П. Перцовым обучался в Московском университетском Благородном пансионе, который, подобно Царскосельскому лицею пушкинского времени, давал своим питомцам широкий круг знаний и где любимым предметом была русская литература.

Уже в младших классах будущий поэт входил в “литературное общество”, состоявшее, кроме него, еще из двух воспитанников – С. Шевырева и Э. Перцова. В пятом классе он участвовал в литературных собраниях и был выбран “за отличие в аускультанты высшего собрания, учрежденного Жуковским”[23]. В зале пансиона проходили публичные заседания “Общества любителей российской словесности”, на которых иногда с целью поощрения читались лучшие произведения воспитанников. Занятиями по “изящной словесности” руководил известный поэт, переводчик и критик А.Ф. Мерзляков, знаток греческих и римских поэтов. Вдохновенные импровизации профессора приводили слушателей в восторг. Директор пансиона А.А. Прокопович-Антонский и профессор русской словесности И.И. Давыдов всячески поощряли литературные занятия. Под наблюдением Давыдова издавался пансионский альманах “Каллиопа”. В 1820 г. Ознобишин поместил в нем переведенное им с французского стихотворение “Трубадур”, а в следующем году – в “Вестнике Европы” – оригинальное стихотворение “Старец”[24]:

Я давно венец цветущий
Снял с главы своей,
И сказал: пора быть мудрым
Для преклонных дней.

[23] Каллиопа. М., 1820. Ч. IV. С. 245–247.
[24] *ВЕ*. 1821. Ч. 116, № 4. С. 252.

Юный поэт читал на пансионских актах свои произведения: 2 апреля 1821 г. – стихотворение “Утренний гимн”[25], 25 марта 1822 г. – “Всемогущество Божие в природе и человеке”, а также хор: “Се день наукам вожделенный” (изданы отдельными оттисками в 1822 г.). Некоторая архаичность, идущая от классицистической поэзии XVIII в., от Ломоносова и Державина, сочеталась в них с элементами романтической поэтики.

Ознобишин подражал Жуковскому, создавал изящные любовные стихотворения, учась у французского элегика Парни, у “российского Парни” К.Н. Батюшкова; переводил стихи из древнегреческой антологии. Переводы Ознобишина из Парни распространялись в списках и обратили на него внимание А.А. Бестужева. Стихотворения юного поэта своим светлым, оптимистическим мировосприятием, воспеванием радостей любви и наслаждений жизни оказались близкими творчеству “довоенного” Батюшкова:

Я пришел, лампада тлела,
Огонек едва мелькал;
Ты бледнела, ты краснела,
Я в восторгах утопал.
Сбрось с себя покров ревнивый,
Дай любви неторопливой
Миг блаженный бытия!..

Призывы к наслаждению настоящим, а отсюда – мотив быстротечности жизни звучат во многих стихотворениях Ознобишина:

Насладимся, друг бесценный,
Дни блаженства пролетят.
В час грядущий, сокровенный,
Парки смертью нам грозят.

---

[25] *ВЕ*. 1821. Ч. 117, № 7–8. С. 172–173.

Там в обители безмолвной,
В царстве мрака и теней,
Не придет восторгом полный
Друг стучаться у дверей.

("Свидание")

Тема радости и любви сливается с темой дружбы. В том же сборнике "Мечты", составленном в 1821–1822 гг., находим портреты друзей поэта, однокашников – будущих "любомудров" Шевырева, Титова. Шевырев – серьезен, весь погружен в научные занятия и в поэзию:

На ложе счастья и любви
Ты радость жизни не вкушаешь,
И юности бесценной дни
Суровым музам посвящаешь.
Смотри, – стоит Амур в слезах,
Венок с главы своей срывает,
И с тихой горестью в очах
Свой лук и стрелы покидает.
. . . .

Юный поэт не торопится печатать свои произведения. Из 55 стихотворений опубликованы десять, в их числе четыре – оригинальные: "Миг восторга", "Мир фантазии", "Старец" и "Ручей". Значительную часть сборника "Мечты" составляют переводы – из антологии, из Катулла, Парни, Ламартина, Гердера, Томаса Мура. И хотя в целом сборнику присущи черты подражательности (Батюшкову, Жуковскому) и он изобилует традиционными рифмами и образами, – в нем встречаются вдохновенные лирические зарисовки, созданные как бы на одном дыхании:

Когда в пленительном забвеньи,
В час неги пылкой и немой,
В минутном сердца упоеньи
Внезапно взор встречаю твой,
Когда на грудь мою склоняешь

Чело, цветущее красой,
Когда в восторге обнимаешь!.. –
Тогда язык немеет мой.
Без чувств, без силы, без движенья,
В восторге пылком наслажденья
Я забываю мир земной!
Я нектар пью, срываю розы,
И не страшат меня угрозы
Судьбы и Парки роковой.

("Миг восторга")

В апреле 1823 г. Д. Ознобишин окончил пансион и 21 августа следующего года поступил на службу в Московский почтамт, где под руководством почт-директора (с 1819 г.) И.А. Рутковского осуществлял цензурирование французских повременных изданий. Эта служба не удовлетворяла его, и он искал себя в другом. С 1822 г. поэт – член "Общества друзей" С.Е. Раича (1822–1825), исполняющий в нем обязанности секретаря[26]. Тогда же он начинает изучать восточные языки, для чего посещает лекции профессора А.В. Болдырева в университете, занимается и с ученым муллой-татарином, штудирует труды европейских ориенталистов. О широте и серьезности его востоковедческих интересов свидетельствует письмо бывшего однокашника Э.П. Перцова, которому он поручал приобретать в Петербурге пособия и книги по ориенталистике, такие, как "Арабская хрестоматия", "Грамматика персидского языка", Джонса, "Сакontала" Калидасы, "Рассуждение Ричардсона о индийской мифологии", "Беседы Гарири" (аль-Харири) и пр. Перцов сообщает ему некоторые сведения о "Сакontале": "...она есть Индейская драма, в 3 действиях и в стихах. Но нужного для вас другого

[26] См. неопубликованное письмо Д.П. Ознобишина к В.Ф. Одоевскому, датируемое приблизительно 1823 г. // *ИРЛИ*. Ф. 213. № 100. Л. 2.

перевода сей же книги Гердером – у Грефа (петербургский книгопродавец. – *Т.Г.*) и пр. не находится"[27].

Плодом ориенталистских занятий поэта стали статьи-экскурсы: "О духе поэзии восточных народов и рассмотрение статьи Московского телеграфа..." (*СО*. 1826. Ч. 105, № 4–5; Ч. 106, № 6–8), "Несколько замечаний на статью Геерена о Рамайяне и перевод оной..." (*СО*. 1827. Ч. 112, № 7) и самая значительная из них – "Отрывок из сочинения об искусствах" ("Северная лира". М., 1827).

Знакомство и дружба с С.Е. Раичем, поэтом и переводчиком, знатоком античной и итальянской поэзии, эрудированным теоретиком стиха, – важное событие в творческой биографии Ознобишина. Раич помог ему обрести свое лицо, поддержал увлечение молодого поэта восточными языками и литературами. Раич понимал, что персидские и арабские переводы обогатят отечественную словесность новыми темами, образами и поэтическими приемами, и тем самым завершится "опоэзение" русского языка. В ноябре 1825 г. он писал Ознобишину: "Чтобы дополнить это *опоэзение* нашего языка, надобно перенести к нам поэзию Востока. Этот благороднейший, прекраснейший труд принадлежит Вам, любезный друг, конечно вам, по крайней мере значительною частию"[28], а в другом письме спрашивал: "Что ваш Восток? Дышите, дышите им – он ваша слава, ваша жизнь в полном значении этого слова"[29].

Выпущенный Раичем и Ознобишиным альманах "Северная лира" (М., 1827; см. издание его в серии "Литера-

---

[27] Письмо Э.П. Перцова к Д.П. Ознобишину от 5 нояб. 1824 г. См.: *Васильев М.* Из переписки литераторов 20–30-х годов XIX века // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. университете. Казань, 1929. Т. 34, вып. 3–4. С. 178.

[28] Письмо С.Е. Раича Д.П. Ознобишину от 20 нояб. 1825 г. // Там же. С. 179.

[29] Письмо С.Е. Раича Д.П. Ознобишину от 17 июня 1826 г. // Там же.

турные памятники", 1984 г.) стал заметным событием в литературной жизни 20–30-х годов. Ознобишин поместил в нем семь своих стихотворений, из них пять переводных, в том числе три – с арабского и фарси: "Нама", "Весна (Подражание Сойюти)", «Ода Гафица (Из книги: "Даль" его Дивана)». Стихотворение "Нама" подверглось резкой критике в журнале "Московский телеграф". Процитировав стихотворение, П.А. Вяземский писал: "Пускай это и тому подобное с арабского на арабском языке и остается. Довольно нам и одного греческого Анакреона, которому нам велят кадить, потому что он древний и грек, хотя в новейшие времена часто за приятельскими пирушками встречаются Анакреоны; но для европейской гордости нашей слишком уж будет оскорбительно, когда захотят колоть нам глаза арабским Анакреонтичеством"[30]. В пылу полемики Вяземский переходит едва ли не на позиции европоцентризма.

"Северная лира" знакомила читателя не только с образцами западноевропейских литератур, но и, подобно "Полярной звезде" и "Северным цветам", с литературами народов Востока. Обилие ориентального материала в альманахе вызвало даже нарекания. Так, Н.М. Рожалин в статье "Альманахи на 1827-й год" писал: "Вместо того, чтоб представить любителям словесности отечественной хорошее собрание оригинальных пиес прозаических, Издатели наполнили Северную лиру переводами с языков Азиатских, надеясь, вероятно, доказать оными ужасную бедность литературы персидской и арабской, или по крайней мере, бедность Хрестоматий, которыми пользовались переводчики"[31].

В "Оде Гафица" Делибюрадер сохранил образы персидско-таджикского оригинала, его общий настрой, и

---

[30] *Ас. Б.⟨П.А. Вяземский⟩*. Северная лира на 1827 год // *МТ*. 1827. Ч. 13, № 3. Февр. Отд. 1. С. 244.

[31] *МВ*. 1827. Ч. 2, № 5. С. 87.

хотя он не передал формы газели, не имеющей эквивалента в русской системе стихосложения, его переложение выгодно отличается от ранее появившегося в “Московском телеграфе” переложения этой же газели Ю. Познанского[32]:

Без красавицы младой,
Без кипящего стакана,
Прелесть розы огневой,
Блеск сребристого фонтана –
Не отрадны для души!..
Что б поэт ни создал нам,
Что бы кисть ни начертала,
Если жизнь не дышит там –
Милый образ идеала –
Не отрадно для души!..

Известен черновик статьи Пушкина о “Северной лире”, где сказано, что Ознобишину “не должно было бы... переводить Андрея Шенье”[33]. Видимо, Пушкин считал, что француз Шенье по своему духу не может быть понят Ознобишиным. По мнению современных исследователей, “к данному переводу Ознобишина это замечание вряд ли могло относиться”[34].

В известной мере в программной статье “Отрывок из сочинения об искусствах” говорилось о связи поэзии и музыки в искусстве разных народов, в том числе и восточных. В доказательство своей мысли Делибюрадер привлек обширный материал о развитии музыки у античных народов, у народов Древнего Востока. Статью открывает пересказ мифа об Амфионе, построившем город при по-

---

[32] *МТ*. 1826. Ч. 9, № 9. С. 66.

[33] *Пушкин*. Поли. собр. соч. М.; Л., 1937–1949. Т. 11. С. 48.

[34] Французская элегия XVIII–XX вв. в переводах поэтов пушкинской поры. Сборник / Сост. В.Э. Вацуро. Коммент. В.Э. Вацуро и В.А. Мильчиной. М., 1989. С. 628.

мощи звуков флейты. Чудодейственная сила искусства музыки запечатлена в мифе о чудесном спасении певца Ариона. Миф этот привлек внимание Пушкина, создавшего на его основе одноименное стихотворение[35].

Мысль о музыкальности персидско-таджикской литературы Ознобишин подкрепляет ссылками на Фирдоуси, пересказывая фрагмент из мифологической части его "Шахнаме"; обращается также к притче из "Тутинаме" ("Книги попугая") Зияуддина Нахшаби. Заключает "Отрывок..." аполог "Только сорванный лишь с ветки..." – довольно близкий перевод начала одного из рассказов второй главы "Гюлистана" ("Розовый сад") Саади.

"Ода Гафица" прошла незамеченной критиками, в том числе и Пушкиным, что довольно странно, если принять во внимание его интерес в те годы к именам Саади и Хафиза.

В альманахе "Северная лира" Ознобишин поместил также две "восточные" повести – "Посещение" и "Идеал".

Таким образом, "Северная лира", на успех которой могли рассчитывать ее издатели, не получила достойной оценки в критике. Преобладание переводов и подражаний над оригинальными произведениями, насыщенность альманаха ориентальными материалами оказались не в его пользу. Главное, по-видимому, заключалось в том, что альманах Раича и Ознобишина не отвечал философско-теоретическим поискам литераторов, группировавшихся вокруг "Московского вестника", журнала, поддержанного Пушкиным. Романтическая концепция искусства сближала Ознобишина с "любомудрами"; некоторые из них были его близкими друзьями; но он был против их рационалистических "систем" и философско-аналитического пафоса: "Может ли разум в точности узнать истинные границы, где оканчивается

---

[35] *Глебов Г.С.* Об "Арионе" // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 296.

мифология и возникает история?"[36]. "Веку скептицизма" Ознобишин противопоставил цитату из неопубликованного стихотворения Ф.И. Тютчева "А.Н. М⟨уравьеву⟩" – "Нет веры к вымыслам чудесным..." (в ранней редакции, без последней, третьей строфы).

* * *

Восстание декабристов и расправа над ними произвели глубокое впечатление на членов "Общества друзей" и на "любомудров"; их не могла не волновать судьба "заговорщиков". Среди осужденных оказались родственники и друзья, близкие знакомые: К. Рылеев, В. Кюхельбекер, Ф. Глинка, А. Бестужев, А. Одоевский, Петр Муханов, В. Норов, П. Титов. Были арестованы симбиряне В.П. Ивашев и Д.И. Завалишин. С.Е. Раич, член Союза Благоденствия, тоже привлекался к следствию по делу декабристов, но был "оставлен без внимания"[37], как и другие члены Союза, не проявившие после его распада заметной политической активности. Все месяцы после восстания до назначения Верховного суда, "кто их пережил, тот, конечно, никогда не забудет... Эти события нас, между собою знакомых, чрезвычайно сблизили"[38].

Хотя формально "Общество любомудрия" было распущено, – оно все же продолжало существовать. Случилось так, что "любомудры начали свое подлинно историческое бытие не тогда, когда возникло их общество, но с той самой поры, когда оно организационно перестало существовать"[39].

---

36 Северная лира на 1827 год. М., 1984. С. 185.

37 Восстание декабристов. Л., 1925. Т. 8: Алфавит декабристов. С. 161.

38 *Кошелев А.И.* Записки (1812–1883). Берлин, 1884. С. 16.

39 *Маймин Е.А.* Д. Веневитинов и его наследие // Веневитинов Д.В. Стихотворения, проза / Изд. подгот. Е.А. Маймин, М.А. Чернышев. М., 1980. С. 416.

В мае 1826 г. из Петербурга было получено приказание: по случаю предстоящей коронации никого не увольнять в отпуск. И никто не ожидал смертной казни. Страшная весть пришла позднее: 13 июля в Петербурге, на Кронверкском валу Петропавловской крепости пятеро казнены. Среди них К.Ф. Рылеев. Ознобишин, несомненно, был внимательным читателем его стихотворений, а возможно, и был знаком. В написанном им 26 сентября 1826 г. подражании ирландской мелодии Мура "Юноша-певец" возникал образ казненного поэта:

. . . .

Певец низложен был; оковы врагов
Не смяли дух гордый и юный;
Любимая арфа молчит средь пиров,
На ней перервал он все струны;
"В цепях ты не будешь, – сказал ей певец, –
Ты – эхо живых вдохновений!
Твой звук был для чистых, свободных сердец,
Рабам не внимать песнопений!"

Переложение выдержано в ораторском стиле.

Гражданские мотивы поэзии декабристов звучат также в стихотворениях "Гусли Давида" (1828), "Поэт и светский человек" (1829), "Пловец" (1830). В них Ознобишин выступает продолжателем гражданских традиций декабристской эстетики. В отличие от этой традиции декабристов, метафорические образы пловца и бурного моря у Ознобишина лишены скорби и сознания обреченности, ему ближе жизнеутверждающий настрой стихотворений на ту же тему Н. Языкова:

...Минувшее забыто горе,
Пловец блаженствует, как Крез:
Под ним лазурь – бунтует море,
Над ним горит лазурь небес!

В твои холодные объятья,
Стихия влажная спешу;
Глас бурь твоих люблю внимать я,
Свободной грудью в них дышу.

Очам не льстят земные розы:
Они для сердца не цвели!
Пошли ж скорей мне ввстречу грозы,
Умчи далече от земли!

("Пловец")

15 марта 1827 г. московский круг друзей постигла тяжелая утрата: в Петербурге внезапно умер Д. Веневитинов, который, как и его товарищи (В. Одоевский, В. Титов, А. Кошелев), уехал туда, готовясь отправиться на службу при первой миссии в Персии. С памятью покойного друга связано стихотворение "Тайна пророка" (декабрь 1827), написанное в жанре философского монолога, – размышление о миссии поэта.

Всем им, небезразличным к судьбам своей родины и народа, предстояло пережить время разочарований и осмыслить свое положение в изменившемся отечестве.

В октябре 1828 г. Ознобишин вышел в отставку в чине титулярного советника и уехал в свое симбирское имение Троицкое. Этому предшествовали трагические события в семье поэта: смерть старшего брата и сестры Елизаветы, душевная болезнь младшей сестры Александры; неосуществившееся намерение уехать в Персию с дипломатической миссией А.С. Грибоедова, о чем Ознобишин хлопотал через своего дядю сенатора Г.А. Хомутова[40], отца будущего наказного атамана Войска Донского. К этому же времени относится неудачное сватовство поэта к Е.П. Малыпиной, глубоко его огорчившее. Двоюродный брат Д.А. Трубников писал Ознобишину из Петер-

[40] Через Г.А. Хомутова Ознобишин приходился родственником И.И. Козлову.

бурга в мае 1829 г.: "Бог испытует вас, любезнейший братец... вряд ли чье-либо семейство в короткое время потерпело столько потерь, и надобно иметь долготерпение Иова. Болезнь сестры очень меня огорчает, вам надобно везти ее в Москву, а в Симбирске не могут дать пособия в сей сурьозной болезни..."[41] О семейных трудностях поэта говорится и в письме к нему неизвестного от 30 января 1892 г.: "Ты удивляешь меня своими злоключениями; с чувством глубоким, но неизъяснимым я прочитал твое письмо: ни врагу моему не желаю быть в твоем положении. Это что-то выисканно жестокое и скорбное..."[42].

Так как далее в письме речь идет о полемике "Галатеи" С.Е. Раича с "Московским телеграфом" Н.А. Полевого, то можно предположить, что корреспондентом Ознобишина был А.Г. Ротчев, по-видимому, тоже посещавший собрания "Общества друзей", участник "Северной лиры".

В 1828 г. поэт совершил смелый поступок, решившись анонимно издать первую главу повести в стихах "Андрей, князь Переяславский" А.А. Бестужева[43], переданную ему, по-видимому, сестрой поэта-декабриста Е.А. Бестужевой.

К 1829 г. у Ознобишина сложился первый поэтический альбом (1823–1829), включающий как оригинальные, так и переводные стихотворения. Большое место занимают в нем произведения ориентального характера: арабские маули (романсы), переводы (и подражания) с персидского (Абу-Новас, Ибн-Руми, Саади, Хафиз). К ним примыкают

---

[41] *Васильев М.* Из переписки литераторов... С. 180.

[42] *ИРЛИ.* Ф. 213. № 144. Л. 1.

[43] Сообщение о Д.П. Ознобишине как издателе поэмы А.А. Бестужева содержится в его письме к П.М. Языкову от 9 нояб. 1848 г. См.: *Варламов Н.* Друзья библиотеки // Пролетарский путь. 1940. 6 янв.

оригинальные стихотворения на восточную тему: "Аравийский конь", "Гангес", "Перстень", "Магоммед", "Рождение перла", "Черкешенка".

Вот как рисует Ознобишин образ виночерпия – соки, непременного украшения персидско-таджикских пиров, и красавицу-возлюбленную:

Чудесны вина Магомета,
Их носит чашник молодой,
Белей, чем жемчуг непродетый,
Прекрасней дня, полунагой.
Когда ж луною небо рая
Таинственно озарено,
Его ждет гурия младая
Милей, чем чашник и вино.

Поражает широкий круг переводимых авторов: Парни, Шенье, Шекспир, Томас Мур, Байрон, сербский фольклор и эротические стихотворения из древнегреческой антологии. Особенно часто, на протяжении всей жизни, поэт обращался к Т. Муру.

Среди оригинальных стихотворений, которых меньше, встречаются и такие, яркие, запоминающиеся, как "Страдалец произвольной муки..." (1826), которое приписывалось Пушкину[44]; "Прерванная дума поэта" (1827), "Гусли Давида" (1829), "Ясны очи", "I cattivi occhi" (1829), "Ермолову" (1829), "Ревнивый демон" (1829), "Рассвет" (1831), "Полюби меня, девица..." (1832). Шесть стихотворений из этого альбома впоследствии Ознобишин включил в свой самый лучший, итоговый Альбом III.

Лирика Ознобишина в значительной мере автобиографична. По отдельным стихотворениям можно в основном проследить историю его первой любви к Е.П. Малышиной. Чувство к ней поэта было сильным и продолжительным. Девушка из дворянской семьи, тогда еще очень

[44] См.: Русская беседа. 1859. Т. 3, кн. 15. С. 1.

юная, постоянно жившая в деревне, была тоже к нему небезразлична. Но на его сватовство ответили отказом: поэт тогда не служил, владел всего 350 душами. Двоюродный брат Д.А. Трубников как мог старался его утешить: "...Я вам скажу, что неудачное ⟨...⟩ сватовство не должно огорчать нас, много етого народу. Любопытно знать, живя в деревне, кого оне найдут – какого-нибудь рябого генерала, ето не находка. Я читал ваши стихи в Галатеи: Меня обманула улыбка одна. Полагаю, что ето писано от души... не печальтесь, вам предоставлено право выбирать"[45].

Меня обманула улыбка одна:
Зачем я так скоро поверил?
Но взглядом так нежно ласкала она,
Кто б думал, что взгляд лицемерил!
Он новою жизнью мне сердце зажег,
И я́, простодушный, любить только мог.

(1828)

Но в тихий час, когда взойдет луна,
Облив сребром поля, реку и горы,
В моих мечтах рисуется *она*,
К кому всегда летят душа и взоры.
Минувшее, как вероломный друг,
Мне дорого еще воспоминаньем,
И мысль о ней, рождая слезы, вдруг
Встревожит грудь живым очарованьем.

("Стансы", 1829)

Снова радости заветные
Не блеснут в груди моей,
Я слыхал слова приветные,
Мне знаком обман очей.

("Дума", 1830)

---

[45] *Васильев М.* Из переписки литераторов... С. 182.

Мы были вместе. Нас случайно
Чрез годы вновь судьба свела,
И что в груди хранилось тайно –
Та мысль на сердце ожила.

(“Мы были вместе...”, 1832)

Прости!.. О если б можно было
Мне память сердца истребить!..
Кто примет в страннике участье?
Кто молвит тихо: “не грусти!”.
Моя любовь – мое несчастье!
Моя любовь... прости, прости!..

(“Прости! на долгую разлуку...”, 1833)

Сменились трижды розы лета;
Я много сердцем испытал!..
И вот, на бале, в шуме света
Мелькнул мой милый идеал
И стих восторженный поэта:
“Мы были вместе!” – прошептал...
Пусть рок лелеет ваши лета,
Он вам всего с избытком дал:
Любезность, ум и пламень чувства,
И граций нежные искусства.

(“Когда вдали от шума света...”, 1833)

Вероятно, Мальшиной посвящены также стихотворения: “К ней”, “Прости” (“Не возбуждай моей тоски...”), “Она с улыбкой мне сказала...”

Вольный перевод эротических эпиграмм из древнегреческой антологии Ознобишин выпустил в виде отдельной книги “Гинекион” (СПб., 1830). Открывающее книжку посвящение также, наверное, обращено к Мальшиной:

Язык любви красноречивый, –
Эллады пламенный язык
Роскошный, сладостный, игривый

Свободно Музе прихотливой
Я втайне поверять привык...
И не искал, не жду награды:
Надеждой сладкой упоен,
Быть может робко бросит взгляды
Она на мой Гинекион.

Уже в первом альбоме есть стихотворения, написанные в жанрах романтической аллегории: "Три розы", "Три цветка"; и медитации: "Мысль", "Жизнь", "Прерванная дума поэта", "Ревнивый дух", – характерные для творчества любомудров. Стихотворения "Три розы" и "Жизнь" близки по своей тональности одноименным стихотворениям Д. Веневитинова. Возможно, что они и написаны в ответ на стихотворения покойного друга.

В 20-е и в начале 30-х годов Ознобишин опубликовал много ярких лирических стихотворений. Он – непременный участник журналов и альманахов, систематически печатавшийся в "Сыне отечества", "Московском вестнике", "Атенее", "Русском зрителе", "Галатее", в "Телескопе" и "Молве" (выходила как приложение к журналу); в альманахах "Урания", "Северные цветы", "Северная лира", "Невский альманах" (1827, 1828), "Альбоме северных муз" (1828), "Эвтерпе" (М., 1828, 1831), "Деннице" (1830), "Сиротке" (1831), в "Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду" (СПб., 1832 и 1834).

В 1830 г. поэт издает небольшую книжку "Селам, или Язык цветов" (СПб.). В ее основе перевод немецкого анонимного произведения "Die Blumensprache..." (Berlin, 1823) – своеобразного поэтического словаря цветов с толкованиями, извлеченными из народных поверий, обрядов и сказок. По определению С.Е. Раича, это – "коротенькая дамская ботаника в прелестной стихотворной форме". Восточная поэма-легенда образует поэтическое вступление, рассказывающее о происхождении Селама. В.М. Жирмунский рассматривает эту поэму среди "гаремных трагедий", примыкающих к "Бахчисарайскому фонтану". Как и большинство

подражателей Пушкина, автор сохраняет центральные фигуры паши и гаремной пленницы. Юная черкешенка Зара томится в гареме влюбленного в нее багдадского паши и посылает “селам” (письмо в виде венка из цветов) своему возлюбленному Альманзору. Ознобишин “удачно пользуется обычной недосказанностью” восточной поэмы, «чтобы оборвать повествование на изобретении селама и, сославшись на народное “предание”, намекнуть в неясном заключении на трагическую судьбу влюбленных»[46]. В предисловии к книжке поэт сетует на то, что забываются народные обычаи и обряды – “один из прекраснейших источников поэзии русской, сохранивший в себе древний быт наших предков”. Он жалеет, что у Пушкина, творца “Руслана и Людмилы”, не нашлось продолжателей: “он был один деятель, и в этом только роде, требующем многообразного таланта, не имел последователей, хотя в других увлек целую толпу подражателей”. Ознобишин ценил “первобытную простоту чувствований” – тот нежный их оттенок, который “умел вливать жизнь во все и придавал всему особенную цену”. Он с грустью замечает:

Нет! нынче Русью уж не пахнет,
И даже изредка, во сне
Девица невзначай не ахнет,
Припомянув о старине!
Поклонницы блестящей моды!
Вас рано увлекает свет!
Забыты игры, хороводы;
Родимых песней гибнет след!
В них прежней прелести вам нет...

* * *

Жизнь поэта, не богатая внешними событиями, проходившая в основном в кабинете, была заполнена систематическими литературными и научными занятиями. В то

[46] *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 257.

же время деятельный и энергичный по натуре поэт не мог подолгу оставаться в Троицком, часто совершал поездки в Москву и Петербург, на Кавказские минеральные воды, в Симбирск, Казань, Чебоксары, позднее – на Урал. В 30-е годы в Петербурге состоялось знакомство Ознобишина с Пушкиным в салоне М.Ю. Виельгорского[47]. В Казани он общался с учеными-ориенталистами – профессором арабского и персидского языков А. Казем-беком (1802–1870) и ординарным профессором восточных языков Ф.И. Эрдманом (1793–1863), а также с Яном Верниковским (1799–1877), высланным в Казань по делу "филаретов и филоматов". Верниковский преподавал в 1-ой Казанской гимназии персидский и арабский языки; в 1834 г. он был выслан из Казани и в середине 40-х годов преподавал в Симбирской гимназии. Подобно Ознобишину, он переводил Хафиза и помещал свои переводы в виленских изданиях, а позднее, как и Ознобишин, печатался в казанском журнале "Заволжский муравей"[48].

О творческом сотрудничестве двух переводчиков с польского свидетельствует их совместная работа над переводом кассиды Мицкевича "Фариса", относящаяся к 40-м годам. Из трех вариантов перевода один, "почти буквальный", выполнен Верниковским[49].

В Казани поэт посещал гостеприимный дом профессора университета, известного ученого К.Ф. Фукса, естествоиспытателя, врача, этнографа. В его доме собирались представители литературной Казани: Э.П. Перцов, М.А. Деларю, Н.М. Языков, М.С. Рыбушкин, А.Н. Ибрагимов, отец и сын Второвы. С семьей Фуксов Ознобишина сближал интерес к истории и культуре народов Повол-

[47] *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. Л., 1988. С. 303.

[48] См.: *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950.

[49] *ИРЛИ.* Ф. 213. № 28. Л. 30–31об.

жья. Жена профессора, А.А. Фукс (урожд. Апехтина), поэтесса, прозаик и этнограф, как и Ознобишин, собирала фольклор чувашей, татар и мордвы. Не случайно первую записанную им с голоса чуваша Феди песню "Кукушка кукует на елке" он послал ей. В 1833 г. она была опубликована в журнале "Заволжский муравей"[50]. Это была первая опубликованная запись чувашского фольклора, благодаря которой стал известен самый факт существования чувашского народного творчества в первой трети XIX в.[51]

А.А. Фукс писала о посещении дома поэта: «Дмитрий Петрович своей приветливой любезностью старался занимать меня; я слушала его с большим удовольствием, он не только поэт, но и ученый; он знает многие языки, даже и восточные, очень любит историю, а теперь особенно занимается английской литературой. – Познакомившись с ним, как не скажешь: "Жаль, что таких людей, которые не понапрасну проводят молодость, у нас так мало". – Я видела его библиотеку, и получила позволение брать из нее книги; они также получают все русские журналы»[52].

На родине Ознобишин продолжал свои востоковедческие занятия. В "Телескопе" появился его перевод главы "Прибытие Александра Великого в степь Кофчака" из поэмы "Искандер-наме" ("Книга Александра") Низами[53] – великого азербайджанского поэта, писавшего на фарси.

---

[50] Заволжский муравей. 1833. № 21. С. 1204–1208.

[51] См.: *Владимиров Е.В.* Русские писатели в Чувашии. Чебоксары, 1959. С. 57–72.

[52] *Фукс А.* Поездка из Казани в Чебоксары. Казань, 1834. С. 15–167. О библиотеке Д.П. Ознобишина см.: *Хохлова Н.А.* Обзор архива Д.П. Ознобишина. С. 8. Собрание книг поэта хранится в Отделе редких книг Ульяновской областной научной библиотеки.

[53] *Тел.* 1831. Ч. 6, № 21. С. 521–523.

Глубоко ощущая все богатство произведений фарсиязычной литературы, поэт Ознобишин тем не менее передает стихи Низами прозой, стремясь к филологически точному переводу с сохранением системы образов подлинника. Интересно, что поэт Вяземский тоже переводил "Крымские сонеты" А. Мицкевича прозой, т.е. "как можно буквальнее"[54].

Делибюрадер-Ознобишин осуществил и стихотворный, хотя менее удачный перевод фрагмента из другой поэмы Низами – "Семь красавиц". Он включил его в свою обширную статью, написанную по поводу вышедшего в Казани немецкого перевода (с персидского) сочинения Низами "Красавицы замка, или Повесть о русской царевне", выполненного казанским ориенталистом Ф. Эрдманом (1832).

Переложение Делибюрадера близко к оригиналу, хотя некоторые двустишья переданы вольно; сохранена и попарная рифмовка, и основные образы. Вот, например, описание славянской (у Делибюрадера – русской) царевны:

Огнистей роз был цвет ее ланит;
Как стройный кедр был тонкий стан развит;
И что пред ней лик месяца младой!
Сахарных уст алкал влюбленных рой!..
Свежей весны был блеск ее лица,
И с чем сравнить? – Нет краскам образца!

Полемизируя с современной журналистикой, прежде всего с Сенковским-Брамбеусом, видевшим порой в теме Востока одну лишь экзотическую сторону и превращавшим ее в развлекательное чтение, Ознобишин говорил о необходимости научного подхода к изучению восточной словесности.

В статье нашла отражение и волновавшая поэта тема о назначении поэзии и роли поэта. О панегирическом пе-

---

[54] *Холмская О.* Пушкин и переводческие дискуссии пушкинской поры // Мастерство перевода. М., 1959. С. 351–356.

риоде в истории персидско-таджикской поэзии он с горечью говорит: “Стихотворцы сей эпохи, по большей части были купленные хвалители шахов, коих обоняние, пресыщенное благоуханием лести, жаждало новых, более изысканных хвалебных благовоний... Таким образом, суетность властителей и низость панегиристов довели поэзию до унизительной обязанности рабыни”[55].

Поэт высказывается и о трудностях художественного перевода восточной литературы на европейские языки: “Дух ориентализма, яркий и фантастический, как переливная радуга; сильный, как гигант, в метафорах; свежий и роскошный, как сонная одалиска, в своих уподоблениях, с трудом и едва ли даже может быть перенесен в тесную рамку европейских понятий... бурные метафоры уступают место каким-то итальянским Castratti слова...”[56].

С 1833 г. по предложению Карсунского уездного предводителя дворянства А.И. Бекетова Ознобишин принимает на себя звание почетного смотрителя училища. Он размещает его в собственном доме, за что 2 мая 1835 г. получает благодарность от попечителя Казанского округа[57]. Через четыре года на губернских дворянских выборах поэт удостаивается звания почетного попечителя Симбирской гимназии и несет эту службу два трехлетия.

С середины 1830-х годов систематический характер приобрело собирание Ознобишиным русских народных песен, начатое им еще в 20-е годы, в пору участия в “Обществе друзей” Раича. Переложения Ознобишиным народных песен отличает высокий уровень проникновения в фольклорный мир разных народов. Балладная основа, острый или “страшный” сюжет, непрямое самовыражение с широким использованием косвенной речи отвечали внут-

---

55 *Тел*. 1833. Ч. 18, № 21. С. 96.

56 Там же. С. 92–93.

57 *РГАЛИ*. Ф. 1121. Оп. 1. Ед. хр. 4. (Формулярный список о службе.)

ренней установке поэта на стилизацию. Его "Шведские песни" (1835) высоко ценились Я.М. Неверовым за "простоту и прелесть содержания"[58]. Об одной из них – "Чудная бандура", в основе которой лежит перевод шведской песни "Сила арфы", – сочувственно отозвался В. Кюхельбекер[59]. Под пером Ознобишина она превратилась в русскую песню и записывалась как народная с середины XIX в.

Одним из первых, наряду с А.Х. Востоковым, Ознобишин начал переводить сербский фольклор[60]. К несомненной удаче можно отнести его переложение новогреческих песен: "Вороной конь" (1839), "Умирающий клефт" (1841), "Локон" (1843).

Поэт готовил к печати сборник "Русские песни", в который вошло 88 песен, расположенных по географическому принципу. Песни были тщательно переписаны Ознобишиным набело вместе с их вариантами. По мнению исследователя, "работа по комментированию текстов, проделанная им, выполнена на уровне современной ему научной фольклористики и ставит его рукопись в один ряд с наиболее тщательно составленными фольклорными публикациями той поры"[61].

В конце 30-х и в 40-е годы общий тон поэзии Ознобишина становится эмоционально сдержаннее: усиливаются мотивы одиночества, смерти, рока ("Стень", "Две могилы", "Турецкий кинжал", "Ковыль"). Лирика его попрежнему разнообразна: свободолюбивая, гражданская ("Пловец", "Альпийский егерь", "Умирающий клефт"), любовная – наиболее широкая по диапазону: от воспевания эротических наслаждений ("Смуглянка", "Зависть",

---

58 *ЖМНП*. 1836. № 6. С. 616.

59 *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 378.

60 См.: *Петухов В.К.* Д.П. Ознобишин как переводчик сербских народных песен // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 50–55.

61 *Динесман Т.Г.* Д.П. Ознобишин // *ЛН*. М., 1968. Т. 79. С. 519.

"Вазантазена") до нежной, проникновенной, доходящей порою до трагического звучания ("Воспоминание", "Рождение арфы", "Письмо", "Ünoванье", "Берлиоз"); пейзажная ("Волга в ноябре", "Ока", "Весенняя грусть"). Пейзаж у поэта скорее повод для выражения настроения.

В стихотворении "Весенняя грусть" автору удалось передать мгновения уходящей зимы, переход от первого предчувствия весны к пробуждению всей природы:

Зима бежит. Не слышен вьюги вой;
Метель не вьется по дороге;
И шумно панцырь ледяной
Дробит Ока, волнуяся в тревоге.

В ущельях гор серебряным ковром
Лежат нетронутые снеги,
И коршун в небе голубом
Кругоплывет – предвестник теплой неги.

Между дерев безлиственно-нагих
Младая верба; вся в уборе,
Весну встречает, как жених,
Улыбкой светлою во взоре...
Всех радует привет весны!
Лишь я, печальный и угрюмый,
Былые вспоминаю сны,
Мои несбывшиеся думы.

Но что другим в тоске моей?..
Кому понять чужие слезы!
Спеши ж, весна! Пой в роще, соловей!
Цветите, пламенные розы!..

Гимн обновлению природы звучит и в посвященном Н.Т. Аксакову стихотворении "Север" (1829). Только пережив мороз, вьюгу и метели, можно во всей полноте

ощутить приход весны, что не дано, по мнению поэта, южанину, окруженному всегдашним летом:

Тебе ль постигнуть, житель Юга,
Тот дивный обновленья час,
Когда весна – утех подруга
Улыбкою встречает нас...
. . . .
Ты ход времен не замечаешь,
Всегдашним летом окружен,
Ты первый лист не ожидаешь,
Ты роз шипком не упоен, –
Обвеян ароматом неги,
Лавровых, миртовых дерев,
Холодный, смотришь на побеги
Не опадающих дубров.
. . . .
Но севера питомец истый
Как будто вновь перерожден,
Весны впивая воздух чистый
И ярким злаком окружен...

* * *

Зрелость поэзии Ознобишина в 30–40-е годы наиболее ярко проявилась в его “кавказском цикле”. Примечательно, что ориентализм Ознобишина нашел талантливое воплощение именно на материале русского Востока. Величественные картины Кавказа для поэта неотделимы от преданий и доисторического прошлого Востока:

Пустынный край! Здесь Дивного рýка
Переворот таинственный свершала:
Грядами гор взнеслась за облака
И на Эльбрус порфирой снега пала.

Здесь каждый шаг – живые письмена!
Все говорит о том, что прежде было;

И воздух жжет, и пар клубит волна,
И в недрах гор кипит огней горнило.

("Пятигорск", 1839)

Пятигорск – "бриллиант между скал" – с его яркой экзотической природой представлялся поэту "ступенью в небо" ("Прости, Пятигорск", 1839).

К "кавказскому циклу" могут быть отнесены стихотворения: "Пятигорск", "Кавказское утро", "Машука и Казбек", "Кавказский полдень и буря", "Тоска по отчизне", "Нардзан (Кавказская легенда)", "Кисловодск", "Петру Алексеевичу Потоцкому", "Турецкий кинжал" (1841, 1842). Стихотворения насыщены элементами восточной поэзии, созвучны по образам и приемам стихотворениям Лермонтова. Традиционная в русской литературе тема поэта и поэзии переплетается в творчестве Ознобишина с темой судьбы. И Пушкин, и Лермонтов, перед которыми преклоняется поэт, стали "жертвами рока" ("Две могилы", 1841). Эта мысль подробно развита в стихотворении "Турецкий кинжал", которое было ответом ("назира") на два стихотворения Лермонтова – "Кинжал" и "Поэт". Органически сочетая западноевропейские и восточные элементы поэтики, Ознобишин приходит к их синтезу. Он использует тайнопись ("месон-ул-гайб" – сокровенный язык) персидско-таджикской и арабской поэтики.

С Лермонтовым Ознобишина сближает тонкое проникновение в мир восточной поэзии; у них много общего и в использовании образов арабской и персидско-таджикской поэзии; эпитетов, сравнений, сложных метафор, уподоблений, параллелизмов, стремление приблизиться к восточной инструментовке стиха.

Лермонтов:

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал –
Наследье бранного востока.

Ознобишин:

Мой кинжал не блещет златом,
Бирюзами не покрыт,
Он красуется булатом,
Полумесяцем извит.
Чужд он роскоши восточной,
Не сияет в жемчугах;
Под чеканкой узорочной
Скрыт он в бархатных ножнах.

Лермонтов:

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первых раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза – жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ознобишин:

И преданье сохранилось,
Что не ветр кинжал калил,
Что как сталь в огне томилась,
Он слезою облит был...
Безнадежной, безотрадной!..
То любви слеза была,
И она по стали хладной
Буквы золотом прожгла...

"Турецкий кинжал" заканчивался так:

Он, как Эвлис, жаждет мщенья...
Мой таинственный булат.

"Таинственный булат" Ознобишина жаждал мщенья за смерть Лермонтова, как в январе-феврале 1837 г. жаждала отмщенья за Пушкина муза Лермонтова. В стихотворении

прослеживается гражданственность, которая вслед за Радищевым и декабристами была подхвачена Пушкиным и Лермонтовым. "Турецкий кинжал" остался ненапечатанным. Едва ли бы цензура пропустила его. Но весьма сдержанно относившийся к оценке своего творчества Ознобишин (считавший себя не призванным, а "дилетантом в поэзии"[62]) и не претендовал на роль продолжателя двух гениев.

И если его поэзии первого периода присуще гармоническое начало, то с середины 30-х годов в ней все чаще находят отражение противоречия жизни, все более сказывается дисгармоническое мировосприятие[63].

На кавказских стихотворениях Ознобишина лежит отблеск личности Лермонтова – вдохновенного певца Кавказа, трагически погибшего 15 июля 1841 г. у подножия Машука. Показательно стихотворение "К***": "Друг милый! над моей могилой не рыдай..." (1841).

Одно из лучших стихотворений цикла – "Кисловодск" – гимн во славу целительной силы "здравье льющего Нардзана". Торжественная приподнятость тона в нем мастерски сочетается с глубоким лиризмом и задушевностью:

Кипи, Нардзан! в лучах востока
Играй клубами жемчугов!
Как хаджи в светлый град пророка,
К тебе сын северных снегов
Придет не раз, надежды полный,
Испить целительные волны,
И, позабыв тяжелый путь,
В твоих струях переродиться,
Усталой грудью обновиться
И жизнью свежею вздохнуть...

---

[62] Письмо Д.П. Ознобишина к П.А. Вяземскому от 20 янв. 1867 г. // *РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2456. Л. 4.

[63] Условно эту школу в русской поэзии В.В. Кожинов называет "тютчевской". См.: *Кожинов В.В.* Книга о русской лирической поэзии XIX века. М., 1978.

При всем восхищении природой Кавказа и его целебными водами поэт все же тоскует по родине, по своим волжским просторам. Тема “северянин на юге”, укоренившаяся в русской поэзии, звучит в стихотворениях “Кавказская ночь” и “Тоска по отчизне”:

. . . .

И я был мыслию далеко
За песнью звонкого певца,
Как струи горного потока
Скользили думы без конца.
Кавказа дикие картины,
В горах блеск месячного дня,
И к небу вставшие раины... –
Все было чуждо для меня.

(“Кавказская ночь”, 1840)

. . . .

Когда чело томит палящий жар
И трепетно с предгория Машуки
Роняет ветр, неся тлетворный пар,
Воздушных арф потерянные звуки,

Невольно скорбь в мою теснится грудь!
Все вновь скользит на памяти безумной,
И дальний край, и одинокий путь,
И родина, и берег Волги шумной.

О, дайте ж зреть мне блеск родных небес!
Увижу ль вновь мое уединенье,
Плеск светлых волн, живую сень древес,
И свежее, как утро, вдохновенье!

(“Тоска по отчизне”, 1840)

Иван Дмитриевич Ознобишин,
сын поэта; известный коннозаводчик

Елизавета Дмитриевна Ознобишина
(в замужестве Малевинская), дочь поэта

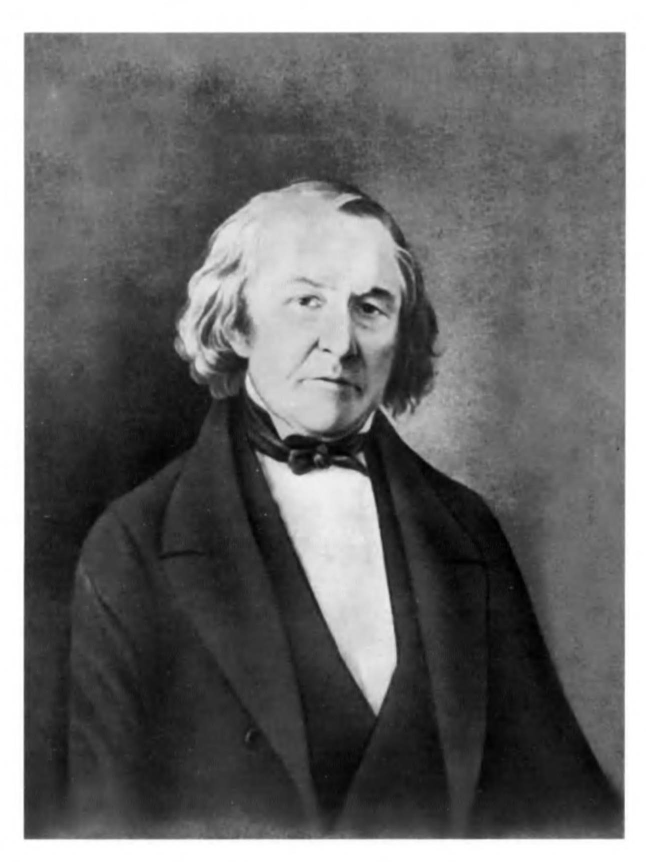
Таисия (Тереза) Константиновна Сенявина,
вторая жена поэта

М.П. Погодин

В.П. Титов

С.Е. Раич.
Фототипия Фишера с портрета работы И.Д. Кавелина.
1855. Музей ИРЛИ (ПД) РАН

Д.В. Веневитинов.
Портрет работы А. Лагрене. 1826

П.А. Вяземский

Ф.И. Тютчев

В.Ф. Одоевский

Н.М. Карамзин

Н.М. Языков

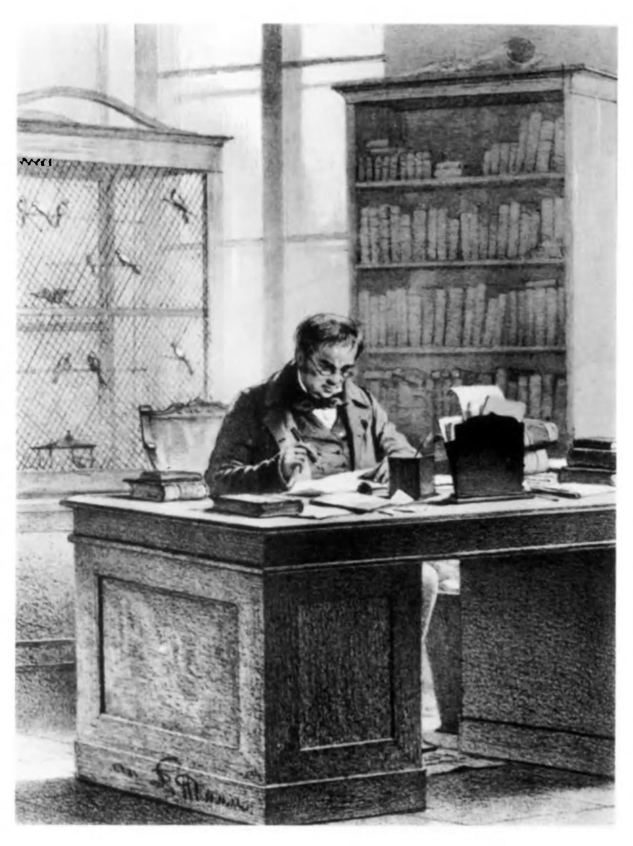
С.П. Шевырев

Н.Т. Аксаков

А.П. Ермолов

Н.И. Греч

В этом, пожалуй, – существенная разница между характером интереса к Востоку у любомудров, Лермонтова и Ознобишина. Если первые стремились проникнуть в таинства азиатского миросозерцания, то Ознобишин по складу своей натуры оставался равнодушным к восточной философии и не ставил перед собой задачу ее анализировать.

В.П. Титов, близкий друг Ознобишина, в письме к В.Ф. Одоевскому от 16 марта 1836 г. оставил интересное высказывание, касающееся Ознобишина и его отношения к восточной философии: «...Только теперь начал я практически понимать мысль, безотчетно любимую нами с детства, мысль, что Россия назначена служить звеном Востока и Запада... Нам надо *овосточиться* – однако же не в смысле Делибюрадера: “Аллах не лучше нашего Русского Бога, северный соловей стоит бюльбюля и т.д.” “...Несколько лет тому назад, когда восток был еще востоком, он имел перед Европой три важных преимущества: силу религиозных убеждений, патриархальную простоту гражданского устройства и плод той и другой – *кейф*, слово, которое у нас непереводимо и соединяет в себе все, что беззаботность и самодовольствие имеют пленительного... Наши европейские убеждения неполны, холодны, шатки. Европейское общественное устройство основано на взаимном недоверии граждан между собою и к правительству... Беда нашего века – хлопотливость, ему недостает *созерцательности*”»[64].

Еще одна характерная деталь, выделяющая Ознобишина из писавших о Кавказе. В отличие от Пушкина и Лермонтова, он почти не касается темы русско-кавказских войн, впрямую о них почти не говорит. Исключение составляют стихотворения “Ермолову”, “простонародная песнь” “Сердечное горе” и стихотворение “П.А. Потоцкому”, где поэт уточняет свой кисловодский адрес:

---

[64] *РНБ.* Ф. 539. Оп. 11. № 1036. Л. 1–1об.

. . . .
Но чтоб найти еще скорее,
Вы Лойвиса спросите дом;
С реки Ольховки путь левее,
Военный пост у нас кругом.
И против окон гриб, без шутки!
Гриб деревянный вместо будки,
Где ходит часовой с ружьем
Храня покой наш в ночь и днем.

Кавказские Минеральные Воды Ознобишин посещал несколько раз; по свидетельству Б.М. Розенфельда, – шесть; впервые – в 1835 г.[65] Самым плодотворным в творческом отношении был его приезд сюда с семьей в 1839 г., четыре года спустя после женитьбы на Елизавете Александровне Рогановской. Она была не только обаятельна и хороша собой, но и богато одарена; обладала приятным голосом, занималась музыкой. Представляет интерес ее частично опубликованный путевой журнал[66]. В мае 1837 г. у супругов родился сын Иван[67].

Поистине, Елизавета Александровна была музой поэта. Их семейная жизнь, однако, омрачалась ее болезнями, следствием чего бывали разлуки из-за необходимости выезжать на лечение. О серьезности болезни Елизаветы Александровны свидетельствует, например, такая ее запись в журнале от 16 июля 1842 г.: “...Я с утра начала себя дурно чувствовать: прилив крови и замирание сердца так было несносно, что я целый день не могла ничем

[65] *Розенфельд Б.* Забытый певец кавказских курортов // Кавказская здравница. 1865. № 232. 26 нояб.

[66] *Заславский И.Я.* Три сюжета из ознобишинского архива // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 262–266.

[67] Известный коннозаводчик, действительный статский советник. Умер 10 июня 1896 г., похоронен в Александро-Невской лавре, на Никольском кладбище (*Саитов В.* Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 8. С. 300).

заняться: за все принималась, и снова бросала, так несносно такое положение, и еще делается оно несноснее, когда стараешься скрывать его!"[68].

По-видимому, Елизавета Александровна была первой слушательницей и ценительницей его произведений. Ей посвящены стихотворения "Рождение арфы" (1835) – переложение из Т. Мура, "Письмо" (1846) – переложение из А. Шенье, "Упованье" (1847), "Берлиоз" (1847), "Три венка на гроб", "Я понял... не бьется лишь сердце в одной!.." (из Рюккерта). Удивительно, что полные любви, интимные строки написаны поэтом на "чужом" (иноязычном) материале. В этом – одна из особенностей дарования Align Featуре Ознобишина: способность мастерски отзываться на "чужое" и находить в нем "свое".

"Письмо", написанное незадолго до смерти Елизаветы Александровны, воссоздает пленительно-обаятельный облик жены поэта и обстановку дома в Троицком. По мнению современного исследователя, «замечательную интерпретацию элегии III французского поэта ("O lignes que sa main, que sohcocur a tracees!") в 1840-х годах дает Д.П. Ознобишин ("Письмо"): точно следуя сюжетной канве оригинала, он с легкостью вышивает по ней узор, полный деталей иной, русской жизни»[69]:

. . . .
Ищу одной тебя средь залы опустелой,
Где Виртовский рояль стоит осиротелый,
Звучавший сладко так рук беглых под игрой;
Где эхо вторило приятный голос твой,
Когда Варламова ты воскрешала звуки,
Или Титова песнь, исполненную муки,

---

[68] *ИРЛИ*. Ф. 213. № 152.

[69] *Гречаная Е.П*. Андре Шенье в России // *Шенье А*. Сочинения. 1819 / Изд. подгот. Е.П. Гречаная. М., 1995. С. 459 ("Литературные памятники").

Или Бетговена передавала мне...
Там все молчит теперь; и только на стене
Привычно маятник свершает ход урочный…
Вхожу в гостиную: узор каймы восточной
На пяльцах начатый бросается в глаза;
Кипсеки на столах… и грустная слеза
Увлажит очи мне мечтой былого счастья.
Но слезы тяжелы в тиши и без участья!..
. . . .
Но вот ты кончила уж вальса круг блестящий;
Кто ж этот юноша, так сладко говорящий?
Кто он, замеченный, щеголеватый князь,
На спинку кресл твоих небрежно наклонясь,
Передает тебе затверженные речи
Про балы, про наряд и счастье первой встречи –
Случайно между слов бросает он шутя?..
О, бойся сих речей, души моей дитя!

В период их расставаний поэт мучился ревностью, ждал с нетерпением от нее известий. 31 января 1846 г., в одном из последних писем пишет ей Дмитрий Петрович: “Милый друг мой Лиза! Ты так редко ко мне пишешь, так мало пишешь, так всякий раз торопишься писать, как будто переписка со мною для тебя тяжелое дело, что я хотел было вовсе перестать писать к тебе… Да и вправду сказать, для чего писать часто? Что за беда, что муж грустит за семьсот верст, не зная о лечении больной жены и не слыша об сыне. Погрустит да и перестанет…”[70].

Он чувствовал всю безысходность болезни жены. Она выезжала на курорты, посещала петербургские театры вместе с племянницами поэта; но неизбежное приближалось. Когда ее не было в Троицком, Дмитрий Петрович пытался уходить в свои кабинетные занятия. Он пишет В.И. Оболенскому, о котором давно ничего не знал: “Сколько лет прошло, любезнейший Василий Иванович,

[70] *ИРЛИ*. Ф. 213. № 101. Л. 1–1об.

с тех пор как я не имею об Вас никакого известия... Чем занимаетесь? Ужели и немцы, и греки, и римляне, все это забыто? Ужели обещанные некогда проповеди Златоустого не будут изданы?.. Откликнитесь на голос человека, который всегда искренно любил и уважал Вас...

Что Вам сказать о себе? Я прозябаю в деревне, где для меня одно наслаждение – литература. Мертвые друзья с разных краев мира выглядывают на меня с своих полок. Тут и Ша-наме Фердусиев, тут и Жан Поль; тут и красноречивый Тьер и Франк с своею кабалою, тут Лафатер, и Галл, и Мейсмер; тут и Винкельман и Калидас с своею Саконталою, тут и Музеус с своими простонародными сказками и некоторые из глубоких немецких мыслителей. Беседую с каждым из них по очереди, и время летит незаметно...”[71].

Через несколько месяцев Елизавета Александровна умерла. Но еще в пору семейного счастья Ознобишин, по-видимому, приступил к составлению своего избранного и полного свода стихотворений – Альбома III (1830–1847; два стихотворения 20-х годов). Поэт не придерживался ни хронологических, ни тематических рамок. Он выбирал диковиные цветы и плоды из богатейшего сада мировой поэзии по вдохновению своей фантазии. Так, в середине или даже в начале альбома мы находим стихотворения 40-х годов. По предположению В.С. Киселева-Сергенина, “после 13-го стихотворения все остальные числом до 125 вписаны сюда не ранее 1847 г., а скорей всего, много позже. Некоторые стихотворения, известные по журналам 30-х годов, здесь даны с позднейшими авторскими вариантами”[72].

Автор разбил свои стихотворения на 11 циклов. Тематически они охватывают весьма пестрый материал. Здесь

---

[71] Письмо Д.П. Ознобишина к В.И. Оболенскому от 26 февр. 1846 г. // *РГБ*. Ф. 298/IV. Оп. 1. № 28. Л. 1–1об.

[72] *Киселев-Сергенин В.С.* Примечания // Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 2. С. 684.

и разнообразная интимная лирика, и стихи вольнолюбивого гражданского звучания, и картины родной природы. Каждый цикл включает стихи фольклорного характера, в том числе и ориентального. Поэт исследует судьбы выдающихся политических деятелей, ученых, писателей, художников, артистов (Наполеон, Колумб, Кювье, Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Берлиоз, Мурильо, Тыранов, Сальватор Роза).

Артистизм проявился в необычной композиции альбома. Поэт как бы сплел 11 венков, один другого затейливее и прекраснее. Наверное, составляя каждый цикл из оригинальных, переводных и фольклорных образцов, поэт размышлял и над их местоположением, последовательностью. Все это – для лучшего их восприятия. Стихи он воспринимал на слух – такова была природа Раичева направления,

К концу альбома усиливается его трагическое звучание, предчувствие утраты – смерти любимой. Не случайно завершает альбом стихотворение "Три венка на гробе". По сути дела, весь он создавался под обаянием образа Елизаветы Александровны.

На какие же образцы мог ориентироваться Ознобишин при создании своего альбома? Прежде всего возникает имя И.-Г. Гердера (1744–1803), немецкого философа, литературоведа и писателя, получившего широкую известность благодаря составленной им антологии "Голоса народов в песнях" (1778–1779), которая стала первым в мире сборником произведений народной поэзии разных стран. Народная песня была для Гердера идеалом исторически правдивого поэтического выражения национального духа народа. В сборник Гердера включены также произведения Шекспира, Гомера, Гёте – как образцы творчества, воплотившего лучшие черты народной поэзии. Гердер познакомил немцев с поэзией Востока, Древней Греции и современных стран. Знаменательна вера Гердера в великое будущее славянских народов и России. Именно

славяне, считал Гердер, укажут путь погруженной в сон Европе и заставят ее служить тому же духовному началу[73].

Привлекал поэт и собственную ориентальную лирику и признанные образцы западноевропейского ориентализма. В Альбоме III богато представлена иноязычная поэзия: Андерсен, Р. Бернс, Шекспир, Мур, Байрон, Гейне, Гюго, Беранже, Ю. Кернер, А. Шенье, Парни, Шамиссо, Рюккерт, Шудрака, Амару и богатейшее собрание образцов мирового фольклора.

Характер дарования Ознобишина, его непосредственность, темпераментность, верная передача простоты сказа обеспечили ему успех воссоздания многих фольклорных или носящих характер фольклора произведений, что было замечено еще при жизни поэта.

Высоко ценятся переводы Ознобишина из Беранже: «Журнал “Отечественные записки”... в 1841 году опубликовал превосходный перевод из Беранже “Воспоминания народа”... Беранже говорил, что стремился выразить народную точку зрения на Наполеона, в лице которого народ видел защитника завоеваний революции и своих прав на владение национализированными землями. Он перевел песню довольно точно, сохраняя ее лиризм и простонародный колорит”[74].

После смерти жены весной 1847 г. вместе с десятилетним сыном Иваном поэт отправился за границу. Северным морем они прибыли в Берлин, побывали в Лейпциге и Веймаре, после чего отправились на курорт Крейцнаг, где провели несколько месяцев, потом переехали на курорт Веве; через Лозанну, Лион и Марсель прибыли в Ниццу в революционные дни 1848 г., которые и заставили их возвратиться на родину раньше предполагаемого

[73] *Гердер И.Г.* Избранные произведения. М.; Л., 1959. С. 324–325.
[74] *Старицына З.А.* Беранже в России. XIX век. М., 1969. С. 30–31.

срока. Путь домой лежал через Геную, остров Мальту, Смирну, Константинополь. В Россию они приехали в разгар эпидемии холеры и вынуждены были в это опасное время совершить путь от Одессы до Троицкого. Поездка длилась почти год, но дневник велся неполные четыре месяца и заканчивается посещением Лиона.

В “Записную книжку”, содержащую “Дневник путешествия”, вписаны также стихотворения: “Луна”, “Я был в Шильоне...”, “К Марии”, “Звезды” и другие[75].

В центре внимания Ознобишина – явления интеллектуальной и эстетической сферы. И хотя, как замечает И.Я. Заславский, автор дневника не подвергал свой текст литературному редактированию, “записи Ознобишина в основном являют собой хорошую русскую прозу с присущей ей предметной точностью, ясностью изложения, выразительной и экономной пейзажной живописью, тактом в отборе значащих подробностей”[76]. Психологически мотивировано обращение Ознобишина-переводчика к стихотворению Г. Гейне “Ein Fichtenbaum steht einsam”. Автор путевого дневника набрасывает несколько вариантов перевода. Примечательно, что ни один из них не указывает на желание переводчика сохранить тот конфликт (романтическое томление разъединенных влюбленных), который задан первоисточником, где “герои” – елка и пальма – принадлежат к разным грамматическим родам, он и она (ein Fichtenbaum, eine Palme). Многие переводчики стремились найти в русской речи словарную замену, способную воссоздать противопоставление, восходящее к оригиналу с его любовным конфликтом. По наблюдению А.Ф. Федорова, в ряде переводов, начиная с самого раннего тютчевского, “сосне” подлинника соответствует назва-

---

[75] *Заславский И.Я.* Путевой дневник Д.П. Ознобишина // Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М., 1988. С. 40–53.

[76] *ИРЛИ.* Ф. 213. № 54. Ссылки на “Записную книжку” даются в статье с указанием в скобках соответствующего листа.

ние дерева мужского рода: у Тютчева и Майкова – “кедр”, у Фета – “дуб” и т.д. Широко известен лермонтовский вольный перевод, опубликованный в 1842 г. в “Отечественных записках”. В этом переводе исчезает отмеченное противопоставление. Лермонтов перевел стихотворение Гейне, как бы не заметив, что в переводе пальма и сосна одного рода, – любовь исчезла, но осталась разлука, расстояние, неслитность пейзажа, – пишет В.Б. Шкловский. – Осталась тема одиночества, вне любовной тоски”[77].

Как справедливо подчеркивает И.Я. Заславский, в лермонтовской интерпретации лирической миниатюры Гейне утрачен драматизм интимной коллизии, но воплощен драматизм более широкого общественно-этического плана: мотив трагического одиночества – один из самых устойчивых мотивов творчества поэта. Ознобишинский подход к немецкому источнику родствен лермонтовскому: творческие усилия переводчика сосредоточены на поисках образно-эмоциональных параллелей, призванных наиболее убедительно оттенить идею “полного одиночества”. Лермонтовское истолкование произведения более импонировало Ознобишину, нежели немецкий первоисточник.

Ознобишин – внимательный и любознательный путешественник. Как человек, разбирающийся в сельском хозяйстве, в Пруссии он обратил внимание “на ранний укос сена и уборку ячменя, о чем в России теперь еще и не думают; скудная почва земли, в которой проглядывал песок, тщательно возделаны огороды, болотные луга, прорезанные каналами, наконец, в некоторых местах заводы и фабрики и господские дома совершенно особенной архитектуры; все показывало, что мы в краю для нас чуждом” (л. 8 об.–9). Пейзажные зарисовки поэта очень хороши. Автор дневника любуется многокрасочностью пейза-

[77] Рассуждения А.Ф. Федорова и В.Б. Шкловского приводятся по статье И.Я. Заславского.

жа: "Утро было прекрасное; горы дымились в тумане, сквозь который прорывалось солнце. Ная после вчерашнего и третьегодняшнего дождя шумела, изменивши свой синеватый цвет на желтый, глинистый" (л. 48 об.).

Описание известной берлинской улицы: "Улица Unter den Linden" очень приятна по старинным липам, которые ее оттеняют; тротуары у домов гораздо уже, чем наши петербургские, но мостовая лучше нашей обыкновенной мостовой, ибо выложена, как перед домом принца Петра Ольденбургского, широкими кирпичами из дикого камня, а не круглышками, как у нас. Мостовая эта, однако ж, хуже торцовой нашей мостовой; но содержится очень опрятно" (л. 13 об.).

Много времени Ознобишин и его спутники уделили осмотру музея: "В Музеум пускают без платы всякого, кто одет прилично. Это именно царское заведение!.. Между статуями в особенности обратили мое внимание две: 1-я – девушка, играющая в стираголы или род бабок наших (л. 14 об., № 74); но в особенности интересна вторая, эта, значащаяся под № 75, Дорценька, стоящая на коленях и держащая в одной руке своей сандалию. Бедная, казалось, утомилась от дороги, уста ее раскрыты; она хочет что-то сказать, но звуки исчезли в воздухе. В этой статуе так много грации, что невольно и долго будешь ею любоваться..." (л. 15).

Картины Рафаэля по мнению автора дневника, "не напоминают о своем великом художнике; они гораздо ниже его славы. Здесь невольно остановишься перед Мариею Магдалиною Мурильо (№ 403); так лицо этой грешницы проникнуто глубоким чувством раскаяния; очи ее наполнены слезами и немая, глубокая молитва, кажется, носится в этих устах нераскрытых. Широкою волною рассыпались русые волосы по плечам и груди; обе руки сложены, и тонкие пальцы ее переплетены между собою; она вся упование, вся молитва, проникнутая чувством великой любви и надежды".

Заслуживают внимания рассказ Ознобишина о встречах с Ф. Тютчевым и рассуждения последнего о железных дорогах и их значении в социально-экономическом развитии России, записанные Ознобишиным. “Мы с ним о многом побеседовали. Действительно, замечание его справедливо; железная дорога уничтожила и постепенно будет уничтожать существование маленьких городков, находящихся на тракте; мелкая промышленность их уничтожится, и все это перейдет в большие города, которые чрез это будут жить двойной жизнью. Будет ли от этого польза целому государству и не будет ли это мешать развитию общественного благосостояния – вопрос этот разрешит время; но то уже верно и очевидно, что железные дороги скорее всего разовьют общежительность – быстрым сближением и обменом мыслей; иной никогда бы не заглянул в ту сторону, куда теперь соблазняет его отправиться железная дорога своею дешевизною и быстротою поездки. Это должно будет осуществиться и на нашей Московской дороге; это еще более будет заметно на дорогах, которые пойдут на Казань или на Саратов” (л. 26 об.).

* * *

В 50-е годы имя Ознобишина реже встречается в печати, он, подобно Вяземскому, Тютчеву, Шевыреву, на события Крымской войны 1853–1856 гг. он откликнулся стихами, написанными с православно-монархической позиции и напечатанными в “Москвитянине”, – журнале, оказавшемся ему наиболее близким в те годы. Это стихотворения: “Был век!” (1854), “К ружью! (Высочайший манифест 14 декабря 1854 г.)”, “Почтовый колокольчик и дорога” (1855), “Сподвижникам Луны” (1855). В свою статью “Смоленская святыня” (1854) поэт поместил как анонимное прекрасное стихотворение “Есть Икона чудотворная...”, посвященное Св. Иконе Божией Матери-Одигитрии, которая в Отечественную войну 1812 г.

"была поднята из Смоленска, соприсутствовала кровавой битве Бородинской, и во главе полков несена была при изгнании иноплеменных врагов из нашего отечества... Эта дивная Икона провела в отсутствии из Смоленска три месяца, и ровно изо дня в день возвращена была в его древние стены..."[78].

Православную Россию поэт противопоставлял меркантильному Западу, сетуя на "продажный век". Особое возмущение вызвала в нем внешняя политика Англии:

Моредержавный Альбион,
Как пал ты с высоты глубоко!
Сменял ты совесть и закон
На роль позорную Шиллока!

("Был век!", 1854)

К этому же периоду относится прочувствованная эпитафия "Граф М.М. Виельгорский-Матюшкин" (1855).

Ознобишин сочувствовал любви Погодина к славянству, хотя и не разделял его панславистские идеи, о чем он писал в 1876 г. П.А. Вяземскому. В том же письме, ссылаясь на поэму сербохорватского поэта Мажуранича "Смерть Исмаила-Аги-Ченчича" (*Гербель Н.В.* Поэзия славян. СПб., 1871. С. 250), он с возмущением говорит: "Это самое верное изображение тех злодейств, которые в настоящее время совершаются в Герцеговине, между тем поэма эта была написана до 1848 года! Прискорбно думать, что в тридцать лет нисколько не изменился быт славян в том злополучном крае!.. Да сохранит нас Господь от вмешательства в славянские распри!.."[79].

---

[78] *Ознобишин Д.П.* Смоленская святыня. Листок из Смоленского дневника воспоминаний туриста 1854 года // Памятная книжка Смоленской губернии на 1856 г. Ч. 2. С. 9.

[79] Письмо Д.П. Ознобишина к П.А. Вяземскому от 11(23) апр. 1876 г. // *РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2456. Л. 9–10.

В 50-е годы поэт жил в Смоленске, занимаясь финансовыми операциями по откупам. В 1853–1854 гг. он – почетный член Смоленского губернского попечительства и детских приютов.

* * *

…Прошло более десяти лет после смерти Елизаветы Александровны, когда он снова женился. Его избранница – Таисия Константиновна Сенявина (внучка адмирала) была моложе его лет на тридцать. Окончив училище Св. Екатерины (как и племянница поэта), девушка оставалась в нем пепиньеркой (чтицей) императрицы. После некоторых колебаний Дмитрий Петрович сделал ей предложение и получил согласие. Несмотря на разницу лет, между супругами установились добрые, доверительные отношения. Многое в ней его восхищало: ровный характер, необыкновенная, не по годам начитанность. Хотя к Терезе (так называл Ознобишин жену) он испытывал совсем иное чувство, чем к покойной Елизавете Александровне, жизнь поэта снова обрела смысл. В голове зрели новые планы; думал он и о нововведениях по хозяйству. За околицей Китовки, на горе, начал он строить школу для своих крестьян.

Между тем судьба готовила ему новое испытание. В конце лета 1863 г. умерла от родов его вторая жена. Дочь, которую назвали Елизаветой, вскоре после крестин теща, Елизавета Андреевна Кодомцева, вместе с кормилицей увезла в Петербург. После похорон и их отъезда Дмитрий Петрович уехал в Симбирск. 16 мая 1864 г. он писал Елизавете Андреевне: “…Чудное дело! не стало одной только особы, а как все изменилось! Куда девалось и веселья, и радости, и предположения в будущем!.. Все унесло порывом бурного вихря, унесло безвозвратно! Я уже писал вам о новом постигшем меня несчастье – душевной болезни сына”[80].

[80] Письмо Д.П. Ознобишина к Е.А. Кодомцевой от 16 мая 1864 г. // *ИРЛИ*. Ф. 213. № 95. Л. 7.

В середине августа 1864 г. Ознобишину довелось стать свидетелем симбирского пожара, когда город выгорел дотла. Пожар вспыхнул в полдень 13 августа на Дворцовой улице. Водопровода в городе не было; едва движущиеся водовозы на тощих лошаденках привозили воду из реки Свияги, в гору, за пять верст. Пожар тушили призванные на помощь солдаты. Смотритель рабочего дома Семенов, не имея никаких полицейских средств к защите от пожара вверенного ему исправительного заведения, решился дать свободу своим арестантам, которые все единодушно вызвались помочь ему. Несколько часов они работали на пожаре и возвратились в тюрьму; ни один не убежал.

“Горели тротуары, пылали стены… склады с вином и спиртом; Карамзинская библиотека, Депутатское собрание, где погибли все книги о древних родах дворянства. 20-го город еще пепелился, сгорела телеграфная станция… Прекращены были все средства сообщения и передач известий, существование города как бы прекратилось. Более 6000 народа разбросано было под открытым небом, без всякой надежды достать печеного хлеба”.

С трудом достав лошадей, чтобы выехать из пылающего города, Дмитрий Петрович зашел в свой опустелый дом. Его домочадцы были растеряны и подавлены. “…Помолившись Богу, со слезами на глазах, простился с моим мирным уголком, который не суждено уже было мне увидеть… Через день после моего отъезда пожар дотла истребил его. Это было 21 августа”[81].

Ряды сожженных стен, развалины церквей
И куполы без глав соборов,
Пустые улицы, без зданий, без заборов
Необозримых пустырей,

---

[81] *Ознобишин Д.П.* Симбирский пожар 1864 г. Рассказ семейный не для печатного обнародования. С. 19, 27–28, 32 // *ИРЛИ.* Ф. 93 (Собрание П.Я. Дашкова). Оп. 3. № 918.

Где жизнь кипела, – вот для взоров
Былого города, погибших мавзолей!..
Уж осень на дворе; дождь, слякоть и мороз,
В землянку кроется страдалец бесприютный,
Повсюду скорбь и очи полны слез,
И нищего встречаешь поминутно.

Сын поэта, Иван Дмитриевич, впоследствии полностью вылечился от своего недуга и в конце января 1868 г. женился на дочери мещанина-помещика Софье Дмитриевне Толбузиной. Она и была последней владелицей имения. Дочь росла вначале в Троицком на попечении няни, а затем воспитывалась в одном из частных пансионов Петербурга.

29 декабря 1864 г. поэт писал Е.А. Кодомцевой из Симбирска: “...Здоровье мое поправляется, чувствую себя гораздо покойнее душевно. Я обязан много религии, чтение и изучение псалмов заняли мои грустные досуги... Величайшее наслаждение доставляете мне, когда пишете о моей милой крошке... но я не желал бы, чтобы она походила на меня лицом своим, я желал бы видеть в ней черты ее незабвенной матери, которые так глубоко врезаны в моем сердце! Желал бы, чтобы она не была так чувствительна, как я, а обладала бы тем живым... веселым характером, который был так очарователен в моей милой жене!

Любовь малютки к цветам меня весьма радует! Дай Бог, чтобы она сама, как нежный цветок Севера развивалась ко всему прекрасному и доброму к жизни!”[82].

Письма поэта к дочери полны наставлений: касающихся учебы (“чтобы ты не теряла праздно времени, успевала в изучении языков и приучалась к порядку во всем”), в отношении экономии в тратах (“Я просил Софью Ивановну купить для тебя шубку, кофту и платье, на

[82] Письмо Д.П. Ознобишина к Е.А. Кодомцевой от 29 янв. 1864 г. // *ИРЛИ*. Ф. 213. № 95. Л. 3–3 об.

что и выслал к ней деньги... я желаю, чтобы ты эти деньги употребила не для одного удовольствия, но и для пользы. Ты уже входишь в такие годы, что тебе пора быть рассудительною")[83]. Сироту-племянницу опекала петербургская родня, Базилевские и Александрина Ивановна Дубельт.

Поэт искал утешения в религии и литературных занятиях; переводил псалмы. Четыре из них были опубликованы. Но он так и не смог закончить этот свой "задушевнейший труд", как и поэму "Мария Египетская" с посвящением кн. Марии Аркадьевне Вяземской (*РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. № 5488). Свои переводы Ознобишин читал московскому митрополиту Филарету (Дроздову): "Когда псалмы мои смущенный пред Филаретом я читал..." (*РС*. 1887. № 7). Впоследствии Ознобишин, перелагая псалмы "по великолепному славянскому тексту, который всегда останется для нас русских каноническим", писал Вяземскому: "Я знаю собственным опытом, как он труден к уразумению! Механически произносит его устами большинство женщин без понимания мысли... В моих понятиях женщина, венец творения, без религии – создание погибшее! Вместе с нею гибнут все узы семейные, все общество!"[84].

Ознобишин был постоянен в некоторых своих литературных пристрастиях. Так, смолоду он увлекся переводами из Т. Мура и работа над ними сопровождала всю его жизнь. Он и в старости продолжал возвращаться к Муру, что видно из переписки поэта с Н.В. Гербелем, издателем и переводчиком, которому Ознобишин сообщал, что

---

[83] Письмо Д.П. Ознобишина к Е.Д. Ознобишиной (дочери) от 31 авг. 1874 г. // *ИРЛИ*. Ф. 213. № 102. Л. 4. Елизавета Дмитриевна Ознобишина, в замужестве Малевинская, умерла 17 января 1899 г., похоронена в Новодевичьем монастыре (*Саитов В.* Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2. С. 217).

[84] Письмо Д.П. Ознобишина к П.А. Вяземскому от 20 янв. 1867 г. // *РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2456. Л. 3 об.

у него “есть много переведенных и нигде не напечатанных ирландских мелодий, но это сделано так небрежно, так неизбежно требует предварительного исправления... Вот и теперь отрывает меня от моих кабинетных занятий повестка Симбирского окружного суда, вызывающая на завтрашний день, за 70 верст, в город Карсунь в качестве очередного присяжного заседателя при сессии, которая продлится дней с десять...”[85]. В письме от 19 ноября того же года он сообщал, что уже три месяца назад послал в Петербург через одного знакомого для представления в Цензурный комитет свой перевод повести Мура “Светило гарема” и не имеет о нем никакого известия. Ознобишин мечтал издать эту повесть в небольшом количестве экземпляров, «но с возможною типографическою роскошью и с иллюстрациями... одним словом, я хотел бы это сделать так же артистически, как была издана прекрасно переложенная Вами в 1854 году поэма “Игорь, князь Северский”»[86].

В творчестве Ознобишина 60–70-х годов преобладают стихотворения “на случай”: “На столетний симбирский юбилей” Н.М. Карамзина (1867), «Князю Петру Андреевичу Вяземскому по прочтении его стихотворения “Тому сто лет!”» (1867), “Н.А. Дубельт, урожденной Пушкиной” (1867), на смерть великого князя Николая Александровича – “Роковая весть” (1865). На смерти и юбилейные даты близких ему с юности литераторов и старых друзей поэт сочиняет лирические эпитафии: “Северный соловей” (1864, на смерть Шевырева), “На память Д.В. Веневитинова” (1867), “Князь В.Ф. Одоевский” (1870), «Князю Петру Андреевичу Вяземскому по прочтении его стихотворения “Памяти М.П. Погодина”» (1875), “Павлу Павлови-

---

[85] Письмо Д.П. Ознобишина к Н.В. Гербелю от 19 апр. 1874 г. // *РНБ*. Ф. 479. № 81. Л. 1.

[86] По свидетельству Л.И. Володарской, поэма “Свет гарема” была полностью переведена на русский язык В.А. Потаповой (*Мур Т.* Избранное. М., 1986).

чу Косаговскому"; мадригалы-поздравления симбирским дамам на 1867 год…

По просьбе Вяземского поэта принял участие в журнале "Литературная библиотека" (1867, май, кн. 1), где наряду с другими произведениями публикует посвященную Симбирску сказку "Городок"; в ней обличались бюрократизм и бумажная волокита. Живописным окрестностям Симбирска Ознобишин посвятил очерк "Поливна" ("Москвитянин". 1845. № 12), в котором он сетовал на то, что "поительница русских городов – Волга, стареется, истребление прибрежных лесов год от года ее мелководит и фарватер ее от этого изменяет свое течение".

Продолжается и занятие переводами: в 1861 г. напечатан перевод со шведского лиро-эпической поэмы Э. Тегнера "Аксель" – о любви шведского солдата к русской девушке, на которую отозвались два рецензента: М.Н. Лонгинов противопоставил творчество Ознобишина современной обличительной литературе (*РВ*. 1861. № 7); М.Л. Михайлов, напротив, характеризовал поэму как устаревшую ("*Совр.*" 1861. № 8). В 1871 г. Ознобишин опубликовал большой перевод с английского – "Сизиф и Смерть. Милетская сказка" Э. Дж. Бульвер-Литтона. Переводил также Гейне – "Богомолье в Кевларе" (Молва, 1857. 1 июня), "Лорелея", "Король Гаральд Гарфагар"; Г.У. Лонгфелло – "Стенные часы" (опубликовано в 1992 г.).

В пореформенное время поэт, отличавшийся либеральными взглядами, состоял членом Симбирского статистического комитета и членом "Особого присутствия" по крестьянским делам. В 1848 г. он писал по поводу готовившейся реформы: "…Идут большие толки об эмансипации крестьян. Всякий благомыслящий человек этого желает… Желательно только, чтобы этот переход из первобытного состояния в новое произведен был постепенно, без крутого перелома… но постигают ли надлежащим образом крестьяне то новое положение, которое для

них готовится? Большая часть из них... под словом свобода понимают совершенную праздность. Поэтому, чтобы приготовить их к этой свободе ... нужно, чтобы они видели необходимость труда, в котором единственно будет заключаться источник их благоденствия"[87].

Поэт принимал активное участие в проведении крестьянской реформы 1861 г. в Симбирской губернии, где крестьянский вопрос вызывал острую борьбу. Он принадлежал к той небольшой группе либерального дворянства (братья Татариновы, А.И. Ермолов, сын поэта-партизана Н.Д. Давыдов, брат поэта А.М. Языков), которая противостояла оголтелым помещикам-крепостникам. Ознобишин издал "Руководство к изучению Высочайше утвержденных..." 19 февраля 1861 г. "Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости" (Ч. 1–2. СПб., 1861), заключающее толкование всех статей; под псевдонимом "Борисов" выступал в "Симбирских губернских ведомостях" по вопросу сельского хозяйства и устройства быта крестьян.

Один из симбирских дворян так вспоминал свои занятия по крестьянскому присутствию: "...ими я был вполне доволен, видя в них непосредственную пользу, приносимую светлому делу крестьянского раскрепощения, проведению которого на месте великодушно посвятили свои силы в ту пору лучшие люди из дворян-помещиков, с которыми мне и пришлось ближе познакомиться в моей общей с ними великой работе. Наиболее видными деятелями на этом поприще собственно в Симбирске были мои сотрудники – члены крестьянского присутствия: губернский предводитель Ермолов, помещики Ребровский и Грибовский, князь Баратаев, Астраханцев и Д.П. Ознобишин... Он был очень плодовит и сотрудничал во многих журналах своей эпохи под разными псевдонимами. Как теперь вижу этого небольшого роста старичка в очках в

[87] *ИРЛИ*. Ф. 213. № 226. Л. 73.

золотой оправе, в длиннополом сюртуке старого покроя, всегда чистенького и аккуратного, покуривающего папиросы из ныне, кажется, уже не существующего табака мариланду приторно-ароматного запаха. Писал он свои доклады всегда четким и бисерным почерком и, помню, не раз возмущался неправильностью некоторых оборотов и выражений в русской речи, усвоенных в последнее время. – Не могу переварить, – сказал он мне однажды… – когда пренебрегают чистотой русского языка и пишут, например: урожай хлебов, а не урожай хлеба”[88].

Всю жизнь его волновали вопросы народного просвещения. В 1867 г. он обратился к местному дворянству с призывом безотлагательно заняться постройкой школ, “чтобы вывести детей из тех безобразных, холодных и смрадных караулок, в каковых ныне едва ли не третья доля школ существует; что признаю я для здоровья детей вредным и не соответственным делу воспитания”… – “Мы, землевладельцы, еще не дошли до такого оскудения, чтобы отказать сельской школе в лесных материалах, потребных для незатейливого, но удобного ее помещения, – этого требует вопиющая общественная польза, – польза наших меньших братий, которых отцы и деды несколько столетий были нашими крепостными работниками; следовательно, и по чувству признательности мы сделать это обязаны”[89].

Инспектор народных училищ А. Красев, проверявший состояние начальных народных училищ Карсунского уезда, писал в своем отчете училищному совету: “Состояние учебной части в начальных народных школах Карсунского уезда вообще довольно удовлетворительно. Учителя и учительницы, несмотря на получаемое ими очень ограни-

---

[88] *Егоров А.Е.* О Симбирске (1862–1866) // *ИВ*. 1912. № 1. С. 42–66.

[89] *Ознобишин Д.П.* Народные училища и церковно-приходские школы в Симбирской губернии // *ЖМНП*. 1868. № 10. С. 75.

ченное содержание, большею частию ревностно относятся к исполнению своих служебных обязанностей и довольно правильно ведут школьное дело"[90].

В большом архиве Д.П. Ознобишина среди шуточных стихотворений встречаем "Земские мотивы" – экспромты гласного с Карсунской уездной сессии, кончившейся 14 сентября 1874 г.:

Весь прослушали мы сладко
Чувством дышащий рассказ,
На какой на почве шаткой
Просвещение у нас!
"Что учитель в сельской школе
Жить не может без сумы!"
Состраданья к тяжкой доле
Им проценты дали мы.

В "Обзоре архива Д.П. Ознобишина" служебная карьера поэта названа успешной: "он вышел в отставку в чине надворного советника"[91]. На самом деле Ознобишин вышел в отставку в чине действительного статского советника, и карьеру его можно считать затянувшейся. Чин этот он получил лишь за два года до смерти. Удивленный тем, что карьера его "не идет", обеспокоенный будущим несовершеннолетней дочери, он написал "заявление" в стихах своему начальнику П.П. Косаговскому:

. . . .
Судья почетный пятилетье,
Советник статский десять лет,
Всей службы ровно полстолетья,
А все действительного нет!
Моих уж сверстников немного;

[90] *Красев А.* Опыт о состоянии начальных народных училищ, состоящих в ведении Карсунского уездного училищного совета за 1878 г. Симбирск, 1879.
[91] *Хохлова Н.А.* Обзор архива Д.П. Ознобишина. С. 16.

Кто жив, – давно сей носит чин;
Лишь мне преграждена дорога;
Забыт министром я один...

Нельзя ли Вам замолвить слово
О позабытом старике,
Иль дать мне знать, за что сурово
Ко мне начальство вдалеке?
Узнав невзгоды сей причину,
Главу смиренно преклоня,
Без грусти службу я покину,
Где нет награды для меня.

Умер Ознобишин в 1877 г. в результате падения из опрокинувшейся коляски – перед отъездом домой из Кисловодска, где он был на лечении. Набальзамированное тело было захоронено, позже перевезено с Кавказа и перезахоронено в фамильном склепе под церковью села Китовки (приход села Троицкого)[92].

В 1926–1927 гг. церковь была разрушена, а гроб вскрыт; неистлевшее тело Ознобишина показывали ученикам, чтобы продемонстрировать обряд погребения богатого помещика. Поэта похоронили вторично близ церкви (в настоящее время – сад дома Столбовых, с. Китовка, ул. Энгельса, д. 54).

Внук поэта, Дмитрий Иванович (1870–1962), коллекционер, владелец книжного собрания (с 1905 г. жил в Париже), передал архив Д.П. Ознобишина в Пушкинский Дом, Б.Л. Модзалевскому.

Генерал Д.И. Ознобишин был заметной фигурой среди русских во Франции, связанных с казацкими слоями русской эмиграции. Хранителем его личной библиотеки был поэт Н.Н. Туроверов (1899–1972), потомственный донской казак, участник первой мировой и гражданской

92 Прошлое село Китовки // Вперед. Газ. Инзенского района Ульяновской области. 1965. 24 сент.

войн[93]. Стараясь сохранить традиции и быт донского казачества, Дмитрий Иванович вместе с генералом П.Н. Красновым (1869–1947) в 30-е годы создали хор “Донские казаки”. Сейчас в этом хоре поет уже третье поколение. По свидетельству профессора и главного дирижера хора Петра Худякова, песню “По Дону гуляет...” знают русские во всех странах, даже в Австралии. «Поем “Чудную бандуру” в двух вариантах – как написал сам поэт и как пели в русском народе “По Дону гуляет”. В русской эмигрантской среде Д.П. Ознобишина знают. Я, конечно, имею в виду потомков первой эмиграции»[94].

[93] См.: *Туроверов Н.* Стихотворения / Сост. и вступ. заметка А.Д. Алексеева // Русская литература. 1989. № 4. С. 88.

[94] Из письма П.Г. Худякова кандидату искусствоведения И.Л. Каракозовой от 26 октября 2000 г. (в частном хранении).

Н.Н. Холмухамедова

Д.П. ОЗНОБИШИН В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ОРИЕНТАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ 20–40-х ГОДОВ XIX в.

В.Г. Белинский среди поэтов – представителей “золотого” пушкинского века неизменно называл имя Д.П. Ознобишина и всегда в положительном смысле. “Какие же новые боги заступали вакантные имена старых? Увы, они сменили их, не заменив!.. Теперь Баратынских, Подолинских, Языковых, Туманских, Ознобишиных сменили гг. Тимофеевы, Ершовы; на поприще их замолкнувшей славы величаются гг. Брамбеусы, Булгарины, Гречи, Калашниковы, по пословице: на безлюдье и Фома дворянин…”[1] “Вслед за Пушкиным вышла на литературную арену целая дружина молодых талантов. Все они пошли по направлению, данному Пушкиным, и самый последний из них, без всякого спора, гораздо выше, напр., гг. Тимофеева и Кукольника… – или г. Бернета…”[2] «С именем “Отечественных записок” неразрывно соединяется мысль о большей части замечательнейших новостей по изящной литературе… почти в каждой книжке печатались стихотворения Лермонтова, Кольцова, Красова; между ими являлись стихотворения кн. Вяземского, Баратынского, гр-ни Р-ной, -вой, Глинки (Ф.Н.), Ознобишина, Полежаева…»[3] “Аристократические альманахи украшались стихами Пушкина, Жуковского и щеголяли стихами гг. Баратынского, Языкова, Дельвига, Козлова, Подолинского, Озно-

---

[1] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 21.
[2] Там же. М., 1954. Т. 4. С. 342.
[3] Там же. С. 441.

бишина, Ф. Глинки, Хомякова и других модных тогда поэтов..."[4]

Часто появлявшиеся на страницах периодической печати, стихотворения Ознобишина включались в хрестоматии наряду с произведениями признанных поэтов.

Однако к 60-м годам XIX в. отношение к поэзии пушкинской эпохи изменилось. Революционно-демократическая критика отличалась неприятием дворянской культуры, подходя к ней неисторически, утилитарно. Характерна анонимная рецензия Н.А. Добролюбова на двухтомные "Сочинения А.И. Подолинского" (СПб., 1860), появившаяся в "Современнике". Добролюбов писал: "Кто не собирал и не издавал своих сочинений в последние годы! Люди, которых все до того забыли, что никто о них понятия не имеет, вдруг являются с полным собранием своих сочинений... Теперь недостает, кажется, только полного собрания творений барона Розена, Федора Кони, Грекова, Ознобишина и г-жи Каролины Павловой – для того чтобы составилась полная русская библиотека всех наших поэтов..."[5]

Стихотворений своих Ознобишин так и не издал, но в 1861 г. выпустил перевод со шведского лироэпической поэмы Э. Тегнера "Аксель", который подвергся беспощадной критике поэта-демократа М.И. Михайлова. По его мнению, вообще не следовало переводить эту романтическую поэму, которая «устарела, как поэмы Пушкина "Кавказский пленник" и "Бахчисарайский фонтан"». Для Михайлова были неприемлемы и написанные с православно-монархических позиций стихи поэта о Крымской войне[6].

Ознобишин переводил различных поэтов мира, проявлял интерес к устному народному творчеству. В его на-

[4] Там же. М., 1955. Т. 8. С. 214–215.
[5] *Совр.* 1860. № 4. С. 392–400.
[6] *Совр.* 1861. № 8. С. 308–317.

следии находим переработки произведений русского и иностранного фольклора, которые могут быть признаны образцовыми: это и "Чудная бандура", и "Жена Вильяма (народная шотландская песня)", и "Вороной конь (новогреческая песнь)", и шведские песни.

Ориентализм этого периода – явление сложное и многогранное, охватившее поэтов различных школ и направлений. Культуру Востока исследовали поэты-декабристы (А.А. Бестужев, Ф.Н. Глинка, В.К. Кюхельбекер, А.И. Одоевский), Грибоедов, Пушкин, А.А. Шишков, А.Г. Ротчев, Полежаев, Лермонтов, В.Н. Григорьев, П. Ободовский, Л. Якубович, А. Вельтман, В. Соколовский, А. Подолинский, Деларю, Ф. Менцов. Одни из них вдохновлялись непосредственно впечатлениями от встреч с "русским" Востоком – Кавказом или Крымом, другие перелагали с оригинала произведения персидско-таджикской, арабской, турецкой и индийской поэзии, третьи интерпретировали исторические события или библейские сказания. Использовались и образцы западноевропейского ориентализма, восточные мотивы и сюжеты Байрона, Т. Мура, В. Гюго, Гердера, Гёте и Гейне.

Под восточным стилем русской романтической поэзии первой половины XIX в. подразумевались стиль Корана и Библии и в то же время – стиль иранской поэзии и кавказских легенд. Из этих же элементов складывался и ориентализм русских поэтов.

В 20-е и 30-е годы восточный стиль становился "стилем свободы"[7]. Так, "библейская" поэзия Ф. Глинки наполнена образами гражданскими, декабристскими.

Важнейшая часть ориентализма этого периода – библейско-коранические мотивы, к которым примыкают темы судьбы, рока, поэта и поэзии, молчания, близкие к восточной, в частности персидско-таджикской, классике и отвечающие запросам романтической поэзии. Темы соот-

---

[7] *Гуковский Г.А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 258.

ношения Добра и Зла, служения возлюбленной также связаны с персидско-таджикской литературой. Первая восходит к Авесте, мифам древнеиранской религии, вторая – к лирике Хафиза. Наконец, отдельные образы (соловья и розы, капли-жемчужины, ассоциирующихся со слезой; мотылька и свечи, дива и пери) и приемы (параллелизм, метафоричность) широко распространены в поэзии Востока.

Традиции М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина, перелагавших псалмы и писавших на древнебиблейские сюжеты, продолжили поэты-декабристы, а в дальнейшем они оказались связанными с исканиями философской поэзии 30-х годов.

Коранические мотивы и образы, которые ввел в русскую поэзию Пушкин, прошли затем через поэзию 1820–1830-х годов, наиболее полно воплотившись в творчестве Лермонтова.

В начале XIX в. ориентализм становится неотъемлемой чертой литературы романтизма. Позже Г. Гейне в статье "Романтическая школа" (1833) обосновал обращение европейских поэтов к восточной тематике, подчеркнул программную роль ориентализма: «...Западу наскучил его тощий спиритуализм, и он захотел освежиться здоровой плотской жизнью Востока. Гёте, после того как он в "Фаусте" выразил свою неудовлетворенность отвлеченной духовностью, свою тягу к реальным наслаждениям, – бросился в объятия сен-суализма, написав "Западно-восточный диван"»[8].

Библия привлекала русских поэтов грандиозностью образов, драматичностью сюжетов, рассказывающих о жизни пророков, высокой торжественностью языка, ориентальным колоритом. Все это было созвучно романтикам, восстававшим против условностей и канонов класси-

[8] *Гейне Г.* Романтическая школа // Гейне Г. Поли. собр. соч.: В 12 т. М.; Л.: Academia. 1936. Т. 7. С. 203.

цизма. Характерно, что В.А. Жуковский, в творчестве которого библейская тема занимала небольшое место, в 1814 г. перевел стихотворение близкого к романтикам французского поэта Фонтана "Библия", где говорится о Библии как об источнике вдохновения. Идеальным поэтом здесь представляется дивный псалмопевец Давид.

Кто сердца не питал, кто не был восхищен
Сей книгой, от небес евреям вдохновенной,
Ее божественным огнем воспламенен,
Полночный наш Давид на лире обновленной
Пророческую песнь псалтыри пробуждал –
И север дивному певцу рукоплескал.
Там, там, где цвел Эдем, на бреге Иордана,
На горных высотах сенистого Ливана
Живет восторг; туда, туда спеши, певец...[9]

Впервые к образу псалмопевца обратился А.С. Грибоедов в стихотворении "Давид" (1823), целиком построенном на церковнославянских формулах. Оно появилось в первой книжке "Мнемозины" на 1824 г.:

Неславен в братии измлада
Юнейший у отца я был,
Пастух родительского стада;
И се! внезапно богу сил
Орган мои создали руки,
Псалтырь устроили персты,
О! кто до горней высоты
Ко господу воскрилит звуки?..

По свидетельству современницы, Грибоедов учил ее "понимать высокопоэтические достоинства псалмов Давида, заставляя переводить некоторые из них"[10]. Легенда о царе Сауле, на которого насылался "злой дух" от Госпо-

[9] *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. 2. С. 42.
[10] А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 19.

да, и певце Давиде, разгоняющем мрачное состояние души царя, легла в основу эпического стихотворения Кюхельбекера "Давид" (1826–1829), взятого из "Священного писания" (замысел был подсказан Грибоедовым).

На тот же сюжет написано стихотворение Ознобишина "Гусли Давида" (декабрь 1828), выдержанное в традиции декабристской лирики:

"Младой, я пас стада отца,
Меньшой меж братьями моими.
Невинный, я молил Творца,
И он вознес меня над ними.
Под неискусною рукой
Орга́н легко образовался;
Я пел... и к Господу хвалой
Глас робкий с пасторским сливался..."
"Все братья в отческом дому
Добры лицом и крепки телом,
Я всех слабей; но одному
Мне благость Бог явил уделом".

Внял песнь Саул, вскочил Саул,
Стоит, вздор дикий вкруг вращая,
Копье схватил, в певца метнул;
Но мимо гибель роковая.
Встревожился вельможей сонм;
Но с гуслей взор певец не сводит,
И дивным вдохновеньем полн,
По звонким струнам песнь заводит...

Из поединка с Саулом псалмопевец вышел победителем:

И тихо царь открыл глаза,
Доступный к звучному призванью[11].

Библейскую тему, разрабатываемую поэтами-декабристами, продолжил Пушкин в своем "Пророке" (сен-

[11] *СО*. 1829. Ч. 125, № 16. С. 122.

тябрь 1826, опубликовано – 1828), насыщенном библейскими образами: мрачная пустыня, по которой скитается пророк, божий глас, шестикрылый серафим, слово – глагол. Герой пушкинского стихотворения соответствует фигуре ветхозаветного пророка Исайи.

Ориентальные материалы, публикуемые в периодике, находили отражение в поэзии. Так, в “Вестнике Европы” 1815 г. была напечатана переведенная с персидского А.В. Болдыревым статья “Магоммедово путешествие на небо”, содержащая пересказ мусульманских легенд. По предположению Н.М. Лобиковой, фрагмент этого перевода мог послужить одним из источников пушкинского стихотворения[12]. “Магоммед лежал однажды ночью под открытым небом недалеко от Мекки. Вдруг явился пред ним Архангел Гавриил, вынимает из груди его сердце, выжимает из него черную каплю – начало прародительского гнева – моет оное, наполняет верою и познанием и потом кладет его на прежнее место”[13]. Образы этого фрагмента близки стихам пушкинского “Пророка”:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

Всеведение поэта-пророка охватывает все сферы бытия. Он наделен исключительным даром “глаголом жечь сердца людей”; ему в равной мере открыт как природный, так и человеческий мир. Лермонтовский “Пророк” (1841) связан с пушкинским прежде всего гражданским пафосом. Лермонтовского “Пророка” принято считать полемическим ответом на стихотворение Пушкина, завершающим тему поэта. Пушкинский пророк, обретя “дар всеведения”, из “пустыни мрачной” выходит к людям. Про-

[12] *Лобикова Н.М.* Пушкин и Восток. М., 1974. С. 9.
[13] *ВЕ.* 1815. Ч. 80, № 5–6. С. 78.

рок Лермонтова после неудачной попытки провозглашать "любви и правды чистые ученья" возвращается в пустыню, где вынужден скрываться от людей.

О пророческой миссии поэта задумывались и любомудры, и члены "Общества друзей" Раича. Поражение декабристов определило пути дальнейших литературных и общественных исканий Веневитинова и его друзей. Истинный вдохновитель "Московского вестника", одного из первых журналов с направлением, Веневитинов считал, что только поэт-философ, провидец и мудрец, способен во всей глубине постичь тайны мира; поэт – сын свободы, который борется за нее. Это и Байрон (незавершенный пролог "Смерть Байрона" Веневитинова), и герой стихотворения Ознобишина "Юноша-певец" (Ирландская мелодия Мура, 1826).

Свои соображения о качествах поэта Веневитинов высказал в статье "Несколько мыслей в план журнала" (1826): "...истинные поэты всех народов были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения. У нас язык поэзии превращается в механизм... у нас чувство некоторым образом освобождает от обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетного наслаждения, отвлекает от высокой цели усовершенствования"[14].

Мысли о назначении поэзии и миссии поэта нашли свое отражение и в стихотворениях Веневитинова, написанных в последние месяцы жизни:

Не отдавай души моей
На жертву суетным желаньям,
Но воспитай спокойно в ней
Огонь возвышенных страстей.
Уста мои сомкни молчаньем,
Все чувства тайной осени...

("Моя молитва")

---

[14] *Веневитинов Д.В.* Стихотворения. Проза / Изд. подгот. Е.А. Маймин и М.А. Чернышев. М., 1980. С. 131 (Литературные памятники).

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает;
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?..

("Поэт и друг")

Его богиня – простота,
И тихий гений размышленья
Ему поставил от рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья –
Всё тайна в нем, всё в нем молчит:
В душе заботливо хранит
Он неразгаданные чувства.

("Поэт")

Не много истинных пророков
С печатью тайны на челе,
С дарами выспренних уроков,
С глаголом неба на земле.

("Последние стихи")

Внезапная смерть Веневитинова поразила его друзей. Ознобишин отозвался на нее элегией "Прерванная дума поэта" – ответ на веневитиновского "Поэта":

Узнали ль вы певца в его печали,
С безмолвной думой на устах?
Его тоску постигли ль, разгадали ль
Вы слезы в пламенных очах?..

Волшебный сон зачем вы перервали!
О как тот час был светел и могуч;
Но вы души певца не разгадали...
Когда бы миг один вы переждали,
Сей взгляд блеснул бы молнией из туч,

Сии уста, сомкнутые для стона,
Издали б звук, как статуя Мемнона,
Когда ее встревожит солнца луч[15].

В стихотворении Ознобишина “Тайна пророка” (1827) тоже, возможно, связанном с памятью о Веневитинове, пророк отказывается от своего “дара предвидения” и “знания тайны”:

Возьмите, возьмите предведенья дар,
И дивную тайну возьмите!
Смирите души истребительный жар,
Волнение дум умолите!
О дайте мне каплю забвенья одну,
Чтоб мог я предаться отрадному сну...

Я тайну проникнул веков в глубине,
И радость с тех пор недоступна ко мне!..
И люди привыкли так весело жить,
Зачем же мне тайной в них радость губить?

Погибни ж, зловещая, в мраке души!
О, дайте мне прежние годы,
Когда я, стад пастырь, в безвестной тиши
Светил созерцал хороводы
И, юный свидетель высоких чудес,
Был светел душою, как звезды небес!

Хотя более десяти лет отделяет это стихотворение от лермонтовского “Пророка”, по своему настроению оно ближе к нему, чем к “Пророку” Пушкина. Миссия поэта-гражданина неосуществима в современных ему условиях. Лирический герой Ознобишина мечтает вернуться ко времени своего пастырства. Подобно пророку Лермонтова, ему легче общаться с природой, чем с людьми; он не находит понимания в обществе, и потому положение его тоже трагично.

---

[15] *МВ*. 1827. Ч. 5, № 17. С. 9.

Тема поэта и его судьбы была продолжена Ознобишиным в стихотворении "Две могилы" (1841): выдающиеся поэты-современники Пушкин и Лермонтов пали "жертвами рока". Размышления о поэте-пророке завершает стихотворение "Турецкий кинжал" (1842).

Рассматривая русскую литературу первой трети XIX в. в ее отношениях с западноевропейскими, И.В. Киреевский обнаружил в ней "соединенное влияние почти всех словесностей", отметив, что направления немецкое и французское были господствующими, что влияние поэзии английской, "особенно байроновской и оссиановской", тоже наблюдается у многих литераторов, но "влияние итальянское, или, лучше сказать, батюшковское, заметно у немногих из наших стихотворцев"[16]. К "итальянской школе" Киреевский отнес Туманского, Раича и Ознобишина.

Наряду с процессом взаимодействия русской литературы с западноевропейскими происходило ее взаимодействие с литературами народов Востока. Процесс этот, прослеживавшийся еще в древнерусской литературе, усилился в XVIII в., когда в России уже осознавалась необходимость изучения культуры Востока. В 1733 г. был разработан первый проект учреждения "академии или общества наук и языков восточных". Он не был осуществлен. В "Проекте Азиатской академии" (1810) С.С. Уварова проводилась мысль о Востоке как колыбели мировой культуры. И. Гердер, в противовес классицистской поэтике, выдвинул принцип литературного универсализма, положив начало "художественному освоению классической восточной поэзии, включению поэтического наследия Востока в рамки мировой литературы"[17].

---

[16] *Киреевский И.В.* Обозрение русской словесности 1829 года // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 72.

[17] *Гердер И.Г.* Избранные сочинения. М.; Л., 1959. С. 7–59. (Вступит. статья.)

Гёте, сформулировавший понятие "мировая литература", в "Западно-восточном диване" (1819) выступал не только как поэт, но и как ученый, постигающий художественное своеобразие поэзии Библии и арабов, персов и турок, органически соединявший достижения европейской поэзии с образами, сюжетами и темами поэзии Востока. Подражателями и переводчиками "Дивана" были А. Бестужев-Марлинский, Ф.И. Тютчев, А.А. Шишков, М.А. Дмитриев, К.С. Аксаков, Е.Л. Милькеев, искавшие в эпоху романтизма новые темы и образы.

На творчество Ознобишина и Лермонтова более заметно воздействие ориентализма Байрона. Байрон воспринимался русскими поэтами и через поэмы Пушкина. На Ознобишина бóльпее влияние оказал Т. Мур. Описание восточного Эдема, ставшее общим местом, образы-клише и штампы содержатся почти в любой "восточной" поэме 20–30-х годов (П. Ободовский – "Орсан и Леила", А. Подолинский – "Див и пери", И. Козлов – "Абидосская невеста", Д. Ознобишин – "Селам, или Язык цветов").

С начала XIX в. закладывались основы отечественного востоковедения и началось преподавание восточных языков в Московском, Петербургском и Казанском университетах. В Московском университете арабский и фарси с 1811 г. начал преподавать первый русский профессор восточных языков Алексей Васильевич Болдырев.

Русским романтиком ближе всего оказалась персидско-таджикская и арабская классика. У России с Ираном сложились давние политические, торговые и культурные связи. Русская литература открывала в персидско-таджикской поэзии то, что было созвучно на данном этапе литературного процесса ей самой, связано с особенностями формирования русского романтизма. Подготовленные А.В. Болдыревым первые пособия по арабскому и персидскому языкам и литературам – "Арабская" (1824) и "Персидская" (1826) хрестоматии – послужили источником для многих переводов с арабского и фарси, которые

появлялись на страницах московской и петербургской периодики. Болдырев преподавал не только ориенталистам, но и всем студентам словесного отделения, желавшим изучать восточные языки и литературы, причем не только из университетов, но и из Благородного пансиона. Таким неофициальным слушателем был и молодой Ознобишин.

Возможно, что лекции Болдырева в разное время посещали оппозиционно настроенные А.И. Полежаев и А.Г. Ротчев, а в 1831–1832 гг. их слушал Лермонтов.

Академик И.Ю. Крачковский, писавший о значении "московской школы" в развитии ориентализма русской литературы, подчеркивало особую роль в этом направлении Д.П. Ознобишина[18].

Первые произведения Ознобишина привлекли к нему внимание А.А. Бестужева, собиравшего материалы для "Полярной звезды". 15 апреля 1823 г. он писал Вяземскому: "Еще пощупайте молодого стихотворца, едва у Вас известного, – это Ознобишин. У меня есть две его прелегкие штучки из Парни"[19].

Однако для альманаха Бестужева и Рылеева молодой поэт дал переложение не из Парни, а вольный перевод фрагмента из индийской поэмы Виазы "Брама-Пурана – Пустынник Канду"[20], в котором рисует пленительно живописные сады Индии с диковинными плодами:

Широколистные бананы
Манят здесь свежестью своей,
А там пушистые каштаны,
Чуть видные в тени ветвей.
. . . .
Вблизи сей кущи ароматной

[18] *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики, М.; Л., 1950. С. 79–85.

[19] *ЛН.* М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 202.

[20] Звездочка на 1826 г. // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960. С. 742–745.

Встречает взор по сторонам
Зеркаловидные потоки,
Над лоном вод возносит там
Лотос священноодинокий
Свой ярко-пурпуровый цвет
Или лазурию сияет;

А здесь едва приметный след
На тихой влаге оставляет
Чета прекрасных лебедей,
Блестящих снежной белизною;
В беспечной резвости своей
Они играют над водою
Или, скрываясь в глубине,
Опять мгновенно возникают
И с крыл серебряных стряхают
Жемчужный дождь на вышине.

Но не менее, чем прелести природы, привлекает поэта образ восточной красавицы, созданный им в ряде стихотворений: “Продавец невольниц” (1831), “Смуглянка” (1832), “Баядеры” (1832), “Вазантазена” (1830). В “Смуглянке” Ознобишин предстает учеником Батюшкова, талантливо развившим один из образов его стихотворения “Вакханка” (1815):

И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград, –
Все в неистовой прельщает;
В сердце льет огонь и яд[21].

У Ознобишина:

Гляжу сто раз, гляжу смятенный
На смуглый цвет твоих ланит,

---

[21] *Батюшков К.Н.* Опыты в стихах и прозе. М., 1978. С. 288.

Уста – где зноем распаленный
Пурпурный виноград горит,
И часто думаю: чьи очи
Сей пылкий остановят взгляд?
Кто, кто, счастливец, в мраке ночи
Сорвет сей спелый виноград?..[22]

С батюшковской “Вакханкой” связано и стихотворение Ознобишина “Вазантазена” – вольный перевод из древнеиндийской драмы “Глиняная повозка”, написанной на санскрите Шудракой. Основное содержание драмы – гимн большой человеческой любви красавицы-гетеры Васантасены и купца Чарудатты. Васантасена бежит от преследователей, домогавшихся ее любви.

“Остановись, Вазантазена,
На миг помедли, жрица нег!” –
Бежит, испугом окрыленна,
Неуследим прелестной бег...
“Помедли, роза Индостана,
Взгляни: туман еще кругом”.

Напрасно... Пурпур ткани тонкой
Взвевает легкий ветерок,
Звенит вкруг стана пояс звонкой,
Звучат калхалы резвых ног.
Сверкают камни дорогие
В ее власах, и свежий зной
Волнует перси молодые,
Златою сжатые корой.

Как и у Батюшкова, яркость и пластичность зрительного образа дополняется полнотой звучания. Ознобишину удалось передать движение героини, ритм ее бега.

---

[22] Молва. 1832. 19 февр. С. 57.

Созвучной Батюшкову оказалась и концовка. У Батюшкова:

Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг – она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвоэ! и неги глас!

У Ознобишина:

Приветно пальмы Бенареса
Главой зеленою шумят.
Ужели в мрак священный леса
Укрыться дать ей в сень прохлад?..
Нет, вслед за ней быстрее птицы, –
Пью аромат ее кудрей...
И робкий крик стыдливой жрицы
Покрыл в дубраве соловей[23].

Интерес к Востоку, его мотивам и образам, ориентальная экзотика – характерные черты поэзии 20–30-х годов, навеянные поисками нового поэтического языка, зачастую языка повышенной экспрессивности. Эти поиски велись, в частности, в "Обществе друзей" С.Е. Раича – "друга и сотоварища" Д. Ознобишина. На собраниях "Общества" "читались и обсуживались сочинения членов и переводы с греческого, латинского, персидского, арабского, итальянского, немецкого и редко французского языков"[24]. Переводы с восточных языков могли там читать

[23] *ОЗ*. 1839. № 7, С. 209. Первый научный перевод этого фрагмента на русский язык появился в "Москвитянине" 1849 г. (сент.) и был выполнен одним из первых русских санскритологов К. Коссовичем.

[24] *Раич С.Е.* Автобиография // Русский библиофил. 1913. № 8. С. 28.

ученики А.В. Болдырева – Н.Г. Коноплев, М.А. Коркунов, сам профессор, а также его "слушатели" – Д.П. Ознобишин, А.И. Бюргер.

В статье "Отрывок из сочинения об искусствах", опубликованной и "Северной лире" (М., 1827), Делибюрадер-Ознобишин, говоря о литературах различных стран мира, отмечал особую музыкальность персидско-таджикской поэзии. Так, он приводит переведенную в прозе притчу из мифологической части "Шахнаме" о царе Кей-Кавусе, который был до такой степени заворожен пением странствующего певца из Мазендерана (а это был коварный Дивдемон) о прелестях этого края, что тут же пошел войной на Мазендеран. Статью заключает аполог из "Гюлистана" Саади "Только сорванный лишь с ветки..."

Другой аполог Ознобишина – "Вольная птичка" – был опубликован в "Галатее" за подписью***:

Я на заре последней ночи
Песнь вольной птички услыхал;
Как звук был сладостен! – мне в очи
Слеза прокралась – я взрыдал.
Мой друг услышал вздох случайно,
Он молвил: "не могу понять,
Чем птички песнь необычайно
Тебя могла так взволновать?"
"Ах, я сказал, певец воздушной
Пел славу Богу в вышине;
Как мог я слышать равнодушно?
Молчать возможно ль было мне"[25].

В оригинале у Саади говорится просто о "какой-то птичке"; у русского перелагателя это "вольная птичка", чей образ в вольнолюбивой декабристской лирике противопоставлялся образу узника (см., например, "Узник"

[25] *Гал.* М., 1829. Ч. 9, № 46. С. 371.

Пушкина). К образу вольной птички Ознобишин возвращался и в оригинальном стихотворении "К птичке"[26].

Апологи, восходящие к текстам Саади, писали Ф.Н. Глинка, Л. Якубович, Х. Тростин, А. Хомяков, В. Олин.

Л. Якубович – автор нескольких стихотворений, посвященных Ирану ("Иран", "Восточный аполог", "Гробница Гафица", "Подражание Саади")[27]. Из них только последнее восходит к рассказу из четвертой главы "Гюлистана" Саади – "О пользе молчания". Прозу Саади Якубович передал стихами, что было довольно обычно для переводческой практики первой половины XIX в.:

Молвил я однажды другу:
Сделай мне одну услугу,
Приложи к устам печать,
Научи меня молчать.
И добро и зло бывает
В разговорах наших сплошь,
Враг всё злое замечает,
От злоречья как уйдешь? –
"Друг! – заметил мне приятель,
Терпит злых и сам Создатель!
Любишь мед – люби и сот;
Из врагов же лучший тот,
Кто добра не примечает,
Видя в нас один порок;
Чрез него-то получает
Человек прямой урок"[28].

Якубович не пользуется художественными образами Саади; его привлек сам сюжет, который он интерпрети-

[26] Атеней. 1828. № 3. С. 16.
[27] *Якубович Л.* Стихотворения. СПб., 1837. С. 63–64, 150, 98, 113–114.
[28] *Совр.* 1836. Т. 4. С. 284.

рует в связи с одним из мотивов русской философской поэзии. В центре внимания поэта – размышление о неадекватности слова и выражаемой им мысли. Возникает сомнение в достижении понимания между людьми, в целесообразности слова, неспособного передать весь мир чувств и мыслей человека. Такое понимание Саади вызвано литературной традицией, сложившейся к тому времени. Мотив молчания, мысль о невозможности выразить сокровенные чувства и мысли в слове – излюбленная тема романтической лирики того времени. "И лишь молчание понятно говорит", – провозглашает В.А. Жуковский ("Невыразимое"). Непосредственное влияние на Якубовича могло оказать и стихотворение Тютчева "Silentium" ("Молва", 1832). Мотив молчания находит развитие и в лирике Лермонтова ("Не верь себе", 1839).

Мотивы некоторых стихотворений Якубовича перекликаются с лирикой Ознобишина и Лермонтова, особенно это заметно в его "кавказских" стихотворениях ("Кавказ", 1830; "Урал и Кавказ", 1836; "Народная грузинская песня", 1828).

Как к западноевропейской, так и к фарсиязычной поэзии восходит форма спора – муназара – "особый вид касыды, насиб которой представляет своего рода спор, прение между двумя воображаемыми противниками"[29]. В русской литературе она встречалась у Пушкина ("Золото и булат"), у Ознобишина ("Машука и Казбек"), у Якубовича ("Урал и Кавказ") и Лермонтова ("Спор"). У Ознобишина, Якубовича и Лермонтова воображаемыми противниками выступают горы. У Якубовича – это Урал и Кавказ:

Заспорили горы Урал и Кавказ.
И молвил Урал: "Мир ведает нас!
Богат я и златом, богат серебром,
Алмазом и яшмой и всяким добром...

[29] *Бертельс Е.Э.* Избр. труды. М., 1960. Т. 1; История персидско-таджикской литературы. С. 242.

Молчи ты, презренный! – воскликнул Кавказ,
Я врач, правоверный: мир ведает нас!
Богатства рождают болезни, пороки,
Людей исцеляют кавказские токи...[30]

По замечанию Р.В. Иезуитовой, «романтическое противопоставление “богатого” Урала, несущего “злато”, а с ним и “зло”, насилие, и “нищего” Кавказа, возвращающего человеку здоровье, свободу и приволье, не исчерпывает всех возможностей истолкования этого стихотворения. Тема Урала (и Сибири) и Кавказа, преломленная через судьбу поколения 20-х годов, могла восприниматься и в своем гражданско-политическом аспекте, напоминая об участии ссыльных декабристов и сосланного на Кавказ Полежаева»[31].

Стихотворение Ознобишина “Машука и Казбек” (1839) по своему замыслу ближе к Якубовичу, чем к Лермонтову. Но отдельные образы соотносятся и с образами “Спора”. “Отживший” на земле тысячи лет Казбек – шаг к лермонтовскому “Казбеку”, ровеснику древнего Востока, свидетелю его расцвета и заката:

О первенстве в распрю вошли меж собой
С зеленой Машукой Казбек снеговой;
Казбек говорил ей: всех гор я главней,
Всех выше поднялся главою моей!
На мне мирозданья нетронутый след.
Я отжил не годы, а тысячи лет.

На что Машука отвечает:

Казбек, величав ты! Но что в вышине!
Как в саване мертвый, стоишь ты в луне,
Пришелец из гроба, глядишь ты на мир
Один с поднебесья и грозен и сир.

---

[30] *Якубович Л.* Стихотворения. С. 115–116.

[31] *Иезуитов Р.В.* Пушкин и эволюция лирики в конце 20-х и в 30-е годы // Пушкин. Исследования и материалы. Л.; 1969. Т. 6. С. 60–97.

. . . .
А я, полюбуйся! Живые ключи
Из недр моих льются, как огнь горячи,
И смертный, их силой целебной влеком,
Пьет жаркие струи на лоне моем...[32]

Баллада “Спор” Лермонтова охватывает целый круг актуальных для 30–40-х годов XIX в. проблем: Восток и Запад, историческое предназначение России, цивилизация и природа... Стихотворения Ознобишина и Якубовича ограничены более скромными задачами. Ознобишин высоте и величавости Казбека противопоставляет животворную силу целебных ключей Машуки.

Одна из излюбленных тем русских романтиков – ситуация “северянин на юге”, имеющая у декабристов и Лермонтова явно выраженный политический подтекст. Сосланные на юг декабристы и Лермонтов противопоставляют юг “милому северу”. В этом отношении характерно стихотворение А.И. Одоевского “Куда несетесь вы, крылатые станицы?” Как и у Одоевского, у Лермонтова природа Кавказа как бы враждебна по отношению к “северянину”:

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущелье мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем[33].

Тоска северянина по отчизне на фоне роскошной южной природы – тема стихотворения Якубовича “Северянин на юге”:

[32] *Москв*. 1841. Ч. 4, № 8. С. 288.
[33] *Лермонтов М.Ю.* Сочинения: В 6 т. М.; Л. 1954. Т. 2. С. 103.

В краю безоблачном брожу, один, унылый,
Земля цветет, – она здесь жизнью дышит той,
Что мне была всегда любимою мечтой,
Во сне и наяву влекла волшебной силой... –
И вот теперь и я в желанной стороне:
По бурям севера что ж грустно стало мне?[34]

В стихотворениях, разрабатывающих мотив "северянин на юге", прослеживаются элементы западно-восточного литературного синтеза. У Одоевского символически соотносятся образ сосны и чисто восточный образ кипариса. Ознобишин идет дальше – вводит восточные образы соловья и розы в совершенно иной, "русский" контекст. Обычный в персидско-таджикской поэзии мотив – грустная песнь соловья, разлученного с розой, Ознобишин рассматривает как тоску северного соловья по родине.

В стихотворении Лермонтова "Спеша на север из далека...", выдержанном в восточном духе, прослеживаются элементы западно-восточного синтеза, которые можно заметить и в использовании художественных средств. Метафоры "царственный шатер Казбека", "чело Кавказских гор", "шапка Казбека" переходят их стихотворения в стихотворение, приобретая ориентальный колорит. И Ознобишин усиливает восточный колорит образов, черпая сравнения и метафоры из персидско-таджикской поэзии:

Как шаха чепрак изумрудный, сверкает вершина
Машука,
Как грозные Дивы, на страже стоит пятигорье –
Бештау;
А там, как шатер Падишаха, полночной земли
властелина,

[34] *Якубович Л.* Стихотворения. С. 130–131.

Двуглавый Эльбрус поднебесье прорезал челом
серебристым,
Пятою на горы возлег он...[35]

("Кавказское утро")

Лермонтову тоже не чужды чисто восточные сравнения и метафоры; но он их использует с большим тактом и чувством меры.

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит[36].

Ознобишин, как и Лермонтов, был хорошо знаком и тесно связан с богатой русской и западноевропейской ориентальной традицией 20–30-х годов, с многочисленными переводами с арабского, сочинениями и статьями об арабской поэзии. Европейские поэты отдали дань увлечению "поэзией пустыни". В западноевропейской поэзии появляются арабские кассиды с фигурой фариса в центре – всадника-бедуина. Одну из них, "Песнь араба над могилою коня", в 1810 г. перевел из Мильвуа В.А. Жуковский – это полная драматизма гибель друга араба на фоне ставшего впоследствии типичным пейзажа пустыни. Один из основных образов русских поэтов-ориенталистов – красавица-аравитянка – выписан со множеством характерных деталей:

Ты видел и Зару – блаженны часы! –
Сокровище сердца и чудо красы,
Уста вероломны тебя величали,
И нежные длани хребет твой ласкали;
Ах, Зара, как серна, стыдлива была;

[35] *ОЗ*. 1840. Т. 9. С. 151.
[36] *Лермонтов М.Ю.* Сочинения. Т. 2. С. 103.

Как юная пальма долины цвела;
Но Зара пришельца пленилась красою,
И скрылась... ты, спутник, остался со мною...[37]

Яркое и впоследствии постоянное сравнение восточной красавицы с серной (газелью, ланью) и пальмой прочно входит в поэзию Пушкина и Лермонтова, Ознобишина и Козлова, Туманского и Подолинского... Мотив вероломства возлюбленной и верности коня станет также распространенным, особенно в кавказских поэмах Лермонтова, в песне Казбича из "Героя нашего времени".

В 1828 г. в альманахе "Подснежник" появился русский перевод "Фариса" Мицкевича, выполненный В. Щастным. Образ араба-наездника, фариса, создан с учетом особенностей арабской поэтики.

Образ пальмы – непременная деталь "арабского" пейзажа в "Фарисе":

Напрасно пальма молодая
С плодами, тенью ждет меня, –
Я стременами жму коня,
И пальма, от стыда сгорая,
Смущенных взвесть не смея глаз,
Поспешно кроется в оаз[38].

Картину аравийской пустыни дополняет описание погибшего каравана в жестоком самуме. О популярности кассиды Мицкевича свидетельствуют появившиеся вслед за переводом Щастного русские переводы П. Манассеина, П. Сиянова и др.

Описание коня часто присутствует и в русских ориентальных стихотворениях. Типичен в этом отношении

[37] *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1902. Т. 1. С. 67.
[38] Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 531.

"Аравийский конь" (1829) Ознобишина:

Степей аравийских я видел коня;
Без всадника мчался он в поле;
Летел быстроногий – взор полон огня,
И грива взвивалась по воле;
Пар дымный клубился с горящих ноздрей,
Чернее был ночи питомец степей.

Ознобишин пользовался восточными сравнениями и метафорами:

Свой след застилал он широким хвостом,
И землю взрывал под собою;
От ржания степь содрагалась кругом –
Он тучей бежал громовою;
Так вихрем несется Симун грозовой
Ревущий, палящий, одеянный мглой[39].

Все эти яркие описания всадника и коня впоследствии дали возможность Лермонтову создать живописный портрет фариса:

И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.
И конь на дыбы поднимался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку[40].

Основными образами стихотворение Ознобишина "Акация" (1838) соотносится с первыми строфами "восточного сказания" "Три пальмы" (1839) Лермонтова:

---

[39] *Гал.* 1829. Ч. 5, № 25. С. 193.
[40] *Лермонтов М.Ю.* Сочинения. Т. 2. С. 125.

В степях Аравьи каменистой
Цветет акация одна,
Близ ней бежит источник чистой;
Но в пышной зелени она,
Склонив главу, стоит грустна.

О чем грустишь ты, дочь Востока,
В роскошной зелени ветвей?
Тебя усталый сын пророка,
Завидя на краю степей,
Благословит в душе своей.

Заключительная строфа Ознобишина предвосхищает лермонтовский образ трех пальм. Как и у Лермонтова, лирическое "я" наделяется чертами одиночества и неудовлетворенности:

Укрыть мне странника отрадно
На путь в священные места;
Мой ключ и в зной струится хладный,
Самум не рвет с меня листа;
Но я... я в мире сирота.

Пальмы Лермонтова ропщут на бога. Начало его стихотворения прямо перекликается с девятым подражанием Корану Пушкина – "И путник усталый на бога роптал". Небо доказывает пальмам, что его приговор был "святым", а их собственная воля нарушает предустановленную гармонию окружающего мира. Желание пальм сбывается – в аравийскую пустыню приходит караван, располагающийся около родника; но ночью люди, чтобы согреться, срубили пальмы и сожгли их. Заключительная картина разрушения противоположна возрождению источника в "Подражаниях" Пушкина.

Вслед за "Подражаниями Корану" (1826) Пушкина появились "Подражания Корану" А.Г. Ротчева (1828), Л. Якубовича и др. Формула "клятвы" из "Подражаний"

Пушкина ("Клянусь четой и нечетой...") воспроизводилась затем Л. Якубовичем, П. Манассеиным и Лермонтовым в "Демоне".

В содержании и форме стихотворения Лермонтова ясно видны элементы восточной поэтики. Они отмечены еще Белинским: "Три пальмы дышат знойною природой Востока, переносят нас на песчаные пустыни Аравии, на ее цветущие оазисы..."[41]. Описание каравана не только конкретно, но и реалистично, что отмечается почти всеми исследователями; выдержано в нормах поэтики Востока:

И только замолкли – в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок...[42]

Уподобление пустыни морю и верблюдов – кораблям пустыни идет от арабской поэзии, поэзии бедуинов-кочевников. Стихотворный размер передает размеренное движение каравана, шаг верблюда; темп убыстряется только в шестой строфе, где описывается скачка фариса. Стихотворение написано амфибрахием, как и "Подражания" Пушкина. Попарная рифмовка (аабб) также, возможно, идет от Пушкина. Но примечательно, что амфибрахий напоминает по звучанию восточный мутакариб, а попарная рифмовка соответствует форме месневи, характерной для персидско-таджикской классики. В русской поэзии размер амфибрахий традиционно связывался с восточной темой стихотворения. Амфибрахием написаны отрывок из священной идиллии С.Е. Раича на библейскую тему "Высоко ливанское древо взнесло..." (*СЛ*), "Поверие арабов" Л.А. Якубовича[43]. В форме месневи

[41] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 534.
[42] *Лермонтов М.Ю.* Сочинения. Т. 2. С. 124–125.

написано стихотворение А.С. Хомякова “Из Саади. На кусок янтаря”[44].

В русскую романтическую поэзию вошли восточные образы пери и демона – Дива. Считается, что образ пери ввел в европейскую литературу Т. Мур. Его цикл “Лалла Рук” (1817) становится одним из популярнейших произведений в России. Отзвуки поэм цикла (“Хорасанский пророк под покрывалом”, “Рай и Пери”, “Огнепоклонники”, “Свет гарема”) можно найти у А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, В.К. Кюхельбекера, И.И. Козлова, А.И. Полежаева, А.С. Хомякова, Н.В. Гоголя. Муром интересовались В.А. Жуковский, поэты-декабристы, А.И. Подолинский, Д.П. Ознобишин. Последний перевел прозой поэму “Свет гарема”[45], а эпиграф к своей поэме “Селам, или Язык цветов” взял из повести “Эпикуреец”. Цикл поэм Т. Мура “Лалла Рук”, особенно вторая поэма “Рай и Пери”, получает широкое распространение в России[46]. Сюжет и образы ее варьируются в произведениях русских поэтов 1820–1830-х годов. Яркие пейзажи Кашемирской долины, любовь соловья и розы, образ пери становятся непременными элементами русской ориентальной поэзии. В примечаниях Мура к поэме “Рай и Пери” разграничены понятия “пери” – “демон” – “гурия”: “На персидском языке пери означает воображаемое только существо. Пери имеют некоторое сходство с волшебницами и суть одни из прекраснейших созданий романтического мечтания... Они не живут на небе, не сходны с теми существами, которые последовательно Платоновой системе названы демонами за чрезвычайный их ум; так же не похожи на гениев, хранителей римлян; ни на деву рая, названную

---

43 *Якубович Л.* Стихотворения. С. 186–187.

44 *Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 85.

45 *СО.* 1827. Ч. 112, № 5. С. 27–60.

46 *Алексеев М.П.* Томас Мур и русские писатели XIX века // *ЛН.* М., 1982. Т. 91: Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). С. 655–824.

аравитянами Гурией (Houris). Но пери порхают в бальзамических облаках; они живут в цветах радуги; и как чрезмерная чистота их существа отвергает всякую пищу грубее запаха цветов, они питаются только испарениями роз и ясмина. Хотя существование их не определено границами жизни человеческой, однако ж они не избегают общей участи всех смертных"[47].

Стихотворный перевод В.А. Жуковского (1821) надолго сделал поэму Мура одной из популярнейших в России. Вслед за переложением поэмы "Пери и ангел" В.А. Жуковского появились подражания других поэтов; среди них поэма Подолинского "Див и Пери" (1827); отзвуки Мура заметны в его поэме "Смерть Пери" (1834–1836). Образ слезы раскаявшегося грешника, доставляющей вход в рай, находится в центре стихотворения М. Деларю "Падший серафим" (1827).

Пушкин эпиграфом к "Бахчисарайскому фонтану" взял строки из поэмы Саади "Бустан" ("Плодовый сад"): "Многие, так же, как и я, посещали сей фонтан; но иных уж нет, другие странствуют далече"[48]. Пушкин высоко ценил этот эпиграф, называл его "прелестью" в письме к Вяземскому[49] и признавался позднее, что поэма в рукописи называлась "Гаремом", но "меланхолический эпиграф, который конечно лучше всей поэмы, соблазнил меня"[50].

Исследователи установили, что эпиграф восходит к "Лалле Рук" Мура, – Пушкин нашел его в прозаическом введении к поэме "Рай и Пери"[51].

Те же слова Саади, несмотря на то что цензура обратила внимание на их цитирование Вяземским в "Москов-

---

[47] *Мур Т.* Рай и Пери / Пер. с англ. СПб., 1821. С. 1.
[48] *Пушкин.* Поли. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1949. Т. 4. С. 153.
[49] Там же. Т. 13. С. 70.
[50] Там же. Т. 11. С. 159.
[51] *Томашевский Б.* Пушкин. М.; Л.,1956. Кн. 1. С. 506.

ском телеграфе", заподозрив в них скрытую аллюзию на декабристов, Пушкин повторил в восьмой главе "Евгения Онегина":

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал[52].

Эпиграф из Саади, таким образом, был знаком открытого сочувствия декабристам. Не случайно, когда этот же эпиграф без упоминания имени и в перефразированном виде использовал Е.А. Баратынский в стихотворении "Стансы" ("Судьбой наложенные цепи..."[53]), цензура вычеркнула эти строки.

Личность Саади воспринималась в России как личность свободолюбивого поэта, врага царей-тиранов, защитника угнетенных и униженных. Именно таким представлен он в апологе Ф. Глинки "Нетленные глаза" (из Хафиса), напечатанном в "Северных цветах" А. Дельвига за полной подписью опального поэта. В стихотворении воспроизведен сюжет второго рассказа из первой главы "Гюлистана" Саади "О жизни царей". Автором, возможно, из цензурных опасений указан Хафиз, а не Саади. К тому же в альманахе уже был опубликован аполог Саади "Сон злодея", подписанный астронимом "1.... 8...." Герой аполога Глинки, восточный царь, умирая, просит Господа сохранить нетленными его глаза, чтобы видеть, как управляет подданными его сын:

Я жажду и молю еще увидеть, Боже,
Останется ль по мне в народе счастье то же...
Пойдет ли все своей уставленной чредой,
И будет ли мой сын, наследник молодой,
И благ и справедлив, а больше милосерден,

[52] *Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 190.

[53] *Баратынский Е.А.* Стихотворения. Поэмы / Изд. подгот. Л.Г. Фризман. М., 1983. С. 124 (Литературные памятники).

Доступен нищему и сироте
И к алтарям Твоим усерден!..
Умолк; его мольба свершилась в полноте:
Он весь истлел, одни глаза его глядели,
И поданных сердца к нему благоговели![54]

Протестующим против социальных несправедливостей своей эпохи предстает Саади и в стихотворении "Н.Т. А⟨кса-кову⟩" А.А. Шишкова, близкого к декабристским кругам:

Небесных *Пери* звучный хор
И *Сади* ропчущие струны[55].

Сравнение красавицы с пери в русской поэзии становится обычным:

...Она, она передо мной,
Когда таинственная лира
Звучит о пери молодой
Долины светлой Кашемира.

(Козлов.
"Княгине З.А. Волконской")

О, кто она? – Любовь, харита,
Иль пери, для страны иной
Эдем покинула родной,
Тончайшим облаком обвита.

(Грибоедов. "Телешовой")

На все ты смотришь равнодушно...
Как Пери горней высоты,
Пленяясь музыкой воздушной,
Позабывает про цветы
И, в тихой думе утопая,
Льет слезы об утрате рая...

(Ознобишин. "Ясновидящая")

---

[54] Северные цветы на 1827 г. С. 231.

[55] *Шишков А.* Восточная лютня. М., 1824. С. 32. (Курсив А. Шишкова. – *Н.Х.*)

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.

(Пушкин. “Пью за здравие Мери...”)

Пред ним под видом девы гор,
Создание земли и рая,
Стояла пери молодая!..

(Лермонтов. “Измаил-Бей”)

Образ Дива, как существа, враждебного по отношению к богу и человеку, утвердился в русской ориентальной поэзии 30-х годов. Так, в стихотворении Ознобишина “Див и Человек” намечены конфликт и сюжет лермонтовских редакций “Демона”:

Когда на первенца творенья
Взглянул впервые мощный Див,
Улыбкой хладного презренья
Он сердца выразил порыв,
И горделивое далеко
В мирах его блуждало око.

“Так это грозный исполин!” –
Подумал дух крылатый света, –
Грядущий мира властелин,
Кому назначена планета!
Смесь глины с рыхлою землей...
Так это повелитель мой!”

Но взоры поднял Человек,
И мысль его – закон вселенной.
Он слово звучное изрек,
И стал царем земли мгновенно,
Душой бессмертною, без крыл
Вознесся выше всех светил.

И что ж! смирился ль Див надменный?
Нет, с злобной радостью очей,
Он видел: полубог вселенной –
Ничтожный раб своих страстей;
И с громким хохотом с небес
Звездой падучею исчез[56].

Считается, что, дав поэме подзаголовок "Восточная повесть", Лермонтов "возводит вымысел в ранг предания"[57]. Но подзаголовок указывает и на то, что сюжет, образы и стиль поэмы близки Востоку.

Образы Ормузда и Аримана, Зороастра тоже вошли в русскую поэзию. В стихотворении А. Вельтмана "Зороастр" перечисляются все исторические реалии, связанные с религией персов, мифологические образы:

Почто над холмами Адербиджана*
Светило дня так пламенно горит?
Не сильный ли противник Аримана
Благовестителем из Урмии** летит?

Так это он! Тревога воскипела.
И в Бактре*** Маг! Огнь вспыхнул до небес.
Повержен в прах кумир блестящий Бела****
И великан златый Сандес*****[58].

Увлечение персидско-таджикской и арабской поэзией, стремление проникнуть в сущность восточной поэтики

[56] Молва. 1832. № 17. С. 65.

[57] Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 136.

* Область, где родился Зороастр.

** Урмия – город, в коем он родился.

*** Бактра – первый город, где Зороастр основал свой закон.

**** Бел – главный идол у древних персиян, то же, что Юпитер у греков.

***** Сандес – у персов – Геркулес.

[58] Поэты 1820–1830-х годов. Т. 2. С. 219.

сближают Ознобишина с его старшими современниками, поэтами-декабристами Ф.Н. Глинкой и В.К. Кюхельбекером, у которых образы Ормузда и Аримана имеют более глубокий и философский смысл. Кюхельбекер, живя в Москве в 1823–1824 гг., посещал собрания "Общества друзей" Раича, о чем свидетельствует письмо Ознобишина к В.Ф. Одоевскому.

В программной статье "О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие" Кюхельбекер писал: "При основательнейших познаниях и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фердоуси, Гафис, Саади, Джами ждут русских читателей"[59].

Из всех перечисленных поэтов Кюхельбекера особенно интересовал Фирдоуси как автор эпопеи "Шахнаме" ("Книга царств"), содержавшей около 110 тысяч стихов. Известно, что Ознобишин давал читать Кюхельбекеру одно из западноевропейских изданий этой книги[60].

В свою очередь, Ознобишин-Делибюрадер писал об эпопее Фирдоуси: «"Шахнаме", подобно великану, является при самом возрождении персидской поэзии. В ней разительное сходство с "Илиадой" и "Одиссеей" Омира, но что наиболее должно поразить удивлением каждого просвещенного мыслителя, то это одинокая участь сих великих гениев. И тот, и другой посвятили всю жизнь свою на творения, стяжавшие обоим венец неотъемлемый, и тот, и другой, преследуемые бедствиями, умерли в бедности"[61].

---

[59] *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 458.

[60] Письмо Ознобишина к В.Ф. Одоевскому // *ИРЛИ*. Ф. 213. № 100. Л. 2.

[61] *СО*. 1826. Ч. 106, № 9–12. С. 339.

Для поэтов-декабристов Фирдоуси становится таким же авторитетом эпической поэмы, как Гомер и Вергилий. В статье «Разбор поэмы князя Шихматова “Петр Великий”», рассуждая о путях развития этической поэмы, Кюхельбекер возражает сторонникам старых правил классицизма и ссылается на “Шахнаме” как на образец эпопеи. «...Фердоуси в своей “Книге царств” (“Шах-Наме”) представляет нам тысячелетия, и единство, несмотря на то... сохранено”[62].

Поэма Кюхельбекера “Зоровавель” (1836) выдержана в духе персидско-таджикской поэзии. Интересен образ рассказчика – хранителя традиции эпической поэзии Фирдоуси, повествующего о главных героях “Шахнаме” – Рустме*, Заме**, Феридуне. Следуя традиции “Шахнаме”, Кюхельбекер вводит в произведение образы Ормузда и Аримана. На фоне противоборства двух начал – света и тьмы – проходить жизнь героев Фирдоуси, полная подвигов и побед. И для Кюхельбекера Иран – царство света, Ормуздова держава; и рядом с именем Аллаха он ставит имя Зороастра:

Благословен во всех веках
Да будет, божий муж, твой прах,
Зердужт, Ирана просветитель![63]

Ариман в поэме – владыка “Царства тьмы”. Кюхельбекер к имени Ариман дает следующее примечание: “Всемогущий создал его равным Ормузду, благому началу; но он пал, и ныне враждуют оба начала. В конце веков Ормузд останется победителем и сам со всею вселенною покорится своему создателю. Каждому из них слу-

---

[62] *Кюхельбекер В.К.* Путешествие... С. 469.

* Рустм – имеется в виду Рустем – главный герой богатырской части “Шахнаме” Фирдоуси.

** Зам – имеется в виду Заль – отец Рустема.

[63] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. М.; Л., 1967. Т. 1. С. 485.

жат семь великих ангелов, которые передают их волю прочим духам и силам. Это верное изображение древней персидской иерархии"[64].

Любопытна интерпретация образов Ормузда и Аримана в апологах Ф.Н. Глинки. Герой аполога "Неразлучные", последователь религии Зороастра Зунбар, по словам автора, "верил, что вековечное Время самобытно, безусловно почивающее в своей беспредельности, некогда восхотело и породило *Ормуса* и *Аримана*. Оба были блистательны и благи. Но *Ариман* вскипел завистью и *потемнел*! Он очреватил *самостию* и отторгшись от общего устроения, отяжелел и низвратился долу…"[65]

Возможно, при создании своего Демона Лермонтов отталкивался от этой аллегории Глинки. У Демона, как и у Аримана, есть память

Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим…

Как и Демон, Ариман отвергнут небом за свое несогласие с общим миропорядком, за "самость". Индивидуальное и общее у Лермонтова находились в противоречии: поэт отстаивал самоценность индивидуальности в мире николаевской реакции, ее право не принимать общее, когда оно несправедливо. Поэтому он иначе рассматривает борьбу двух начал – духа тьмы с духом света, с "общим устроением". Своей интерпретацией этих образов он близок А.И. Полежаеву, в творчестве которого демонизм играет, пожалуй, не меньшую роль. Образ Аримана Полежаев сближает с Демоном. В "Демоне вдохновенья" хор духов поет:

О, Ариман! О грозный царь
Теней, забытых Оризмадом!
К тебе взывает целый адом
Твоя трепещущая тварь!..

---

[64] Там же. С. 503.

[65] *Глинка Ф.Н.* Опыты аллегорий, или иносказательных описаний в стихах и в прозе. СПб., 1826. С. 105.

И если у Глинки Ариман (демон), завидуя Ормусу (доброму началу), отторгается от "общего устроения" (неба) и низвергается, то у Полежаева образ Аримана-Демона сближается с лермонтовским, когда он предсказывает:

Настанет день неотразимой злобы –
Пожрут, пожрут неистовые гробы
И солнце, и луну, и гордый небосклон:
Все грозно дань заплатит разрушенью –
И на развалинах миров
Узрите вы опять по тайному веленью
Во мне властителя страдающих духов!..[66]

Ариман Полежаева восстает против общего порядка, воспевает бунт, разрушение; ему, как и лермонтовскому герою, присуща "с небом гордая вражда".

Большую популярность в эти годы получили "гаремные трагедии". Во многом они создавались как подражания "Бахчисарайскому фонтану" Пушкина[67]. Отталкиваясь от Байрона, Пушкин усложнил схему "гаремной трагедии". Если у Байрона традиционная ситуация: герой, его возлюбленная и антагонист (отец или муж героини), то у Пушкина "герой стоит между двумя женщинами, – любимой пленницей, отвергающей его любовь, и постылой любовницей, преследующей его своей привязанностью"[68]. Эта схема прочно вошла в сознание русских читателей. Достаточно было одного намека на нее, одной детали, чтобы предугадать дальнейший ход событий. Так, например, портреты трех пленниц гарема в стихотворении А.И. Полежаева "Султан" (1828) предопределяют возможную развязку действия:

---

[66] *Полежаев А.И.* Стихотворения и поэмы. Л., 1987. С. 146.

[67] *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин: Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С. 256–260.

[68] Там же. С. 256–257.

Две из них белы и нежны,
Как лилеи под росой,
Или ландыш белоснежный,
Только срезанный косой.
Третья блещет черным оком,
Величава и смугла,
Грозен в ужасе глубоком
Бледный лоск ее чела...[69]

Те же образы и та же ситуация в неоконченной поэме Лермонтова "Две невольницы" (1830): Султан Ахмет между двумя женщинами – гречанкой Заирой, отвергающей его любовь, и ревнивой испанкой Гюльнарой. Образцом был "Бахчисарайский фонтан", но имена героинь связывают поэму с традициями западноевропейской "гаремной трагедии". К "Бахчисарайскому фонтану" восходят и живописные описания гаремов, которые вскоре становятся общим местом в ориентальной поэзии 30-х годов. Роскошные сады, облитые лунным светом, мраморные фонтаны, душистый запах роз и сладостное пенье соловья – эти детали переходят из одной поэмы в другую. Описание гарема в "Двух невольницах" стоит в этом же ряду:

Тиха, душиста и светла
Настала ночь. Она была
Роскошнее, чем ночь Эдема.
Заснул обширный Цареград,
Лишь волны дальные шумят
У стен крутых. Окно гарема
Отворено, и свет луны
Скользя, мелькает вдоль стены...[70]

Прекрасная невольница, увядающая среди роскоши гарема, – образ-деталь, сохраняющийся почти во всех "гаремных трагедиях". Наиболее емко и полно этот образ

---

[69] *Полежаев А.И.* Стихотворения и поэмы. С. 201.
[70] *Лермонтов М.Ю.* Сочинения. М.; Л., 1955. Т. 3. С. 65.

предстает в поэме Ознобишина "Селам, или Язык цветов":

Меня ничто не веселит!
В чертоге этом я Царица;
Но ах! Чертог мне сей темница!
Паши несносен дряхлый вид.
. . . .
Что мне в нарядах, в ожерельях?
Что в песнях, коль грустна душа?
Возьми назад свои веселья,
Отдай мне милого, Паша![71]

Образ этот явно перекликается с образом Марии из "Бахчисарайского фонтана"; как деталь он входит в стихотворение Лермонтова "Грузинская песнь" (1829).

Из французских писателей, в творчестве которых ярко проявился ориентализм, следует назвать В. Гюго. Его "Восточные мотивы" (1829) – эпоха в развитии европейского романтизма. Гюго сознавал, что Восток для писателя-романтика – источник новых тем, сюжетов и образов. В предисловии к своей книге он подчеркивал, что обращение к Востоку вызвано запросами развивающегося литературного процесса: "В век Людовика XIV мы были эллинистами, теперь мы ориенталисты... Никогда столько умов одновременно не шарили в этой великой бездне – Азии. Наши ученые расквартированы ныне по всем наречиям Востока – от Китая до Египта. Из всего этого следует, что Восток, как мысль или как образ, занимает сейчас воображение и умы всех людей и, может быть, автор неведомо для самого себя поддался общему увлечению. Восточный колорит как бы сам собою окрасил все его мысли, все грезы; и они почти невольно становились то иудейскими, то турецкими, то греческими, персидскими, арабскими, даже испанскими, ибо Испания – тоже Восток..."[72]

---

[71] *Ознобишин Д.П.* Селам, или Язык цветов. СПб., 1830. С. 24, 26.
[72] *Гюго В.* Собрание сочинений: В 15 т. М., 1956. Т. 14. С. 135–136.

Стремление проникнуть в национальное своеобразие восточной поэзии было близко русским поэтам-романтикам. Известны переводы из "Восточных мотивов" Гюго А.И. Полежаева, Д.П. Ознобишина, Ф.Н. Менцова. Полежаев – автор стихотворения "Лунный свет" (1833). А стихотворение "Дервиш", которое носит филориенталистский характер, известно в трех переводах: Ознобишина, Менцова и Гранкина. Петербургскому ориенталисту Ф. Менцову принадлежит еще перевод стихотворения "Грусть паши"[73]. Ознобишин в стихотворении "Покров" (у Гюго – "Чадра") передал драматизм и динамику нарастающе напряженного действия: четыре брата допрашивают сестру и убивают ее за то, что она осмелилась приподнять край чадры перед мужчиной:

С е с т р а

Что сделала вам я! Молю я!
Четыре кинжала мне в грудь!
Молю вас, колени целуя…
Покров мой!.. О дайте вздохнуть!
Мне руку!.. Иль кровь вас пугает!
О братья! как страшны мечты!
Смерть, смерть мне на очи взвевает
Холодный покров темноты.

Ч е т в е р т ы й б р а т

Да! этот ни пред кем уж не подымешь ты![74]

Одним из самых популярных имен среди персидско-таджикских поэтов после Саади в Европе стало имя Хафиза. С начала XIX в. на страницах русских журналов и альманахов публиковались образцы его поэзии, биографические сведения о нем. В 1815 г. в "Вестнике Европы" печатались отрывки из книги французского ориенталиста

---

[73] *МН*. 1836. Ч. 8, кн. 1. С. 86–88.
[74] *Гал*. 1839. Ч. 5, № 36. С. 73.

Журдена "La Perse", где сообщалась легенда о Хафизе: «Сказывают, что Тамерлан во время одного нашествия посетил Хафиза и журил его за сочинение, где между прочим сказано, что *отдал бы Самарканду и Бокару за одно пятнышко, придающее новый блеск красоте прелестнейшей.* – "Как, – говорил свирепый завоеватель, – за одно пятнышко на пригожем лице ты отдал бы Самарканду и Бокару, любимые города, которые почитают прекраснейшими плодами моих завоеваний?" – "Ах, Государь! – отвечал Гафиз, – сия-то расточительность причиною той бедности, в какой теперь меня видишь»[75]. Курсивом издатели "Вестника Европы" выделили строки знаменитой газели Хафиза "Агар он турки шерози бе даст орад дили моро" ("Когда красавицу Шираза своим кумиром изберу…").

Эта газель привлекла внимание Гёте. В "Книге Зулейки" ("Зулейка-Наме") его "Западно-восточного дивана" обыгрываются образы Хафиза и как бы воспроизводится упомянутый диалог поэта с Тамерланом:

Мне и в мысли не входило,
Самарканд ли, Бухару –
Не отдать, отдать ли милой
Этот вздор и мишуру,

А уж царь иль шах тем паче –
Разве дарит землю он?
Он мудрее, он богаче,
Но в любви не умудрен,

Щедрым быть – тут дело тонко,
Город дарят неспроста:
Тут нужна моя девчонка
И моя же нищета[76].

Вслед за Гёте к Хафизу обращаются русские поэты – М.А. Дмитриев, А.А. Бестужев-Марлинский, Тютчев. Их

[75] *ВЕ*. 1815. Ч. 82, № 14. С. 109–120.

[76] *Гёте И.В.* Западно-восточный диван. М., 1988. С. 76.

внимание также привлек мотив служения возлюбленной, противопоставление ее власти могуществу царя земного и небесного.

В 20–30-е годы Ознобишин создает и оригинальные стихотворения, в которых умело использует ориентальные мотивы и образы. В стихотворении "Рождение перла" узнаваемы образы Саади из его поэмы "Бустан" ("Плодовый сад") о смиренной капле. У Ознобишина это слеза, превратившаяся в жемчужину, и хафизовский мотив всепобеждающей любви:

Степей полнощных дух могущий
Младую деву полюбил,
Для ней он радостные кущи
Ирана светлого забыл.

Чертог из пышного коралла
За поцелуй дарил он ей;
Но дева гордо отвечала:
"Как беден дар твой, дух степей!"
. . . .
В волнистом пологе тумана
Однажды утром дух грустил,
И на поверхность океана
Слезу блестящую сронил,

И та слеза вдруг перлом стала,
Каких не зрели средь зыбей!
Он к деве с ним. Она молчала,
Но с ней стал счастлив дух степей...[77]

Ознобишин-Делибюрадер автор переложения двух газелей Хафиза. Первая была опубликована в "Северной лире на 1827 г." В центре ее – образ возлюбленной, без которой все прелести природы теряют свою цену:

---

[77] *МВ*. 1829. Ч. 1. С. 188.

Юной пальмы гордый вид,
Кипариса волнованья,
Без тюльпановых ланит –
Где играет огнь желанья –
Не отрадны для души!..

Вторая газель осталась неопубликованной:

. . . .

Прелестная дева, скорее беги,
Резвясь, по цветущему саду;
Нигде не заметен след легкой ноги,
Но стан твой пленителен взгляду:
Он гибок и прям, как младой кипарис,
Колеблемый тихо то кверху, то вниз.

Сегодня ты идол влюбленной толпы,
Сегодня – предмет обожанья;
Отвсюду несутся к прекрасной мольбы;
Но время умчит ликованье.
Помысли об этом, в дни ясной зари
Сокровища пылкой любви собери...

Далее поэт развивает свою сокровенную мысль о гармоническом сочетании прекрасного облика и чистой души:

О, сладко бы воздух пленительный пить,
Разлитый сей кудрей волнистой,
Когда бы в прелестной мог также он быть
Залогом души ее чистой...[78]

В эти же годы Ознобишин переводит арабские маули (песня, романс). Некоторые из них, например “Счастливая ночь”, остались неопубликованными:

---

[78] *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. М., 1992. С. 69–70.

Стократ отдам я жизнь мою
За взгляд красавицы стыдливой,
Ко мне с улыбкой молчаливой
Представшей тихо в ночь сию...[79]

Другой мауль, "Упрек", был напечатан в "Альбоме северных муз на 1828 год":

Как свеж огонь твоих ланит!
В прозрачной чаше так, играя,
Вино душистое кипит;
Агат в очах твоих горит,
Любовь в сердцах воспламеняя.
Пред нежной шеи белизной
Ничтожен перлов блеск живой!
Но с этой красотой чудесной
Тебе рассудок дан в удел, –
Ужель столь строгой, друг прелестный,
Ко мне он быть тебе велел?[80]

Восторженным отношением к возлюбленной, благоговением перед ней проникнуто стихотворение В.И. Туманского "Гречанке" (1827):

. . . .

Я в дивный пояс Афродиты
Твой стан воздушный облеку;
Сотку из роз твои ланиты,
Из роз твои уста сотку.

. . . .

Я полн твоим очарованьем,
Тебе Олимп я покорю;
Всю блеском дивным озарю,
Всю обовью благоуханьем!
Певца всемощная любовь

[79] *ИРЛИ.* Ф. 213. № 24. Л. 13–13 об.
[80] Альбом северных муз. СПб., 1828. С. 278.

Тебя бессмертьем увенчает.
Пою – во мне сам Феб пылает!
А ты награду мне готовь![81]

Мотив служения возлюбленной, прочно вошедший в 30-е годы в арсенал русской поэзии, звучит уже в ранней поэме Лермонтова “Две невольницы” (1830), относящейся к типу “гаремных трагедий”:

...Всех роз восточных аромат,
Топазы, жемчуг и рубины
Султан Ахмет оставить рад
За поцелуя звук единый
И за один твой страстный взгляд![82]

В 30-е годы мотив служения возлюбленной приобретает в русской поэзии ярко выраженный политический подтекст. В стихотворении М.Д. Деларю “Красавице” (Из В. Гюго, 1834) противопоставление власти красавицы и власти царя земного и небесного звучит сильнее, чем во французском оригинале, в духе распространенного уже тогда в России ориентального мотива:

Когда б я был царем земному миру,
Волшебница! тогда б поверг я пред тобой
Все, все, что власть дает народному кумиру:
Державу, скипетр, трон, корону и порфиру, –
За взор, за взгляд единый твой!

И если б богом был, – селеньями святыми
Клянусь, – я отдал бы прохладу райских струй,
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй[83].

---

[81] *МВ*. 1827. № 8. С. 309.
[82] *Лермонтов М.Ю.* Сочинения. Т. 3. С. 64.
[83] *Деларю М.Д.* Красавице (Из Виктора Гюго) // Поэты 1820–1830-х гг. Т. 1. С. 512.

Стихотворение это навлекло на поэта гонения. По жалобе митрополита Серафима Николаю I Деларю был отрешен от должности. В политической жизни России XIX в. повторилась ситуация из легенды о столкновении Хафиза и Тамерлана. Бунтарский характер мотива персидско-таджикской поэзии не укрылся от правительства.

Стихотворение Деларю, где власть возлюбленной противопоставлена "сонмам ангелов", "гармонии миров", созвучно богоборческому характеру лермонтовского Демона:

Лишь только я тебя увидел –
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою.
Я позавидовал невольно
Неполной радости земной...
. . . .
Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм – без божества![84]

Возлюбленная отныне была признана божеством, единственной святынею в небесном и земном мирах. В 30-е годы распространяется в списках анонимное стихотворение "Mon Dieu" ("Мое божество"):

...Она моя! Пускай восстанет
И ад и небо на меня;
Пусть смерть грозою в очи взглянет –
Против всего отважусь я!
. . . .
Во мне нет веры, нет законов!..
И чтоб ее не уступить,
Готов царей низвергнуть с тронов

[84] *Лермонтов М.Ю.* Сочинения. М., 1954. Т. 4. С. 272.

И бога в небе сокрушить.
Она одна моя святыня,
Всех радостей моих чертог...
Мне без нее весь мир – пустыня:
Она моя! Она мой бог![85]

Стихотворение приписывалось Языкову, Губеру, Деларю, Рылееву. И. Андроников в 1968 г. высказал предположение об авторстве М.Ю. Лермонтова[86]. И в самом деле: лексика и образная система "Mon Dieu" приближается к поэтическому языку поэмы "Демон". Это антитезы небо – ад, "крылатые демоны" – "легионы серафимов" (у Лермонтова – "ангелы").

Вместе с тем противопоставление власти возлюбленной власти царя, земного и небесного, близки и демократической поэзии А.И. Полежаева, в творчестве которого ориентальные мотивы носят политический характер. Герой его стихотворения "Ренегат" (отрывок из поэмы "Гарем") ради восточной красавицы готов даже отречься от своей веры и стать почитателем Корана:

. . . .
Где пышная чалма, где Алкоран пророка?
Когда в сады прелестного Востока
Переселюсь от пагубных мне мест?
Что мне ... что . . . .
. . . .
Он пел... Души его кумиры
Носились тайно вкруг него,
И в этот миг на все порфиры
Не променял бы он гарема своего[87].

[85] Вольная русская поэзия второй половины XVIII – первой половины XIX века. Л., 1970. С. 707.

[86] *Андроников И*. Заколдованное стихотворение // Литературная газета. 1968. № 29, 17 июля. С. 8; № 30, 24 июля. С. 7.

[87] *Полежаев А.И*. Стихотворения и поэмы. С. 72.

В поэзии Лермонтова и Полежаева, как и во всей русской поэзии 30-х годов, мотив служения красавице приобретает свободолюбивый, бунтарский характер.

Кроме Ознобишина, газели Хафиза с подлинника переводил друг В.Г. Белинского ориенталист П.Я. Петров, тоже ученик А.В. Болдырева. В 1835 г. он опубликовал перевод газели Хафиза "Дил саропардаи мухаббати уст..."[88] ("Душа – лишь сосуд для вмещенья ее...")[89]:

Он* почил в моем сердце, как гость под шатром,
Он как в зеркале чистом, во взоре моем,
Ни в одном из миров** я награды не жду.
Но я весь под его всемогущим ярмом.
Тебя тоба*** пленила – меня ж его стан,
Так всегда наша жизнь соразмерна с умом...[90]

Перевод этот, опубликованный под инициалами "П.П.", был первой попыткой ввести в русскую поэзию форму газели, характерный признак которой – чередование строк с одной проходящей через все стихотворение рифмой с нерифмованными строками[91]. Петров понимал всю сложность образной системы Хафиза. В письме к другу он разъясняет смысл переведенной газели: "Дело идет о любви к Богу, но таким образом, что стихи будто бы относятся к предмету земному... Бóльшая часть газелей написана в этом духе. Они имеют сходство с книгою Песнь Песней Соломона, которой выражения тоже все-

---

88 *Хофизи Шерози*. Куллиёт. Душанбе, 1983. С. 96.
89 *Хафиз Ширази*. Диван. М., 1998. С. 70.
* В персидском "он" значит "он" и "она", относится и к мужчине, и к женщине. (Примеч. П.Я. Петрова.)
** Настоящий софи или мистик любит бога без всякой надежды на вознаграждение в здешнем или будущем мире.
*** Тоба – райское дерево.
90 Молва. 1835. № 24–26. С. 387–389.
91 *Эберман В*. Арабы и персы в русской поэзии // Восток. 1923. Кн. 3. С. 113.

гда почти двусмысленны. Не знаешь, про что говорит поэт, про земную или небесную красоту"[92].

По-видимому, эта двусмысленность образов восточной поэзии была усвоена многими русскими поэтами того времени. Именно в 20-е и 30-е годы появляются переложения библейской "Песни песней" – Пушкина, А.Г. Ротчева, В.И. Соколовского. Знаком с этим библейским мотивом был и Лермонтов. В поэме "Сашка" (1835–1836), описывая свободную любовь студента к простой девушке Тирзе, Лермонтов вновь обращается к известному ориентальному мотиву:

Когда бы Тирзу видел Соломон,
То, верно б, свой престол украсил ею, –
У ног ее и царство, и закон,
И славу позабыл бы... Но не смею
Вас уверять, затем, что не рожден
Владыкой, и не знаю, в низкой доле,
Как люди ценят вещи на престоле;
Но знаю только то, что Сашка мой
За целый мир не отдал бы порой
Ее улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной сказки[93].

Детали восточного образа здесь иронически снижены. Лермонтов в 30-е годы многое переосмысливает из прежней русской ориентальной поэзии. Однако это не означало отказа от восточных мотивов и образов. Хафизовский мотив служения возлюбленной в его поэзии углубляется. Он приобретает не только политический подтекст, но используется в общем русле романтической поэзии, для которой любовь символизировала весь мир, все бытие.

Так прозвучал этот мотив и в стихотворении Ознобишина "Гречанка" (1834), в центре которого образ пленительной гречанки, погибшей на чужбине:

92 В.Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 237–238.
93 *Лермонтов М.Ю.* Сочинения. Т. 2. С. 407.

. . . .
В ее улыбке – жизнь, исполненная страсти,
В ее речах – Эдем, их выразить нельзя!
Полмира бы за взгляд, в моей коль был бы власти;
За взгляд красавицы полмира б отдал я!

. . . .
На чуждом береге увял цветок Эллады,
До время сорванный бесчувственной рукой;
Но живы для меня восторженные взгляды,
Улыбка, речи, песнь гречанки молодой[94].

Здесь и находилась точка соприкосновения мотивов персидско-таджикской классики и русской ориентальной поэзии. Возлюбленная стала означать для поэта весь мир, а любовь к ней помогает познать мир и бога. Такое философское осмысление мотива свойственно и Лермонтову в поэме "Демон". Любовь Демона к Тамаре, преклонение перед нею в то же время означает порыв героя к добру, к поискам утраченной гармонии с окружающим миром:

Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом...[95]

. . . .
В душе моей с начала мира,
Твой образ был напечатлен,
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало[96].

[94] *ИРЛИ*. Ф. 213. Альб. III. Л. 101 об. – 102.
[95] *Лермонтов М.Ю*. Сочинения. Т. 2. С. 102.
[96] Там же. С. 103.

В таком осмыслении любовь Тамары для героя "восточной повести" действительно дар в высоком понимании этого слова; она для него – аналог небесного и земного мира:

Твоей любви я жду как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик[97].

Поэт указывает на восточное происхождение мотива служения возлюбленной:

И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его осыплю той росой;
Лучом румяного заката,
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою.
. . . .
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
И дам тебе все, все земное –
Люби меня!..[98]

Здесь служение возлюбленной не просто эротика или политическое иносказание, а стремление героя понять мир, через любовь найти пути к правде и красоте, к добру и гармонии. Образ Демона, духа отрицания и сомнения, был порождением времени, европейской философской мысли на рубеже XVIII и XIX вв., нашедшей отражение в творчестве Гёте, Байрона, Пушкина. Таким образом, воплощение хафизовского мотива в поэзии Лермонтова осложняется философской проблематикой, близкой

---

[97] Там же. С. 107–108.
[98] Там же. С. 109.

исканиям западноевропейских поэтов. Органически сочетая восточные образы и мотивы с европейской философской проблематикой, Лермонтов приходит в "Демоне" к западно-восточному синтезу литератур.

В использовании восточных тем и образов Ознобишин порою сближается с Лермонтовым. Это особенно проявилось в конце 30-х и начале 40-х годов, когда были созданы стихотворения кавказского цикла. Но еще ранее, в стихотворении "Тайна пророка", у Ознобишина звучит уже мотив одиночества поэта-пророка, невозможности осуществить его миссию в современном обществе, так что пророк вообще готов отказаться от исполнения своего предназначения. Хотя, разумеется, Ознобишин не достигает силы трагического обобщения, характерного для стихотворения "Пророк" его младшего современника, который доводит библейскую тему до завершения.

В стихотворении "Турецкий кинжал" (1841, 1842) Ознобишин чутко воспринимает связь лермонтовских тем и образов с Востоком:

Дышит мир в словах Корана:
"Жизнью смертных водит рок!"
Но в значеньи талисмана
Тайный смысл сокрыл пророк.

Тема рока, судьбы имеет восточное происхождение и окрашена в творчестве Лермонтова ориентальным колоритом. Ознобишин не случайно связывает с Востоком тему мести и образ лермонтовского Демона:

Он как Эвлис жаждет мщенья...
Мой таинственный булат[99].

Жертвами рока, по Ознобишину, оказались выдающиеся русские поэты – Пушкин и Лермонтов, на которых

[99] Северная лира на 1827 год. М., 1984. С. 266.

столько надежд возлагали современники. Тепло и проникновенно говорит он о Лермонтове:

То у Каспия седого
Он подсматривал дары,
Пел опричника младого,
Мцыри, пальмы и шатры,
То над юной колыбелью,
Над младенцем он стоял,
Иль, могучий к новоселью,
Чуждый край на суд сзывал...[100]

Как уже говорилось выше, большой интерес к персидско-таджикской поэзии проявлял В.К. Кюхельбекер. Этот интерес упрочился во время пребывания поэта на Кавказе в 1819–1821 гг., где он тесно общался с А.С. Грибоедовым, который мог познакомить друга не только с бытом и историей Персии, но и с ее литературой. К 1823 г. относится отрывок из неоконченной поэмы Кюхельбекера о Грибоедове. Рассказ ведется от имени Абаза, восточного человека по мироощущению и культуре. Поэтому и повествование построено по законам восточной поэтики. Отрывок насыщен именами древнеперсидских царей – Дария, Хосрова, Шапура, героинь поэм Низами и Джами. Речь Абаза изобилует яркими восточными метафорами и сравнениями:

Прелестных жен семья святая,
Меня в чужбине не покинь!
Зулейка, Мириямь, Ширинь,
Цветы утраченного рая,
Пусть миг один в саду земли,
Благоухая, вы цвели, –
В веках седых и отдаленных
Поэтов, вами вдохновенных,
Востока племена почли[101].

---

[100] Поэты 1820–1830-х гг. Т. 2. С. 105.

[101] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения. Т. 1. С. 347.

В 1830-е годы Кюхельбекер вырабатывает свою концепцию западно-восточного синтеза, которая отразилась в его "Русском Декамероне 1831 года". Один из героев этого произведения, поэт Чинарский, стремится создать восточную поэму, где восточный колорит органически сольется с западным, как это было в "Западно-восточном диване" Гёте. Кюхельбекер ищет оригинальные пути синтеза. В "Русском Декамероне" он собирался отразить свою концепцию развития мировой культуры, куда составной частью вошла бы восточная поэма "Зоровавель". Произведение имеет сложную структуру. Рассказчики "Русского Декамерона" должны были развернуть перед читателями грандиозные картины основных этапов развития мировой культуры. Сюда, кроме "Зоровавеля", предполагалось включить "Семь спящих отроков", связанные с именем Шекспира, фарс "Нашла коса на камень" и поэма "Агасфер". В 1832–1836 гг. Кюхельбекер пишет прозаическое обрамление к поэме "Зоровавель", представляющее собой своеобразный историко-литературный комментарий. При обсуждении поэмы среди гостей графини Ладовой поэт Чинарский признается, что "самому слогу он старался придать нечто восточное, персидское..."[102]

Сюжет и образ главного героя поэмы восходят к Библии, образ рассказчика, старика-перса, связан с эпической традицией "Шахнаме" Фирдоуси. Действие в поэме развивается в двух временных планах: в эпоху могущества Ирана при Дарии I Истаспе и во время русско-персидской войны 1826–1828 гг. Перед нами проходит ряд картин, представляющих народы и страны Древнего Востока, покоренные персидским царем Дарием I, ко времени которого относится предание, рассказанное старым персом в стенах Тавриза, вблизи русского военного лагеря.

[102] *Кюхельбекер В.К.* Путешествие... С. 510.

Зоровавель, по Библии,– вождь древних иудеев, выведший их из персидского плена. Телохранитель Дария, он одерживает победу в поэтическом состязании и за это получает милость правителя. Его соперники также представители древней культуры: грек и парс (древний иранец). Образы эти соотносятся контрастно, что подчеркивается их внешним обликом. Если грек – "Румяный, полный и высокий / Власами русый, светлоокий", то парс "...важен и суров лицом, / Владеет легкостию барса, / Как смоль черна густая бровь"[103]. Различие подчеркивается и в характерах парса и грека. Оно отражает особенности этих народов, своеобразие их культуры. В поэме Кюхельбекера грек поет гимн вину в традициях анакреонтической поэзии; он наследник культуры, расцвет и могущество которой в прошлом. Персия во времена Дары переживала расцвет; воинственный парс обладает "избытком нерастленной силы", проводит жизнь на коне и в беспрестанных боях. Именно парс воспевает могущество державы, которое для него воплощается в облике царя царей – пади-ша Дары. Воспевая могущество древней Персии, Кюхельбекер опирается на традиции "Шахнаме". Он вводит в поэму образы Ормузда, бога света и добра, и Ахримана, бога зла и мрака. Они как нельзя лучше передают поэтический мир "Шахнаме", мироощущение древнего перса. Добро и зло соперничают в мире, который представляется ареной их битв. В соответствии с этим держава Ормузда, царство света, противопоставлена царству мрака, владению Ахримана, Иран – Турану.

В поэме присутствует и библейская традиция, которая преломляется в гражданской, декабристской интерпретации. Образ поэта-пророка, носителя истины и мудрости, – центральный в поэме Кюхельбекера. Зоровавель в традициях библейских пророков поет гимн истине. Одновременно он воспевает красоту женщины в духе библейской

---

[103] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения. Т. 1. С. 477–478.

поэмы "Песнь песней". Мотив служения возлюбленной, противопоставление ее власти царя земного и небесного – одним из центральных в персидско-таджикской поэзии и связан с именем Хафиза. Любовь как сила, движущая миром, воспевается в "Западно-восточном диване" Гёте, где этот мотив также восходит к персидско-таджикской поэзии.

Как отмечалось выше, любовь интерпретировалась романтиками как высшая ценность бытия, помогающая познать окружающий мир. "Любовь... ставится в один ряд с такими высшими категориями, как универсум, познание"[104]. Поэтому гимн женщине в устах Зоровавеля изобилует образами персидско-таджикской поэтики:

...Одна из тех, которых брови,
Уста, чело – престол любви,
Которых кудри – сеть сердец,
А звук златых речей – певец,
Создатель и смиритель муки,
За грудь же, рамена и руки
И царь бы отдал свой венец...[105]

Зоровавель у Кюхельбекера последовательно противопоставляет власти Дары власть женщины, затем власть Истины.

Погружаясь в древнюю поэзию преданий Востока, Кюхельбекер напоминает нам в "Зоровавеле" о нынешнем Иране. Рассказ старого перса о Даре и трех его телохранителях прерывается отступлениями, дающими выход к теме современного Ирана. Иран 20-х годов XIX в. не могущественная держава Дары, а страна, застывшая в своем развитии. Мотив сна, дремоты проходит через всю поэму. Повествование о Даре соседствует с картинами ночного пейзажа. В поэме, наряду с Востоком, присутствует образ воин-

---

[104] *Манн Ю.* Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 38.
[105] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения. Т. 1. С. 492.

ственного Севера – русский стан вблизи Табриза. В конце поэмы один из слушателей старого перса, русский офицер, в облике которого угадываются черты Грибоедова, выражает точку зрения автора на современный Восток:

...Как же мало
Здесь изменился мир и век!
Здесь тот же, скажешь, человек,
Здесь все поныне, как бывало...[106]

Особое значение в поэме приобретает тема богатого культурного наследия Востока. Традиции классической персидской литературы живут и поныне. Их носитель в поэме – старик-рассказчик, "летопись живая", "друг старины святой". Именно он вводит в поэму образы "Шахнаме":

О чем же возвещу, друзья?
Нет Рустма, Зала, Феридуна.
Не славлю: слаб, бессилен я:
Их славить нужны блеск перуна,
Морей обилье, глас громов...[107]

В прозаическом обрамлении поэт Чинарский комментирует эти строки: «...мне самому случилось не раз в Гандже слышать старика-татарина, который в кругу земляков рассказывал похождения Рустма, сына Зала, со всеми подробностями, с какими "Шах-Наме" повествует о них»[108].

Для Кюхельбекера ориентализм оказался связанным с генеральной линией его творчества – отстаиванием высокого жанра эпической поэмы и архаического слога. По его убеждению, древняя восточная традиция не умирает, а становится частью современной культуры. В своем дневнике Кюхельбекер заметил, что рапсоды (сказители

[106] Там же. С. 502.
[107] Там же. С. 475.
[108] *Кюхельбекер В.К.* Путешествие... С. 518.

эпоса) – вечные современники всех столетий. В первой части “Русского Декамерона” Кюхельбекер соединяет русское, европейское и персидское, древность и современность. История и культура всего человечества представляет единый поток, в котором сосуществуют традиции Библии, Гомера, Фирдоуси, Шекспира...

В 1836 г. при деятельном участии Пушкина была опубликована первая глава “Русского Декамерона”. Книга вызвала издевательскую рецензию “Библиотеки для чтения”. Скорее всего, ученого ориенталиста, профессора петербургского университета О.И. Сенковского задело обращение Кюхельбекера к восточной теме, в значительной степени определившее своеобразие литературного процесса того времени. Сенковский стремился возглавить ориентальное направление в русской литературе 1820–1830-х годов, сделаться монополистом этой темы в литературе и критике. Но на этом поприще ему не удалось стать единственным и оригинальным. Это подчеркивалось в критическом обзоре “Современника” (1836): “Ничего нового не сказал он в них (отрывках. – *Н.Х.*) о Востоке, ни одной яркой черты, сильной мысли, гениального предположения!”[109].

Значение ориентализма в русской литературе подчеркивалось критиками разных направлений. О. Сомов, П.А. Вяземский, А.А. Бестужев-Марлинский писали о связи ориентализма с романтизмом.

В критических выступлениях А.С. Грибоедова и В.К. Кюхельбекера восточная тема связывалась с проблемой национальной самобытности литературы. В контексте данных проблем находится и литературно-критическое обрамление “Русского Декамерона”: Кюхельбекер развивал здесь прежние свои положения и подводил итог многолетним ориенталистским опытам.

---

[109] *Совр.* 1836. Т. 1. С. 198.

Восточные темы, мотивы, приемы и образы, характерные для русской поэзии 20–40-х годов XIX в., разумеется, не исчерпываются вышеотмеченными. Палитра цветов и оттенков русского художественного ориентализма разнообразна и богата. И роль Д.П. Ознобишина в этом процессе достаточно заметна. Часто его вдохновляли не только образцы восточной поэзии, но и произведения современников – Ф. Глинки, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Полежаева, а его творчество, в свою очередь, служило материалом для создания других ориентальных произведений и для осмысления процесса в целом.

От редакции. 30 сентября 1999 г., в разгар подготовки настоящего выпуска "Литературных памятников", скоропостижно скончалась одна из главных его подготовителей – Наргис Нусуровна Холмухамедова (1957–1999), кандидат филологических наук, талантливая исследовательница русской поэзии XIX в., автор работ о творчестве Лермонтова, Кюхельбекера, Батюшкова, Ознобишина, в частности об их творческих связях с поэтическими традициями Востока и Запада.

Вклад Наргис Нусуровны в настоящее издание очень значителен. Обследование библиотек и архивов было ее постоянным, любимым делом. Перед самой своей неожиданной кончиной она привезла из Санкт-Петербурга множество текстов Ознобишина и материалы для их комментирования; завершила также работу над статьей, которая здесь печатается.

28 мая 2001 г., когда рукопись книги была уже сдана в издательство, ушла из жизни Татьяна Матэосовна Гольц (1932–2001), кандидат филологических наук, исследовательница русской литературы и фарсиязычной поэзии Востока. Изучение творческого наследия Д.П. Ознобишина стало делом всей ее жизни. Она и поселилась в Инзе, рядом с тем местом, которое было некогда имением Ознобишина: написала и издала о нем две биографические книги ("Сердце брата", 1964 и 1991 гг.), была автором ряда других публикаций (в их числе – капитальнейшая статья в 4-м томе словаря "Русские писатели"), подготовила и выпустила первый сборник его стихотво-

рений (М., 1992). Т.М. Гольц была инициатором и подготовителем двух книг нашей серии – альманахов “Северная лира” (1984) и “Урания” (1998), также связанных с именем Д.П. Ознобишина.

Редакция надеется, что настоящая книга – первое научное издание поэтического наследия русского поэта – станет также памятником двум исследовательницам, матери и дочери, посвятившим свой труд благородному делу развития отечественной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

История публикации литературного наследия Д.П. Ознобишина сложилась необычно. При жизни поэта его стихотворения и сочинения в прозе появлялись в московских и петербургских периодических изданиях – журналах и альманахах 1820–40-х годов – довольно часто, в 50–70-е годы – реже. Более всего произведений помещено в "Галатее", "Московском вестнике", "Сыне Отечества", "Телескопе" и в его приложении – газете "Молва"; в "Московском наблюдателе", "Отечественных записках", "Москвитянине"; в альманахах: "Урания" (М., 1826), "Северные цветы" (СПб., 1826, 1827), "Северная лира на 1827 год" (М.), "Невский альманах на 1828 год". Отдельным изданием в виде брошюр вышли стихотворная "восточная" легенда "Селам, или Язык цветов" (СПб., 1830) и "Шуточные реляции в стихах о франко-прусской войне 1870 и 1871 годов. Литературная импровизация" (СПб., 1875), а также переводы из древнегреческой антологии под названием "Гинекион" (СПб., 1830), "Аксель. Повесть в стихах И. Тегнера" (СПб., 1861), "Сизиф и Смерть. Милетская сказка" Бульвера-Литтона (СПб., 1871). Стихотворения Ознобишина включались в хрестоматии: "Русская стихотворная хрестоматия", изданная В. Золотовым (М., 1829. Ч. 2. С. 212); "Сборник лучших произведений русской поэзии", изданный Н. Щербиной (СПб., 1858. С. 297), "Сборник стихотворений русских поэтов для юношества" (М., 1867. С. 500); хрестоматии, составленные Н.В. Гербелем – "Русские поэты в биографиях и образцах" (СПб., 1873. С. 368) и "Английские поэты в биографиях и образцах" (СПб., 1875. С. 4) и другие издания. В 1878 г. вышла "Биография Дмитрия Петровича Ознобишина" (СПб.), в которую вошло несколько его ранних стихотворений. Библиографический очерк о поэте был написан Б.Л. Модзалевским (Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 12. С. 197). Новейшую биобиблиографическую статью Т.М. Гольц см. в издании: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 411–415).

Попытка дать объективную оценку творчества Ознобишина в историческом плане была предпринята в статье Н. Державина "Забытые поэты: Тургенев, Ознобишин и Тимофеев. (Из Симбирской хроники)" (Исторический вестник. 1910. Кн. 9.

С. 851–864). Однако, несмотря на прижизненную известность и высокую оценку его творчества современниками, поэтическое наследие Д.П. Ознобишина не было собрано и издано ни при его жизни, ни посмертно и, по существу, оказалось исключенным из историко-литературного процесса.

В советское время было опубликовано всего сорок его стихотворений в книге: Поэты 1820–1830-х годов: В 2 т. / Биогр. справки, сост., подготовка текста и примеч. В.С. Киселева-Сергенина; общая ред. Л.Я. Гинзбург. 2-е изд. Л., 1972. Т. 2 (Б-ка поэта. Большая серия).

Первый сборник стихотворений поэта подготовлен и издан Т.М. Гольц: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. М., 1992. Он представляет избранные образцы лирики Д.П. Ознобишина во всем многообразии, свойственном золотому веку русской поэзии и ее конкретному одаренному представителю с ярко выраженным интересом к восточной культуре.

Самое значительное собрание автографов Д.П. Ознобишина хранится в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Российской академии наук. В нем следует выделить рукописный сборник “Мечты”, 1822 г. (*ИРЛИ*. Ф. 213. № 22) и четыре альбома стихов: Альбом I, 1821–1829 гг. (*ИРЛИ*. Ф. 213. № 24); Альбом II, 1830–1832 гг. (*ИРЛИ*. Ф. 213. № 29); Альбом III – два стихотворения 1820-х годов и 1830–1847 гг. (*ИРЛИ*. Ф. 213. № 21) и Альбом IV, 1830–1870 гг. (*ИРЛИ*. Ф. 213. № 23), только начатый (из 119 листов 95 – не заполнены). Большая часть текстов в альбомах датирована самим автором и имеет пометы о месте публикации. Альбом III – наиболее полный и представительный свод стихотворного наследия поэта, по-видимому, предназначался им для печати. Автографы отдельных стихотворений, произведений прозы, а также писем поэта имеются в *РГАЛИ*, *РГБ* и *РНБ*.

В настоящем издании стихотворное наследие Д.П. Ознобишина размещается хронологически, в порядке следования альбомов: сборник “Мечты”, альбомы I, II, III и IV. Затем следуют стихотворения разных лет, не вошедшие в авторские подборки, – в хронологическом порядке, насколько его можно установить; недатированные произведения помещены в конце этого раздела. Многочисленные переводы с восточных и западных языков (чаще всего – переложение, подражание или использование мотива) органически входят в творчество поэта, и он сам в своих альбомах не выделял их в самостоятельные разделы. Учтена автор-

ская периодизация стихов, принятая им в альбомах. После “Стихотворений” помещены подборки поэм и прозы поэта; основу последней составляют его “восточные повести”.

Тексты произведений печатаются по первой, часто – единственной прижизненной публикации. В других случаях источник особо оговаривается в примечаниях, например, когда обнаруживается более поздняя авторская редакция текста: стихотворение вписывалось Ознобишиным в альбом после публикации.

Из разночтений, вообще не слишком обильных и частых, приводятся в примечаниях наиболее существенные.

Орфография текстов приближена к современным нормам. Пунктуация, в рукописях Ознобишина непоследовательная, иногда и небрежная, в необходимых случаях приведена к современным нормам.

Авторская датировка текстов, как правило, обозначена в конце произведения. В тех случаях, когда стихотворение не датировано, дата, где возможно, определяется нами на основании косвенных данных и выставляется в угловых скобках.

В примечаниях указывается наличие автографа, первая публикация текста, разночтения, источник публикации; необходимый историко-литературный, мифологический и реально-исторический комментарий. Слова, разобранные предположительно, помечены знаком ⟨?⟩; слова, не поддающиеся прочтению, – ⟨*нрзб.*⟩.

СТИХОТВОРЕНИЯ

МЕЧТЫ

[1] *Лгать не хочу...* (и далее) – *Овидий.* Наука любви // Овидий. Собр. соч. СПб., 1994. Т. 1. С. 140. Пер. М.Л. Гаспарова. Цитата из Овидия – вступление к сборнику стихотворений “Мечты”.

СОН

(*Из Антологии*)

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 4.

Впервые: *Урания.* С. 68 – в цикле из трех стихотворений под общим заглавием: “Из греческой антологии”.

Печатается по тексту *Урании.*

МАДАГАСКАРСКАЯ ПЕСНЯ

(*Из Парни*)

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 4 об.–5.

Впервые: Французская элегия XVIII–XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры. Сб. / Сост. В.Э. Вацуро. М., 1989. С. 135.

Печатается по автографу.

Стихотворение читалось (и было одобрено) на заседании Вольного общества любителей российской словесности в Петербурге 11 октября 1822 г. (См.: *Базанов В.Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 381.)

[1] *Парни* (Parny) Эварист Дезире Деформ (1753–1814) – французский поэт, прославившийся своей эротически-элегической лирикой.

ОТРЫВОК ИЗ 1-й ЭЛЕГИИ

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 5 об.

Печатается впервые.

ЖЕЛАНИЕ

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 6.

Печатается впервые.

МОНАХИНЯ

(*Из Парни*)

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 6 об.–7.

Впервые: Французская элегия XVIII–XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры. С. 135–137.

Печатается по автографу.

Варианты автографа:

5–6 Представь, что все дары природы
На ней рассыпаны равно

ЭПИТАФИЯ

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 7.

Впервые: Русская стихотворная эпитафия / Вступ. ст., подготовка текстов и примечания С.И. Николаева и Т.С. Царьковой. СПб., 1998. С. 261 (Серия “Библиотека поэта”).

Печатается по автографу.

ЭЛЕГИЯ 2-я

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 7 об.–8.

Печатается впервые.

ВЕСНА

(*Из Антологии*)

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 8 об.

Впервые: *Урания*. В цикле трех стихотворений под общим заглавием: “Из греческой антологии”. С. 70.

Вошло в книгу: Опыт русской антологии... СПб., 1828. С. 174.

Печатается по тексту *Урании*.

ЛАНДЫШ

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 9–9 об.

Печатается впервые.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ея Сиятельству графине Е.И. Кут⟨ай⟩совой

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 9 об.

Печатается впервые.

МЕЧТА

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 10–10 об.

Печатается впервые.

С⟨ТЕПАНО⟩ВУ

(*"Что ты свел глазки, Плутишка, – или Тебе уже завидна..."*)

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 10 об.
Печатается впервые.
Обращено к Николаю Александровичу Степанову (1807–1877), воспитаннику Московского университетского благородного пансиона, стихотворцу, ученику С.Е. Раича. Впоследствии Н.А. Степанов был известен как талантливый художник-карикатурист. В 1849 г. вместе с А.С. Даргомыжским Степанов издал "Музыкальный альбом с карикатурами". См. о нем: Исторический вестник. 1891. № 2–4.

ПЕЧАЛЬНАЯ

(*С немецкого*)

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 11–11 об.
Печатается впервые.

Т⟨ИТОВ⟩У

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 11 об.
Печатается впервые.

[1] *Титов* Владимир Павлович (1807–1891) – литератор, дипломат. Воспитанник московского университетского благородного пансиона. Член Общества друзей Раича и затем – Общества любомудрия. Один из главных сотрудников журнала "Московский вестник". Со слов Пушкина записал и опубликовал повесть "Уединенный домик на Васильевском". С пансионских времен и до конца жизни поддерживал тесные дружеские связи с Ознобишиным и со всеми бывшими членами Общества друзей. См. о нем: *Бутенев К.* В.П. Титов // Русский архив. 1892. Кн. 1. С. 90, а также: Северная лира на 1827 год. М., 1984. С. 404–405.

АДЕЛАИДА

Автографы: Сб. "Мечты". Л. 12; *РНБ*. Ф. 124 (П.Л. Вакселя). Ед. хр. 3140. Л. 1.
Печатается впервые, по автографу сб. "Мечты".

К Ш⟨ЕВЫРЕ⟩ВУ

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 12 об.

Печатается впервые.

Стихотворение обращено к Степану Петровичу Шевыреву (1806–1864), члену литературного общества, основанного А.А. Жуковским, Общества друзей С.Е. Раича и Общества любомудрия (с 1823 г.). Однокашник Ознобишина по пансиону, он был адресатом еще двух его стихотворений: “Северный певец” (1833) и “Северный соловей” (10 мая 1864 г.).

СИРЕНЬ

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 13–13 об.

Печатается впервые.

К СТ⟨ЕПАНОВ⟩У

(“*Когда же дней моих теченье...*”)

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 13 об.

Печатается впервые.

См. выше примеч. к стихотворению “С⟨тепано⟩ву”.

К С⟨ТЕПАНО⟩ВУ

(“*Вообрази себе на камне, близ гробницы...*”)

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 14.

Печатается впервые.

См. выше примеч. к стихотворению “С⟨тепано⟩ву”.

К СТ⟨ЕПАНОВ⟩У

(“*О милый друг, она одна...*”)

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 14 об.

Печатается впервые.

См. выше. примеч. к стихотворению “С⟨тепано⟩ву”.

ПЕСНЬ БАРДОВ

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 15–16.
Печатается впервые.

[1] *Тевтат* – в кельтской мифологии – бог, покровитель военной и мирной деятельности. Приносившиеся Тевтату жертвы топились в воде. В галло-римское время Тевтат ассоциировался с Марсом (Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 497).

НА СМЕРТЬ Б.....а

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 16 об.
Печатается впервые.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ
(*Соловей и Чиж*)

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 17–17 об.
Печатается впервые.

ОТРЫВОК ИЗ ЭПИТАЛАМЫ
(*Из Катулла*)

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 18.
Печатается впервые.

[1] *Катулл* Кай Валерий (86–54 гг. до н.э.) – римский поэт.

УМИРАЮЩИЙ ПОЭТ
(*Элегия*)

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 18 об.–19 об.
Печатается впервые.

СВИДАНЬЕ

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 20–20 об.
Печатается впервые.

СТАРЕЦ

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 21–21 об.
Впервые: *ВЕ*. 1821. Ч. 116, № 4. С. 252.
Печатается по тексту журнала.

РУЧЕЙ

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 22–22 об.
Впервые: *ВЕ*. 1821. Ч. CXVII, № 6. Март. С. 93–95. Подпись: *О*.
Печатается по тексту журнала.

ОТРЫВОК ИЗ ТОМАС-МУРА

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 22 об.
Печатается впервые.

ИСЦЕЛЕНИЕ

(*Элегия 3*)

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 23–23 об.
Печатается впервые.

ОТРЫВОК ИЗ 4-й ЭЛЕГИИ

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 24.
Печатается впервые.

“О ПЫЛКИЙ ЛИЦИДАС, БЛИСТАЮЩИЙ КРАСОЙ...”

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 24.
Печатается впервые.
Перевод с греческого.

ЭПИЛОГ

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 24 об.
Печатается впервые.

К С.... К....

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 26.
Печатается впервые.

Адресат стихотворения не известен.

ЭЛЕГИЯ 5

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 27–27 об.
Печатается впервые.

1

(*Из Антологии*)

(“*Кориза, равен тот с богами...*”)

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 27 об.
Печатается впервые.
В Альб. I это же стихотворение Д.П. Ознобишин поместил под названием “Коризе. Из Греческой антологии”.

ОТРЫВОК ИЗ ПЕРСИДСКОЙ ПЕСНИ. ЗАППИ

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 28.
Печатается впервые.

2

(*Из Антологии*)

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 28.
Печатается впервые.

ЗАЛИВ БАЙЯ БЛИЗ НЕАПОЛЯ

(*Из Ламартина*)

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 28 об.–30.

Впервые: Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 22, кн. 1. С. 80.

Печатается по тексту первой публикации.

Читалось на заседании петербургского Вольного общества любителей российской словесности в 1823 г. (*Базанов В.Г.* Вольное общество любителей российской словесности. С. 390).

В *МТ*. 1826. № 5 напечатан перевод И.Е. Тюрина, с пометой: "Рязань. 1825".

[1] *Байя* – город близ Неаполя; в древности – аристократический курорт.

[2] *Гораций* (Квинт Гораций Флакк, 65 г. до н.э. – 8 г. н.э.) – римский поэт.

[3] *Проперций* (ок. 50–15 гг. до н.э.) – римский лирический поэт.

[4] *Тибул* Альбий (55–19 гг. до н.э.) – римский поэт.

[5] *Гонимый Тасс смягчал суровый жребий свой...* – Т. Тассо, выпущенный из лечебницы для душевнобольных, скитался по разным городам; в Неаполе он был с почетом принят в монастырях Монте-Оливето и Сан-Северино, но умер не здесь, а в Риме. (См.: Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. С. 662–663.)

ТЕПЛЫЙ ИСТОЧНИК

(*Из Антологии*)

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 30 об.–31.

Печатается впервые.

МИГ ВОСТОРГА

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 31.

Впервые: *Урания*. С. 125–126.

Печатается по тексту альманаха *Урания*.

[1] *Парки* (римск. миф.) – богини человеческой судьбы; тождественны греческим мойрам.

УВЕНЧАННЫЙ АМУР

(*Подражание. Из Антологии*)

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 31 об.–32.
Печатается впервые.

ЛЕИЛА

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 32.
Печатается впервые.

МОГИЛА ЭДВИНА

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 32 об.
Печатается впервые.

ОДИНОЧЕСТВО

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 33 об.–34.
Печатается впервые.

СТ⟨ЕПАНО⟩ВУ

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 34 об.–35.
Печатается впервые.

МАЛЕНЬКОЕ СХОДСТВО

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 35–35 об.
Печатается впервые.

УМИРАЮЩАЯ

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 35 об.
Печатается впервые.

НЕДОУМЕНИЕ

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 36.
Печатается впервые.

НОВЫЙ АМУР

(*Из Антологии*)

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 36.
Печатается впервые.

МИР ФАНТАЗИИ

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 36 об.
Впервые: Северные цветы на 1826 год. СПб., 1825. С. 29.
Печатается по тексту первой публикации.
Разночтение в последнем стихе:

В сей мир вдохновенья стремится поэт.

К ДОРИСЕ

(*Из Антологии*)

Автограф: Сб. “Мечты”. Л. 37.
Впервые: *Гал*. 1829. Ч. 3, № 14. С. 163. Без подписи.
Печатается по тексту журнала.

СОВЕТ (К ЛАИСЕ)

(*Из Парни*)

Автографы: Сб. “Мечты”. Л. 37–37 об.; *ИРЛИ*. Ф. 213. № 5. Л. 54. Заглавие: “Полночь”.

Впервые: *Урания*. С. 13–14, без заглавия и эпиграфа из Горация.

Печатается по автографу сб. “Мечты”.

Вольный перевод стихотворения Парни “Billet” из его “Эротических стихотворений”.

Варианты второго автографа:

8 Упадут запоры.
12–13 Улыбнешься страстно
И рукой атласной
17 Жадно буду пить.

ИЗ ГЕРДЕРА

Автограф: Сб. "Мечты". Л. 38.
Печатается впервые.

1 *Гердер* Иоганн (1744–1803) – немецкий поэт, историк и теоретик искусства.

ВЕНОК

Автографы: Сб. "Мечты". Л. 38 и в переплетенной рукописи, посвященной древнегреческой эпиграмме (*ИРЛИ*. Ф. 213. № 20).

Впервые: *Урания*. С. 69, в цикле из трех переводных стихотворений под заглавием: "Из греческой антологии".

Печатается по тексту *Урании*.

АЛЬБОМ I

НОВЫЙ ГОД

Автограф: Альб. I. Л. 4–4 об.
Печатается впервые.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ "ДОН ЖУАН" л. БАЙРОНА

Автограф: Альб. I. Л. 6–7.
Печатается впервые.

1 *Веспер* (Геспер) – планета Венера, видная незадолго до восхода Солнца (утренняя звезда) и недолгое время после его захода (вечерняя звезда).

ЧАС БЛАЖЕНСТВА

(*Арабский мауль*)

Автограф: Альб. I. Л. 7 об. Исправления и пометы карандашом, в том числе: "Молва" и "Уничтож."

Печатается впервые.

[1] *Мауль* – песня. Подражание арабской песне.

РОЖДЕНИЕ ПЕРЛА

Автограф: Альб. I. Л. 8–9.

Впервые: *МВ*. 1829. Ч. 1. С. 188–189. Подпись: *Ознобишин.*

Печатается по тексту журнала.

В стихотворении использованы мотивы персидско-таджикской классической поэзии.

[1] *Мускус* – сильно пахучее вещество животного или растительного происхождения.

[2] *Алой* (алоэ) – многолетнее тропическое травянистое растение семейства лилейных, с толстыми мясистыми и колючими листьями, столетник.

[3] *Суристан* – возможно, имеется в виду Сирия.

ДОЛГИ ЛЮБВИ

(*Арабский мауль*)

Автограф: Альб. I. Л. 9 об. В рукописи перечеркнуто карандашом.

Печатается впервые.

АЛЬМЕ

Автограф: Альб. I. Л. 10–11.

Печатается впервые.

[1] *Мемфис* – древнеегипетский город; в XXVIII–XXIII вв. до н.э. религиозный и политический центр Египта.

УПРЕК

(*Арабский мауль*)

Автограф: Альб. I. Л. 11 об.

Впервые: Альбом северных муз. СПб., 1828. С. 278. Без подзаголовка.

Печатается по тексту альманаха.

Подражание арабской песне.

ХИОСЕЦ

Автограф: Альб. I. Л. 12–12 об. После текста стихотворения – пять строчек карандашом – неразборчиво.

Печатается впервые.

О героической борьбе греков за освобождение от турецкого ига поэт с юности знал от своего деда по матери И.А. Варвацци (1750–1825), активного участника национально-освободительного движения греков (подробнее о нем см. в статье Т.М. Гольц в наст. изд.). Этой же теме посвящена поэма П.Г. Ободовского "Хиосский сирота" (СПб., 1828).

СЧАСТЛИВАЯ НОЧЬ

(*Арабский мауль*)

Автограф: Альб. I. Л. 13–13 об. Часть стихотворения перечеркнута карандашом; имеются пометы: "в Молву" и "Уничтож."

Печатается впервые.

СОН

Автограф: Альб. I. Л. 14–14 об.

Печатается впервые.

ПОДРАЖАТЕЛИ

Автограф: Альб. I. Л. 15.

Впервые: *Гал.* 1830. Ч. 11. № 1. С. 49.

Печатается по тексту журнала.

ПОМЕРАНЕЦ

Автограф: Альб. I. Л. 15 об.
Печатается впервые.

ЗАГАДКА

Автограф: Альб. I. Л. 22.
Печатается впервые. В цикл “Гинекион” не входило.

“ЦВЕТ МИНДАЛЬНЫЙ НЕСРАВНЕННЕЙ...”

Автограф: Альб. I. Л. 23.
Печатается впервые.

ЗАРА

Автограф: Альб. I. Л. 23 об.
Печатается впервые.

[1] *Ясмин* – жасмин.

ПРОЩАНЬЕ

Автограф: Альб. I. Л. 24 об.
Печатается впервые.

[1] *Альгаким* – Альхакем II Альмостансер, девятый халиф из испанских Омейядов (ум. 976), благоразумным управлением доставивший кордовскому царству благосостояние и блеск.

ТАЙНАЯ ДУМА

Автограф: Альб. I. Л. 25–25 об.
Впервые: Русский зритель. 1828. Ч. 3. № 11–12. С. 192–193.
Печатается по тексту журнала.

УЖ ЭРИН БЛЕДНЕЕТ

(*Ирландская мелодия*)

Автограф: Альб. I. Л. 26–26 об.

Впервые: *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // *ЛН*. Т. 91. М., 1982. С. 719.

Печатается по автографу.

Перевод стихотворения Т. Мура из первого выпуска "Ирландских мелодий": "Though the last glimpse of Erin with sorrew J see..." ("Вот и берег ирландский исчез за кормой..."). Этот перевод Ознобишина, как и другие его переводы из Мура, включен в кн.: *Мур Т.* Избранное. М., 1986. С. 446 – с ошибкой во второй строке: "... везде будешь там".

КРАСАВИЦА НА МОСКОВСКИХ ИСКУССТВЕННЫХ ВОДАХ

Свежий сон

Автограф: Альб. I. Л. 27.

Печатается впервые.

СИЛЬФЫ

Автограф: Альб. I. Л. 27 об.–28 об.

Печатается впервые.

[1] *Сильфы* (герм. миф.) – духи воздуха.

ВОДЯНОЙ ДУХ

Автограф: Альб. I. Л. 29.

Впервые: Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 2. С. 75, где напечатано как пример "ритмического экспериментирования" Ознобишина (с. 685).

Печатается по автографу.

IF THOU 'IT BE MINE
"МОЕЙ БУДЬ, ДРУГ МИЛЫЙ..."
(*Ирландская мелодия*)

Автограф: Альб. I. Л. 29 об.–30.
Печатается впервые.

OH, BREATHE NOT HIS NAME...
(*Ирландская мелодия*)

Автограф: Альб. I. Л. 30 об.

Впервые: Зимцерла. М., 1829. С. 68; имя переводчика не указано.

Печатается по тексту альманаха.

Посвящено другу Т. Мура, ирландскому патриоту, предводителю восстания "Объединенных ирландцев" в Дублине (1798) Роберту Эммету (1778–1803), казненному англичанами.

Стихотворение переводили также М.П. Врончено, А.Н. Плещеев, Ф.А. Червинский, В.С. Лихачев.

"ЧТО, ЕСЛИ Б ВСТРЕТИЛАСЬ МНЕ ТЫ..."

Автограф: Альб. I. Л. 31.
Впервые: *Гал.* 1829.
Печатается по тексту журнала.

"ТЫ ВИДЕЛ ЛИ, КАК РОЗА БЛЕЩЕТ..."

Автограф: Альб. I. Л. 31 об.–32.
Печатается впервые.

ЖЕЛАНИЕ

Автограф: Альб. I. Л. 32 об.

Впервые: *Гал.* 1829. Ч. 6. № 27. С. 99, подпись: *Оз.*; с разночтениями в 5–6 строках: "Небес взлелеянный росою, / В сияньи солнечных лучей".

Печатается по тексту журнала.

ОДНОДНЕВНАЯ РОЗА

Автограф: Альб. I. Л. 33–33 об.

Впервые: Русский зритель. 1828. Ч. 3. № 11–12. С. 194. Подпись: *Ч*.

Печатается по тексту журнала.

ПЕРВОЕ ПРИЗНАНИЕ

Автограф: Альб. I. Л. 34–34 об.

Впервые: Русский зритель. 1828. Ч. 2. № 7–8. С. 201.

Печатается по тексту журнала.

ЮНОША-ПЕВЕЦ

(*Ирландская мелодия*)

Автограф: Альб. I. Л. 35.

Впервые: Атеней. 1828. Ч. 3. № 12. С. 369. Подпись: *Р*. Вторично – с подписью *Ознобишин*: Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1832. № 104, 28 декабря. С. 831.

Печатается по тексту "Литературных прибавлений к Русскому инвалиду".

Разночтения автографа: [2] Где гибель – там стал меж рядами...; [9–10] "Певец низложен был; оковы врагов / Не смяли дух гордый и юный".

Перевод стихотворения Т. Мура "The Menstrel boy" ("Молодой певец") из V тетради "Ирландских мелодий" (1813). До Ознобишина это стихотворение перевел И.И. Козлов ("Новости литературы". 1823. № 43. Л. 61). Ознобишин перевел несколько стихотворений цикла. Об Ознобишине – переводчике "Ирландских мелодий" Мура см.: *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи. (XVIII век – первая половина XIX века). С. 717–719, 807–808, а также: *Гиривенко А.Н.* Русские менестрели (К проблеме исторического функционирования переводных стихотворений в отечественной литературе) // Вопросы русской литературы. Львов, 1988. Вып. 1(51). С. 108–117.

ADIÉU C.

Автограф: Альб. I. Л. 35 об.

Печатается впервые.

ПОСЕЛЯНКА

Автограф: Альб. I. Л. 36–36 об.
Впервые: *Гал.* 1829. Ч. 2. № 11. С. 256.
Печатается по тексту журнала.

"Я ПОМНЮ ВСЁ..."

Автограф: Альб. I. Л. 37–38.
Впервые: *СО.* 1830. Т. 12. № 21. С. 123–124. Подпись: *О.*
Печатается по тексту *СО* с исправлением по автографу ст. 29, где ошибочно напечатано "в радости" вместо "в робости".
Варианты автографа:

12 Он душу мне огнем воспламенил.
35 Когда нам путь сомнительным сияньем.

СТАНСЫ

Автограф: Альб. I. Л. 38 об.–39 и на отдельном листе – Ф. 213. № 4. Л. 40–41. Первые три строфы в первом автографе имеют дату: "Сентябрь 1828", а последняя – "1829". Ее предваряет помета: "(Писано в Березн.)".
Впервые: *Гал.* 1829. Ч. 6. № 30. С. 226–227.
Печатается по автографу.

1 *Сура* – приток Волги, впадающий в нее у г. Васильсурска.
2 *Б⟨екетов⟩ы* – семья карсунского предводителя дворянства А.И. Бекетова.

В 4-й строфе говорится, по-видимому, о Е.П. Малышиной, в которую тогда поэт был влюблен.

ОНА

Автограф: Альб. I. Л. 39 об.
Печатается впервые.

НЕСБЫТОЧНОЕ

(*Сонет*)

Автограф: Альб. I. Л. 40.
Печатается впервые.

НОВЫЙ ГОД

Автограф: Альб. I. Л. 40 об.–41 об.
Впервые: *МВ*. 1829. Ч. 1. С. 228–230. Подпись: *Д. Ознобишин.*
Печатается по тексту журнала.

ОЧАРОВАНИЕ

Автограф: Альб. I. Л. 44.
Впервые: *Гал.* 1829. Ч. 9. № 42. С. 27.
Печатается по тексту журнала.

К А.О.

Автограф: Альб. I. Л. 42 об.
Впервые: *Гал.* 1829.
Печатается по тексту журнала.

ОЧИ ЛЮБВИ

(*Из Греческой антологии*)

Автограф: Альб. I. Л. 43.
Печатается впервые.

КОРИЗЕ

(*Из Греческой антологии*)

Автограф: Альб. I. Л. 43 об.
Печатается впервые.

Вариант ст. 3:

Ласкаешь свежими устами,

ПОТЕРЯННАЯ ЛЮБОВЬ

Автограф: Альб. I. Л. 44.
Впервые: *Гал.* 1829. Ч. 9. № 42. С. 27.
Печатается по тексту журнала.

ТРИ РОЗЫ

Автограф: Альб. I. Л. 46 об.–47.
Впервые: *Гал.* 1829. Ч. 2. № 7. С. 86.
Печатается по тексту журнала.

Написано в жанре романтической аллегории, распространенной в поэзии любомудров (Д.В. Веневитинов. “Три розы”, 1827). Ср. также стихотворение Ф.Н. Глинки “Три розы в пустыне” из “Опытов аллегорий в стихах и прозе” (М., 1826), где в предисловии приводятся слова “восточного” поэта: “чувство благодарности благовонно, как полная роза, и сладостно, как спелый виноград”, а в примечаниях говорится: «Известно, что благодарность называют “памятью сердца”».

“Я МНОГО ВИДЕЛ ЛИЦ ПРЕКРАСНЫХ...”

Автограф: Альб. I. Л. 47 об.
Печатается впервые.

ЭЛЕОНОРЕ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ
(*Из Парни*)

Автографы: Альб. I. Л. 48–48 об. и на отдельном листе: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 5. Л. 53–53 об. Под заглавием: “Завтрашний день”, без даты.

Впервые: Зимцерла. М., 1829. С. 66; без подписи. Напечатано в брошюре ⟨А.П. Горизонтова⟩ “Биография Дмитрия Петровича Ознобишина” (СПб., 1878. С. 10) в качестве неизвестного перевода поэта.

Перевод стихотворения французского поэта Э.-Д. Парни (1755–1814) “Le lendemain. A. Eleonore”.

ЧУДЕСНЫЙ ОХОТНИК

Автограф: Альб. I. Л. 49–49 об.
Впервые: *Гал.* 1829.
Печатается по тексту журнала.
Стихотворение, возможно, имеет в виду З.А. Волконскую (1792–1862), салон которой в Москве посещал Ознобишин.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ "ДОН ЖУАН" л. БАЙРОНА

Песнь II

Автограф: Альб. I. Л. 50–50 об.
Печатается впервые.

ТАНТАЛ

Автограф: Альб. I. Л. 53.
Печатается впервые.

В АЛЬБОМ М.П.К.

Автограф: Альб. I. Л. 53 об.–54.
Печатается впервые.

МОДЕСТУ

Автограф: Альб. I. Л. 54 об.
Печатается впервые.

[1] *Эмиль* – пансионское прозвище Ознобишина, а иногда его псевдоним.

К СИЛЬФУ

Автограф: Альб. I. Л. 55.
Печатается впервые.

АРАВИЙСКИЙ КОНЬ

Автограф: Альб. I. Л. 55 об.

Впервые: *Гал.* 1829. Ч. 5. № 25. С. 193.

Печатается по автографу, с вариантом третьего стиха: "Летел быстроногий, взор полон огня...", так как вписано туда после 15 января 1829 г.

[1] *Симун* (самум) – сухой горячий ветер пустынь.

ВТОРОЕ ЯНВАРЯ

Автограф: Альб. I. Л. 56–56 об.

Впервые: *Гал.* 1829. Ч. 1. № 6. С. 333. Подпись: *Эмиль.*

Печатается по тексту журнала.

Об этом стихотворении упоминается в письме к Д.П. Ознобишину неустановленного лица (без подписи) от 30 января 1829 г.: "... Но знаешь ли что? Во присланных тобою стихах я вижу луч надежды для себя: ты что-то проговариваешься, мой милый Эмиль. И этот Охотник и Фрейшитц недаром тебя заковырнули. Дай Бог!.." (*ИРЛИ.* Ф. 213. № 144. Л. 1). В архиве поэта имеется автограф другого стихотворения, не датированного, с тем же названием ("... Я вам вручил свой талисман..."), несомненно связанного с предыдущим (*ИРЛИ.* Ф. 213. № 3. Л. 59).

Адресат стихотворения, по-видимому, Зинаида Александровна Волконская (урожд. Белосельская-Белозерская, 1792–1862), богато одаренная и разносторонне образованная женщина, писательница и певица – "царица муз и красоты" (Пушкин). Ее дом на Тверской в Москве, где она поселилась с 1824 г., стал центром художественной жизни. Здесь бывали Пушкин, Вяземский, Баратынский, а также Погодин, Раич, А. Муравьев, Ознобишин и "архивные юноши" братья Д.В. и А.В. Веневитиновы, Шевырев, В.П. Титов, И.В. Киреевский. В салоне Волконской устраивались литературные чтения и спектакли, в которых она сама принимала участие. В 1829 г. З.А. Волконская переселилась в Рим, где и умерла.

[1] *Наряд Фрейшица...* – Имеется в виду опера К. Вебера "Вольный стрелок" ("Freischütze", 1821), которая шла в России и пользовалась в 1820-е годы большой популярностью.

[2] *Ах, то кольцо носить я буду, // Преплыв далекие моря...* – В конце 1828 г. Ознобишин собирался в Персию.

К НЕЙ

Автограф: Альб. I. Л. 57.
Впервые: *Гал.* 1829. Ч. 3. № 12. С. 41.
Печатается по тексту журнала.

ДРЕМЛЮЩАЯ ДРИАДА

Автограф: Альб. I. Л. 57 об.
Впервые: *СЛ.* С. 231–232; подпись: ***.
Печатается по тексту альманаха.

[1] *Дриада* (греч. миф.) – лесная нимфа, покровительница деревьев. Изображается в виде прекрасной девушки.
[2] *Фавн* (римск. миф.) – бог лесов и полей. Подобно Пану, он дразнит и пугает путников в лесах и проникает в жилища, чтобы тревожить сон людей.

ГУСЛИ ДАВИДА

Автограф: Альб. I. Л. 58–60 об.
Впервые: *СО.* 1829. Ч. 125. № 16. С. 122–124.
Печатается по тексту журнала.

В 1-й Книге царств рассказывается о царе *Сауле*, на которого за грехи был наслан “злой дух от Господа”, и о *Давиде*, игрой на гуслях разгонявшем мрачное настроение Саула.
[1] *Ионафан* – сын царя Саула, юный воин, друг Давида.
[2] *И умастил главу елеем.* – По велению Бога пророк Самуил помазал на царство Давида еще при жизни царя Саула.
[3] *Когда иноплеменный враг...* – Речь идет о войне иудеев с филистимлянами, в которой первые одержали победу благодаря подвигу Давида.

“О, ЕСЛИ Б БЫЛ Я ПТИЦЕЮ...”

Автограф: Альб. I. Л. 61–62.
Печатается впервые.

ТРИ ЦВЕТКА

Автограф: Альб. I. Л. 62 об.

Впервые: Невский альманах на 1827 год. С. 187. Подпись: *Оз.*

Печатается по тексту альманаха.

Стихотворение написано в жанре романтической аллегории, распространенной в поэзии любомудров (Д.В. Веневитинов. "Три розы", 1827), в произведениях С.Е. Раича ("Яблоня и Лавр", 1827) и Ф.Н. Глинки – "Три розы в пустыне" из "Опытов аллегорий в стихах и прозе" (М., 1826).

ВЕСНА

(*Подражание Сойюти*)

Автограф: Альб. I. Л. 63–63 об. Подзаголовок: "Из арабской антологии".

Впервые: *СЛ.* С. 169–170. Подпись: *Делибюрадер.*

Печатается по тексту альманаха.

[1] *Сойюти* (ас-Суйюти; ас-Суюти Джалялюддин Абдуррахман, Египет, 1445–1509) – филолог, историк, писатель; автор антологии "Анис ал-джалис" ("Друг собеседников") – см.: *Стори Ч.А.* Персидская литература. Биобиблиографический обзор. М., 1972. Т. 2. С. 1175; Литературные имена арабских и персидских авторов. М., 1973. Ч. I. С. 236).

ФИАЛКА

(*Из Ибн-Руми*)

Автограф: Альб. I. Л. 64.

Впервые: Северные цветы на 1827 год. СПб., 1826. С. 321.

Печатается по тексту альманаха.

[1] *Ибн-Руми* (Али ибн Аббас ибн Джурджис, 836–896 гг.) – арабский поэт и прозаик иранского происхождения.

ЯБЛОКО

(*Абу-Новас*)

Автограф: Альб. I. Л. 64 об.

Впервые: *Гал.* 1830. Ч. II. № 3. С. 166.

Печатается по тексту журнала.

[1] *Абу-Новас* (Абунувас, 762–813 гг.) – прозвище; наст. имя: Хасан ибн Хани – арабоязычный поэт иранского происхождения.
[2] *Анемон* – растение семейства лютиковых с желтыми, белыми или розовыми цветами, иначе – ветреница.

СУЕТНОСТЬ КРАСОТЫ

(*Подражание Саади*)

Автограф: Альб. I. Л. 65.

Печатается впервые.

С XVIII в. в русской периодической печати публиковалось много переложений-апологов из произведений Саади, в основном из его нравственно-дидактического "Гюлистана" ("Розовый сад"). Ознобишину принадлежит несколько переводов из его произведений.

[1] *Саади* Муслихиддин (между 1203 и 1210–1292) – персидско-таджикский писатель и мыслитель.

ГАНГЕС

Автограф: Альб. I. Л. 65 об.

Впервые: *МВ*. 1827. Ч. 3. № 9. С. 5.

Печатается по автографу в Альб. I, куда вписано после января 1829 г.

НЕЕРА

(*Из Шенье*)

Автограф: Альб. I. Л. 66.

Впервые: *СЛ*. С. 164–165.

Печатается по тексту *СЛ*.

Стихотворение представляет собой перевод двух стихотворений А. Шенье (1762–1794) – шестистишия ("Accours, juene Chromis, je l'aime et je suis belle flots...") и четверостишия ("Néere, ne va point te confier aus..."). Первый издатель А. Шенье Латуш принял их за одно стихотворение. Его ошибку повторяли и дру-

гие издатели, а следовательно, и русские переводчики – Д.П. Ознобишин, И.И. Козлов, А.К. Толстой (см.: Французские стихи в переводе русских поэтов XIX–XX вв. 2-е изд. М., 1973. С. 170–171, 597). В книге не учтен этот, более ранний по времени перевод, принадлежащий Д.П. Ознобишину.

Пушкину перевод, видимо, не понравился, вследствие чего в своей статье о *СЛ* он заметил, что "г-ну Ознобишину не должно бы переводить Андрея Шенье" (*Пушкин*. Полн. собр. соч. Л., 1949. Т. 11. С. 48).

Кроме этого стихотворения Д.П. Ознобишин перевел из Шенье "Потерянные поцелуи", "Письмо" (см.: *Шенье А*. Сочинения. 1819 / Изд. подгот. Е.П. Гречаная. М., 1995. С. 285–289. Серия "Литературные памятники"). О стихотворении "Письмо" Е.П. Гречаная пишет, что в нем, "точно следуя сюжетной канве оригинала", Ознобишин "с легкостью вышивает по ней узор, полный деталей иной, русской жизни" (с. 459). Там же (с. 552) сообщается (со слов А.Н. Гиривенко), что в собрании книг Д.П. Ознобишина, хранящемся в составе библиотеки Н.М. Карамзина (Дворец книги, г. Ульяновск), имеется сборник А. Шенье 1822 г. (Cewres de André de Chénier. P., 1822) с пометами владельца (№ 0-8316).

1 *Неера* (греч. миф.) – юная возлюбленная. Имя Нееры и ее образ восходят к поэтике римской любовной лирики (Тибулл, Гораций) и греческой этимологии слова "юная".

2 *Шенье* Андре-Мари (1762–1794) – французский поэт, драматург и публицист, деятель эпохи революции; один из предшественников романтизма. Погиб на эшафоте во время Великой французской революции. Первый сборник его стихотворений вошел из печати в 1819 г. и имел широкий резонанс, в частности, в русской литературе, воспринявшей стихи Шенье и самый его образ как символ "великого гражданина", бесстрашно бросавшегося в борьбу с насилием, заведомо зная о своей обреченности. Стихотворения Шенье переводили многие русские поэты – от Пушкина и Лермонтова до Цветаевой и Мандельштама.

3 *Хромид* – условное поэтическое имя.

4 *Дориса* – в автографе – Дорина, возможно, восходит к имени Дорида (греч. миф.), дочь Океана, супруга морского бога Нерея. У Шенье – Galatée (Галатея, греч. миф.), нереида, морская нимфа, олицетворение спокойного и блестящего моря.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

(*Из Саади*)

Автограф: Альб. I. Л. 66 об.
Печатается впервые.

СЛЕЗА МОНАРХА

Автограф: Альб. I. Л. 67–67 об.
Печатается впервые.

1 *...час любимца Клии...* – *Клио* (греч. миф.) – одна из девяти олимпийских муз; с эллинистического времени считалась музой истории и изображалась со свитком в руках; *любимец Клио* – Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), поэт, прозаик, журналист, историк, автор "Истории государства Российского". Образ идеального государя, сострадающего подданным, покровителя наук и просвещения выдержан в традициях персидско-таджикской поэзии.

МЫСЛЬ

Автограф: Альб. I. Л. 68–68 об.
Впервые: *Урания*. С. 264–265.
Вошло в книгу "Думы и песни русских поэтов от Ломоносова до наших дней". М., 1900. Т. 1. С. 79.
Печатается по автографу.

УТРЕННЯЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЬ

(*Из Шекспира*)

Автограф: Альб. I. Л. 69.
Впервые: *СО*. 1830. Т. 12. № 23. С. 246; подпись: *О*.
Печатается по тексту журнала.

ВСЁ ПЬЕТ

(*Из Анакреона*)

Автограф: Альб. I. Л. 69 об.

Печатается впервые.

[1] *Анакреон* (Анакреонт, ок. 570–478 гг. до н.э.) – древнегреческий поэт-лирик.

К N.

Автограф: Альб. I. Л. 70.

Впервые: *СО*. 1827. Ч. 113. № 9. С. 93–94. Подпись: *Оз*.

Печатается по тексту журнала.

Стихотворение приписывалось А.С. Пушкину. См.: Русская беседа. СПб., 1859. Т. III. Кн. 15. С. 1 – с незначительными разночтениями и примечанием (подстрочно): "Стихи эти доставлены нам Г.Н. Геннади, получившим их от В.А. Дерябиной; по ее словам, они написаны были А.С. Пушкиным *на скоро,* на бале у кн. А.И. Голицыной (урожд. Измайловой), для княжны Екатерины Семеновны Урусовой, потом в замужестве Батуриной".

ПЕРСТЕНЬ

Автограф: Альб. I. Л. 70 об. – 71.

Печатается впервые.

[1] *Чуфут-кале* – средневековый пещерный город-крепость в окрестностях Бахчисарая (Крымская обл.). С ростом Бахчисарая город постепенно пришел в упадок и к середине XIX в. оставлен жителями.

"МЕНЯ ОБМАНУЛА УЛЫБКА ОДНА..."

Автограф: Альб. I. Л. 71 об.

Впервые: *Гал*. 1829. Ч. 3. № 15, С. 205.

Печатается по тексту журнала.

Стихотворение относится ко времени неудачного сватовства поэта к Малышиной (см.: *Васильев М.* Из переписки литераторов

20–30-х годов XIX века // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском гос. ун-те им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 1929. Т. 34, вып. 3–4. С. 182).

На текст этого стихотворения написан романс Н. Девитте для голоса с аккомпанементом на фортепиано или арфе (см.: *Язвинская Е.Р.* Музыкальные альбомы начала XIX в. М., 1989. С. 160–162).

ЛЮБИМАЯ ЗВЕЗДА

Автограф: Альб. I. Л. 72–72 об.
Печатается впервые.

ЯСНОВИДЯЩАЯ

Автограф: Альб. I. Л. 73–73 об.
Впервые: *МВ*. 1827. Ч. 3. № 9. С. 9–10.
Печатается по тексту журнала.

ЭРИН

(*Ирландская мелодия Мура*)

Автограф: Альб. I. Л. 74.
Впервые: *СО*. 1827. Ч. 113. № 9. С. 93. Подпись: *Ознобишин.*
Печатается по тексту журнала.

Перевод стихотворения из первого выпуска “Ирландских мелодий” Т. Мура. Эпиграф – первая строка этого стихотворения.

ОБРАЩЕНИЕ К ДУШЕ

(*Из Саадиева Пенд-наме*)

Автограф: Альб. I. Л. 74 об.
Впервые: *Гольц Т.М.* Сердце брата. Душанбе, 1991. С. 134–135.
Печатается по автографу.

[1] *Саади* Муслихиддин (между 1203 и 1210–1292) – персидско-таджикский поэт. Ознобишин называет Пенд-наме произведением Саади. В действительности назидательные мысли персидско-таджикского поэта были собраны после его смерти из всех его произведений. Таким образом, под названием "Пенд-наме" понимают обычно все его творчество.

"БЕЗМОЛВНА ТЫ – НО НА ТВОИХ ОЧАХ..."

Автограф: Альб. I. Л. 75–75 об.

Впервые: Невский альманах на 1828 год. С. 20. Подпись: *Оз.* Вторично: Эвтерпа, или Собрание новейших романсов, баллад и песен известнейших и любимых русских поэтов. М., 1831. С. 100.

Печатается по тексту "Эвтерпы".

Разночтение с текстом "Невского альманаха", где ст. 9: Глядишь ли ты и влажный огнь твоих очей.

ОДА АНАКРЕОНА

Автограф: Альб. I. Л. 76.

Впервые: *СО*. 1827. Ч. 113. № 9. С. 94–95. Подпись: *Оз.*

Печатается по тексту журнала.

Вариант автографа:

16 Прослезившись, отцвела.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Автограф: Альб. I. Л. 76 об.

Печатается впервые.

ПРЕРВАННАЯ ДУМА ПОЭТА

Автограф: Альб. I. Л. 77.

Впервые: *МВ*. 1827. Ч. V. № 17. С. 9; без подписи.

Печатается по тексту журнала.

Это стихотворение Ознобишина – отклик на смерть Д.В. Веневитинова и на его стихотворение "Поэт".

[1] *Мемнон* (греч. миф.) – царь Эфиопии. Сын богини утренней зари Эос и брата Приама Тифона. В египетских Фивах Мемнону был выстроен храм. Одна из двух колоссальных фигур, воздвигнутых при Аменхотепе III, считалась изображением Мемнона. Поврежденная во время землетрясения, статуя на рассвете издавала звук, которой воспринимался как приветствие Мемнона своей матери Эос.

ВЕЧЕРНЯЯ МЕЧТА

Автограф: Альб. I. Л. 77 об.
Впервые: *Гал.* 1829. Ч. 5. № 22. С. 32. Подпись: ***.
Печатается по тексту журнала.

ЖИЗНЬ

Автограф: Альб. I. Л. 78–78 об.
Печатается впервые.

ПРЕКРАСНАЯ БЕГЛЯНКА

Автографы: Альб. I. Л. 79–79 об.; *ИРЛИ.* Ф. 213. № 38. Л. 17; с пометой: “Перевод с немецкого”. Незначительные разночтения в стихах 1, 7, 13, 16 и 22.

Печатается впервые, по автографу из Альб. I.

К N.N.

Автограф: Альб. I. Л. 80.

Впервые: Альбом северных муз. СПб., 1828. С. 251 под заглавием: “К***”.

Печатается по автографу из Альбома, так как записано в нем после стихотворений 1829 г., когда альманах уже вышел.

КРАСАВИЦА

Автограф: Альб. I. Л. 80 об.
Впервые: Атеней. 1828. Ч. 3. № 12. С. 370. Подпись: *О*.
Печатается по тексту журнала.

[1] *Гвидо Рени* (1575–1642) – итальянский живописец.

РУССКАЯ МЕЛОДИЯ

Автограф: Альб. I. Л. 81.
Печатается впервые.

К ДОРИСЕ

(*Из Греческой антологии*)

Автографы: сб. “Мечты” (ч. II). Л. 3 (с указанием источника: “Павзидик”); Альб. I. Л. 82.
Впервые: *Гал*. 1829. Ч. 3. № 14. С. 163.
Печатается по тексту журнала.
Варианты сб. “Мечты”:

[3] Как обнимает мирт...
[4] К Хараксу юному так нежно ты ласкалась.

К ПТИЧКЕ

Автограф: Альб. I. Л. 83.
Впервые: Атеней. 1828. № 3. С. 16. Подпись: *О*.
Печатается по тексту журнала.

ДВА ГОЛОСА У МОГИЛЫ

Автограф: Альб. I. Л. 84.
Печатается впервые.
Посвящено Д.В. Веневитинову.

“БЕЗМОЛВНЫЙ, С ДУМОЮ УЧАСТНОЙ...”

Автограф: Альб. I. Л. 84.

Печатается впервые.

Вариант автографа:

16 Как быстрый взор прелестных глаз.

МАГНЕТИЗЕР

Автограф: Альб. I. Л. 84 об. – 85. Помета в верхнем углу справа: “Напечат.”; однако печатный текст не известен.

Печатается впервые.

[1] *Месмер* Фридрих Антон (1733–1815) – немецкий врач, создатель теории животного магнетизма: будто бы солнце, луна и звезды являются источником магнитной силы, оказывая влияние на всё живое. Теория Месмера и предложенные им методы лечения пользовались успехом в начале XIX в., пока не была доказана их несостоятельность.

СОННАЯ ПТАШКА

Автограф: Альб. I. Л. 86–87.

Печатается впервые.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Автограф: Альб. I. Л. 87 об. – 88.

Впервые: *Гал.* 1829. Ч. 10. № 51. С. 266.

Разночтение в 20-м стихе: “Твой папа спит в безмолвном склепе гроба”.

Печатается по тексту журнала.

В основу стихотворения положена легенда о восстании 1282 г. в Сицилии, начавшемся якобы, как по сигналу, по колокольному звону к вечерне. Легенда эта возникла позднее и вряд ли соответствует действительности. Поводом к восстанию, вспыхнувшему в Палермо 31 марта 1282 г. против Карла I Анджуйского, подчинившего своей власти Сицилийское королевст-

во, стало оскорбление сицилийских женщин французскими солдатами. В апреле восстание охватило весь остров. Около четырех тысяч французов было убито.

Феодалы во главе с Джованни да Прочида, собравшись в Палермо на сицилийский парламент, предложили корону арагонскому королю Педро III, который в сентябре 1282 г., прибыв на остров, овладел затем всей Сицилией, где утвердилась Арагонская династия.

[1] *Твой Папа этого хотел...* – Имеется в виду Папа Николай IV (на папском престоле 1288–1292).

СЕВЕР

(*Посвящается Н.Т.А......у*)

Автограф: Альб. I. Л. 88 об. – 90.
Печатается впервые.
Посвящено Н.Т. Аксакову.

АМУЛЕТЫ

(*Омар бен Фаред*)

Автограф: Альб. I. Л. 90 об. Без даты.
Впервые: *Гольц Т.М.* Сердце брата. С. 133.
Печатается по автографу.

[1] *Омар бен Фаред* (правильнее: Омар ибн ал Фарид, 1182–1235) – арабский поэт-мистик, египтянин по происхождению.

ИСКУШЕНИЕ

Автограф: Альб. I. Л. 91–92.
Печатается впервые.
Варианты автографа:
Заглавие: "Спящая"

[4] На перси зыбкие, крутые
[12–13] Пушистый охватил диван!
Как ручка белая небрежно

СЕРБСКИЕ ПЕСНИ

СЕРДИТЫЙ КОНЬ

Автограф: Альб. I. Л. 92 об.

Печатается впервые.

Наряду с А.Х. Востоковым, Ознобишин одним из первых стал переводить сербские песни из сборника В.С. Караджича. Десять песен, переведенных Ознобишиным, опубликовал В.К. Петухов. См.: *Петухов В.К.* Д.П. Ознобишин как переводчик сербских народных песен // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 50–55.

МОГИЛА НА БЕРЕГУ МОРАВЫ

Автограф: Альб. I. Л. 95 об. – 96.

Впервые: *Гал.* 1829. Ч. 10. № 49. С. 157. Подпись: *Эмиль.*

Печатается по тексту журнала.

КЛЯТВА

Автограф: Альб. I. Л. 98 об.

Печатается впервые.

"ПОЛЮБИ МЕНЯ, ДЕВИЦА!.."

Автограф: Альб. I. Л. 99–99 об.

Печатается впервые.

Помещено также в Альб. III под заглавием: "Поцелуй".

Варианты автографа:

3 Ты бела и любнолица,
5 Глазки светло-голубые
8 Приковали страстный взгляд

Авторская надпись перед текстом в автографе: *Галатея* (зачеркнуто); *Молва.*

"ПОЙМЕШЬ ЛИ ТЫ ПЕЧАЛЬ МОЮ..."

Автограф: Альб. I. Л. 100–100 об.

Печатается впервые.

Авторские пометы на рукописи: *Галат⟨ея⟩* (зачеркнуто); (*С французского*).

КОСМОГОНИЯ

Автограф: Альб. I. Л. 101–102 об.

Печатается впервые.

Надпись на рукописи: *Об⟨щество⟩ Люб⟨ителей⟩ Р⟨оссийской⟩ С⟨ловесности⟩*.

ОДА ГАФИЦА

Автограф: Альб. I. Л. 103–104.

Впервые: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. М., 1992. С. 69.

Печатается по автографу Альб. I.

Переложение газели Хафиза. Стихотворению предпослан эпиграф на фарси – первая строка газели Хафиза: Требуй вина и рассыпай розы (цветы).

КАТАКОМБЫ СВ. ИОАННА В СИЦИЛИИ

Автограф: Альб. I. Л. 104 об. – 105.

Впервые: *СО*. 1830. – Т. XII. № 23. С. 246–247. Подпись: *Ознобишин*.

Печатается по тексту журнала.

Варианты автографа:

6 а) Ни сердце пылкое – обитель светлых дум,
б) Ни сердце пылкое – обитель горних дум,
29 По нашим остовам холодные потомки.

КОНЧИНА ЮНОШИ-ЖЕНИХА

Автограф: Альб. I. Л. 105 об. Заглавие: “На смерть 24-летнего юноши”. Дата: “Апрель 1829”. Греческий текст с посвящением.

Впервые: *Совр*. 1839. Т. 15. № 3. С. 148. Указание: “С греч.”.

Печатается по тексту журнала.

СЛАДКИЙ СОН

Автограф: Альб. I. Л. 106.

Печатается впервые.

РАССВЕТ

Автограф: Альб. I. Л. 108–109.
Впервые: *Тел.* 1831. Ч. 2. № 8. С. 511–512.
Печатается по тексту журнала.
Варианты автографа:

[2] Ночи сумрак гоня

После первой строфы – зачеркнуто:

Еще небо темно,
Но [в раскрыто] приятно окно
Негой веется,
[Сладок] Тонок сон пред зарей
Переливной мечтой
Дух лелеется.

Над заглавием помета: “в Молву”.

ТРОИЦЫН ДЕНЬ

Автограф: Альб. I. Л. 109–110.
Впервые: *Гал.* 1830. Ч. 16. № 31. С. 463.
Печатается по тексту журнала.

[1] *Троицын день* (Троица) – один из главных христианских праздников; 50-й день после Пасхи (конец мая или начало июня). Сопровождается пониманием умерших.

Стихотворение, возможно, обращено к покойной сестре.

СИЛЬФ

Автограф: Альб. I. Л. 110 об. – 113 об.

Впервые: *Тел.* 1831. Ч. 5. № 18. С. 170–175. Заглавие: “Фолетто (Фантазия)”, с примечанием автора: “Foletto называл Тасс, в помешательстве, домашнего своего гения”. Подпись: *Д. Познобишин.*

Печатается по автографу.

Варианты автографа:

[2–4] Сон мой сладок и легок.
Лишь лучом зари небесной
Зарумянится восток;
[90] Что твой мирт, твое алое

Важно отметить метрический эксперимент поэта: пропуски метрических ударений и внеритмические акценты, создающие уникальные для того времени ритмические формы, когда некоторые строки превратились в дольники, а другие близки к верлибру.

[1] *Сильф* – дух воздуха в кельтской и германской мифологии.
[2] *Ширинка* – утиральник, ручник, полотенце (*Даль*. Т. IV).
[3] *Смирна* – портовый город в Малой Азии, западное побережье Турции.

ВЕЧЕР

Автограф: Альб. I. Л. 114–114 об.
Печатается впервые.
Варианты автографа:

9 Тайной негою дышала.
24 Вдаль от островов скользит.
43–44 Девы ангельские звуки,
Ясный блеск ее очей.

РЕВНИВЫЙ ДУХ

Автограф: Альб. I. Л. 115 об. – 116 об.
Впервые: Поэты 1820–1830-х годов. Т. 2. С. 79.
Печатается по автографу.

МАРИУПОЛЬ

(*На новоселье*)

Автограф: Альб. I. Л. 117–118 об.
Впервые: Денница на 1830 год. М., 1830. С. 142–146.
Печатается по тексту альманаха.

ГЛАЗКИ

Автограф: Альб. I. Л. 119.
Печатается впервые.
Варианты автографа:

3 Когда тучки ни одной
6–8 Цвет их ярче темной ночи:

Когда в дальней вышине
Светят звезды в тишине.
31–32 Слезы катятся из них
В каплях влажных – огневых.

ВОЛЬНАЯ ПТИЧКА

(*Из Саадиева "Гюлистана". Книга 2-я*)

Автограф: Альб. I. Л. 120. В конце – ссылка на источник: "Персид. текст 175 стр. Garcin de Tassy Almocadessy".

Впервые: *Гал*. 1829. Ч. 9. № 49. С. 371. Подпись: ***.

Печатается по тексту журнала.

Более раннее подражание этому сюжету из второй, стихотворной, части рассказа 26-го второй главы "Гюлистана" Саади, выполненное Д.П. Ознобишиным, см.: "Утренняя песнь соловья".

Это же стихотворение под заглавием "Птичка" перевел Л. Якубович (Молва. 1832. № 92. С. 365).

ДВЕ ЭПИТАФИИ

Автограф: Альб. I. Л. 120 об. Авторская помета между отрывками 1 и 2: "в С⟨ын⟩ От⟨ечества⟩".

Отрывок 1 впервые напечатан в издании: Русская стихотворная эпитафия. Вступит статья, сост., подг. текста и примеч. С.И. Николаева и Т.С. Царьковой. СПб., 1998. ("Библиотека поэта"). С. 261.

Печатается по автографу.

"ЕЙ НЕ ДАНЫ В ОТРАДУ СЛЕЗЫ..."

Автограф: Альб. I. Л. 121.

Печатается впервые.

ЕРМОЛОВУ

Автограф: Альб. I. Л. 121 об.

Печатается впервые.

[1] *Ермолов* Алексей Петрович (1777–1861) – боевой генерал. Как и Ознобишин, получил образование в Московском университетском благородном пансионе. Начал службу еще при Суво-

рове. При Павле I подвергся ссылке. Возвращен при Александре I. Отличился в Бородинском и ряде других сражений Отечественной войны 1812 г. С 1817 г. возглавил военную и гражданскую администрацию на Кавказе, где справедливостью и твердостью сумел внушить к себе уважение. Провел ряд военных операций в Чечне и Дагестане, основал крепость Грозную и др. В 1827 г. подвергся новой опале и был заменен на своих должностях преданным Николаю I генералом Паскевичем.

[2] *Так Цинцинат блеск римской тоги // Простой одеждой заменил...* – Цинцинат Люций Квинций – древнеримский политический деятель. В 458 г. до н.э. послы, явившиеся к нему сообщить, что он избран диктатором, застали его за работой в саду и вынуждены были просить его обрядиться в тогу, чтобы торжественность их поручения не была снижена.

ПЕСНЬ ТАТАРИНА

Автограф: Альб. I. Л. 122–123.
Печатается впервые.

МУЧЕНИК ЛЮБВИ

Автограф: Альб. I. Л. 123 об. – 125 об.
Печатается впервые.

ПЕСНЬ ОТАИТЯНКИ

Автограф: Альб. I. Л. 126–127.
Впервые: *СО*. 1830. Ч. 131. Т. 9. № 1. С. 57–58. Подпись: *Познобишин*.
Печатается по тексту журнала.

РАИЧУ

Автограф: Альб. I. Л. 127 об. – 128.
Впервые: *Познобишин Д.П.* Стихотворения. С. 80–81.
Печатается по автографу.

Стихотворение обращено к поэту и переводчику Семену Егоровичу Раичу (1792–1855) в связи с его женитьбой 15 февраля 1829 г. на Терезе Андреевне Оливье.

[1] *И лавр Марона, розы Тасса...* – С.Е. Раич перевел “Георгики” Вергилия Марона (1821) и “Освобожденный Иерусалим” Т. Тассо (1828).

МОГАММЕД

Автограф: Альб. I. Л. 128 об. – 129.

Впервые: *Гал.* 1830. Ч. XIII. № 14. С. 118–119. Подпись: *Align Ознобишин.*

Печатается по тексту журнала.

ПРЕЛЕСТНИЦА

Автограф: Альб. I. Л. 129 об. – 130.

Печатается впервые.

ПОЭТ И СВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Автограф: Альб. I. Л. 130 об. – 131.

Впервые: *Гал.* 1830. Ч. XIV. № 18. С. 77–78.

Печатается по тексту журнала.

А.Г.Х.

при посылке стихов “Я помню всё...”

Автограф: Альб. I. Л. 131 об.

Печатается впервые.

Адресат стихотворения, по-видимому, – Анна Григорьевна Хомутова (1787–1851), писательница, автор воспоминаний о Пушкине; также адресат стихов И.И. Козлова, М.Ю. Лермонтова.

[1] *Певицы Лесбоса...* – Древнегреческая поэтесса Сапфо (Сафо, 1-я пол. VI в. до н.э.), жившая на острове Лесбос.

ОЧАРОВАННЫЙ ЗАМОК

(*отрывок*)

Автограф: Альб. I. Л. 132–132 об.
Печатается впервые.

ТРИ КРАСАВИЦЫ

Автограф: Альб. I. Л. 133–134 об.
Печатается впервые.
Варианты автографа:

После ст. 18 зачеркнуто:

Покорный своенравной воле
Беспечной спутницы моей,
Я мог ли думать с ней о доле
Предуготовленных мне дней.

73 Счастливец страстный, молчаливый

ПЕСНЬ НОРДМАНОВ

Автограф: Альб. I. Л. 135–136 об.
Печатается впервые.
Варианты автографа:
Заглавие: Песнь славян (в рукописи переправлено карандашом).

АЛЬБОМ II

ПРОСТИ

Автограф: Альб. II. Л. 4–4 об.
Впервые: Сиротка. Литературный альманах. М., 1831. С. 236.
Печатается по тексту альманаха.

ПЕСНЬ

Автографы: Альб. II. Л. 5; Альб. III. Л. 7. (под заглавием: "Одалиска").

Впервые: *МН*. 1837. Сентябрь. Кн. 1. С. 97.

Печатается по тексту журнала.

Разночтения в стихах 4 и 9.

СОВЕТ

Автограф: Альб. II. Л. 7–7 об.

Печатается впервые.

1 *Айдес* (Аид, греч. миф.) – бог подземного мира и царства мертвых.

МУЧЕНИК ЛЮДЕЙ

Автографы: Альб. I. Л. 123 об.; Альб. II. Л. 8 об. – с добавлением пяти строк 2-й строфы.

Печатается впервые, по автографу из Альб. II.

ИМПЕРАТРИЦЕ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ

При посвящении "Свет гарема"

Автограф: Альб. II. Л. 9.

Публикуется впервые.

1 *Александра Федоровна* (1798–1860) – жена Николая I. С 1828 г. руководила благотворительными учреждениями императрицы Марии Федоровны.

2 *Свет⟨ило⟩ гарема*" ("The light of the harems") – одна из четырех восточных сказок романтической повествовательной поэмы Т. Мура (1817), переведенная Ознобишиным (*ИРЛИ*. Ф. 213. № 21, 31; *СО*. 1827. Ч. 112. № 5. С. 27–60). Образы "Лалла Рук" были памятны Александре Федоровне по празднику 15(27) января 1821 г. в Берлине при прусском короле Фридрихе (отце Александры Федоровны) по случаю приезда ее в Берлин. Разыгрывались сюжеты из "Лалла Рук" Мура. Роль индийской

принцессы Лалла Рук исполняла Александра Федоровна; роль ее жениха – великий князь Николай Павлович, будущий император Николай I.

"О БОГИ, КАК ОНА МИЛА!.."

(*Из Беранже*)

Автограф: Альб. II. Л. 10.
Печатается впервые.
Перевод стихотворения Беранже.

РУСАЛКИ

Автограф: Альб. II. Л. 12.
Печатается впервые.

[1] *Егова* – одно из имен бога у древних евреев.

ЦЕВНИЦА

Автограф: Альб. II Л. 14 об.
Печатается впервые.

ТРИ КАПЕЛЬКИ

Автограф: Альб. II. Л. 20 об.
Печатается впервые.

МОЛЬ И МОТЫЛЕК

Автограф: Альб. II. Л. 21.
Впервые: *Гал.* 1830. Ч. 19. № 42. С. 225–226.
Печатается по тексту журнала.

БЕЗЗУБЫЙ

Автограф: Альб. II. Л. 21 об.
Печатается впервые.

ВОРОНЫ

(*С английского*)

Автограф: Альб. II. Л. 23 об.
Впервые: *Гал.* 1830. Ч. 12. № 10. С. 192–195. Подпись:***.
Печатается по тексту журнала.
Варианты автографа:

6 Где чернеет вал широкий,
15–16 Пред другим борзая мчится,
С новым молодцем девица.

Перевод первой части шотландской баллады Вальтера Скотта "Два ворона" ("The Two Corbies"). Этот же текст переведен также Пушкиным ("Ворон к ворону летит…", 1828) и напечатан в "Северных цветах на 1829 г.", перепечатан в *Гал.* 1829. Ч. 1. № 4 и помещен в издании "Стихотворений Александра Пушкина" 1829 г.

[1] *Твид* – река в Шотландии.
[2] *Ястреб бьет с чужой руки…* – Имеется в виду ястребиная охота (охота с помощью ястреба).

ОТРЫВОК

Автограф: Альб. II. Л. 24.
Печатается впервые.

ВИДЕНЬЕ

Автограф: Альб. II. Л. 24 об.–25.
Печатается впервые.

СТРАННИК

Отрывок

Автограф: Альб. II. Л. 25 об.–26.
Печатается впервые.

КНЯЗЬ

(*Из Беранже*)

Автограф: Альб. II. Л. 26 об.–28.
Печатается впервые.

ХОЛЕРА

Автограф: Альб. II. Л. 47–48 об.
Печатается впервые.

Эпидемия холеры, придя из Азии, в 1831 г. распространилась по России. В Петербурге в короткое время от холеры умерло ок. 7000 человек, что привело к народному бунту 2 июня. Ознобишин осмеивает разные эпизоды ожидания холеры в Москве в сентябре 1830 г., когда эпидемия еще не набрала силу.

"КОГДА В РАССВЕТНЫЙ ЧАС НАД НИВОЙ ЗОЛОТОЮ..."

Автограф: Альб. II. Л. 53 об.
Печатается впервые.

АРИЕЛЬ

Буря. Шекспир. Действие I, явление 2

Автограф: Альб. II. Л. 56.
Печатается впервые.

Выбранный для перевода отрывок отражает узловой момент действия пьесы, определенный ее заглавием: "Буря". Буря, разбившая корабль близ Бермудских островов, – действительное событие времен Шекспира: в 1609 г. английская эскадра под командованием адмирала Джорджа Сомерса, плывшая в Вирджинию, потерпела крушение возле Бермудских островов. Сомерсу удалось уцелеть благодаря высадке на берег одного из островов, усеянного человеческими скелетами. В 1610 г. вышло описание этого события, где, между прочим, рассказывается: «Сэр Джордж сидел на корме при свете звезд и, считая, что спасение невозможно, ежеминутно ожидал, что пойдет ко дну. Вдруг он завидел землю. Это не могло быть ничем иным, как только берегами тех ужасных Бермуд... Истин-

ным ключом к пониманию этой чудесной комедии, венца всех последних пьес Шекспира, и завершения в известном смысле всего его творческого пути явилась, пожалуй, не логическая, а музыкальная ее интерпретация. Не случайно вся пьеса в гораздо большей степени, чем все остальные творения Шекспира, симфонична, являясь игрою звуков, песен, стонов, радостных и печальных… – все то, что мы слышали в звуках вдохновенной увертюры-фантазии Чайковского "Буря". Голоса природы – голоса мироздания» (Цит. по: *Шекспир У.* Полн. собр. соч.: В 8 т. / Под общей ред. А. Смирнова и А. Аникста. М., 1960. Т. 8. С. 140–141.).

[1] *Ариэль* – дух воздуха. Имя – древнееврейского происхождения. В древнееврейской раввинской литературе так именуется один из ангелов.

ЖИЗНЬ

Автограф: Альб. II. Л. 69 об.

Печатается впервые.

[1] *Аталанта* (греч. миф.) – охотница, участница каледонской охоты и похода аргонавтов. Славилась меткой стрельбой из лука и быстротой ног. Всем сватавшимся к ней устраивала испытание – состязание в беге. Все, кого она настигала, должны были поплатиться жизнью. Меланион (вариант: Гиппомен) сумел победить Аталанту хитростью: он выбрасывал на бегу золотые яблоки, подымая которые, она проиграла состязание.

ПИРУШКА

Автограф: Альб. II. Л. 70.

Печатается впервые.

ПИСЬМО ЮЛИИ К ДОН ЖУАНУ

Автограф: Альб. II. Л. 70 об.–71 об.

Впервые: Молва. 1833. Ч. VI. № 84. 15 июля. С. 330–331. Подпись: *Ознобишин.*

Печатается по тексту "Молвы".

Стихотворение представляет собой перевод CXCII–CXCVIII октав первой песни поэмы Д.-Н.-Г. Байрона "Дон-Жуан" (1818).

РИМСКИЙ ФОНАРЬ

Автограф: Альб. II. Л. 78.
Печатается впервые.

БЛАГОРОДНАЯ ГОРДОСТЬ

(*Из Амару*)

Автограф: Альб. II. Л. 72 об.
Печатается впервые.

[1] *Амару* (или Амарука, годы рождения и смерти не известны) – индийский поэт. Жил не позднее IX в. Писал на санскрите. "Сто стихов" Амару посвящены любви, различным оттенкам этого чувства.

ПОКОРНЫЙ ЛЮБОВНИК

(*Из Амару*)

Автограф: Альб. II. Л. 73.
Печатается впервые.

АЛЬБОМ III

Все стихотворения, вошедшие в Альбом III, печатаются по тексту этого альбома с подведением важнейших вариантов.

ДОКТОР И БОЛЬНОЙ

(Посвящается К-вой)

Автографы: Альб. III. Л. 1–3; *ИРЛИ*. Ф. 213. № 7. Л. 15 и № 9. Л. 53.

Впервые: Молва. 1833. Ч. 5. № 49. 25 апреля. С. 193–194. Подпись: *С франц. Оз.*

[1] *...дары Ленея...* – Ленеи (Ληναια) – у древних греков так назывались празднества по случаю получения свежего вина нового урожая.

ЯСНЫ ОЧИ

(I cattivi occhi)

Автографы: Альб. I. Л. 115 (без русского заглавия); Альб. III. Л. 4–5 с нотами и подзаголовком: "Слова Д. Ознобишина, музыка А. Алябьева". Романс на текст этого стихотворения написан Алябьевым в 1834 г.

Впервые: *Гал.* 1829. Ч. 9. № 44. С. 262.

Вариант автографа Альб. I:

14 Мне ль дурными вас назвать.

ДУМА

Автографы: Альб. II. Л. 6 об.; Альб. III. Л. 5 об.

Впервые: Сиротка. Литературный альманах на 1831 г. М., 1831. С. 196; затем – Дамский альманах. СПб., 1844. С. 277.

Вариант автографа Альб. II:

12 За таинственный привет.

ПОЦЕЛУЙ

Автографы: Альб. I. Л. 99–99 об.; Альб. III. Л. 6–6 об.

Впервые: Молва. 1832. Ч. 4. № 88. 1 нояб. С. 349–350.

Вариант автографа Альб. I:

21 Там над розою вздыхает.

ОДАЛИСКА

Автографы: Альб. II. Л. 5 (заглавие: "Песнь"); Альб. III. Л. 7.

Впервые: *МН*. 1837. Ч. 14. Кн. 1. С. 96–97.

[1] *Эдем* – земной рай (библ.).

БЛИЗКОЕ СВИДАНИЕ

Автографы: Альб. II. Л. 28 об. (без заглавия); Альб. III. Л. 9.
Впервые: *Гал.* 1830. Ч. 19. № 40. С. 134–135.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Автографы: Альб. II. Л. 28 об.; Альб. III. Л. 8 и на отдельном листе.
Впервые: Молва. 1832. Ч. 4. № 54. 5 июля. С. 213.

НОС

Автографы: Альб. II. Л. 46–46 об. (заглавие: "Похвальное слово носу"); Альб. III. Л. 8 об.–9.
Впервые: Молва. 1831. Ч. 4. № 11. С. 1–2. Без подписи.

[1] *Рокселана* – любимая жена турецкого султана Солимана II (ок. 1505–1561), по некоторым сведениям, – русского происхождения, сумевшая добиться неограниченного влияния на султана.

ПРИЗНАНИЕ

Автографы: Альб. II. Л. 59; Альб. III. Л. 10.
Впервые: Молва. 1832. Ч. 3. № 2. 5 янв. С. 5.

КОМЕТА 1832 ГОДА

Автограф: Альб. III. Л. 10 об.–11 об.
Впервые: Молва. 1832. Ч. 4. № 77. С. 305. Без подписи.

[1] *Ной* – ветхозаветный патриарх, спасшийся со своим семейством от всемирного потопа на специально построенном ковчеге.

[2] *...вечный мир...* – Идея Сен-Пьера и Руссо об осуществимости прочного мира с помощью союза европейских держав, заинтересовавшая в 1821 г., в частности, А.С. Пушкина (см.: *Алексеев М.П.* Пушкин и проблема "вечного мира" // Алексеев М.П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 160–207).

ИНДЕЙСКИЙ СУДЬЯ

Автограф: Альб. III. Л. 11 об.
Печатается впервые.

УМИРАЮЩЕЕ ДИТЯ

Автограф: Альб. III. Л. 12–12 об. Помета над текстом: “Андерсен”.

Печатается впервые.

Перевод стихотворения датского писателя Ханса Кристиана Андерсена (1805–1875). Восходит к одноименному стихотворению Андерсена, которое вместе с некоторыми другими было опубликовано им в 1827–1828 гг.

MEMENTO MORI!

Автографы: Альб. III. Л. 13; *ИРЛИ*. Ф. 213. № 8. Л. 34 (без даты); Там же. № 14. Л. 60. Без даты.

Печатается впервые.

ВЗГЛЯД

(Из Гюго)

Автограф: Альб. III. Л. 14–15.
Впервые: *Гал*. 1839. Ч. 4. № 32. С. 355–357.

ПЛОВЕЦ

Автографы: Альб. II. Л. 5 об.–6; Альб. III. Л. 15 об.–16.

Впервые: *Гал*. 1839. Ч. 1. № 5. С. 357–358 (с разночтениями). Подпись: *Ознобишин*.

Возможно, это стихотворение – своеобразный отклик на свободолюбивые мотивы повести в стихах А.А. Бестужева “Андрей, князь Переяславский”, первая глава которой была анонимно издана Ознобишиным в 1828 г.

[1] *Крез* – царь Ливии с 560 до 546 г. до н.э., владевший огромным богатством.

СМУГЛЯНКА

Автографы: Альб. II. Л. 58 об.; Альб. III. Л. 16 об. (вписано туда после стихотворений 1840-х годов) и на отдельном листе (черновой, *ИРЛИ*).

Впервые: Молва. 1832. Ч. 3. № 15. 19 февр. С. 57.

ДИВ И ЧЕЛОВЕК

Автографы: Альб. II. Л. 48 об.; Альб. III. Л. 17–17 об.

Впервые: Молва. 1832. Ч. 3. № 17. 26 февр. С. 65.

ВОЛГА В НОЯБРЕ

Автографы: Альб. III. Л. 18–18 об.

Впервые: *Тел.* 1834. Ч. 23. № 40. С. 183–184.

СПЯЩИЙ МАЛЮТКА

Автографы: Альб. II. Л. 8; Альб. III. Л. 19.

Впервые: Сиротка. Литературный альманах на 1831 г. С. 138.

В конце помета: “1830 (Галатея)”.

МИЛОДОРА

Автографы: Альб. II. Л. 22 об.–22; Альб. III. Л. 19 об.–20.

Впервые” Молва. 1832. № 50. 21 июня. С. 197. Под заглавием: “К***”.

ЗАВИСТЬ

Автограф: Альб. III. Л. 20 об.

Впервые: Молва. 1833. Ч. 5. № 18. 11 февр. С. 69–70.

ТОВАРИЩИ ЖИЗНИ

Автограф: Альб. III. Л. 22.
Впервые: Молва. 1833. № 59. 18 мая. С. 233.

[1] *Кикимора* – в славянской мифологии – мистическое существо женского пола в виде уродца, карлика или малютки. Живет в домах, обладая способностью быть невидимым.

[2] *Кродо* – древнегерманский бог, храм которого стоял в Гарцбурге (Саксония).

МОЯ БОГИНЯ

Автографы: Альб. II. Л. 45–45 об.; Альб. III. Л. 22–22 об.

Впервые: Молва. 1831. Ч. 1. № 12. С. 1. Без подписи. Помета в конце: "С фр.".

Ответ на это стихотворение Ознобишина под названием "Влюбленному в рыжие локоны" и с подписью "Н.Е-а" появился в "Молве" за 1832 г. № 6. 19 января. С. 21.

[1] *Лукреция* (ум. 510 г. до н.э.) – знатная римлянка; лишила себя жизни после того, как была обесчещена *Тарквинием* Секстом, сыном царя Тарквиния Гордого.

[2] *Катулл* Гай Валерий (87 – после 54 г. до н.э.) – римский поэт. Многие его лирические стихи посвящены возвышенной любви к *Лесбии* (Клодии).

[3] *Пастух фригийский* – Парис, сын троянского царя Приама, похитивший жену спартанского царя Менеллая *Елену*, что послужило причиной Троянской войны.

[4] *Антоний с битвы побежал...* – Влюбленный в египетскую царицу Клеопатру римский полководец Антоний (83–30 г. до н.э.) ради нее пренебрег государственными делами и забыл о своем долге; в морском сражении возле мыса Акция (западное побережье Греции), когда Клеопатра на своем корабле обратилась в бегство, Антоний последовал за нею, бросив свое войско.

БАЯДЕРЫ

Автограф: Альб. III. Л. 23–23 об., куда внесено после публикации.

Впервые: Молва. 1832. Ч. 4. № 104. 27 дек. С. 413–414, без 6-й строфы и с изменениями в 4-й и 5-й строфах. Указано: *с восточного Ознобишин.*

Варианты "Молвы":

20–21 Пей казбина нектар ясный,
В поцелуях девы страстной

26–27 День, заря и сумрак ночи,
Всё – и прелесть улетит
30–32 Море хладное забот,
Сладкой неге сердцем вдайся,
Пей, люби и наслаждайся:

1 *Баядеры* – индийские танцовщицы, участвующие в религиозных церемониях или общественных увеселениях.

ПРОСТИ

Автограф: Альб. III. Л. 24–25.

Впервые: Молва. 1833. Ч. 5. № 11. 26 янв. С. 41–42. Подпись: *Ознобишин.*

Положено на музыку Н.А. Титовым.

МУЗА

Автограф: Альб. III. Л. 25 об.–26.

Печатается впервые.

Перевод стихотворения французского поэта Анри Огюста Барбье (1805–1882) из его сборника "Ямбы" ("Jambes", 1831). В 1840-х годах стихи Барбье с увлечением читали на своих собраниях участники кружка М.В. Петрашевского. Первые переводы из Барбье, выполненные петрашевцем С.Ф. Дуровым, появились в русской печати в 1844 г.

1 *Еврипид* (480–405 г. до н.э.) – великий древнегреческий трагик.

БЕРЛИОЗ

Автограф: Альб. III. Л. 26; *ИРЛИ*. Ф. 213. № 1. Л. 44–45.

Впервые: Северная пчела. 1847. № 63. 19 марта. С. 250. Подпись: *Ч.*

[1] *Берлиоз Гектор* (1803–1869) – французский композитор, приезжал в Петербург в марте 1847 г. и дал несколько концертов с триумфальным успехом.

Публикация стихотворения предваряется следующим текстом: "Между тем мы помещаем прелестные стихи, возбужденные концертом г. Берлиоза и доставленные нам от неизвестного. Вот это так поэзия!".

[2] *То, как Фауст, околдован...* – Берлиоз – автор драматической легенды "Осуждение Фауста" (1846).

[3] *Лик красавицы внимавшей...* – Возможно, героиня стихотворения – первая жена поэта Елизавета Александровна Рогановская, умершая весной 1847 г. В пользу этого предположения свидетельствует подпись под стихотворением: *Ч.*, т.е. "Чентифолио" – та же, что и в посвященном ей стихотворении "Письмо".

ВОСПОМИНАНИЕ

Автограф: Альб. III. Л. 27.

Впервые: Молва. 1833. Ч. 5. № 63. 27 мая. С. 249. Подпись: *О.*

САЛЬВАТОР РОЗА

Автограф: Альб. III. Л. 72 об.

Впервые: Молва. 1833. Ч. 5. № 65. 1 июня. С. 257–258. Подпись: *О.*

[1] *Роза Сальватор* (1615–1673) – итал. живописец, поэт и музыкант демократического и сатирического направления.

[2] *Байя* – бухта и город возле Неаполя.

[3] *Сольфатар* – вулкан на той стадии, когда деятельность его ограничена извержением газов, без лавы и пепла. Здесь имеется в виду вулкан Везувий на берегу Неаполитанской бухты.

ДЕРВИШ

(В. Гюго)

Автограф: Альб. III. Л. 28–29.

Впервые: Молва. 1833. Ч. 6. № 83. 13 июля. С. 329–330.

Перевод стихотворения 1828 г. французского поэта и писателя Виктора Гюго (1802–1885) из его "Восточных мотивов".

В подлиннике стихотворению предпослан эпиграф из Панаго Суццо: “Если гибель смертного записана в роковой книге судеб, что бы ни делал он, ему никогда не избежать скорбного грядущего, смерть преследует его повсюду; даже на ложе она достигает его, жадно пьет его кровь и уносит его на плечах” (*Гюго В*. Собрание сочинений: В 15 т. М., 1953. Т. 1. С. 386).

В стихотворении речь идет об одном из самых кровавых турецких пашей – Али-паше Янинском (1744–1822). Находясь на службе у турецкого султана, в 1787 г., он захватил часть албанских и греческих земель с городом Яниной и Эпир и повел с султаном Махмудом II междоусобную войну, но потерпел поражение, попал в плен и был убит.

[1] *Дервиш* – мусульманский странствующий монах-отшельник; нищий.
[2] *Диван* – совещательный орган в султанской Турции, состоящий из министров и высших сановников; высшее судилище; сенат.
[3] *Визирь* – высший государственный чин в государствах Ближнего Востока.
[4] *Падишах* – титул турецких султанов.
[5] *Янина* – город в северной Греции; захвачен Али-пашой в 1788 г.
[6] *Монкир* и Накир – ангелы в мусульманской мифологии, которые допрашивают мертвых в могиле. Верующих они оставляют в покое до воскресения, а неверных избивают столько времени, сколько пожелает аллах (Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 181).
[7] *Шейх* (арабск.) – духовный наставник, мусульманское духовное лицо; в переносном смысле – благочестивый старец, мудрец.

АТТИЛА

Автограф: Альб. III. Л. 29 об.–30.

Впервые: Молва. 1833. Ч. 6. № 86. 20 июля. С. 341. Подпись: *** С опечатками в ст. 8 и 15. Автор указан в следующем номере “Молвы” – от 22 июля. С. 348.

[1] *Аттила* – предводитель гуннов (ум. в 453). Согласно легенде, погиб от руки своей новой жены Ильдико – девушки, из народа, покоренного гуннами.
[2] *Липец* – напиток из липового меда.

[3] *Божий бич* (лат.: Flagellum Dei) – прозвище Аттилы, присвоенное ему в ряде стран Западной и Восточной Римской империи.

[4] *Где втайне гроб тройной зарыт...* – Погребение Аттилы совершалось втайне; труп царя был заключен в три гроба: золотой, серебряный и железный (*Иордан.* О происхождении и деяниях готов. М., 1960. С. 118).

ГОЛУБЫЕ ОЧИ

Автограф: Альб. III. Л. 30 об.

Впервые: Молва. 1833. Ч. 6. № 112. 19 сент. С. 445–446.

ЕЗДОК

Автограф: Альб. III. Л. 31–32.

Впервые: Молва. 1833. Ч. 6. № 113. 21 сент. С. 449–450. Подпись: *Ознобишин.*

СЕВЕРНЫЙ ПЕВЕЦ

(С.П.Ш⟨евырев⟩)

Автограф: Альб. III. Л. 33–34.

Впервые: Молва. 1833. Ч. 6. № 115, 26 сент. С. 457–458, с опечаткой в посвящении ("С.П.Т.") и в ст. 28 ("движущий"). Подпись: *Ознобишин.*

Повод написания – возвращение С.П. Шевырева на родину из Италии, где он жил в 1829–1832 гг. в качестве учителя сына З.А. Волконской.

[1] *Шевырев* Степан Петрович (1806–1864) – поэт, критик, историк и теоретик литературы, давний друг и сотрудник Д.П. Ознобишина по участию в альманахах "Урания", "Северная лира" и др.

[2] *Пел Тасса звонкие октавы. ~ Октавы русской звук родился.* – С.П. Шевырев предпринял и напечатал в 1831 г. экспериментальный перевод седьмой песни "Освобожденного Иерусалима" Т. Тассо.

[3] *Канова* Антоний (1757–1822) – итальянский скульптор.

4 *...куполом Петра...* – Собор Св. Петра в Риме, выдающийся памятник архитектуры. Купол его в основном был создан по проекту Микеланджело в 1547–1564 гг.

5 *И в Ватикане до утра // Пред Рафаэлем забывался.* – Имеются в виду расписанные Рафаэлем лоджии Ватиканского дворца.

6 *Тибр* – река в Италии, протекающая через Рим.

ПРЕКРАСНАЯ ШВЕЯ

Автограф: Альб. III. Л. 34 об.–35.

Впервые: *Гал.* 1839. Ч. 3. № 26. С. 583–584.

Вольный перевод стихотворения П.-Ж. Беранже "Гаданье на картах" ("Les cartes ou l'horoscope"). Известны и другие переложения поэта из Беранже. Об Ознобишине – переводчике Беранже см.: *Старицына З.А.* Беранже в России. XIX в. М., 1969. С. 30–31.

ВЕСЕННИЙ ГРОМ

Автограф: Альб. III. Л. 36.

Впервые: Молва. 1835. Ч. 10. № 31–34. С. 67–68 (ц.р. 31 авг. 1835 г.). Подпись: *О.*

ТАЛМУД

Автограф: Альб. III. Л. 36 об.–37.

Впервые: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. М., 1992. С. 98–99.

1 *Талмуд* (III в. до н.э. – VI в. н.э.) – памятник религиозной и правовой мысли древних евреев, содержащий также сведения по различным наукам.

2 *Мессия* – еврейское слово, соответствующее греческому и русскому понятию Христос.

3 *Ханаан* – обетованная земля, библейское наименование Палестины, "страны Ханаанской". В переносном смысле – свободная, счастливая страна.

4 *Мафусаил* – по библейскому преданию – дед Ноя, проживший 969 лет.

[5] *Саронские розы* – Сарон, по Библии, – местность либо между Фавором и морем Тивериадским, либо на побережье Средиземного моря. В "Песни Песней" Соломона (гл. II. 1–2) говорится о цветке Сарона, с которым сравнивается невеста Соломона. В русском переводе Библии он назван нарциссом, в немецком – розой.

ВОСПОМИНАНИЯ НАРОДА

Автографы: Альб. III. Л. 37 об.–39, без повтора ст. 50, и на отдельном листе (№ 3. Л. 45–46).

Впервые: *ОЗ*. 1841. № 3. Март. Отд. III. С. 46–47.

Перевод стихотворения П.-Ж. Беранже "Les souvenirs du peuple" ("Народная память"). Речь идет о Наполеоне Бонапарте.

ПОСЕЛЯНИН

Автограф: Альб. III. Л. 39 об.–40 об.

Публикуется впервые.

АНТИАСТРОНОМ

Автографы: Альб. III. Л. 41 об.–42 и на отдельном листе (неполный, без даты).

Впервые: Молва. 1834. Ч. 8. № 50 (ц.р. 14 дек.). С. 379–381. Подпись: *О*.

[1] *...пар кометы Энки.* – Орбиты этой планеты впервые определил немецкий астроном И.-Ф. Энке (1791–1865); названа его именем.

[2] *Фалес* Милетский (конец VII–нач. VI в. до н.э.) – древнегреческий ученый и мыслитель; известен и как астроном.

ПРОДАВЕЦ НЕВОЛЬНИЦ

Автограф: Альб. III. Л. 42 об.–44.

Впервые: *Тел*. 1831. Ч. 1. № 2. С. 196–198. Без эпиграфа.

Эпиграф – из комической оперы Б.-Ж. Марсолье "Гюльнара, или Персидская невольница" (1798); *Сеид* – персонаж оперы.

[1] *Моссул* – древний город на берегу Тигра, с мечетью Наби Юнус, святыней мусульман; крупный торговый и ремесленный центр Ближнего Востока.
[2] *Кабул* – древний город в Афганистане.
[3] *Калхалы,* халхал (фарси) – ножной браслет с колокольчиками.
[4] *Тимпан* – древний ударный инструмент в виде котла, обтянутого кожей.
[5] *Скиния* (греч.) – куща, сень, шатер; походный храм древних евреев.
[6] *Солим* – Иерусалим.
[7] *Персидская мовь* – растение из семейства мальвовых, имевшее, по поверью, магическое свойство умерять страсти; *мовь* – это и символ нежности.
[8] *Киса* – мошна, кошель.
[9] *Иконисса* (Иконос) – город в Малой Азии, считавшийся священным у христиан.
[10] *Исса* – арабизированная форма имени Иисуса Христа.

МАРИЯ

(Из Мура)

Автографы: Альб. II. Л. 58; Альб. III. Л. 44 об.–45.

Печатается впервые.

В стихотворении речь идет о Марии Магдалине, раскаявшейся грешнице, одной из "жен-мироносиц", шедших к телу Христа, чтобы приготовить его к погребению, и обнаруживших его исчезновение. Христос своей проповедью возродил ее к новой жизни, сделал своей последовательницей и по воскресении явился ей прежде других.

[1] *Мур* Томас (1779–1852) – английский поэт, которого Ознобишин охотно и много переводил.

АЛЬГАМА

(Из Romancero general)

Автограф: Альб. III. Л. 45 об.–46 об. Вписано туда после стихотворений 40-х годов.

Впервые: *Тел.* 1834. Ч. 22. № 8. С. 131–133. Разночтения в ст. 22, 25, 28 и 31.

[1] *Romancero general* (Всеобщий романсеро) – свод песенников, появившийся между 1600 и 1604 гг. В 1482 г. испанцы нанесли сокрушительный удар мавританской Гранаде, захватив считавшуюся неприступной крепость Аламу – главный военный оплот мавританских королей. Этому событию посвящен "Романс о завоевании Аламы", который положен в основу этого стихотворения.

Известен перевод этого стихотворения Н. Берга (1854).

[2] *Гренада* – Гранада, столица мавров.

[3] *Абдалла* (Абу-Абдалла, Боабдил) – последний мавританский король Гранады (1482–1492).

[4] *Альгама* (правильнее: Алама) – крепость в 35 км от Гранады.

[5] *Альхамбра* (Альгамбра) – дворец в Гранаде, величайший памятник арабо-испанской архитектуры XIII–XIV вв.

[6] *Абенсераги* (правильнее: Абенсеррахи) – мавританский род, имевший большое влияние в арабском Гранадском королевстве в XV в.

[7] *Кордуя* – арабская транслитерация Кордовы.

СТЕНЬ

Автографы: Альб. III. Л. 47–47 об. (дата: март 1831); Альб. II. Л. 57 (дата: ноябрь 1830), который имеет зачеркнутый эпиграф: "Ты говоришь во сне, но сон твой полон смысла" ("Буря", д. II, явл. Шекспир).

Впервые: *Тел*. 1831. Ч. 2. № 5. С. 74–75. Без эпиграфа.

Эпиграф – из "Серапионовых братьев" Э.-Т.-А. Гофмана (новелла "Зловещий гость").

[1] *Стень* – тень, призрак.

РАССВЕТ

Автографы: Альб. I. Л. 108–109; Альб. III. Л. 48–48 об.
Впервые: *Тел*. 1831. Ч. 2. № 8. С. 511.

ФИВСКИЙ ЦАРЬ

Автограф: Альб. III. Л. 49–49 об.

Впервые: *МН*. 1836. Ч. 7. Кн. 1. № 2. Май. С. 171–172, с подзаголовком: "Мистерия".

[1] *Фивы* – город в Древнем Египте, резиденция фараонов периода Нового царства (XVI–XI вв. до н.э.).
[2] *Ель-Молук* – Бибан-эль Мулук, так называемая Долина царей в Фивах, где находились гробницы фараонов.
[3] *Озирис* – древнеегипетский бог, олицетворение света и тепла.
[4] *Элизий* (Элизиум) – рай в представлении древних греков и римлян; место пребывания после смерти теней добродетельных людей.

МЫСЛЬ

Автограф: Альб. Ш. Л. 52.
Впервые: *МН*. 1836. Ч. 8. Кн. 1. С. 97.

УРОК СТАРЦА

Автограф: Альб. Ш. Л. 51–53.
Публикуется впервые.

“ОНА С УЛЫБКОЙ МНЕ СКАЗАЛА...”

Автограф: Альб. Ш. Л. 58–59.
Впервые: Молва. 1833. Ч. 5. № 9. 21 янв. С. 33. Подпись: *Ознобишин*.

МЫ БЫЛИ ВМЕСТЕ

Автограф: Альб. Ш. Л. 60 об.–61.
Впервые: Молва. 1833. Ч. 5. № 2. 5 янв. С. 5.
Посвящено Е.П. Малышиной.

“КОГДА ВДАЛИ ОТ ШУМА СВЕТА...”

Автограф: Альб. Ш. Л. 55–55 об.
Печатается впервые.
Как и предыдущее стихотворение, посвящено Е.П. Малышиной.

К МАРГАРИТКЕ, КОТОРУЮ САМ В 1786 ГОДУ СРЕЗАЛ НЕОСТОРОЖНО ПЛУГОМ

(Из Роберта Борнса)

Автограф: Альб. Ш. Л. 56 об.–57 об.

Впервые: *Москв.* 1844. Ч. 2. № 4. С. 241–242.

Перевод стихотворения шотландского поэта Роберта Бёрнса (1759–1796). Стихотворение известно также в переводе М.Л. Михайлова (*Совр.* 1856. № 6. С. 229).

ЛЕМАН

Автограф: Альб. Ш. Л. 58–60 об.

Печатается впервые. Текст ст. 53 поврежден.

Эпиграф из поэмы Д.-Н.-Г. Байрона "Шильонский узник" (1816), переведенный В.А. Жуковским (1822).

[1] *Леман* – Женевское озеро.

[2] *Мон-Блан* (Монблан) – горная вершина в Западных Альпах, самая высокая в Европе.

[3] *Юра* – горы, которые тянутся от Ронской долины в Западных Альпах к северо-востоку на протяжении 620 верст.

[4] *Руссо* Жан Жак (1712–1778) – французский писатель и философ.

[5] *Сталь* Анна Луиза Жермена де (1766–1817) – французская писательница.

[6] *Гиббон* Эдвард (Эдуард) (1737–1794) – английский историк.

[7] *Мудрец Фернея...* – Вольтер (Мари Франсуа Аруэ, 1694–1778), французский писатель, историк и философ; в последний период жил в Фернее (Швейцария).

[8] *Певца – любовника свободы...* – Здесь и далее имеется в виду Байрон.

[9] *Бонивар* Франсуа (1496–1570) – настоятель одного из женевских аббатств, политический и религиозный противник савойских герцогов. В 1530 г. был заключен в подземелье замка Шильон. Послужил прототипом "Шильонского узника" Байрона. В 1536 г. освобожден восставшими бернцами.

АНТИПЛАТОНИК

Автографы: Альб. II. Л. 11 (без заглавия); Альб. III. Л. 61–61 об.

Печатается впервые.

Варианты автографа Альб. II:

21–22 Я к резвой Оленьки моей
Спешу в роскошные объятья.

[1] *Платон* (427–347 гг. до н.э.) – древнегреческий философ.

[2] *Пиндар* (522–ок. 448 гг. до н.э.) – величайший лирический поэт древней Греции.

НИМФА

(Из Беранже)

Автографы: Альб. II. Л. 22 об.–23; Альб. III. Л. 62–63.

Печатается впервые.

АКАЦИЯ

Автограф: Альб. III. Л. 63 об. Помета Ознобишина: Моск. набл., 1835.

Впервые: *МН.* 1838. № 7.

[1] *Симун* (самум) – губительный знойный ветер в степях Аравии и Северной Африки.

ВАЗАНТАЗЕНА

Автограф: Альб. III. Л. 64–64 об.

Впервые: *ОЗ.* 1839. Т. IV. № 7. Отд. III. С. 209–210.

Вольный перевод эпизода из древнеиндийской драмы "Глиняная повозка" (I тыс. н.э.), написанной на санскрите Шудраком. Вошло в сб. "Эротические стихотворения русских поэтов" (СПб., 1860. С. 8).

[1] *Вазантазена* (Васантасена) – героиня драмы, гетера.

[2] *Калхалы* – см. выше примеч. к стихотворению “Продавец невольниц”.
[3] *Бенарес* (Банарас) – старое название одного из древнейших городов Индии Варанаси в Северной Индии, на берегу Ганга.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Автограф: Альб. III. Л. 65.
Печатается впервые.

[1] *Тайная вечеря* – в христианских представлениях – последняя совместная трапеза Иисуса Христа с двенадцатью его апостолами в канун Страстной Пятницы, дня крестной смерти Христа.
[2] *Тебе лобзание не дам я, как предатель…* – На Тайной вечере один из двенадцати, Иуда Искариот, услышал слова Христа: “Один из вас предаст меня”, но не раскаялся; после слов Христа: “Что делаешь, делай скорее”, – он выходит в ночь (Ин. 13: 21, 27–30) и помогает страже, посланной схватить Христа, опознать его: “Кого я поцелую, Тот и есть” (Лк. 22: 47).
[3] *И, как разбойник, я молю Тебя, Создатель!* – Разбойник благоразумный, распятый рядом с Христом, “сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю” (Там же. XXIII, 42–43).

ХОРЕВ

(Видение на горе)

Автограф: Альб. III. Л. 65 об.–66. Заглавие “Хорев” в рукописи зачеркнуто.

Печатается впервые.

Как следует из пометы Ознобишина, было прочитано в 1837 г. в Обществе любителей российской словесности.

Стихотворение восходит к строкам Библии: “И сказал: выйди и стань на горе пред лицем Господним. И вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом; но не в ветре Господь. После ветра землетрясение; но не в землетрясении Господь. После землетрясения огонь; но не в огне Господь. После огня веяние тихого ветра,

(и там Господь)". (Третья книга Царств. XIX, 11–12.) Ср. тот же мотив в стихах В. Кюхельбекера "И тамо Господь" (Дневник 1835 г. 24 марта. – Кюхельбекер В. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 359.)

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Автографы: Альб. II. Л. 14 об.; Альб. III. Л. 66 об.–67.
Печатается впервые.

НЕОБХОДИМОСТЬ СЛЕЗ
(Из Амару)

Автографы: Альб. II. Л. 63; Альб. III. Л. 67.
Впервые: *МН*. 1836. Ч. 9. Кн. 1. С. 239.
Вариант Альб. II: [4] Нежнейшей клятвою смягчит ли правый гнев!

[1] *Амару* (или Амарука, годы рождения и смерти неизвестны) – см. примеч. к стихотворению "Благородная гордость (из Амару)", Альб. II.

Несколько ранее, в альманахе "Альциона на 1833 год" (СПб., 1833) были опубликованы "Эротические станцы индийского поэта Амару" М. Деларю (вошли также в сборник "Опыты в стихах Михаила Деларю". СПб., 1835).

Источником для подражаний послужила "Anthologie erotique d'Amarou", составленная ориенталистом Антуаном-Леонардом де Шези (Paris, 1831).

КОВЫЛЬ

Автограф: Альб. III. Л. 68–68 об.
Впервые: *Москв*. 1845. Ч. 6. № 12. С. 211–212. Подпись: *Оз*.

УТРЕННИЙ СОН

Автограф: Альб. III. Л. 69–69 об.
Печатается впервые.

ПАМЯТИ КАРАМЗИНА

Автограф: Альб. III. Л. 70–70 об., с заглавием: “К памятнику Карамзина”.

Впервые: *Москв*. 1845. Ч. 5. № 9. С. 8; Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. Т. 57. № 228. С. 370–371.

Стихотворение было прочтено поэтом 23 августа 1845 г. дважды: на площади во время торжественного открытия в Симбирске памятника Карамзину и по просьбе в зале гимназии после выступления М.П. Погодина.

[1] *Клио* (греч. миф.) – одна из девяти олимпийских муз. С эллинистических времен считалась музой истории.
[2] *Геродот* (484–ок. 430 гг. до н.э.) – греческий историк.
[3] *Фукидид* (ок. 460–396 гг. до н.э.) – греческий историк, младший современник Геродота.
[4] *Благословенный* – император Александр I (1777–1825).

БЕДНАЯ ПТАШКА

Автограф: Альб. III. Л. 71.

Печатается впервые.

Перевод стихотворения Юстиния Кернера (1786–1862), немецкого врача, философа-мистика, поэта-романтика “швабской” школы – “Morgengefull”.

“ОЧИ, ЯСНЫ ОЧЕНЬКИ...”

Автограф: Альб. III. Л. 72–72 об.

Печатается впервые.

ЛУНА

Автограф: Альб. III. Л. 70–71 об.

Впервые: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. С. 139.

ВЕСЕННЯЯ ГРУСТЬ

Автограф: Альб. III. Л. 74–74 об.

Впервые: *МН*. 1835. Ч. 1. № 4 (апр.). С. 592.

"НЕ ТУМАНЫ ХЛАДНЫЕ..."

Автограф: Альб. III. Л. 75–75 об.
Печатается впервые.

ЛИСТКИ ПОЭЗИИ

Автограф: Альб. III. Л.76–76 об.
Печатается впервые.

[1] *Земзем* – Священный источник в Мекке.

ОКА

Автограф: Альб. III. Л. 77–78.
Впервые: *МН*. 1835. Нояб. Ч. 5. Кн. 2. № 2. С. 174.

ЧУДНАЯ БАНДУРА

Автограф: Альб. III. Л. 78 об.–79 об.
Впервые: *МН*. 1836. Ч. 7. Май. Кн. 1. С. 46.

В основе стихотворения – первый вариант песни "Harpans Kraft" ("Сила арфы") из сборника шведских народных песен Е.-Г. Гейера и А.-А. Афцелиуса [*Geijer och Afcelius*. Svenska Folrvisor. Stochholm, 1814–1816. Т. 1. № 75 (1, 2, 3)]. См.: *Конанева Н.П.* Две шведские баллады в русском фольклоре // Рус. лит. 1984. № 3. С. 169–175. Одобрительный отзыв В.К. Кюхельбекера: *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. С. 378.

В переводе Ознобишина шведская баллада превратилась в русскую народную песню, которая записывалась как народная с середины XIX в. (см.: *Лазутин С.Г.* Очерки по истории русской народной песни. Воронеж, 1964. С. 123.) Широко бытовала до 1920-х годов; имеются и современные записи. Ознобишин проявлял большой интерес к фольклору, как к русскому, так и других народов, особенно к народной песне. См.: *Динесман Т.Г.* Д.П. Ознобишин (вступ. ст.) // *ЛН*. М., 1968. Т. 79. С. 513–521.

СКАМАНДР

Автограф: Альб. III. Л. 80–82.

Печатается впервые.

Как следует из пометы Ознобишина, стихотворение читалось в Обществе любителей российской словесности.

[1] *Скамандр* – река под Троей, впадающая в Геллеспонт – древнее название пролива Дарданеллы.
[2] *Ида* – лесистая горная цепь в Малой Азии, под Геллеспонтом, у подножья которой располагалась Троя.
[3] *Киприда* (греч.) – богиня любви и красоты Афродита. На Кипре находился ее главный храм.
[4] *Дардан* – 1) сын Зевса, родоначальник троянских царей, общий предок Гектора и Энея; 2) троянец, убитый Ахиллесом.
[5] *Диана* (римск. миф.) – богиня Луны; то же, что Артемида.
[6] *Гименей* (римск. миф.) – бог брака, сын Аполлона и одной из муз.
[7] *Эрот* (греч. миф.) – бог любви.
[8] *Самоис* – река под Троей, приток Скамандра.

РОЖДЕНИЕ АРФЫ

(Из Мура)

Автограф: Альб. III. Л. 83–83 об., без посвящения.

Впервые: *Гал.* 1839. Ч. 1. № 2. С. 105–106. В публикации посвящено первой жене поэта Елизавете Александровне (рожд. Рогановской).

Переложение стихотворения Т. Мура “The origin of the harp” (“Происхождение арфы”) из III тетради “Ирландских мелодий”. Это стихотворение переводили также: К. Павлова (*Москв.*, 1841), Е. Шахова (*Совр.* 1844) и др.

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

Автограф: Альб. III. Л. 83 об.–84. Помета Ознобишина: “В Моск. альм.”.

Печатается впервые.

“ЕСТЬ КРАЙ ПОЛНОЧНЫЙ ВЬЮГ И БУРЬ...”

Автограф: Альб. III. Л. 84 об.–85.

Впервые: *Москв.* 1841. Ч. III. № 5. С. 235–236. Подпись: *Ознобишин.*

Печатается по тексту журнала.

Присоединено к статье о бракосочетании наследника престола: “Помещаем здесь кстати стихи, полученные нами и имеющие отношение своим заключением к общему празднеству”.

“В КАКУЮ Б МИНУТУ ХУДОЖНИК ИСКУСНЫЙ...”

Автограф: Альб. III. Л. 85 об.–86.

Печатается впервые.

Посвящено младшей племяннице поэта Александре Ивановне Базилевской, в замужестве Дубельт, жене Николая Леонтьевича Дубельта. Заглавие, написанное карандашом: “Александрине Базилевской”.

РЫБАКИ

Автограф: Альб. III. Л. 88–88 об.

Впервые: *МН.* 1837. Ч. 14. Кн. 1. С. 96–97.

ШВЕДСКИЕ ПЕСНИ

I. ИСПОВЕДЬ

Автограф: Альб. III. Л. 89–90.

Впервые: *МН.* 1835. Ч. 2. № 5. С. 230.

Перевод баллады “Herr Peders Shriftermal” из сборника шведских народных песен Е.-Г. Гейера и А.-А. Афцелиуса “Svenska Folkvisor”. Стокгольм, 1816. Т. 2.

Эпиграф – первая строка этой баллады.

Одобрительный отзыв Я.Н. Неверова см.: *ЖМНП.* 1836. № 6. С. 616.

II. ДВЕ СЕСТРЫ

Автограф: Альб. III. Л. 91–93.

Впервые: *МН*. 1835. Ч. 2. № 5. С. 235.

Перевод баллады “De Tva Systarne” из сборника Е.-Г. Гейера и А.-А. Афцелиуса “Svenska Folkvisor”. Т. 2.

Эпиграф – первые строки баллады.

III. БИТВА В ДУБРАВЕ

Автограф: Альб. III. Л. 94–95.

Впервые: *МН*. 1836. Ч. 9. Кн. 2. С. 239.

Перевод баллады “Ung Hillerstrom” (“Молодой Хиллерстрём”) из сборника шведских народных песен Е.-Г. Гейера и А.-А. Афцелиуса “Svenska Folkvisor”. Т. 2.

Эпиграф – первые строки этой баллады.

IV. ЗЛОЙ БРАТ

Автограф: Альб. III. Л. 95 об.–96.

Впервые: *МН*. 1835. Ч. 2. № 5. С. 233.

Перевод баллады “Den Grymma Brodern” из сборника Е.-Г. Гейера и А.-А. Афцелиуса “Svenska Folkvisor”. Т. 2.

Эпиграф – первые строки баллады.

ОТРЫВОК ИЗ ЮЛИИ И РОМЕО,
трагедии Шекспира

Автограф: Альб. III. Л. 96–97 об.

Печатается впервые.

Перевод фрагмента трагедии Шекспира “Ромео и Джульетта”.

Увлечение Шекспиром в России началось в 20-е годы XIX в. Популяризацией английского драматурга занимались “Московский вестник”, “Московский телеграф” и другие журналы романтического направления. Культ Шекспира царил в Московском университетском благородном пансионе. Восторженную

оценку Шекспира находим у В.К. Кюхельбекера – автора статьи о принципах перевода драм Шекспира (см.: *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. С. 155, 193, 245, 307, 405). "Гамлет" в переводе М. Вронченко (1828) положил начало стихотворным переводам пьес Шекспира с оригинала. Максимально приближенный к оригиналу, высоко оцененный в критике, перевод этот, однако, не удовлетворил Кюхельбекера, который 17 апреля 1834 г. записал в "Дневнике": "Где у Вронченки... сила и свобода Шекспировы? Все у него связано, все приневолено, везде виден труд, везде русский язык изнасильствован" (с. 306).

[1] *Все говорят, что с гнусной жабой он /Сменял глаза...* – По народному поверью, жаворонок отдал жабе свои прекрасные глаза в обмен на ее маленькие, тусклые глазки. Джульетта хотела бы слышать голос не жаворонка, а жабы, что означало бы, что сейчас вечер, а не утро.

ВОРОНОЙ КОНЬ

(Новогреческая песнь)

Автограф: Альб. III. Л. 98–100.

Впервые: *ОЗ*. 1839. Т. 5. № 9. Сентябрь. Отд. III. С. 251–253.

По-видимому, источником стихотворения послужила песня "Похищение" из третьего раздела (Эротические песни) книги "Песни разных поэтов, героические, клефтические, любовные и вакхические с антивакхическими", изданной в 1837 г. в Навплии на греческом языке.

ПОКРОВ

(Из Гюго)

Автограф: Альб. III. Л. 100 об.–101.

Впервые: *Гал*. 1839. Ч. 5. № 36. С. 73–75. Подпись: *О*.

Перевод стихотворения из сборника "Les orientales" ("Восточные мотивы", 1829) В. Гюго. Эпиграф – из трагедии Шекспира "Отелло".

ГРЕЧАНКА

Автограф: Альб. III. Л. 101 об.–102.
Печатается впервые.

СЕРДЕЧНОЕ ГОРЕ

(Песнь простонародная)

Автограф: Альб. III. Л. 102 об.–103 об.
Печатается впервые.

ТУРЕЦКИЙ КИНЖАЛ

Автографы: Альб. III. Л. 104–104 об. и на отдельном листе (без даты) – *ИРЛИ*. Ф. 213. № 17. Л. 49–50.

Впервые: Северная лира на 1827 год. М., 1984. С. 265–266 (в статье Т.М. Гольц).

В стихотворении использованы образы и лексика предшественника Ознобишина – М.Ю. Лермонтова, хотя и не соблюден его стихотворный размер. Здесь тоже рассказана история булатного кинжала с надписью из Корана, который, как и у Лермонтова, “слезою облит был”, “безнадежной, безотрадной”, “слезою любви”. Образ вероломной “турчанки молодой”, по-видимому, иносказание.

[1] *Эвлис* (Эблис; правильнее: Иблис) – дух зла в Коране, дьявол.

СТАРЫЙ ХОЛОСТЯК

(Песнь эстонская)

Автографы: Альб. III. Л. 105–105 об. и на отдельном листе (без даты) – *ИРЛИ*. Ф. 213. № 17. Л. 50.

Впервые: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. С. 202–203.

Переложение эстонской народной песни.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Автограф: Альб. III. Л. 106–106 об.

Впервые: *ОЗ*. 1840. Т. XIII. № 12. Декабрь. Отд. III. С. 223. Разночтение в последнем стихе: “Рассею козни я врагов моих, как дым”.

Стихотворение в значительной мере представляет собой поэтическое переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина ("Господи и Владыко живота моего..."). Ср. аналогичное переложение А.С. Пушкина в стихотворении "Отцы пустынники и жены непорочны..." (1836).

[1] *...этот одр уже ль мне гробом будет...* – Отзвук другой вечерней молитвы (Св. Иоанна Дамаскина): "...неужели мне одр сей гроб будет..."

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДОЧКА

Автограф: Альб. III. Л. 107–108.
Печатается впервые.

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Автограф: Альб. III. Л. 108 об.–109.
Впервые: *Москв.* 1841. Ч. 2. № 4. С. 324–325. Подпись: *Познобишин.*

КАВКАЗСКАЯ НОЧЬ

Автограф: Альб. III. Л. 109 об.–110.
Впервые: *Гал.* 1840. № 12. С. 206.

КИСЛОВОДСК

Автограф: Альб. III. Л. 110 об.–112.
Впервые: *ОЗ.* 1840. Т. IX. Март. № 3. Отд. III. С. 80–81.

[1] *Нардзан* (Нарзан) – источник минеральной воды в Кисловодске (от туземного: *нарт* – богатырь и *сан* – колодец).

[2] *Одалыка* – одалиска, от турецкого odalik, прислужница в гареме.

[3] *Хаджа* – мусульманин, совершивший паломничество в Мекку – священный город мусульман.

ПЯТИГОРСК

Автограф: Альб. III. Л. 112 об.
Впервые: *ОЗ*. 1840. Т. X. № 6. Июнь. Отд. III. С. 281.
Включалось во все издания хрестоматий Н.В. Гербеля.

ТОСКА ПО ОТЧИЗНЕ

Автограф: Альб. III. Л. 113–113 об.
Впервые: *Гал*. 1840. № 1. С. 1.

ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ПОТОЦКОМУ

(Записка)

Автограф: Альб. III. Л. 114–114 об.
Впервые: *Гал*. 1840. № 5. С. 85 без подзаголовка. Разночтения в ст. 2, 9, 23 и 32.

[1] *Потоцкий* Петр Алексеевич – лицо не установлено.

УВАРОВИТ

Автограф: Альб. III. Л. 115–115 об.
Печатается впервые.

[1] *Уваровит* – редкий минерал группы гранатов изумрудно-зеленой окраски. Встречается обычно в виде друз мелких кристалликов. Назван в честь Сергея Сергеевича *Уварова* (1786–1855) – государственного деятеля, литератора, одного из основателей литературного общества "Арзамас" (1815–1818). С 1818 г. – президент Академии наук; с марта 1833 г. – управляющий Министерством народного просвещения, с 1834 г. – министр, положивший в основу политики просвещения "теорию официальной народности" (православие, самодержавие и народность). Председатель Главного управления цензуры. С 1846 г. – граф. П.А. Вяземский остро подмечал отрицательные черты Уварова: суетность и легкомыслие (*Вяземский П.А*. Записные книжки. 1813–1848. М., 1963. С. 282).

А.В. Никитенко, считая его "лучшим из министров", говоря о его европейской образованности и обширных познаниях, жалеет о том, что "этому человеку не дано одной силы – силы нравственной воли..." (*Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. [Л.], 1955. Т. 1. С. 117, 165, 267). В 1838 г. по ходатайству В.А. Жуковского, вопреки запрещению цензора, разрешил напечатать "Песню про купца Калашникова", но без имени автора; уже после смерти Лермонтова разрешил к печати отрывки из "Демона". Уваров известен также сложными отношениями с А.С. Пушкиным, кончившимися тайным недоброжелательством и враждой.

АЛЬПИЙСКИЙ ЕГЕРЬ

Автограф: Альб. III. Л. 118–118 об.
Впервые: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. С. 193.

ПРУД ЗАМЕРЗ

(Ezeras uz' sjabo)
Литовская песня

Автограф: Альб. III. Л. 119–119 об.
Печатается впервые.

[1] *Лайма*, Лайме (литовск.: laima, laime – "счастье"). – В восточно-балтийской мифологии богиня счастья и судьбы; относится к небесным богам, связана с солнцем.

КАВКАЗСКОЕ УТРО

Автограф: Альб. III. Л. 120–120 об.

Впервые: *ОЗ*. 1840. № 4. Апрель. Отд. III. С. 151–152. Разночтения в ст. 11, 12 и последнем.

[1] *Раины* – пирамидальные тополя.

[2] *Чепрак* – ковровая подстилка под конское седло.

[3] *Падишах* – титул монарха в восточных странах.

ПРОСТИ, ПЯТИГОРСК

Автограф: Альб. III. Л. 121–121 об.
Впервые: *Гал.* 1839. Ч. 6. № 51. С. 429–430.

"ТЕБЯ Я УВИДЕЛ И ДИВНЫМ МГНОВЕНЬЕМ..."

Автограф: Альб. III. Л. 122.
Печатается впервые.

АДМИРАЛ

Автографы: Альб. III. Л. 122 об.–126 об.; *ИРЛИ.* Ф. 213. № 5. Л. 60–61 об. (не полностью).

Печатается впервые.

Стихотворение посвящено Христофору Колумбу, легендарному португальскому мореплавателю. Первая экспедиция (1492–1493) под его руководством в составе 90 человек на судах "Санта-Мария", "Пинта", "Нинья" вышла из Палоса 3 августа 1492 г., от Кокорских островов повернула на запад, пересекла Атлантический океан и достигла о. Сан-Сальвадор в Багамском архипелаге, где Колумб высадился 12 октября 1492 г. (дата открытия Америки). 14–24 октября посетил ряд других Багамских островов, а 28 октября – 5 декабря открыл и обследовал участок северо-восточного побережья Кубы. 6 декабря Колумб достиг о. Гаити и двинулся вдоль его северного берега. В ночь на 25 декабря флагманский корабль "Санта-Мария" сел на риф, но люди спаслись. На корабле "Нинья" 4–16 января 1493 г. Колумб завершил обследование северного берега Гаити и 15 марта вернулся в Кастилию.

Вторая экспедиция (1493–1496), которую Колумб возглавил в чине адмирала и в должности вице-короля вновь открытых земель, состояла из 17 судов с экипажем более 1,5 тыс. человек. 3 ноября 1493 г. Колумб открыл острова Доминика и Гваделупа; повернув на северо-запад, достиг Антильских островов, в том числе Антиза и Виргинские, а 19 ноября о. Пуэрто-Рико и подошел к северному берегу Гаити.

Судьба Колумба вызвала интерес В.Ф. Одоевского (см.: *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. Л., 1975. С. 12, 15, 219, 308). Он писал:

“В начале XIX века Шеллинг был тем же, чем Христофор Колумб в XV; он открыл человеку неизвестную часть его мира, о которой существовали только какие-то баснословные предания, – *его душу*! Как Христофор Колумб, он нашел не то, чего искал; как Христофор Колумб он возбудил надежды неисполнимые. Но, как Христофор Колумб, он дал новое направление деятельности человека! Все бросились в эту чудную роскошную страну...” (С. 15–16).

Стихотворением “Христофор Колумб с приятелями” в печати дебютировал в 1845 г. И. Аксаков (*Моск.* № 2).

[1] *Павия* – город на севере Италии.

[2] *Птоломей* Клавдий (II в. н.э.) – древнегреч. астроном, математик и географ, создатель Птоломеевой системы, согласно которой земля неподвижна и вокруг нее вращается 7 планет. До конца средних веков сочинения Птоломея служили единственным источником астрономических знаний.

[3] *Атлантида* – по мнению древних – мифический материк к западу от Африки.

[4] *Фула* – самая дальняя земля в Атлантическом океане; может быть Исландия, Фарерские острова или Норвегия.

[5] ...в *островах Азора*... – Азорские острова в Атлантическом океане.

[6] *Предстал он к Трону Иоанна*... – Обдумав план морской экспедиции, Колумб обратился к португальскому королю Иоанну II, который ходатайство его отклонил.

[7] *Не ты, другой ему названье дал!* – До конца жизни Колумб был убежден, что открытые им земли принадлежат Азии. Тем временем Америго Веспуччи составил описание “Нового Света”, который и был назван Америкой.

[8] *Фердинанд V* – король Арагонии и Кастилии (1452–1516), в 1469 г. женился на Изабелле, королеве Кастилии, покровительствовавшей Колумбу.

[9] *На острове, где скрыт твой прах забытый*... – Колумб был похоронен в Валльядолиде, потом его останки были перенесены в монастырь близ Севильи и еще позже перевезены в Сан-Доминго. В 1673 г. собор, где покоился прах Колумба, был разрушен землетрясением. В 1795 г., когда о. Гаити был уступлен Франции, испанский адмирал приказал перевезти останки Колумба в Гавану, где они и были с почестями помещены в местном соборе. Но сан-домингцы уверяли, будто гроб с те-

лом Христофора Колумба по-прежнему находится в их соборе, а в Гавану перевезены останки его сына.

НАРДЗАН

(*Кавказская легенда*)

Автографы: Альб. III. Л. 127–129 и на отдельном листе (*ИРЛИ*. Ф. 213. № 10. Л. 42–43 об.). Разночтения в ст. 27, 50, 70 и 75.

Впервые: *Москв*. 1841. Ч. 5. № 9. С. 3–6. Подпись: *Ознобишин*. Разночтения в ст. 27, 50, 70 и 75.

[1] *Джиннистан* – страна злых духов, джиннов-демонов.

КЮВЬЕ

Автограф: Альб. III. Л. 129 об.–130.

Впервые: *ОЗ*. 1842. № 2. Февраль. Отд. 1. С. 254.

Перепечатано: Сборник стихотворений русских поэтов для юношества. М., 1867. С. 500–501.

Вошло также в другие хрестоматии.

В своей рецензии на перевод Ознобишина повести в стихах "Аксель" И. Тегнера М.Л. Михайлов отрицательно отозвался о стихотворении "Кювье": «Мы сами учили наизусть стихи о Кювье и о том, как –

"Таинственный, безмолвный и великий
Был край, куда он, смелый, нисходил..."

Стихи нам казались очень поэтическими, и мы не смущались тем, что г. Ознобишин не силен в палеонтологии, и перемешал в поэтическом беспорядке геологические периоды. Отчего в самом деле в мире фантазии человеку и не "парить главой" над разными птеродактилями и игуанодонами? Люди фантазируют и в науке; так как же не пофантазировать в поэзии? Выучивши наизусть "Кювье" г. Ознобишина, мы так и решили, что он поэт хоть куда, то есть пишет стихи гладкие, звучные и с достаточным присутствием смысла. Насчет смысла мы впоследствии несколько разочаровались, когда, после нескольких лет молчания г. Ознобишин из того мира, "где мамонт жил, дракон и кракен злой",

перенес свои поэтические симпатии на современную историю, и в приснопамятные дни Крымской войны вздумал быть одним из воинственных Тиртеев, предводимых в храм бессмертия г. Аполлоном Майковым. Многие имена вынырнули тогда на свет Божий из реки забвения, чтобы вновь погрузиться в нее с большею тяжестью... Но г. Ознобишина, после последних его гражданских, или, лучше сказать, военных опытов, мы вписали в поэтический синодик наш...

"И, хрестоматией возвышен,
В одной с Державиным семье,
Не воспоет уж Ознобишин
Ни русской славы, ни Кювье"».

(Современник. 1861. Т. 88. № 8. С. 309–310). Полемическая заостренность отзыва в значительной мере объясняется неприятием поэтом-демократом Михайловым "военных опытов" – патриотических стихотворений Ознобишина, посвященных Крымской войне.

[1] *Кювье* Жорж (1769–1832) – французский натуралист, основоположник сравнительной анатомии и палеонтологии.

КАВКАЗСКИЙ ПОЛДЕНЬ И БУРЯ

Автограф: Альб. Ш. Л. 130 об.–131 об. Дата в автографе исправлена: возможно, ранее было 1840 или 1841.

Впервые: *Москв.* 1846. Ч. 1. № 1. С. 72–74. Разночтение в ст. 39.

В ст. 11–12, возможно, – намек на смерть М.Ю. Лермонтова.

МАШУКА И КАЗБЕК

Автограф: Альб. Ш. Л. 132–133.

Впервые: *Москв.* 1841. Ч. 4. № 8. С. 288–289. Разночтения в ст. 1, 12, 15. Подпись: *Ознобишин.*

[1] *Машука* (Машук) – гора в окрестностях Пятигорска.

[2] *Бештау* – гора в окрестностях Пятигорска.

МУЧЕНИК ЛЮБВИ

Автографы: Альб. I. Л. 123 об.; Альб. II. Л. 8 (заглавие: "Мученик людей" и 5 строф вместо 4-х); Альб. III. Л. 133 об.

Печатается впервые.

ЗЮЛЕЙКА

Автографы: Альб. II. Л. 16 об.–17; Альб. III. Л. 134–135.

Печатается впервые.

В "Молве" 1831 г. (Ц. р. 9 июня. № 23. С. 1) помещена прозаическая программа (или подстрочный перевод) этого стихотворения:

"Дремлет одинокая пальма у волн голубого Босфора; не шепчет ветерок в ее зеленых локонах; горит под нею лампадою звезда вечерняя. Все вокруг нее тихо, как в смиренной келье дервиша. Туда, *Зюлейка*, туда, милая дева!

Оставь другим одалискам пышные одежды! Украсит ли милое лицо твое чалма Османлиса? К чему сии душистые четки? Одно, одно покрывало пусть обоймет гибкий стан твой легким облаком, тебя, прелестная Пери, под шатром восточного неба.

Говорят; в чаше Джемшида все удовольствия жизни; бесценны рубины Бадашкана; Суристанские розы так душисты! Но твои ланиты, милая дева! твои уста, о *Зюлейка*! твои горящие поцелуи... Соловей позабыл бы о розе.

Саганлугская серна прекрасна; ее, легкую, держит снег серебристый; ее очи, и быстры, и черны; но прекрасней ты, серна Босфора! Стан твой гибче и легче; а очи... очи! – звездочка ярко играет так в лазуревом пологе неба.

Зашумела прибрежная пальма; серебристой бахромой стелются голубые волны Босфора; белеют в утреннем тумане Ионийские горы; запел соловей в Кипарисовой роще; а тебя все нет, о *Зюлейка*! Тебя нет, милое перло Гарема!"

[1] *Джемшид* – легендарный царь древнего Ирана, живший 2000 лет.

[2] *Саганлук* (Саганлуг) – Саганлугский хребет в Закавказье.

СИРОТА

(*Sirrata*)

Литовская песня

Автограф: Альб. III. Л. 135 об.–136.
Печатается впервые.

УМИРАЮЩИЙ ВСАДНИК

(*Богемская песнь*)

Автограф: Альб. III. Л. 136 об.–137 об.
Печатается впервые.

ГОНДОЛЬЕР

(*Венецианская баркарола*)

Автограф: Альб. III. Л. 138–140.
Впервые: *ОЗ*. 1841. Т. XV. № 4. Апрель. Отд. III. С. 259–261.

Перевод стихотворения франц. поэта К. Делавиня (1793–1843) "Le gondolier" ("Conduis-moi beau gondolier"). Более широкую известность приобрел перевод этой "баркаролы", выполненный Ф.А. Кони (см.: *Бобров Е.* Заметки по истории русской литературы, просвещения и культуры // Варшавские университетские известия. 1912. № 9. С. 48–52).

[1] *Риальто* – здесь: селение близ Венеции.

К***

(*"Друг милый! над моей могилой не рыдай..."*)

Автограф: Альб. III. Л. 140 об.–141.
Впервые: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. С. 192.

ГОРНЫЙ ДУХ

(*Ирландская мелодия Мура*)

Автографы: Альб. I. Л. 52–52 об.; Альб. III. Л. 140 об. – 141.

Впервые: *Мур Т.* Избранное. М., 1986. С. 473–474 (по Альб. I).

Источник – стихотворение "The Mountain spirit" из IX тетради "Iris Melodies".

ДРИАДА

(*Из Парни*)

Автограф: Альб. I. Л. 51–51 об.; Альб. III. Л. 142 об.–143.

Печатается впервые.

[1] *Эвр* – теплый юго-восточный ветер.

ДВЕ МОГИЛЫ

Автографы: Альб. III. Л. 143 об. –144 об.

Впервые: Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 2. С. 104–105.

В стихотворении подразумевается А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов. Ознобишин посылал это стихотворение знакомому литератору С. Комсину, который показал его А. Краевскому. Последний просил отдать "Две могилы" в "Отечественные записки" (Письмо Комсина к Ознобишину от 23 янв. 1842 г. // *ИРЛИ*. Ф. 213. № 127. Л. 2 об.). Стихотворение осталось ненапечатанным, возможно, по цензурным причинам.

[1] *Как громил клеветников!* – Подразумевается стихотворение Пушкина "Клеветникам России" (1831).

[2] *То у Каспия седого // Он подсматривал дары* (и далее)… – В ст. 39–47 речь идет о следующих произведениях Лермонтова: "Дары Терека", "Песня про… купца Калашникова", "Мцыри", "Три пальмы", "Ребенку", "Последнее новоселье", "Молитва" ("Я, Матерь Божия, ныне с молитвою…"). "Последнее новоселье" Ознобишин в 1843 г. перевел на французский язык (автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 13. Л. 10–15). Заглавие: "Le dermier".

ДЕВИЦА И РЫБКА

(*Песнь сербская*)

Автограф: Альб. III. Л. 145.

Печатается впервые.

Наряду с А.Х. Востоковым, Ознопшбин – один из первых переводчиков сербских песен из сборника В.С. Караджича (1787–1864). Десять песен, переведенных Ознобишиным, опубликовал В.К. Петухов (*Петухов В.К.* Д.П. Ознобишин как переводчик сербских народных песен // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 50–55).

УМИРАЮЩИЙ КЛЕФТ

(*Песнь новогреческая*)

Автограф: Альб. III. Л. 145 об.–146.

Впервые: *ОЗ*. 1842. Т. XXI. № 3. Март. Отд. 1. С. 69.

Перевод песни из второго раздела (Клефтические песни) книги "Песни разных поэтов..." (1837). Ранее эта песня была переведена Н.И. Гнедичем (1824) по изданию Клода Форнеля "Народные песни современных греков" (т. 1. 1824, греч. текст с параллельным франц. переводом; опубликована в альманахе "Северные цветы на 1825 год". С. 266).

[1] *Клефты* – вольнолюбивые греки, которые, не подчинившись власти турок-поработителей, ушли в горы и образовали там независимые общины; участвовали в борьбе за освобождение Греции в 20-х годах XIX в.

МУРИЛЬО

Автограф: Альб. III. Л. 146 об.–147.

Впервые: *Москв*. 1845. Ч. 6. № 11. С. 107.

[1] *Мурильо* Бартоломе Эстебан (1617–1682) – испанский живописец, произведения которого, большей частью религиозного содержания, замечательны по рисунку, колориту и композиции, по выразительности фигур и лиц. В наследии Мурильо

особенно знамениты изображения Богоматери в виде отроковицы, парящей в воздухе, среди облаков и в окружении ликующих ангелочков. Несколько таких "мадонн" имеет в своем собрании Эрмитаж в Санкт-Петербурге. Одну из них особенно любил А.С. Грибоедов, что нашло отражение в его переписке. Оттуда же, вероятно, вынес свои впечатления и Д.П. Ознобишин.

ПЛОДЫ

(*Подражание Петронию*)

Автограф: Альб. Ш. Л. 147 об.
Печатается впервые.

[1] *Петроний* (Гай Петроний Арбитр, ум. 66 г. н.э.) – римский писатель-сатирик. При дворе Нерона назван "арбитром изящества" (История римской литературы. М., 1962. Т. 2).

УФА

(*посвящено И.Д. Талызину*)

Автограф: Альб. Ш. Л. 148–150.
Печатается впервые.

[1] *Галызин* Иван Дмитриевич (1799–1844) – тобольский гражданский губернатор (1839–1840); адъютант А.П. Ермолова.
[2] *Ясак* – подать натурой, главным образом мехами, платимая "инородцами" русскому правительству.
[3] *Моэт* – марка шампанского.
[4] *Бантышев* Александр Олимпиевич (1804–1860) – оперный певец-тенор. Начав хористом в частном хоре, он при содействии А.Н. Верстовского был принят на сцену Большого театра в Москве, где выступал с успехом в течение 25 лет. Лучшая его роль – Торопка из "Аскольдовой могилы" (первый исполнитель). Талант Бантышева высоко ценили А.А. Алябьев, А.Е. Варламов; современники называли его "московским соловьем". Бантышев был также автором нескольких романсов и песен.

ЛОКОН

(*Песнь новогреческая*)

Автограф: Альб. III. Л. 150 об.–152.
Печатается впервые.

МАТЬ И ДОЧЬ

Легенда

Автограф: Альб. III. Л. 152–154 об.; *ИРЛИ*. Ф. 213. № 8. Л. 30–33.
Впервые: *Москв.*, 1845. Ч. 5. Кн. 10. С. 211–213.

[1] *Осанна*! (иврит: спасение) – возглас, которым встречали Спасителя при въезде его в Иерусалим. Употребляется как хвалебный возглас в христианском и иудейском богослужении.

ЧЕРКЕШЕНКА

Автографы: Альб. I. Л. 45 об.–46 (дата: 1827. Генварь 31); Альб. III. Л. 155–155 об.
Печатается впервые.
Вариант автографа Альб. I:

5–12 Очи светлые, живые
Ярче молнии блестят,
Косы черные, густые
Расстилаются до пят,
На устах цвет розы пышет,
Нет, огонь в устах у ней!
Музыкой небесной дышит
Звук восторженных речей!

ВИДЕНЬЕ

(*Из Парни*)

Автограф: Альб. III. Л. 156–157.
Печатается впервые.

[1] *Котурны* – обувь древних греков и римлян, позволяющая выглядеть выше ростом.

ПЕСНЬ ЗЕЛИКИ

(*Из Мура*)

Автограф: Альб. III. Л. 157 об.

Печатается впервые.

Этот же "романс" из первой вставной поэмы в "Лалле Рук" под заглавием "Из поэмы Лалла Рук" был напечатан И.И. Козловым в 1823 г. ("Новости литературы". № 5). Перевод Ознобишина ближе к оригиналу и лаконичнее.

О русских переводах Т. Мура см.: *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века. М., 1982. С. 683–685, 781, 799). В исследовании М.П. Алексеева этот перевод Ознобишина не учтен.

ОКСАЙСКАЯ СТАНИЦА

Автографы: Альб. III. Л. 158–159 об. и на отдельном листе (*ИРЛИ*. Ф. 213. № 11. Л. 56).

Впервые: *ОЗ*. 1841. Т. XVII. № 7. Июль. Отд. III. С. 156–157.

[1] *И я по тебе плыл, воинственный Дон...* – Ознобишин бывал на Дону у своего двоюродного брата М.Г. Хомутова, генерала от кавалерии, с 1849 г. наказного атамана Войска Донского. На Дону Хомутов значительно расширил курс преподавания в новочеркасской гимназии, уравняв ее в правах с губернскими гимназиями и учредив при ней отделение восточных языков; соорудил Оксайско-Ольгинскую дамбу, чем установил безостановочное сообщение с Задонским краем и Кавказом, построил в Новочеркасске несколько общественных зданий, разбил городской сад, устроил водопровод, мощеные улицы. Все эти работы производились на им же скопленный войсковой капитал.

[2] *Народов полсвета водитель...* – Наполеон I.

[3] *И в Сене удалых коней напоил!..* – Донские казаки наказного атамана М.И. Платова сыграли важную роль в кампании 1812 г., и особенно во время преследования отступавшего из России противника.

К КАРТИНЕ ТЫРАНОВА, ИЗОБРАЖАЮЩЕЙ КУПАЮЩУЮСЯ СУСАННУ

Автограф: Альб. III. Л. 160–160 об.
Впервые: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. С. 208.

[1] *Тыранов* Алексей Васильевич (1808–1859) – русский живописец. Обучался живописи у А.Г. Венецианова. По приезде в Петербург К.П. Брюллова, поступил к нему в ученики. В 1839 г. получил звание академика и поехал в Рим, где написал несколько полотен. Возможно, в стихотворении речь идет о картине Тыранова "Девушка, выжимающая из волос воду".

[2] *Сусанна* (Дан. XIII) – красивая и богобоязненная иудеянка, жена Иоакима, была оклеветана старейшинами в нарушении супружеской верности. Оправдана и спасена от смертного приговора по указанию Божию юношей Даниилом.

По-видимому, Тыранов писал Сусанну с итальянки-натурщицы. Несчастная любовь к ней стала причиной тяжелого душевного недуга художника.

ПИСЬМО

Автограф: Альб. III. Л. 160–160 об.

Впервые: *Москв.* 1846. Ч. 2. № 3. С. 8; подпись: *Чентифолио* (итал.: столистник). Разночтение в ст. 58: Под белой шляпкою и так к лицу одета.

Подражание элегии III ("O lignes que sa main, que son coeur a tracees!") А. Шенье. "Замечательную интерпретацию элегии III французского поэта дает в 1840-х гг. Д.П. Ознобишин ("Письмо"): точно следуя сюжетной канве оригинала, он с легкостью вышивает по ней узор, полный деталей иной, русской жизни" (*Гречаная Е.П.* Андре Шенье в России // Шенье А. Сочинения. 1819 / Изд. подгот. Е.П. Гречаная. М., 1995. С. 459. "Литературные памятники").

Обращено к первой жене поэта Елизавете Александровне (рожд. Рогановской).

[1] *Кивот,* киот – поставец для икон.

[2] *Виртовский рояль…* – Вирт – известный в России фабрикант, изготовитель роялей.

[3] *Варламов* Александр Егорович (1801–1848) – русский композитор, автор романсов и песен.
[4] ...*Титова песнь...* – Из династии композиторов и музыкантов Титовых, скорее всего, имеется в виду Николай Алексеевич Титов (1800–1875), пользовавшийся большой популярностью в первой половине XIX в., “дедушка русского романса”.
[5] *Кипсеки* – альбомы со стихами и иллюстрациями.
[6] *Блонды* – шелковые кружева.
[7] *Ланнеровы звуки...* – Ланнер Йозеф (1801–1843), австрийский композитор и дирижер, один из создателей венских вальсов.
[8] *Сильфиды* (миф.), сильфы – фантастические духи женского и мужского пола, всегда готовые услужить людям.

К ГРУППЕ ЮПИТЕРА, ПОХИЩАЮЩЕГО ЕВРОПУ

(*Из Шенье*)

Автограф: Альб. III. Л. 163–163 об.

Печатается впервые.

Перевод стихотворения Андре Шенье (1762–1794); известно в переводах Б. Алмазова, С. Хмельницкого. Сюжет “Похищение Европы” был излюбленной темой античной вазовой и настенной живописи.

В рукописи предварено прозаическим фрагментом: «Нимфы и сатиры поют за вечернею трапезой в гроте, который следует изобразить очень романтичным, живописным, великолепным. Они пьют и едят из резных чаш. Каждый воспевает то, что изображено на его чаше, один – “Пришелец, это бык..., другой поет о Пасифае, остальные – о том-то и том-то...»

Стихотворение восходит к эллинистическому жанру экфрасиса – описанию различных предметов искусства (чаш, статуй, картин), а также изображенных на них сценок или сюжетов. Экфрасис тесно связан с эпиграммой. Такого рода стихотворений много в “Палатинской антологии”. (См.: *Шенье А.* Сочинения. 1819. С. 528).

[1] *Юпитер* (рим.; греч.: Зевс) – царь богов; бог неба, грома и молнии. Обратившись в белоснежного быка, похитил красавицу Европу, дочь правителя финикийского города Сидона.

[2] *Амфитрита* (греч.) – дочь морского вещего старца Нерея, супруга Посейдона, бога морей.
[3] *Сидон* – финикийский город.

ОБНАРУЖЕННАЯ ТАЙНА

(*Из Шамиссо*)

Автограф: Альб. Ш. Л. 164.

Впервые: *Совр.* 1847. № 7. Отд. 1. С. 194.

Перевод новогреческой песни с немецкого перевода А. Шамиссо (1781–1838) “Verratene Liebe” (“Преданная любовь”). Это стихотворение в 1847 г. перевел М.Л. Михайлов, в 1850 г. прозой – Н.Ф. Щербина.

УМИРАЮЩАЯ МАТЬ

(*Южин Кернер*)

Автограф: Альб. Ш. Л. 164 об.

Печатается впервые.

Источником для перевода, возможно, послужила книга Кернера “Gedichte” (1826).

[1] *Кернер* Юстиний (1786–1862) – немецкий врач, философ-мистик и поэт-романтик “швабской школы”.

Это же стихотворение в 1871 г. перевел А.Н. Апухтин (с пометой: “с французского”).

УЖАСНЫЙ ЗВУК

(*Южин Кернер*)

Автограф: Альб. Ш. Л. 165.

Печатается впервые.

ТУДА

(*Н.Т.А-ву*)

Автограф: Альб. Ш. Л. 165 об.

Печатается впервые.

Обращено к другу поэта Николаю Тимофеевичу Аксакову (1797–1882), соседу по имению.

Первый стих – возможная реминисценция из И.-В. Гёте.

[1] *Инза* – река в Симбирской губ., бассейна Волги, правый приток Суры. На левом берегу р. Инзы находилось с. Репьевка, принадлежавшее Н.Т. Аксакову.
[2] *Астропея* (astrapaea dindi) – растение из семейства buttneriacae; немногие представители этого рода встречаются в Ост-Индии, на Мадагаскаре и на о. Бурбоне. Деревья с простыми листьями и изящными, красиво окрашенными цветами, собранными в зонтики. Наиболее известен ост-индский вид с широкими сердцевидными зубчатыми листьями, крупными прилистниками и ярко-красными цветами. Разводится в оранжереях; размножается отводками.
[3] *Пассифлора* (Passiflora) – растение семейства страстоцветных.
[4] *Фукция* (Fuchcia) – растение семейства кипрейных.
[5] *Рододендр* (Rhododendron) – растение семейства вересковых. Вечнозеленые или листопадные кустарники или небольшие деревья; декоративны.

БЕЗУМНЫЕ СТАРЦЫ

(*Карл Симрок*)

Автограф: Альб. III. Л. 166–168 об.
Печатается впервые.

[1] *Симрок* Карл Йозеф (1802–1876) – немецкий поэт и писатель.
[2] *Филемон и Бавкида* (греч. миф.) – благочестивая супружеская чета из Фригии. В награду за гостеприимство Зевс и Гермес исполнили их желание, дав им долголетие и возможность умереть одновременно. Возможно, содержание стихотворения Симрока отвечало душевному состоянию поэта, которых не хотел терять надежду на выздоровление жены.

ТРИ ЦВЕТКА НА ГРОБЕ

Автограф: Альб. III. Л. 169–171.

Печатается впервые.

Посвящено памяти первой жены Ознобишина Елизаветы Александровны Рогановской.

“Я ПОНЯЛ!.. НЕ БЬЕТСЯ ЛИШЬ СЕРДЦЕ В ОДНОЙ...”

(*Из Рюккерта*)

Автограф: Альб. III. Л. 171 об.
Печатается впервые.

[1] *Рюккерт* Фридрих 1788–1866) – немецкий поэт.

АЛЬБОМ IV

Неоконченный. Содержит стихотворения 1830–1870-х годов.

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

Автограф: Альб. IV. Л. 5.
Печатается впервые.
Переложение молитвы “Отче наш!”

ВИДЕНИЕ

(*Из Иова*)

Автограф: Альб. IV. Л. 5 об.
Печатается впервые.
Стихотворение на темы библейской “Книги Иова”.

НАЯДА

Автографы: Альб. IV. Л. 6–6 об.; *ИРЛИ*. Ф. 213. № 11. Л. 9 (1869 г.).
Печатается впервые по автографу Альб. IV.

Варианты автографа 1869 г.:

11 Младой орлицы лик у ней,
14–18 Виденьем утреннего сна

С златой, распущенной косою
Плывет! От взмаха нежных рук
Кипит сребром волна вокруг
И бьет фонтаном под ногою
20–24 Резвясь, красавица скользит.
По влаге, солнцем озаренной,
Как сильно бьется милой грудь.
Как в поцелуях к ней прильнуть
Поток стремится дерзновенный!

[1] *Наяда* (греч. миф.) – нимфа рек и источников.

[2] *Сафир* (сапфир) – драгоценный камень синего или голубого цвета.

ПОЛИНЕ ЛЕВИЦКОЙ

(Певице-примадонне, в опере "Фауст")

Автограф: Альб. IV. Л. 7.

Впервые: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. М., 1992. С. 250.

Печатается по автографу.

П.С. Левицкая в 1870 г. дебютировала в петербургском Мариинском театре, где впоследствии исполняла партии западноевропейского репертуара.

АДЕЛИНЕ ПАТТИ

Автографы: Альб. IV. Л. 7. об. с датой 1869 г. и на отдельном листе.

Вторая половина стихотворения, начиная с 13-го стиха, датируется 1875 г.

Впервые: Нива. 1875. № 9. С. 142.

Печатается по автографу в Альб. IV.

[1] *Патти* Аделина (1843–1919) – итал. певица (колоратурное сопрано). С 1859 г. пела на оперных сценах многих стран. В России гастролировала в 1869–1877 гг. Среди исполняемых ею партий: Розина ("Севильский цирюльник" Россини), Виолетта, Джильда ("Травиата", "Риголетто" Верди), Маргарита, Джульетта ("Фауст", "Ромео и Джульетта" Гуно). Ей же посвящено стихотворение "Залетный соловей".

[2] *Душенька Кановы* – произведение итальянского скульптора Антонио Кановы (1757–1822) “Амур и Психея” (1789); один из вариантов – в Эрмитаже.

ПОЧТОВЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК И ДОРОГА

Басня

Автографы: Альб. IV. Л. 8–9; *ИРЛИ*. Ф. 213. № 13. Л. 25–26; в письме Ознобишина к П.А. Вяземскому от 20 января 1867 г. (*РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2456. Л. 1–2).

Печатается впервые, по автографу из Альб. IV.

В автографе под заглавием приписано: “(написана во время Крымской войны)”.

К автографу в письме к Вяземскому были приложены тексты пяти стихотворений – “безделок моих”, которые “могут быть напечатаны, с разрешения цензуры: “Почтовый колокольчик и Дорога”, “Дети Франции”, “Мудреный суд”, “Николаевский мост” и “Случай”, если только, по мнению Вашему, они заслуживают печати” (л. 5).

Стихотворение посвящено теме дороги – одной из распространенных тем русской поэзии XIX в., и отражает события Крымской войны, которая выявила гибельный для России недостаток путей сообщения. Стихотворение написано, по-видимому, до второй бомбардировки Севастополя, начавшейся 28 марта (9 апреля) 1855 г. В конце года военные действия фактически прекратились. 18(30) марта 1856 г. был подписан Парижский договор, унизительный для России, значительно уступавшей западноевропейским странам в военной технике. Русский флот в основном состоял из устаревших парусных кораблей; армия была вооружена гладкоствольными кремневыми ружьями. А.В. Никитенко записал в своем дневнике 30 августа 1855 г.: “Боже мой, сколько жертв! Какое гибельное событие для России... Одного мановения безумной воли, опьяневшей от самовластья и высокомерия, достаточно было, чтобы с лица земли исчезло столько цветущих жизней, пролито столько крови и слез...” (*Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. Л., 1955. Т. 1. С. 418). Ф.И. Тютчев писал жене 17(29) сентября 1855 г.: “Для того, чтобы создать такое безвыходное положение, нужна бы-

ла чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и все упустил, умудрившись завязать борьбу при самых невозможных обстоятельствах" (*Тютчев Ф.И.* Сочинения. М., 1984. Т. 2. С. 239).

[1] *На Запад посмотри! ~ Оне железных рельс оделися в корсет...* – Интенсивное железнодорожное строительство на паровой тяге в основных европейских странах началось с 1830-х годов.

[2] *...к Северной столице // Из Белокаменной забыт твой пышный путь...* – Железная дорога (Николаевская) между Петербургом и Москвой сооружалась с 1843 по 1851 г.

ЧАСОВНЕ ЛЕТНЕГО САДА В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

4 апреля 1867

Автограф: Альб. IV. Л. 9 об.

Впервые: Лит. б-ка. 1867. Кн. 5–8. С. 3.

Печатается по тексту журнала.

4 апреля 1866 г. Дмитрий Владимирович Каракозов (1840–1866), член революционного кружка Н.А. Ишутина, стрелял в Летнем саду в Александра II. Спасителем императора был объявлен мастеровой Осип Иванович Комиссаров (1838–1892), перед выстрелом якобы ударивший стрелявшего под локоть. 11 апреля 1866 г. А.В. Никитенко записал в дневнике: "Был на том месте у Летнего сада, где произошло страшное покушение на жизнь государя. Там теперь стоит маленькая деревянная часовенка... Я подошел к ней. Толпы народа приходили и уходили, набожно крестясь на образа часовенки. Некоторые из посетителей клали деньги в кружку, и я положил туда мою убогую лепту" (*Никитенко А.В.* Дневник. Т. 3. С. 26). Каракозов был казнен 3 сентября 1866 г. Через год после покушения, 4 апреля 1867 г., у входа в Летний сад состоялось открытие часовни. Этому событию посвящено большое стихотворение Ознобишина.

ГРАФИНЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ТОЛСТОЙ, УРОЖДЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ

(*При посылке ей кваса*)

Автограф: Альб. IV. Л. 11; *ИРЛИ*. Ф. 213. № 17. Л. 36–37.

Печатается впервые, по автографу из Альб. IV.

Е.А. Толстая, урожденная Языкова, племянница Н.М. Языкова, дочь его брата Александра Михайловича. К ней же обращено и другое стихотворение Ознобишина – "Графиня! От меня куплета..."

[1] *Ипокрена* (греч. миф.) – источник поэтического вдохновения, бьющий на вершине горы Геликон, обиталища муз и Аполлона.

[2] *Камены* (римск. миф.) – богини-покровительницы искусств и наук, соответствующие музам греческой мифологии.

ЦЫГАНКА В ЦЕРКВИ

Автограф: Альб. IV. Л. 11 об.

Печатается впервые.

ЗАЛЕТНЫЙ СОЛОВЕЙ

Автограф: Альб. IV. Л. 12.

Печатается впервые.

[1] *Борей* (греч. миф.) – северный ветер.

[2] *Пальмира Севера* (Северная Пальмира) – одно из неофициальных наименований С.-Петербурга. *Пальмира* – древний город на территории теперешней Сирии, I–III вв. н.э. Развалины города, обнаруженные в XVII в., свидетельствуют о его великолепии и красоте.

[3] *Патти* – см. выше примеч. к стихотворению "Аделине Патти".

ИСТОЧНИК КИФАРА, ИЛИ ЧИСТЫЙ

Из Антологии

Автограф: Альб. IV. Л. 12 об.

Печатается впервые.

КОРИНФ
Из Антологии

Автограф: Альб. IV. Л. 13.
Печатается впервые.

[1] *Коринф* – город древней Греции на Коринфском перешейке; славился торговлей и искусствами.
[2] *Дорида* – гористая местность в древней Греции.
[3] *Нереиды* (греч. миф.) – нимфы моря.
[4] *Антипатр* (397–319 гг. до н.э.) – полководец Филиппа II и Александра Македонского, правитель Македонии.

SIC TRANSIT GLORIA MUNDI!

Автографы: Альб. IV. Л. 13 об.; *ИРЛИ*. Ф. 213. № 15. Л. 54–54 об.
Печатается впервые, по автографу из Альб. IV.

[1] *Геродот* (род. между 490 и 480 – ум. ок. 425 г. до н.э.) – древнегреческий историк.
[2] *Певица Лезбоса* – Сафо (Сапфо, конец VII–VI в. до н.э.) – древнегреческая поэтесса с острова Лесбос. По преданию, была безнадежно влюблена в Фаона; когда он переселился в Сицилию, покончила с собой, бросившись в море.
[3] *Луза* – один из шести мешочков под отверстиями у бортов бильярдного стола, куда падают шары.
[4] *Архонт* – высокое должностное лицо в древнегреческих городах-государствах.
[5] *Маркёр* – человек, прислуживающий игрокам на бильярде, ведущий счет в игре.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ ПСАЛМОВ

Автограф: Альб. IV. Л. 14–14 об.; *РГАЛИ*. Ф. 1121. Оп. 1. Ед. хр. 2 (без заглавия).
Впервые: *РС*. 1887. № 7. Июль. С. 143 (отд. XI).
Печатается по тексту журнала.

[1] *Филарет* (в миру Василий Михайлович Дроздов, 1782–1867). С 1825 г. – митрополит Московский. Был составителем акта о передаче престола Николаю I, Манифеста 19 февраля 1861 г. и др.; ректор Петербургской духовной академии; профессор философии, член Библейского общества. К нему с доверием относились люди разных взглядов: М.П. Погодин, А.Н. Муравьев, П.Я. Чаадаев, Ф.И. Тютчев. Играл значительную роль в жизни А.С. Пушкина, начиная с лицейских лет поэта; сам писал стихи. Известен обмен стихотворными посланиями Филарета с Пушкиным в 1830 г. – по поводу стихотворения Пушкина "Дар напрасный, дар случайный..." (см.: *Сушков Н.В.* Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868).

НАДПИСЬ...

Автограф: Альб. IV. Л. 15.
Печатается впервые.

[1] *Николай Александрович* – великий князь (1843–1865), старший сын Александра II; наследник престола.

[2] *Государыня Императрица* – Мария Федоровна (1847–1928), жена Александра III.

[3] *Константин Николаевич,* великий князь (1827–1892), сын Николая I генерал-адъютант. С 1862–1863 гг. – наместник Царства Польского; в 1865–1881 гг. – председатель Государственного совета.

1-го ИЮЛЯ 1868

(*На память милой Александре Ивановне Дубельт*)

Автографы: Альб. IV. Л. 15 об.
Печатается впервые.

[1] *Дубельт* (рожд. Базилевская) – Александра Ивановна, любимая племянница поэта, младшая дочь его сестры Варвары (1806–1892), жена Николая Леонтьевича Дублета. Принимала участие в воспитании дочери Д.П. Ознобишина Елизаветы (1863–1899), в замужестве Малевинской.

СПИРИТИЗМ

Автографы: Альб. IV. Л. 16–16 об.; на отдельном листе: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 46. Л. 56–57.

Печатается впервые, по автографу из Альб. IV.

[1] *Аксаков* Александр Николаевич (1832–1903) – публицист, переводчик, издатель. Племянник С.Т. Аксакова, сын близкого друга Д.П. Ознобишина Н.Т. Аксакова, пропагандист спиритизма в России. Совместно с В.И. Далем издал перевод книги Р. Гера “Опытные исследования о спиритуализме” (Лейпциг, 1866). Проявил интерес к учению шведского теософа-мистика Э. Сведенборга и перевел фрагменты его книги “О небесах, мире духов и об аде” (Лейпциг, 1863). Работы А.Н. Аксакова “Рационализм Сведенборга”, “Евангелие по Сведенборгу”, “Книга Бытия по Сведенборгу” (все – Лейпциг, 1870) привлекли внимание Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова. Вместе с Н.П. Вагнером и своим родственником А.М. Бутлеровым был инициатором и организатором медиумических сеансов, положивших начало большой полемики, в том числе с Д.М. Менделеевым. С 1874 г. Аксаков издавал в Лейпциге ежемесячный журнал “Psychische Studien”, посвященный исследованию малоизвестных явлений психической жизни.

[2] *Спиритизм* – распространившееся в 70–80-е годы XIX в. идеалистическое учение о господстве духа и возможности при помощи “столоверчения”, различных стуков, посредства “медиумов” – участников спиритического сеанса – общаться с душами умерших. Д.П. Ознобишин также посещал спиритические сеансы (см.: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 33. Л. 13–19).

[3] *Ньютон* Исаак (1642–1727) – великий английский физик, астроном и математик; открыл закон всемирного тяготения и основал механику как науку.

[4] *Гер Р.*. – автор немецкой книги о спиритизме.

[5] *Бель* (Бейль) Пьер (1647–1706) – французский публицист и философ, представитель Просвещения. Усомнился в возможности рационального обоснования религиозных догматов.

П.П. КОСАГОВСКОМУ

Автограф: Альб. IV. Л. 17.

Печатается впервые.

Первое спортивное состязание состоялось в Москве в 1885 г.

[1] *Косаговский* Павел Петрович – директор департамента исполнительной полиции Министерства внутренних дел в 70-х годах. Друг Д.П. Ознобишина.

[2] *Ширрен* Карл Христиан (1826–1910) – историк и публицист, профессор Дерптского университета. В 1869 г. был отстранен от должности за возражения на книгу Ю.Ф. Самарина "Окраины России", где высказался против политики царского правительства в Остзейском крае. "Это ответ Самарину, весьма замечательный своею искренностью и ставящий вопрос с неумолимой ясностью... Между тем в правительственных сферах сильное смятение...", – писал Ф.И. Тютчев из Петербурга А.Ф. Аксаковой (письма от 7 июня и 4 сентября 1869 г.). Возражая на брошюру Ширрена, М.П. Погодин высказал мысль о необходимости перенести вопрос о судьбах Остзейского края "из области общих мест" в "область истории, простого здравого смысла, государственного и естественного права" ("Остзейский вопрос. Письмо М.П. Погодина к проф. Ширрену". М., 1869. С. 2).

[3] *Бок* – петербургский врач, применявший гимнастические способы лечения.

СОЛОВЕЙ

Автографы: Альб. IV. Л. 17 об.; *ИРЛИ*. Ф. 213. № 15. Л. 40–40 об. под заглавием "Северный соловей". Разночтения во второй строке.

Впервые: *Д.П. Ознобишин* Стихотворения. С. 233.

Печатается по автографу из Альб. IV.

Написано на смерть С.П. Шевырева, скончавшегося в Париже 8 мая 1864 г. Ему посвящено также стихотворение "Северный певец" (1833). Шевырев – автор стихотворения "Северный певец в Риме" (*РГАЛИ*. Ф. 563. Оп. 1. № 4. Л. 38–39).

ЛЕКАРЬ И СМЕРТЬ

Автограф: Альб. IV. Л. 18–19.

Впервые: Молва. № 24 (ц.р. 16 июня 1831 г.). С. 1–2. Подпись: *Ознобишин.*

Печатается по тексту "Молвы".

[1] *Гален* Клавдий (129–201 гг.?) – римский врач и естествоиспытатель.

[2] *Гермес* (греч. миф.) – вестник богов, покровитель путников, проводник душ умерших. В римской мифологии ему соответствовал Меркурий.

[3] *Авиценна* – латинизированное имя таджикского философа и ученого XI в. Абуали Ибн Сины (980–1037), представителя восточного аристократизма. Его медицинский трактат "Канон врачебной науки" переиздавался на латинском языке около 30 раз и был в течение многих веков обязательным руководством в Европе и странах Востока; оказал влияние на развитие медицины во всех странах мира.

[4] *Леруа* Хендрик (1598–1679) – голландский врач, физиолог, философ-материалист, провозвестник французского материализма XVIII в.

[5] *Ганеман* Самуил Христиан Фридрих (1755–1843) – немецкий основатель гомеопатии. Гомеопатия вышучивается в стихотворении Ознобишина "Гомеопатия" (*МН.* 1836. Ч. 9. Кн. 2. С. 359).

ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ МОКРИНСКОЙ

Три акростиха

Автограф: Альб. IV. Л. 19 об.
Печатается впервые.

ДЖОН БУЛЬ

Автографы: Альб. IV. Л. 20–21; *РГАЛИ.* Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5487. Л. 9 об. – 10, с датой 1855 г. и заглавием "Наши расчеты" (подзаголовок: "Джон Буль") с пометой: "Не для печати".

Печатается впервые, по автографу из Альб. IV.

[1] *Джон Буль* – нарицательное, с оттенком насмешки, наименование англичан.

[2] *Батый*, Бату, Саин-хан (1208–1255) – монгольский хан, внук Чингисхана. Основатель Золотой Орды (1243). Завоевав Половецкую степь (1236). возгла́вил поход в Восточную Европу (1237–1243), сопровождавшийся массовым истреблением насе-

ления и уничтожением городов. Героическое сопротивление русского народа нанесло войску Батыя большие потери.

[3] ..*Донской ~ На Куликовом поле.* – Князь Владимирский и Московский (с 1359 г.) Дмитрий Иванович (1350–1389) в 1380 г. во главе объединенных русских сил выступил навстречу полчищам татарского темника Мамая, двигавшимся на Русь. Битва на Куликовом поле завершилась разгромом войска Мамая. Русский князь проявил в ней выдающийся полководческий талант, за что был прозван Донским.

[3] *Минин* (Сухорук) Кузьма (год рожд. неизв. – ум. в 1616 г.) – нижегородский посадский человек, 1 сентября 1611 г. был избран земским старостой и возглавил сбор средств для народного ополчения и сопротивления иностранным захватчикам. В боях за Москву в августе 1612 г. проявил большую активность и личную храбрость. В 1613 г. вошел в состав Боярской думы, получил чин думного дворянина.

[4] *Пожарский* Дмитрий Михайлович (1578–1642) – князь, государственный и военный деятель. Возглавил русское ополчение в борьбе с польско-литовскими интервалами в 1611 г.

[5] *Карл* XII (1682–1718) – шведский король и полководец. В ноябре 1700 г. одержал победу над русскими войсками под Нарвой. Но потерпел сокрушительное поражение от русских войск под командованием Петра I под Полтавой в 1709 г.

[6] *Петр* I (1672–1725) – русский император (с 1682 г.).

[7] *Наполеон I* Бонапарт (1769–1821) – французский император и полководец. До своего вторжения в Россию в 1812 г. поработил почти все народы Европы.

[8] *Альбион* – старинное название Англии.

[9] *Благословенный* – так после 1812 г. называли Александра I (1777–1825), российского императора (с 1801 г.). 31 марта 1814 г. Александр I вступил в Париж во главе союзных армий.

НАРОДНАЯ ПЕСНЬ

Автографы: Альб. IV. Л. 21 об.–22; *ИРЛИ*. Ф. 213. № 46.

Печатается впервые в данной редакции – по автографу из Альб. IV.

Более краткий вариант этого стихотворения: *СО*. 1851. № 5 (май). С. 5–6. См. его в разделе “Стихотворения разных лет”.

Совпадают первые шесть и последние двенадцать строк стихотворения.

[1] *Вотще ордынец горделивый / Отяготил тебя ярмом...* – Монгольский хан Батый основал в низовьях Волги феодальное государство Золотая Орда, простиравшееся от Иртыша до Дуная, со столицей Сарай-Бату. Русские княжества, попавшие в зависимость от Орды, платили ей дань ("ясак").

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Автографы: Альб. IV. Л. 22 об.–23; *ИРЛИ*. Ф. 213. № 16.
Печатается впервые по автографу из Альб. IV.

[1] "*Меркурий*" – 18-пушечный бриг русского Черноморского флота. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. "Меркурий" под командованием капитан-лейтенанта А.И. Казарского, преследуемый турецкой эскадрой около Босфора, вступил с нею в неравный бой, нанес противнику серьезные повреждения, а сам ушел от преследования.

ДЕТИ ФРАНЦИИ

(*Die söhne Frankreichs*)

Автограф: Альб. IV. Л. 23 об.–24 об., без подзаголовка; в конце помета: "С немецкого".

Впервые: Литературная библиотека. 1867. Февраль. Кн. I. С. 301, с подзаголовком: "Die sohne Frankreichs".

Печатается по автографу Альб. IV, так как вписано туда после стихотворения 60-х годов.

В списке стихотворения В.А. Жуковского упоминается имя автора немецкого оригинала 1846 г.: "девица Цедлиц" (*Жуковский В.А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. 4. Отд. 1. С. 176 – примеч.).

[1] *Тюильри* – дворец в Париже, одна из резиденций французских королей.

[2] *...чудный мальчик...* – Имеется в виду сын Людовика XVI и Марии-Антуанетты Луи, называемый Людовиком XVII (1785–1795). После Французской революции Людовик XVI был казнен в 1792 г., Мария-Антуанетта – в 1793 г.

[3] *Дофин* – титул французских наследных принцев.

[4] *...ребенка везти они должны...* – Речь идет о сыне императора Наполеона I Бонапарта (1804–1814) и Марии Терезии Наполеоне II. После отречения своего отца жил при австрийском дворе, где получил титул герцога Рейхштадтского.

[5] *Людовик* IX *Святой* (1214–1270) – король с 1226 г., возглавил два крестовых похода, умер во время крестового похода в Тунис; в1297 г. канонизирован.

[6] *Герцог Бордоский* – сын герцога Беррийского, убитого в 1820 г. Лувелем, внук короля Карла X (1824–1830), наследник французского престола. После революции 1830 г. находился в эмиграции.

[7] *Граф Парижский* – внук короля Людовика-Филиппа (1830–1848), наследник французского престола. После революции 1848 г. жил за границей.

[8] *...покоится дитя...* – Сын императора Наполеона III (1852–1870). Предсказание Ознобишина сбылось в 1870 г., когда после поражения под Седаном в франко-прусской войне (1870–1871) Наполеон III отрекся от престола и была провозглашена республика.

[9] *Викарий* (лат.) – здесь: помощник, заместитель.

[10] *...мир искупивший весь, / Не колыбель златую, а ясли избрал здесь.* – Новорожденный Христос в Вифлееме.

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

ТРУБАДУР

(*С французского*)

Автограф неизвестен.

Впервые: Каллиопа. Труды благородных воспитанников Университетского пансиона. М., 1820. Ч. IV. С. 245–247.

Печатается по тексту первого издания.

Первое выступление Д.П. Ознобишина в печати.

УТРЕННИЙ ГИМН

Автограф неизвестен.

Впервые: *ВЕ*. 1821. Ч. CXVII. № 7 и 8. Апрель. С. 172–173. Подпись: *Д. Ознобишин.*

Печатается по тексту журнала.

В журнале подстрочно сделано примечание: “Читан на публичном акте Университетского Благородного Пансиона 2-го числа сего апреля”.

ПОСЛАНИЕ К Т⟨ИТОВ⟩У

Автограф неизвестен.

Впервые: *ВЕ*. 1821. Ч. CXVIII. № 10. Май. С. 88–93. Подпись: *Д. Оз-нъ.*

Печатается по тексту журнала.

ПАУК

(*Подражание Апц-еддину Ельмокадесси*)

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 44. Л. 86–86 об.

Печатается впервые.

Включено в статью Ознобишина Мнение о книге “Птицы и цветы. – Нравственные аллегории, соч. Ельмокаддеси. Переведены на французский язык Гарсенем Тасси, с арабского подлинника”. Париж, 1823. Ознобишин предваряет свой перевод такими словами: “Не осмелюсь назвать стихи свои переводом; но слабым и по возможности только близким подражанием”.

[1] *Апц-единн Ельмокадесси – Иззедуин Мокадесси*, ум. ок. 1279) – арабский поэт-мистик, автор поэмы “Птицы и цветы” – подражания пантеистической поэме персидско-таджикского поэта Фаридаддина Аттари Нишапури (1136–1229) “Язык птиц”.

МОЛИТВА МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ

Отрывок из поэмы “Мореплавание” Есменарда (*“Но солнце с высоты склоняет лик...”*)

Автограф неизвестен.

Впервые: Сочинения в прозе и стихах. Труды Общества любителей российской словесности при Имп. Московском университете. М., 1824. Ч. 5. Кн. 14. С. 282–284.

Печатается по тексту первой публикации.

НА ПРИБЫТИЕ В МОСКВУ ТЕЛА В БОЗЕ ПОЧИВШЕГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

Автограф неизвестен.

Впервые – в виде отдельной брошюры: *Ознобишин Д.П.* На прибытие в Москву тела в бозе почившего государя императора Александра I. М., 1826. Подпись: *Д. Ознобишин.* Цензурное разрешение 21 января 1826 г.

Печатается по тексту брошюры.

Император Александр I умер в Таганроге 19 ноября 1825 г. На пути в Петербург тело его провозили через Москву.

1 *К Супруге взор склоняет долу...* – Супруга императора, Елизавета Алексеевна (1779–1826), слабая здоровьем, поселилась в Таганроге, чем было вызвано и пребывание там Александра I, который скончался на ее руках. После смерти супруга, 4 мая 1826 г., на пути в Петербург Елизавета Алексеевна скончалась в Белеве.

2 *Мы в Николае зрим...* – Николай I (1796–1855), русский император с 1825 г.

ПОТЕРЯННЫЕ ПОЦЕЛУИ

(*Из Шенье*)

Автограф неизвестен.

Впервые: *Урания.* С. 82. Напечатано также в альманахе “Эвтерпа... Собрание новейших романсов и песен”. М., 1828.

Перевод стихотворения А. Шенье “J’étais un faible enfant qu’elle était grande et belle...”

УТРЕННЯЯ ПЕСНЬ СОЛОВЬЯ

(*Из Саадиева “Гюлистана”*)

Автограф неизвестен.

Впервые: Сочинения в прозе и стихах. Труды Общества любителей российской словесности при Имп. Московском университете. М., 1826. Ч. 6. Кн. 17. С. 233.

Печатается по тексту первой публикации.

См. также примеч. к стих. “Вольная птичка”.

НАМА

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 49. Л. 24 об.–25.
Впервые: *СЛ*. С. 29. Подпись: *Делибюрадер*.
Печатается по тексту альманаха.

Этот перевод Ознобишина стал объектом критики П.А. Вяземского, который писал: "Пускай это и тому подобное с арабского на арабском языке и остается. Довольно нам и одного греческого Анакреона, которому нам велят кадить, потому что он древний и грек... но для европейской гордости нашей слишком уж будет оскорбительно, когда захотят колоть нам глаза арабским Анакреонтичеством" (*МТ*. 1827. Ч. XIII. № 3, февраль. Отд. 1. С. 239–246. Подписано одним из псевдонимов Вяземского: "Ас.Б").

[1] *Нама* (фарси) – вид, наружность, портрет; здесь употреблено в значении "описание".

[2] *Уаль нашру мискун* – Ознобишин приводит на арабском первое полустишие, видимо, чтобы дать понятие о звучании стиха в оригинале; буквально этот стих означает: "И дыханье – мускус".

SHE WALKS IN BEAUTY

(*Еврейская мелодия лорда Байрона*)

Автограф неизвестен.
Впервые: *СЛ*. С. 51–52.
Печатается по тексту альманаха.

Подражание стихотворению Дж. Байрона "Она идет в красе своей..." из цикла "Еврейские мелодии" ("Hebrew Melodies", 1815). Образ идеала, в котором слита духовная и телесная красота, был близок Д.П. Ознобишину – поэту "восточному", переводчику газелей Хафиза, в которых также воспевается земная красавица и утверждается право на любовь в этом мире.

ОДА ГАФИЦА

(*Из книги "Даль" его Дивана*)

Автограф неизвестен.
Впервые: *СЛ*. С. 89–91. Подпись: *Делибюрадер*.

Печатается по тексту первой публикации.

Источником подражания была “Персидская хрестоматия” А.В. Болдырева (М., 1826. С. 162–163). Ознобишин перевел с фарси две газели Хафиза полностью и несколько фрагментов других. Эти же газели переводил Ю. Познанский (*МТ*. 1826. Ч. 9. № 9. С. 66), но его подражание, также не передающее персидско-таджикскую форму газели, беднее по содержанию и беспомощнее в художественном отношении.

[1] *Гафиц* (Хафиз Шамседдин Мохаммед, 1325–1389 или 1390) – персидско-таджикский поэт-лирик.

[2] *Даль* – десятая буква персидского алфавита.

[3] *Диван* – сборник стихотворений одного поэта в классических литературах Ближнего и Среднего Востока, обычно строился в алфавитном порядке рифм (последней буквы рифмы): очередной букве соответствовала “книга” дивана.

К ФАННИ

Автограф неизвестен.

Впервые: *СЛ*. С. 191–192. Подпись: ***.

Печатается по тексту альманаха.

“ТОЛЬКО СОРВАННЫЙ ЛИШЬ С ВЕТКИ...”

Автограф неизвестен.

Впервые: *СЛ*. С. 424. Подпись: *Делибюрадер*.

Печатается по тексту альманаха.

Переложение фрагмента одного из рассказов “Гюлистана” (“Розовый сад”, гл. II. 1258) Саади – “О правах дервишей”.

ПЛАН ВОСПИТАНИЯ

(*Из Парни*)

Автограф неизвестен.

Впервые: *МВ*. 1827. Ч. II. № 5. С. 12–13. Подпись: *О*.

Печатается по тексту журнала.

[1] *Пафос* – город на Кипре, центр культа Афродиты.

[2] *Гнидос* (Гнид, Книд) – город в Малой Азии, где находилось святилище богини любви, Афродиты. Часто упоминается в галантной литературе XVIII в. благодаря поэме в прозе Ш.Л. Монтескье “Le Temple de Gnide” (1725).

[3] *Цитера, Амафонт* – такие же, как и Пафос, центры культа Афродиты на Кипре.

СМЕРТЬ КРАСАВИЦЫ

(*Из Парни*)

Автограф неизвестен.

Впервые: *МВ*. 1827. Ч. IV. № 15. С. 230. Подпись: *Ознобишин*.

Печатается по тексту журнала.

ТАЙНА ПРОРОКА

Автограф неизвестен.

Впервые: Невский альманах на 1828 год. СПб., 1827. С. 199.

Печатается по тексту альманаха.

Стихотворение было популярно в кружке Н.В. Станкевича и приписывалось ему, а также А.А. Подолинскому (см. примеч. к кн.: Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 2. С. 684).

СОЛНЦЕ И ДОРОЖНЫЙ

(*Басня*)

Автограф неизвестен.

Впервые: Невский альманах на 1829 год. СПб., 1828. С. 45. Подпись: *О*.

Печатается по тексту альманаха.

ОТРЫВОК ИЗ ВОСТОЧНОЙ ПОВЕСТИ “ПУСТЫННИК КАНДУ”

Автограф: *РНБ*. Ф. 124. № 3141. Л. 2–3.

Впервые: Подснежник на 1830 год. СПб., 1830; *PC*. 1883. № 7. С. 62–64.

Печатается по автографу.

Перевод фрагмента из поэмы Виазы “Брама-Пурана” Ознобишин предполагал поместить в альманахе Бестужева и Рылеева “Звездочка” (СПб., 1826), но после восстания 14 декабря 1825 г. и ареста издателей все напечатанные к тому времени листы альманаха были арестованы и в 1861 г. уничтожены. Тексты воспроизведены в *PC*. 1883. № 7. См.: Полярная звезда, изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960. С. 742–745.

ЮЖНАЯ ВЕСНА

Автограф неизвестен.

Впервые: *МВ*. 1830. Ч. 1. № 3. С. 237–238. Вместо подписи: (Сообщено из Симбирска.)

Печатается по тексту журнала.

А.М.В.......Й

(“*Забыли ль вы мои страданья...*”)

Автограф неизвестен.

Впервые: Молва. 1832. Ч. 4. № 78. 27 сентября. С. 309–310. Без подписи.

Печатается по тексту “Молвы”.

ДВЕ КАРТИНКИ ИЗ СЕВЕРНОЙ МИФОЛОГИИ

Автограф неизвестен.

Впервые: Молва. 1832. Ч. 4. № 90. 8 ноября. С. 357–358. Подпись: *Ознобишин.*

Печатается по тексту “Молвы”.

К МОЛВЕ

Автограф неизвестен.

Впервые: Молва. 1833. Ч. 5. № 1. 3 января. С. 1–2. Подпись: *О*.

Печатается по тексту "Молвы".

1 *Ловишь блестки свежих мод.* – К номерам "Молвы" прилагались цветные модные картинки.

Н.М. ЯЗЫКОВУ

Автограф в архиве Н.М. Языкова (*ИРЛИ*).

Впервые: *Языков Н.М.* Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1934. С. 682–683.

Печатается по автографу.

Ответ на послание Языкова "Д.П. Ознобишину".

Среди бумаг Ознобишина в *ИРЛИ* сохранился листок со стихотворением (начало: "Нам жизнь двойная здесь дана..."), судя по следующей строфе, также обращенное к Языкову:

Языков! Верь мне: не напрасно
В сей мир является поэт!
Кто истину полюбит страстно,
В ком неба отразился свет,
Кто, как пророк, читает ясно
Скрижаль грядущих темных лет, –
Того высоко назначенье:
Он ангел в звучном песнопенье.

МОЛВА

Автограф неизвестен.

Впервые: Молва. 1835. Ч. IX. № 1. 4 янв. С. 2–3. Подпись: *О*.

Печатается по тексту "Молвы".

Стихотворение открывает собой 1-й номер "Молвы" 1835 г.

1 *У иных Баронов уши // Выставляет напоказ...* – В 1834 г. "Телескоп" и выходившая при нем газета "Молва" полемизировали с материалами нового журнала "Библиотека для

чтения" О.И. Сенковского (псевдоним: Барон Брамбеус, 1800–1858).

[2] *...Иван Великий // С дивной хартией...* – Колокольня Ивана Великого в Московском Кремле высотой 81 метр до XIX в. была самым высоким сооружением в Москве. Надпись под золоченой главой гласит: "...изволением св. Троицы, повелением великого государя, царя и великого князя Бориса Феодоровича, всея Руси самодержца, и сына его, благоверного великого государя царевича великого князя Феодора Борисовича всея России, храм совершен и позлащен во второе лето государства их 108 (1600) года".

"В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА В СТЕНАХ ВАРШАВЫ..."

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 6. Л. 60. Без даты.

Печатается впервые.

Впечатления от чтения повести Н.В. Гоголя "Тарас Бульба", первая редакция которой была напечатана в сборнике "Миргород" (СПб., 1835).

СЕРГИЕВСКИЕ ВОДЫ

(*Отрывок из путешествия*)

Автограф неизвестен.

Впервые: *Гал*. 1839. Ч. II. № 16. С. 521–524.

Печатается по тексту журнала.

[1] *Сергиевские воды* – в Пермской губернии, при р. Серге, притоке Уфы. Эксплуатировались как лечебно-минеральные воды с 1832 г.

[2] *Пирмонтской, Ахенской водой...* – Пирмонт, Ахен – модные европейские курорты с целебной минеральной водой, которая рассылается.

[3] *Лафонтен Жан* (1521–1695), французский поэт, сатирическое творчество которого отличалось вольнодумством и фривольностью.

ПИСЬМО АДЕЛАИДЫ N... К ЛИДИИ В.

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 12. Л. 46–48 об.
Печатается впервые.

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 12. Л. 52–53.
Печатается впервые.
Перевод фрагмента из “Слова о полку Игореве”.

ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Автограф неизвестен.
Впервые: *Москв*. 1841. Ч. III. № 6. С. 294–298. Подпись: *О...* Авторство Д.П. Ознобишина подтверждено “Словарем псевдонимов” И.Ф. Масанова (М., 1957. Т. 2. С. 277).
Печатается по тексту журнала.

ЖЕНА ВИЛЬЯМА

(*Народная шотландская песня*)

Автограф неизвестен.
Впервые: Утренняя заря на 1843 год. (Цензурное разрешение 30 мая 1842 г.). С. 252–260.
Печатается по кн.: Английские поэты в биографиях и образцах / Сост. Н.В. Гербель. СПб., 1875. С. 4.

УПОВАНЬЕ

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 18. Л. 13–14 об.
Впервые: *Ознобишин Д.В.* Стихотворения. М., 1992. С. 217.
Печатается по автографу.
Под текстом в автографе авторская помета: “в Соврем.”.

21 ИЮНЯ

Автограф в Записной книжке Д.П. Ознобишина (*ИРЛИ*. Ф. 213. № 54), содержащей Путевой дневник 1847 г. Л. 4.

Впервые: Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 2. С. 105.

Печатается по автографу.

Написано перед отплытием в путешествие по Европе с сыном Иваном 21 июня 1847 г. (день отплытия).

По настроению стихотворение созвучно начальным строфам первой песни "Паломничества Чайльд Гарольда" Д.-Н.-Г. Байрона.

Была б она!.. – Речь идет об умершей жене поэта, Елизавете Александровне.

"ДОЖДИК СИЛЬНЫЙ ВСЮ НОЧЬ..."

Автограф в Записной книжке Д.П. Ознобишина. Л. 4.

Впервые: *Заславский И.Я.* Путевой дневник Д.П. Ознобишина // Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М., 1988. С. 42.

Печатается по автографу.

[1] *Крейценах* (Крейцнах) – курортный город в рейнской провинции Пруссии.

К МАРИИ

Автограф в Записной книжке Д.П. Ознобишина. Л. 76–77.

Печатается впервые.

В конце автографа дан вариант четвертой строфы:

Твой детский смех, твой детский лепет
Так много мне напомянул!
Мне в грудь проник невольный трепет
И я свободнее вздохнул...

Написано под впечатлением встреч с юной девушкой Марией Равенау.

“КОГДА В ТОСКЕ, БЛЕДНЕЯ, В СОН ГЛУБОКИЙ...”

Автограф в Записной книжке Д.П. Ознобишина. Л. 76–77.

Печатается впервые.

Посвящено памяти жены поэта, Елизаветы Александровны (рожд. Рогановской).

ЗВЕЗДЫ

Автограф в Записной книжке Д.П. Ознобишина. Л. 144.

Впервые: *Заславский И.Я.* Путевой дневник Д.П. Ознобишина. С. 42.

Печатается по автографу.

ЛУНА

Автограф в Записной книжке Д.П. Ознобишина. Л. 74–75 об.

Печатается впервые.

СОСНА

(*Из Гейне*)

Автограф в Записной книжке Д.П. Ознобишина. Л. 109 об.

Впервые: *Заславский И.Я.* Путевой дневник Д.П. Ознобишина. С. 42–43.

Печатается по автографу.

Стихотворение из Путевого дневника Ознобишина (Л. 109). В путешествие по Европе Ознобишин взял с собой томик Гейне (значится в перечне книг записной книжки поэта: *Заславский И.Я.* Путевой дневник Д.П. Ознобишина. С. 42).

В рукописи Ознобишина – несколько набросков и вариантов:

Под ледяной корою, под снегом серебристым
И дремлет при вьюге она.

Ледяной корою и снегом пушистым
Покрытая, дремлет она.

Ледяной корою одета и снегом
    И дремлет под вьюгу она.

В ледяной коре под серебряным снегом
    И дремлет под вьюгу она.
И снится ей: пальма младая востока
    Стоит в отдаленной земле,
Стоит и безмолвно грустит одиноко
    На выжженной зноем скале.

"Я БЫЛ В ШИЛЬОНЕ. ОН СТОИТ..."

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 54. Л. 117 об.–118 об.

Впервые: *Заславский И.Я.* Путевой дневник Д.П. Ознобишина. С. 51.

Печатается по публикации И.Я. Заславского.

Стихотворение соотнесено с поэмой Д.-Н.-Г. Байрона "Шильонский узник" (1816). Сохранена и ее метрика: четырехстопный ямб с мужской парной рифмовкой.

[1] *Шильон* – Шильонский замок (XII–XIII вв.) на берегу Женевского озера, между Клараном и Вильневом.

[2] *Певец, прославивший Шильон...* – Д.-Н.-Г. Байрон. Его поэма "Шильонский узник" вся посвящена узнику замка и начинается стихотворением "Сонет Шильону".

[3] *Бонивар* (Bonnivar) Франсуа (1493–1570?) – герой поэмы Байрона, швейцарский патриот, борец за свободу Женевы от власти Савойской династии, узник Шильона в 1530–1536 гг.

ВЕНЕЦИЯ

(*Ночь 1848 года*)

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 3. Л. 20–20 об.

Печатается впервые.

[1] *...площадь Марка...* – Главная площадь Венеции с собором Св. Марка, Дворцом дожей (XIV–XV вв.) и др.

[2] *Базилика* – форма здания прямоугольной формы, разделенного на нефы; преимущественно христианские храмы.

[3] *Пиацетта* – здание библиотеки против Дворца дожей, обращенное в королевский дворец.

ВЕЩИЙ СОН

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 3. Л. 23.
Печатается впервые.

ВАРЛАМОВ

Авторграф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 11. Л. 44–44 об.
Впервые: *Музалевский В.И.* Русская фортепианная музыка. М.; Л., 1949. С. 188 (без указания автора). См. также: *Листова Н.* Александр Варламов. Его жизнь и песенное творчество. М., 1968. С. 248 (автор по-прежнему не указан).
Печатается по автографу.

[1] *Варламов* Александр Егорович (1801–1848) – русский композитор и певец (тенор), мастер вокальной лирики. С детства пристрастился к музыке, играл на скрипке по слуху. Пел и обучался в петербургской певческой капелле. В 1819 г. был учителем певчих в русской придворной церкви в Гааге. По возвращении в Россию (1823) преподавал пение в учебных заведениях и частных домах Петербурга и Москвы. В 1832–1844 гг. служил в московских театрах (помощник капельмейстера и композитор). Издавал популярный нотный журнал "Эолова арфа" (1834–1835 гг.). В его сборнике "Музыкальный альбом на 1833 год" помещены популярные романсы: "Не шей ты мне, матушка..." и "Что отуманилась, зоренька ясная..." В 1845 г. снова приехал в Петербург, где ему пришлось жить исключительно своим композиторским дарованием и уроками пения. Скоропостижно скончался 15 октября 1848 г. Оставил более 200 романсов на тексты Лермонтова, Кольцова, Цыганова, Плещеева, Фета; 42 обработки русских народных песен. Варламову принадлежит также первая русская "Школа пения" (М., 1840).

ПЕВЕЦ

Автограф неизвестен.
Впервые: *СО*. 1850. Кн. XII. Декабрь. С. 1. Подпись: *Д. Ознобишин.*
Печатается по тексту журнала.

НИКОЛАЕВСКИЙ МОСТ

Автограф: *РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5487. Л. 4 об.

Впервые: *СО*. 1851. Кн. III. Март. С. 1. Заглавие: "Новый мост". Вторично: Литературная библиотека. СПб., 1875. № 5–8. С. 70.

Печатается по тексту "Литературной библиотеки".

[1] *Николаевский мост* (позднее – мост лейтенанта Шмидта) – первый постоянный мост через Неву в Петербурге. Построен в 1842–1850 гг. по проекту инженера С.В. Кербедаа.

ПОРТРЕТ

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 13. Л. 52.

Впервые: *СО* 1851. Кн. III. Март. С. 6–8.

Печатается по тексту журнала.

[1] *Брюллов* Карл Павлович (1799–1852) – русский живописец. Учился в петербургской Академии художеств у А.И. Иванова и А.Е. Егорова. В 1823–1825 гг. работал в Италии, в 1835 вернулся в Петербург. С 1836 г. профессор Академии художеств. В 1849 г. жил на о. Мадейра, с 1850 – вновь в Италии. Основное произведение Брюллова – картина "Последний день Помпеи" (1830–1833). "У нас в Риме важнейшим происшествием была выставка картины Брюллова в его студии. Весь город стекался дивиться ей", – писал Н.М. Рожалин С.П. Шевыреву. (Цитируется по кн. А.Н. Савинова "Карл Павлович Брюллов". М., 1963. С. 67). В России картина вызвала единодушный восторг. Пушкин посвятил ей стихотворение "Везувий зев открыл":

Везувий зев открыл – дым хлынул клубом – пламя
Широко разлилось, как боевое знамя.
Земля волнуется – с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Толпами, стар и млад, под воспаленным прахом,
Под каменным дождем бежит из града вон.

Гоголь напечатал в своих "Арабесках" статью о картине, где признал ее "одним из ярких явлений девятнадцатого века, светлым воскресением живописи, пребывавшей долгое время в каком-то летаргическом состоянии".

[2] *Зарянко* Сергей Константинович (1818–1870) – русский живописец, ученик А.Г. Венецианова; с 1843 – академик. С 1856 – профессор Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

[3] *Осада Пскова* – попытка создать народную эпопею в картине “Осада Пскова” (1839–1843) не получила завершенного воплощения.

СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ
(*Посвящается Ольге Петровне Малевинской*)

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 17. Л. 5–6. Дата в конце: 26 марта 1851. СПб.

Впервые: *СО*. 1851. № IV. Отд. III. С. 1–4. Подпись: *Д. Ознобишин.*

Печатается по тексту журнала.

ЧУВСТВА ОРЕНБУРГЦА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ В.А. ПЕРОВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОМ

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 19. Л. 31.

Печатается впервые.

[1] *Перовский* Василий Алексеевич (1795–1857) – воспитанник Московского университета и училища колонновожатых; граф; генерал, участник Отечественной войны 1812 г., член Союза Спасения и Союза Благоденствия. С 1818 г. адъютант великого князя Николая Павловича; с 1829 г. директор канцелярии Морского штаба, генерал-адъютант, оренбургский военный губернатор (1851–1857), самарский губернатор.

Будучи оренбургским военным губернатором и командиром Отдельного Оренбургского корпуса, в октябре 1839 г. организовал экспедицию в Хиву для смещения хивинского хана. Экспедиция закончилась бесславно, с большими потерями вследствие тяжелых условий похода.

В качестве секретаря Перовский пригласил на службу В.И. Даля, который, обследуя положение в уральском казачьем войске, ездил по Уралу, записывая фольклор. Когда в Оренбург приехал Пушкин (1833), собиравший материалы для “Истории Пугачева”, Даль предложил ему помощь в этой работе.

НАРОДНАЯ ПЕСНЬ

Автограф: *ИРЛИ.*

Впервые: *СО*. 1851. № 5. Май. С. 5–6. Подпись: *Д. Ознобишин.*

Печатается по тексту журнала.

ВАКХАНКА

Автограф неизвестен.

Впервые: *СО*. 1851. № 5. Май. С. 9–10.

Печатается по тексту журнала.

[1] *Вакханки* (греч. миф.) – женщина, посвятившая себя служению Вакху, богу вина, в честь которого устраивались вакханалии – шумные и распутные празднества.

Ц.А.П. Г-ой

(*Посвящение*)

(“*Резец и кисть издревле в споре...*”)

Автограф неизвестен.

Впервые: *СО*. 1851. № 5. Май. С. 10. Подпись: *Д. Ознобишин.*

Печатается по тексту журнала.

Адресат стихотворения не известен.

[1] *Bien-Aime* (Бьенэме Луиджи, 1795–1878) – итальянский скульптор. Среди его произведений, отличающихся нежной грацией и совершенной техникой, – скульптура “Вакханка” (1838).

Е.П. Н-ой

(“*Ваш голос так душу чарует...*”)

Автограф неизвестен.

Впервые: *СО*. 1851. № 12. Декабрь. С. 2. Подпись: *Д. Ознобишин.*

Печатается по тексту журнала.

СУВАЛКИ

1851 года 24 августа

Автограф на отдельном листе: *ИРЛИ.* Ф. 213. № 17. Л. 4.
Впервые: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. С. 220.
Печатается по автографу.

[1] *Сувалки* – город на северо-востоке Польши, на реке Чарна-Ганьча.

[2] *Мальпост* – почтовая карета, перевозившая пассажиров и мелкую почту.

О.П. М-й

(*Помню время, – грустью полны...*")

Автограф: *ИРЛИ.* Ф. 213. № 17. Л. 13–14. Дата: 3 дек. 1851 г.
Впервые: *СО.* 1852. Кн. 4. Отд. 3. С. 59–60.
Печатается по тексту журнала.

[1] *О.П. М-й* – Ольге Петровне Мальвинской, близкой своей знакомой, с марта 1851 по март 1855 г. Ознобишин посвятил еще 7 стихотворений (Ф. 213. № 17. Л. 5–11).

"ЦАРЕВНА, Я ПРОШУ ПРОЩЕНЬЯ..."

Автограф: *ИРЛИ.* Ф. 213. № 18. Л. 53.
Печатается впервые.
Посвящено, по-видимому, О.П. Мальвинской.

БЫЛА ПОРА

Автографы: *ИРЛИ.*Ф. 213, на отдельных листах. 1 – № 10. Л. 5. (заглавие: "Моя исповедь"); 2 – № 5. Л. 41, с виньеткой; заглавие "Моя исповедь" зачеркнуто и дано новое: "Была пора".

Впервые: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. С. 221.
Печатается по автографу *ИРЛИ.* № 5. Л. 41.

[1] *Забелло* Екатерина Павловна – смоленская знакомая поэта. Ей посвящены также стихотворения: “Зачем торопитесь Вы вдаль...” и “Звонок”.

“ЗАЧЕМ ТОРОПИТЕСЬ ВЫ ВДАЛЬ...”

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 6. Л. 3–4.
Печатается впервые.
Посвящено Екатерине Павловне Забелло.

БЫЛ ВЕК!

Автографы: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 2. Л. 39–40; Там же без даты. Л. 41–42; *РГАЛИ*. Ф. 394. Оп. 1. № 119 (при письме к Н.В. Путяте от 26 апреля 1854 г.).

Впервые: *Москв*. 1854. Март. № 5. Кн. 1. С. 3. Одновременно: Пензенские губернские ведомости. 1854. № 14; Северная пчела. 1854 (март–апрель); Собрание патриотических стихотворений, написанных разными авторами... Собр. Н. Клачковым. М., 1854. С. 32–35.

Печатается по тексту журнала “Москвитянин”.

Стихотворение – отклик на события Крымской войны 1853–1856 гг.

24 января 1854 г. М.П. Погодин писал П.Й. Шафарику: “У нас беспрестанно являются патриотические стихи. Все поэты встрепенулись: Вяземский, Тютчев, Глинка, Ростопчина, Ознобишин, Шевырев, Тургенев. Мы все живем, как в 1812 году” (*Кишкин А.С.* П.А. Вяземский и Чехия // Славянские страны и русская литература. Л., 1973. С. 119).

[1] *На смерть рвалися паладины!* – Паладины – рыцари, участвовавшие в крестовых походах – войнах европейских феодалов на Востоке (с конца XI до конца XIII в.).

[2] *И, пресмыкаясь пред луной, / Христианин идет на брата!* – В начале 50-х годов Франция и Англия толкали Турцию к войне с Россией, а затем вступили в нее сами.

[3] *Шиллок* – еврей-ростовщик в драме Шекспира “Венецианский купец”.

[4] *Сен-Дени* – церковь в предместье Парижа; с XIII в. служила усыпальницей французских королей.

[5] *Пожар Синопа не угас...* – В морском сражении в ноябре 1853 г. между турецким и русским флотом в Синопской бухте Черноморская эскадра адмирала Нахимова разгромила турецкий флот.

[6] *Под Чесмой помнят исполина!* – Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. русская эскадра разгромила турецкий флот в Чесменской бухте (1770).

[7] *И слава русская живет / В разгроме грозном Наварина!* – Победа русского флота над турецким при Наварине (1770).

1854. ИЮНЬ. 9

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 10. Л. 21 об.
Печатается впервые.

НЕДОКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 11. Л. 10–10 об.
Печатается впервые.

[1] *Сирах* – одна из книг Библии, содержащая правила жизни. Предупреждение о женском лукавстве см. в гл. 42.

"НЕТ, ВЫ НЕ ЛЮБИТЕ МЕНЯ!"

Автограф: *ИРЛИ*.Ф. 213. № 11. Л. 46.
Печатается впервые.

НИЦА

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 11. Л. 43–43 об.
Печатается впервые.

РУССКАЯ ПЕСНЬ

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 25. Л. 4–5.
Печатается впервые.

ОЖИДАНИЕ

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 25. Л. 16.
Печатается впервые.

ЗВОНОК
(*Е.П. З-о*)

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 6. Л. 5–6.
Печатается впервые.
Посвящено смоленской знакомой Ознобишина Екатерине Павловне Забелло.

ЛОРЕЛЕЯ
(*Из Гейне*)

Автограф неизвестен.
Впервые: Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. СПб., 1858. Т. III. С. 208. Подпись: *Ознобишин*.
Печатается по тексту первой публикации.

К РУЖЬЮ!
(*Высочайший манифест 14-го декабря 1854 года*)

Автограф неизвестен.
Впервые: Северная пчела. 1855. № 99. 9 мая. С. 1.
Стилистика стихотворения ориентирована на аналогичные по мотивам пушкинские произведения 1831 г. ("Клеветникам

России", "Бородинская годовщина") и заканчивается закурсивленным пушкинским стихом, с изменением одного слова (у Пушкина: "Среди нечуждых им гробов").

Н.И. ГРЕЧУ

Автограф неизвестен.

Впервые: Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности Николая Ивановича Греча. 27 декабря 1854. Составлено Кс. Полевым. СПб., 1855. С. 60–61. Подпись: *Ознобишин.*

Печатается по тексту первой публикации.

[1] *Греч* Николай Иванович (1787–1867) – писатель, издатель, журналист, филолог. Празднование 50-летия литературной деятельности Н.И. Греча происходило в Петербурге 27 декабря 1854 г. Никто из крупных современных писателей на нем не присутствовал, и "государь ничего не пожаловал Гречу" (*Никитенко А.В.* Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 393, 396). Был издан сборник, составленный К.А. Полевым, где было напечатано и стихотворение Ознобишина.

[2] *С речью русскою певучей / Нас знакомил и дружил...* – Имеются в виду действительные заслуги Н.И. Греча, создавшего научно-педагогические работы "Практическая русская грамматика" (СПб., 1827 и 1834), – "первое подробное и систематическое грамматическое руководство" в России (*Виноградов В.В.* Русская наука о русском литературном языке // Учен. зап. Московского гос. университета. 1946. Вып. 106. Т. 3. Кн. 1. С. 49); "Начальные правила русской грамматики" (СПб., 1828), переиздававшиеся в качестве учебника вплоть до 1860-х годов; "Пространная русская грамматика" (СПб., 1827) и др.

[3] *Счастья баловень...* – Наполеон Бонапарт.

[4] *На врага воспрянул смелый...* – В молодости Греч перевел с немецкого антинаполеоновскую книгу "Германия в глубоком унижении своем" (СПб., 1806; 2-е изд. –1807).

[5] *Сын Отечества возник...* – В октябре 1812 г., сразу после изгнания Наполеона, Греч основал и на протяжении многих лет редактировал исторический, политический и литературный журнал "Сын Отечества", ставший одним из самых влиятельных русских журналов, рупором передовых литературно-общественных направлений.

[6] *...крыльям Пчелки...* – Имеется в виду петербургская массовая политическая и литературная газета “Северная пчела”, издававшаяся Ф.В. Булгариным при участии Н.И. Греча с 1825 г. (юридически – с 1831).

[7] *...романом...* – Как беллетрист, Греч известен прежде всего нравоописательным романом “Черная женщина” (СПб., 1834).

СПОДВИЖНИКАМ ЛУНЫ

Автограф: *ИРЛИ*.Ф. 213. № 16. Л. 59–60, без даты, с эпиграфом на франц. языке из Journal debats du jeudi: 17 мая 1855 г.

Впервые: *Москв.* 1855. Т. 2. Кн. 2. Март. С. 5–6.

Печатается по тексту “Москвитянина”.

Под “сподвижниками Луны” подразумеваются турки, вместе с Англией, Францией и Сардинией воевавшие против России в Крымскую войну 1853–1856 гг. Все перечисленные сражения, несмотря на героизм, проявленный русскими солдатами, не принесли ощутимого результата. Сражения при Инкермане (местность восточнее Севастополя), как и при Балаклаве, кончились поражением русского войска. Война выявила отсталость России, значительно уступавшей западноевропейским странам в развитии военной техники.

[1] *Вы Севастополь наш громили...* – Союзники дважды бомбили Севастополь. Осада города, длившаяся одиннадцать месяцев, закончилась его сдачей.

ГРАФ М.М. ВИЕЛЬГОРСКИЙ-МАТЮШКИН

Автограф неизвестен.

Впервые: Северная пчела. 1855. № 284. 24 декабря. С. 1.

Печатается по тексту первой публикации.

Вошло в кн.: Русская эпитафия. Л., 1998.

“ЕСТЬ ИКОНА ЧУДОТВОРНАЯ...”

Автограф: *РГАЛИ.* Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5487. Л. 2 об.

Впервые: Памятная книжка Смоленской губернии на 1856 г. Ч. 2. С. 9; статья Д.П. Ознобишина “Смоленская святыня. Листок

из Смоленского дневника, воспоминаний туриста 1854 года" (цензурное разрешение 7 марта 1856 г.) (Симбирские губ. новости. 1862. № 43. 27 октября. С. 240).

Печатается по тексту первой публикации.

В упомянутой статье Ознобишина говорится: "Врата Днепровские… достопамятны… тем, что над ними устроен храм, где чествуется святыня, драгоценная для каждого русского сердца: это Св. икона Божией Матери Одигитрии, которая в Отечественную войну, при стечении рыдающего народа, расстававшегося со своею Заступницею, была поднята из Смоленска, соприсутствовала кровавой битве Бородинской, и во главе полков несена была, при изгнании иноплеменных врагов из нашего отечества. Знаменательна при этом та особенность, что эта дивная икона пробыла в отступлении из Смоленска три месяца, и ровно изо дня в день, возвращена была в его древние стены… Счастлива страна, где от деда к внуку переходит это теплое чувство уверенности в благость Пресвятого Промысла; счастлив и силен между языками народ, сохраняющий в душе своей заветное предание своих предков, и не по наказу, а по влечению сердца, помнящий притчу благодарного Самаритянина и тысячами стекающийся на приношение во храм Божий этой сердцеосвежающей дани!"

Икона Смоленской Божией Матери Одигитрии находится теперь в Успенском соборе в Смоленске.

Ознобишин поместил это стихотворение как анонимное в своей статье "Выставка сельских произведений в Симбирске 1862 года"; подпись: *Борисов* (Симбирские губернские ведомости. 1862. № 41. 13 октября. С. 240).

[1] *Было время… перед битвами / Шла победная, Она!* – Икона Одигитрия предшествовала русскому воинству в Бородинской битве.

БОГОМОЛЬЕ В КЕВЛАРЕ

(*Из Гейне*)

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 2. Л. 4–5 об.
Впервые: *Молва*. 1857. № 8. С. 90–91.
Печатается по тексту "Молвы".

[1] *Кевлар* (Кевелар), город на северо-западе Германии.

MEMENTO MORI

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 14. Л. 60–61.
Впервые: Молва. 1857. № 30. 2 ноября. С. 350.
Печатается по автографу.

СТЕННЫЕ ЧАСЫ

(*Из Лонгфелло*)

Автограф: *ИРЛИ*. Архив М.Н. Лонгинова (23376/ст VII 65. Л. 1–2 об.).

Впервые: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. С. 230–232.

Печатается по автографу.

Об Ознобишине – переводчике Лонгфелло см.: *Проньско С.А.* "A P'salm of Lite" Г.У. Лонгфелло в параллельных русских переводах // Мастерство писателя. Смоленск, 1975.

КОРОЛЬ ГАРАЛЬД ГАРФАГАР

Автограф неизвестен.

Впервые: *Тегнер Э.* Аксель. СПб., 1861. С. 55–57.

Печатается по тексту этого издания.

Перевод стихотворения Г. Гейне "König Harald Harfagar". Стихотворение известно также в переводе А.Н. Майкова – 1858 г. (Впервые: Стихотворения Ап. Майкова. СПб., 1858. Кн. 2. С. 261). А. Блок заметил об этом переводе: "Майков слишком чужой Гейне..." (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т. 6. С. 121). Перевод Ознобишина, которому принадлежит несколько переводов из Гейне, в их числе "Лорелея", на наш взгляд, – удачнее.

А.И. САБУРОВУ

Автографы: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 15. Л. 3; *РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. № 3141. Л. 1–2; *РГБ* (без заглавия). Ф. 1121. Оп. 1. Ед. хр. 1 (без даты). Разночтения:

[27] Деревья – прелесть южных стран.
[34] В дни зимних вьюг, средь неги сада.
[39] Непрочны все дары фортуны
[42–45] Миг счастья лучше сотни лет! / За здравье пью я! Будь, что будет! / Но сердце вечно не забудет / Радушно-теплый твой привет.

Печатается впервые, по автографу *РНБ*.

[1] *Сабуров* Андрей Иванович (1797–1866) – обер-гофмейстер, бывший лейб-гусар; известный богач; директор императорских театров с 1857 по 1863 г.

[1] *Дюбарри* Мари-Жанна (1743–1793) – фаворитка Людовика XV. В отличие от г-жи Помпадур, мало вмешивалась в государственные дела. Отличаясь замечательной красотой, позировала Гудону для его статуи "Диана". При Людовике XVI жила с большой пышностью в подаренном ей Людовиком XV замке Марли. Гильотинирована во время Французской революции.

[1] *Грёз* Жан Батист (1725–1805) – французский живописец, представитель сентиментализма. Широкую известность получили его женские головки, исполненные подлинной грации.

[1] *Эрар* Себастьян (1752–1831) – француский мастер, создавший в 1777 г. первое во Франции фортепиано. Основал (вместе с братом Жаном) фабрику музыкальных инструментов.

СИМБИРСК

(*после пожара в августе 1864 года*)

Автограф: *РГАЛИ*. Ф. 195 (кн. Вяземских). Оп. 1. Ед. хр. 5487.

Впервые: Отчет Симбирской Ученой архивной комиссии за 1904 г. Симбирск, 1905. С. 38–53.

Печатается по автографу.

[1] *Здесь полный был разгул для мстительного Ляха!..* – Подобно многим другим современникам, Ознобишин ошибочно считал, что поджог города – дело рук поляков, сосланных сюда после польского восстания 1863 г. В 1825 г. в Симбирске отбывали ссылку поляки, обвиненные по делу филоматов и филаретов, – Я. Берниковский и другие.

[2] *Два века пережив...* – Симбирск основан в 1648 г.
[3] *..жонд...* – Жонд народовы – так в 1863 г. назывался в Варшаве центральный национальный комитет, руководивший восстанием.
[4] *За то ль, что Поляка в изгнаньи здесь ласкали?* – Имеется в виду польский поэт Адам Мицкевич. В 1824 г. за участие в студенческом движении он подвергся аресту и был выслан в Россию для прохождения службы. Мицкевич жил в Одессе, Петербурге и Москве, общался с Рылеевым, Бестужевым, Пушкиным, Вяземским, посетил Крым; был принят в петербургских и московских салонах и гостиных. В августе 1829 г. Мицкевич выехал из России и с конца 1832 г. жил эмигрантом в Париже.
[5] *...штурм Варшавы...* – В ноябре 1794 г. русские войска под командованием А.В. Суворова штурмом взяли Варшаву после польского восстания 1794 г. 15 августа – 6 сентября 1831 г. русские войска И.Ф. Паскевича вновь штурмовали восставшую Варшаву.
[6] *...Стеньку Разина здесь предок отразил...* – В 1670 г. Симбирск выдержал длительный штурм войском Степана Разина.
[7] *...Пугачеву рыл могилу!..* – Следствие по делу Пугачева в 1774 г. велось в Яицком городке, Симбирске и Москве.

РОКОВАЯ ВЕСТЬ

Автограф: *ИРЛИ.* Ф. 213. № 15. Л. 44.

Впервые: Русское сердце. Сб. патриотических и военных стихотворений / Сост. В. Перцов. СПб., 1866. С. 44–45.

Печатается по тексту первой публикации.

Стихотворение написано на смерть наследника престола, старшего сына Александра II великого князя Николая Александровича (1843–1865), скончавшегося 12 апреля 1865 г. в Ницце, и отражает настроение многих. См., напр.: *Никитенко А.В.* Дневник: В 3-х т. Л., 1955. Т. 2. С. 508: “Грустно, очень грустно, особенно когда подумаешь, что жизнь этого благородного, много обещавшего для России юноши... могла бы быть сохранена, если бы пестуны его... побольше заботились о его физическом состоянии”.

С этим событием связаны стихотворение Ф. Тютчева “Сын царский умирает в Ницце...” (1865) и эпиграмма “Как верно здравый смысл народа...”

[1] *Вот явится с невестой молодой!* – В 1864 г. цесаревич был помолвлен с датской принцессой Дагмарой.

[2] *Так много он России обещал!* – Об уме, высоких душевных качествах и способностях великого князя Ознобишин знал от своего пансионского однокашника и друга В.П. Титова, одного из воспитателей наследника, который сопровождал на родину гроб с телом. Ознобишин – автор брошюры “Пребывание государя цесаревича Николая Александровича в Симбирске в 1863 г.” (Симбирские губернские ведомости. 1863. № 30. 27 июля). Виновником смерти наследника молва считала его воспитателя С.Г. Строганова (1794–1882).

ХОЛЕРА

(*Симбирянам, 1866 год*)

Автографы: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 18. Л. 31–32; *РГБ*. Ф. 231, III (Погодин М.П.). К. 8. Ед. хр. 75. Л. 1–2 об.; *РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5488. № 172. Л. 42–43 – неполный, с пропуском ст. 69–70. Разночтения в ст. 54, 55, 56 и 71.

Впервые: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. С. 235–237.

Печатается по автографу *ИРЛИ* с более поздними исправлениями и примечанием к ст. 69: “В самый разгар холеры умер от простуды и невоздержания инспектор симбирской врачебной управы г. Евламов в сильнейших припадках холеры, страдав только несколько часов”.

[1] *Клико* – одна из трех наиболее известных марок шампанского – французского игристого вина, которое возделывается в провинции Шампань.

СТИХИ, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ НА 100-летнем ЮБИЛЕЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИОГРАФА НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА В СИМБИРСКЕ, 1-го ДЕКАБРЯ 1866 года

Автограф неизвестен.

Впервые: Симбирский юбилей Н.М. Карамзина. Симбирск, 1867. С. 148–150.

Печатается по тексту первой публикации.

Стихотворение было прочитано Ознобишиным в Симбирске 1 декабря 1866 г., в малом зале Дворянского собрания.

КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ ПО ПРОЧТЕНИИ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ "ТОМУ СТО ЛЕТ!"

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 15. Л. 33–33 об. Писарская копия этого стихотворения в письме Ознобишина к Н.В. Путяте от 2 марта 1867 г. (*РГАЛИ*. Ф. 394. Оп. 1. № 119).

Впервые: Литературная библиотека. 1867. № 5–8. Апрель. С. 69, а также в кн.: Беседы в Обществе любителей российской словесности. М., 1867. Вып. 1. Отд. 2. С. 61.

Печатается по тексту журнала.

Стихотворение Вяземского "Тому сто лет!" было прочитано 1 декабря 1866 г. на праздновании столетнего юбилея Н.М. Карамзина в Симбирске. Из-за отсутствия автора стихи читал В. Соллогуб.

ЧТО НЕОБХОДИМО ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ: УМ ИЛИ СЕРДЦЕ?

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 7. Л. 52.

Печатается впервые.

[1] *Пигмалион* (греч.) – легендарный царь Кипра, сделавший статую прекрасной женщины и влюбившийся в нее. Богиня Киприда оживила статую.

[2] *Галатея* – стала женой Пигмалиона.

[3] *Дасье* (madam Dacier, Анна Лефевр, 1654–1720) – филолог-классик, знаток древних языков; жена французского филолога Андре Дасье (1651–1722). При всей своей учености, "была нежной матерью и хорошей женой". (Брокгауз и Ефрон. Т. 19. С. 151.)

МАРЬЕ МИХАЙЛОВНЕ НЕЙКОВОЙ НА НОВЫЙ 1867 ГОД

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 1. Л. 20.

Печатается впервые.

Включено в цикл "Букеты", посвященный симбирским дамам.

ГРАФИНЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ТОЛСТОЙ, УРОЖДЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 17. Л. 36–37. Ст. 11–28 Ознобишин цитирует в письме П.А. Вяземскому от 20 января 1867 г. (*РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2456. Л. 4).

Впервые: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. С. 240–241.

Печатается по автографу.

1 *...для племянницы поэта, – / Певца родных нам волжских вод...* – Е.А. Толстая – племянница Н.М. Языкова, дочь его любимого брата Александра Михайловича. К ней же обращено другое стихотворение Ознобишина – "Желал струями б Иппокрены..." (*ИРЛИ*. Ф. 213. № 17. Л. 34–35).

АННЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ЯЗЫКОВОЙ

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 19. Л. 62–62 об.

Публикуется впервые.

Посвящено памяти Н.М. Языкова. Адресат – дочь среднего брата поэта, Александра (1799–1874)

1 *...дядя ваш...* – Языков Николай Михайлович (1803–1846), поэт.

НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ДУБЕЛЬТ, УРОЖДЕННОЙ ПУШКИНОЙ

Автограф на русском и французском языках: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 5. Л. 27–27 об. – на русском; Л. 28–28 об. – на французском, на отдельном листе с виньеткой.

Впервые: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. С. 242.
Печатается по автографу.

[1] *Наталья Александровна Дубельт* (1836–1913) – младшая дочь А.С. Пушкина. Брак ее с М.Л. Дубельтом, сыном Л.В. Дубельта, управляющего III Отделением, с семьей которого Ознобишин находился в родственных отношениях, оказался неудачным. После развода с ним, в 1868 г. она вышла замуж за принца Николая-Вильгельма Нассауского и получила титул графини Меренберг.

АТЛАСНАЯ МАСКА

(*Посвящается К.Р. Булгановой*)

Автограф: *ИРЛИ.* Ф. 213. № 1. Л. 20.
Печатается впервые.
Включено автором в цикл "Букеты".

МУДРЕНЫЙ СУД

Автографы: *ИРЛИ.* Ф. 213. № 10. Л. 10–11; *РГАЛИ.* Ф. 195 (кн. Вяземских). Оп. 1. Ед. хр. 5488. Л. 3–3 об., без даты.
Печатается впервые, по автографу *ИРЛИ.*

[1] *Орлов* Алексей Григорьевич (1737–1807) – военный и государственный деятель, активный участник дворцового переворота 1762 г., приведшего к власти Екатерину II, за что был произведен в генерал-майоры, в графское достоинство, пожалован огромными имениями. За победу над турками у Наварина и в Чесменском бою в 1768–1769 гг. получил право присоединить к своей фамилии наименование "Чесменский". С 1775 г. в отставке. В его имении выведена знаменитая порода "орловских" рысаков. Конные парады и состязания, в которых Орлов сам участвовал, обставлялись им с большой пышностью (см.: *Жихарев С.П.* Записки современника. Дневник студента. Л., 1989. Т. 1. С. 101–102).
[2] Курульские кресла – официальное седалище римских высших магистратов: консулов, приторов и т.д. Изготавливалось из слоновой кости, мрамора, бронзы и др. материалов.
[3] *Омир* – Гомер, легендарный эпический поэт древней Греции, автор поэм "Илиада" и "Одиссея".

НА ПАМЯТЬ ДМИТРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ВЕНЕВИТИНОВА

марта 15 1867

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 3. Л. 18–18 об. и 6–16 об. (черновик), а также: *РГБ*. Пог./Ш.8.72.

Впервые: Русский. 1867. № 7–8. С. 110.

Печатается по тексту первой публикации.

15 марта 1867 г., в сороковую годовщину смерти Д.В. Веневитинова, остававшиеся в живых его друзья собрались в церкви для совершения заупокойного служения. В тот же день обедали у брата поэта – А. Веневитинова, где Ознобишин прочел эти стихи.

ЧАСОВНЯ ЛЕТНЕГО САДА

4 апреля 1867

Автограф неизвестен.

Впервые: Литературная библиотека. СПб., 1867. № 7–8. С. 3–8. Включено также в отдельную брошюру-конволют, вышедшую из типографии Ю.А. Бокрама (СПб., 1867. С. 3–8. Цензурное разрешение 15 апреля 1867 г.). Брошюра включает в себя, кроме стихотворения "Часовня Летнего сада", четыре псалма в переложении Д.П. Ознобишина. Подпись: *Д. Ознобишин*.

Печатается по тексту первой публикации.

Повод к написанию – годовщина покушения Д. Каракозова на царя Александра II 4 апреля 1866 г. у решетки Летнего сада, при выходе на Неву. Выстроенная там часовня не сохранилась.

[1] *Он кисти Нефа...* – Тимофей Андреевич фон Нефф (1805–1876), портретист и автор живописных полотен на исторические темы. С 1826 г. работал в Петербурге; с 1832 – придворный живописец.

[2] *...Евангельское слово / О прокаженных, как Благова / Из девяти пришел один / Благодарить самарянин...* – После исцеления десяти прокаженных самарян из них лишь один пришел ко Христу благодарить его (*Лк*. XVII, 12–19).

[3] *...сын смиренный, / Его спасти определенный...* – Шапочный мастер из Костромской губернии Осип Иванович Комиссаров (1838–1892) спас царя, отведя руку стрелявшего Д. Каракозова.

[4] *Вознес, облил щедрот рекой!..* – За свой подвиг О.И. Комиссаров был возведен в потомственное дворянство.

СЛАВЯНАМ

Автографы (недатированные): *ИРЛИ*. Ф. 213. № 15. Л. 35–36 об.; Там же. Л. 62–63 об.; Там же. Л. 64–65 об.; *РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5488. № 172. Л. 42–43 об. Там же два списка – Ф. 1121 (Ознобишина). Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1–2 об. и Л. 3–4 об. с пропуском 4-й и 5-й строф и пометой вначале: "Привет от москвичей 12 мая 1867".

Впервые: Русский. 1867. 22 мая. Л. 17 и 18. С. 272, в подборке стихотворений других авторов (Н. Хохлов, А. Сарафанников, А. Мыльников и др.) на эту же тему.

Печатается по тексту газеты "Русский".

Написано в начале мая 1867 г. в связи со Славянским съездом, поводом к которому послужила этнографическая выставка в Москве (со славянским отделом). 12 мая 1867 г. в честь славянских гостей в Петербургском дворянском собрании состоялся банкет. В Москву славянские гости прибыли 16 мая. На встрече И.С. Аксаков зачитал отрывок из поэмы покойного Шевырева "Болезнь", перекликающийся по мысли со стихотворением Ознобишина:

Пусть в памяти у всех славян воспрянут
И оживут Мефодий и Кирилл!
Пускай для них они вождями станут,
Как были там вожди духовных сил.

Свершай о них свою святую тризну.
О деле их, о грамоте твоей;
Сними с себя и с братьев укоризну,
Неблагородно изменивших ей.

Сзывай всех нас на мирны состязанья,
На праздники Олимпии зови,
На честные славянски пированья
Во имя мысли, мира и любви…

[1] *Кирилл* – болгаро-византийский ученый и славянский просветитель IX в., создал азбуку – кириллицу (863 г.) и перевел на славянские языки основные христианские богослужебные книги.

[2] *Любушин суд* – чешская легенда (возможно, подделка под народный эпос) о легендарной правительнице Чехии, избранной народом, которая решила спор о наследстве, отдав предпочтение славянским законам перед немецкими.

[3] *Белая гора* – возвышенность близ Праги. 8 ноября 1620 г. чехи потерпели здесь жестокое поражение от войск германского императора Фердинанда II.

[4] *Косово* – Косово поле; 15 июня 1389 г. здесь произошло сражение между сербами и турками, в котором турки одержали победу.

[5] *Марк Кралевич* – Марко-Королевич (XIV в.), сын сербского короля, легендарный герой сербского эпоса, борец с турецкими завоевателями; по преданию, он не умер, а спит в горной пещере и в нужный момент встанет на защиту своего народа.

[6] *Зовем без укоризн и Ляха / Вступить в научный наш союз.* – Поэт зовет к сотрудничеству и поляков, хотя представители Польши не были приглашены на Славянский съезд.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМОВ

Автограф неизвестен.

Впервые: Литературная библиотека. СПб., 1867. Март. Кн. 2. С. 277–283 и отдельной брошюрой, вышедшей из типографии Ю.А. Бокрама (СПб., 1867. Цензурное разрешение 6 апреля 1867 г.).

Печатается по тексту журнала.

Работа над переводом и переложением псалмов после кончины его жены была для Ознобишина в течение ряда лет “задушевным трудом”, который он читал до печати Московскому митрополиту Филарету (см. “Предисловие к переводу псалмов”: “Когда псалмы мои, смущенный, // Пред Филаретом я читал...”).

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ОДОЕВСКИЙ

Автограф неизвестен. Писарская копия: *РГБ*. Ф. 218. К. 1287. Ед. хр. 15.

Впервые: брошюра “На память о князе Владимире Федоро-

виче Одоевском, скончавшемся в Москве 27 февраля 1869 года". СПб., 1870. Цензурное разрешение 23 февраля 1870 г.).

Печатается по тексту первой публикации.

[1] *Напевов старины следитель, // В мир древнерусский углублен...* – В.Ф. Одоевский изучал народную русскую музыку и опубликовал исследования, посвященные музыке древнерусской.

А.С. НОРОВУ

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 11. Л. 45.

Печатается впервые.

[1] *Норов* Авраам (Абрам) Сергеевич (1775–1869) – писатель, переводчик, библиограф. Участник Отечественной войны 1812 г.; под Бородиным, командуя на батарее двумя пушками, был ранен и потерял ногу. В 1821 г. совершил путешествие по Европе – был в Германии, Франции и Италии. Автор книги "Путешествие по Сицилии в 1822 г." (СПб., 1828), "Путешествие к святым местам" (СПб., 1832), "Путешествие по Египту и Нубии" (СПб., 1840). Описание его путешествия в Палестину выдержало три издания: 1838, 1844 и 1854 гг. Живя в Петербурге, сохранял связи с московскими литераторами. Он и младший брат его Александр были членами Общества друзей, вкладчиками альманаха "Северная лира", выпущенного Раичем и Ознобишиным. В 50-е годы занимал пост министра народного просвещения. Тютчев посвятил ему стихотворение "Тому, кто с верой и любовью..." (1856). Ознобишин обращался к нему с вопросами по делам народного просвещения, подарил свой доклад на эту тему. Последним произведением Норова было «Замечание на "Войну и Мир" Толстого» полемического характера. П.А. Вяземский посвятил памяти Норова стихотворение:

Хоть заикался он и хоть рассеян был,
Но на дела добра, за правду ли вступаясь,
Ум, в совесть вслушавшись и с ней не запинаясь,
Мысль выражал своим правдивым языком.
Нет, совесть ни пред кем не заикалась в нем.

См. о нем также: *Чехов Александр*. Авраам Сергеевич Норов // Исторический вестник. СПб., 1895. Т. XVI. С. 385–390.

СИМБИРСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ЗЕМСКАЯ СЕССИЯ ОКОНЧИВШАЯСЯ 19 ДЕКАБРЯ 1874 г.

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 5. Л. 43–44.
Печатается впервые.

ЗЕМСКИЕ МОТИВЫ

(*Экспромты гласного*)

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 5. Л. 9–11.
Печатается впервые.

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ КОСАГОВСКОМУ

Автограф: *ИРЛИ*. Архив М.Н. Лонгинова.
Публикуется впервые.

[1] *Косаговский* Павел Петрович – директор департамента исполнительной полиции Министерства внутренних дел в 70-е годы, друг Ознобишина.

П.П. КОСАГОВСКОМУ

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 184. Л. 7.
Публикуется впервые.

22 АВГУСТА 1870 г.

(*Из народных реляций*)

Автограф неизвестен.

Впервые: Складчина. СПб., 1874. С. 241–242 (без последних восьми стихов).

Печатается по тексту первых публикаций.

Отрывок из книги: Шуточные реляции в стихах о Французско-прусской войне 1879 и 1871 годов. СПб., 1875. Война закон-

чилась полным разгромом войск Наполеона и чувствительными потерями Франции (захват Эльзаса и Лотарингии, контрибуция в 5 миллиардов франков и т.д.). 21 августа (2 сентября) 1870 г. под Седаном 90-тысячная французская армия была разгромлена и принуждена к сдаче. Вместе с армией попал в плен и находившийся при ней Наполеон III.

1 *Агамемнон* (греч. миф.) – аргосский царь, предводитель греков (ахейцев) в Троянской войне.

2 *Наполеон III* (Луи-Наполеон Бонапарт, 1808–1873) – племянник Наполеона I. С декабря 1848 г. – президент Франции; в 1852 провозгласил себя императором.

3 *...Регентши смел следы!* – Имеется в виду императрица Евгения (1820–1920), жена Наполеона III.

4 *Ей цветы под колесницу / Рассыпал Царьградский двор!..* – На торжествах открытия Суэцкого канала (16 октября 1869 г.) в Турции Наполеону III и его жене оказывались особенные почести, так как Франция принимала активное участие в строительстве канала.

5 *И плескал, звеня волнами, / Новой Клеопатре Нил!..* – В древности, при царице Клеопатре (I в. до н.э.), уже существовал Суэцкий канал, позднее занесенный песками.

КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ ПО ПРОЧТЕНИИ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ: “ПАМЯТИ М.П. ПОГОДИНА”

Автограф: *РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2456. Л. 8.

Печатается впервые.

Стихи приложены к письму Д.П. Ознобишина П.А. Вяземскому от 4 марта 1876 г. Ознобишин писал: “С сердечным восторгом прочел я, душевно уважаемый Князь, вдохновенные стихи Вашего Сиятельства, посвященные памяти нашего друга – труженика М.П. Погодина. Не дождался он возрождения Славянских братий, к чему постоянно стремились все его сердечные помыслы.

Прилагаемое у сего мое к Вам приветствие прошу Вас принять как дань моего глубокого к Вам уважения, – дань нестареющему таланту! Оно было внушено Вами, так прекрасно и теп-

ло выразившему давно минувшие дни нашего незабвенного, уже не существующего литературного кружка! Совершенно верно и правдиво, повторю я словами Вашими:

Все было в той поре заманчиво и ново,
Дух свежий обхватил сподвижников младых,
В народе отзыв был на каждое их слово,
Заслушивался он речей и песней их!"

[1] *Погодин* Михаил Петрович (1800–1875) – историк, писатель, журналист. С 1825 г. преподаватель университета, с 1833 – профессор, с 1841 – академик. Член Общества друзей Раича. Редактор журналов: "Московский вестник" (1827–1830) и "Москвитянин" (1841–1856). Издатель сборника "Утро" (Ч. 1–3. 1859–1868). С конца 30-х годов – известный славянофил. Тютчев посвятил ему стихотворения "Михаилу Петровичу Погодину" (1868) и "Враг отрицательности узкой..." (1871).

КАМЫШОВАЯ ТРОСТЬ

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 265 (Архив "Русской старины"). Оп. 3. № 81 (Стихотворения разных авторов). Л. 38–39.

Впервые: Русский архив. 1877. Кн. 3. № 9. С. 3–4.

Печатается по автографу *ИРЛИ*.

Стихотворение создано в 1877 г. и адресовано наследнику престола, великому князю Александру Александровичу, будущему императору Александру III (1845–1894).

В публикации "Русского архива" после заглавия "Камышовая трость" имеется пояснение: "Симбирский помещик и поэт Д.П. Ознобишин в 1841[?] году поднес Его императорскому Высочеству наследнику Цесаревичу камышевую трость, принадлежавшую некогда светлейшему князю Потемкину-Таврическому, которую вручила ему императрица Екатерина II при отъезде его из Петербурга к армии в Бессарабию. Трость эта с серебряным набалдашником, на коем изображен герб князя, хранилась как драгоценность в семействе смоленских дворян Енгельгарт, и случайно приобретена г. Ознобишиным, который приношение свое сопроводил следующим посвящением..."

В архиве Ознобишина есть ответ на его письмо Гофмаршалу Двора Его Императорского Высочества государя наследника це-

саревича Вас.Вас. Зиновьеву от 24 марта 1877 г.: «Государь наследник не изволит встречать со своей стороны препятствия к исполнению желания Вашего относительно напечатания в “Русском архиве” стихотворения Вашего,.. если не возникнут препятствия со стороны цензуры» (*ИРЛИ*. Ф. 213. № 1. Лист не нумерован).

1 *...Запорожской Сечи / Он буйство дерзкое смирил...* – Летом 1775 г. Екатерина II поручила Потемкину уничтожить Запорожскую Сечь, что и было исполнено.

2 *...вдруг герой в степях угас!* – Г.А. Потемкин умер в степи по пути из Ясс в Николаев 5 октября 1791 г.

ИЗ ПЕСЕН ЦАРЯ ДАВИДА

Псалом 13. “Рече безумец в сердце своем: несть Бог“

Автограф неизвестен.
Впервые: Нива. СПб., 1877. № 12. С. 184. Подпись: *Align Ознобишин.*
Печатается по тексту журнала.

СЛУЧАЙ

Автограф: *РГАЛИ* Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5488. Л. 4–4 об. Без даты.

Печатается впервые.

ВЕНЕРА И ПЛОВЕЦ

Автограф: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 10. Л. 16 об. Без даты.
Печатается впервые.

1 *Купидонов мост* – мост, украшенный скульптурными изображениями купидонов (купидон – латинское название Эрота).

ЕЕ СИЯТЕЛЬСТВУ КНЯГИНЕ МАРИИ АРКАДЬЕВНЕ ВЯЗЕМСКОЙ

Автограф: *РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5488. Без даты. Подпись: *Ознобишин.*

Печатается впервые.

ПОЭМЫ

ГИНЕКИОН

Автографы: Альб. I – отдельные стихотворения цикла и полная рукопись произведения, цензурное разрешение С.Т. Аксакова 8 мая 1828 г. (*ИРЛИ*. Ф. 213. № 20–22 л.).

Впервые – отдельное издание: СПб., 1830, без имени автора, в составе 16 стихотворений. В конце – авторские примечания. Текст книжки двуязычный: на четных страницах приведены стихи на древнегреческом, на нечетных – русские переводы Ознобишина.

Печатается по отдельному изданию (только текст перевода).

1 *Банделло* Матео (ок. 1485–1561) – итальянский писатель, новеллист и поэт.
2 "*Аминта*" – пасторальная драма Т. Тассо с мотивом всемогущества земной любви.
3 *Ахерон* (греч. миф.) – река подземного царства.
4 *Лиглин* – белый мрамор.
5 *Эндимион* (греч. миф.) – прекрасный юноша, погруженный в вечный сон, возлюбленный богини Луны Селены.

Варианты автографов из Альбома I:

№ 2 [6–7] Деву я ласкал нагую –
Целу ночь и до утра;
№ 4 [1] Росою девственной оливы

№ 5 заглавие: Свещник" (зачеркнуто и заменено).

[1–2] Отлитый из сребра, посредник тайн безмолвный,
Я Флаком подарен прелестной Напе был.

№ 10 заглавие: "Луна".
№ 13 заглавие: "Осторожный".
№ 16 ст. 1: Нет, тот совсем не воспален

Критика упрекнула автора за несоблюдение "меры подлинника". – См.: *Сомов О.М.* Обозрение российской словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 г. // Северные цветы на 1831 г. СПб., 1830. С. 48–49, а также отзыв А.А. Дельвига в "Литературной газете" (1830. № 41. 20 июля. С. 40).

СЕЛАМ, ИЛИ ЯЗЫК ЦВЕТОВ

Наборная рукопись: *ИРЛИ*. Ф. 213.

Впервые – отдельное издание: Селам, или Язык цветов. СПб.: Типография министерства народного просвещения, 1830. 53 с. Цензурное разрешение 1 апреля 1830 г. Цензор Н. Щеглов. Отрывок ("Прекрасен пышный сад Паши"): *МВ*. 1830. Ч. 2. № 5. С. 9–17.

Печатается по тексту первого издания.

В основе поэмы – перевод с немецкого анонимного произведения "Die Blumensprache (В., 1823). Цель книги, как об этом сказано в предисловии, ввести в поэтический лексикон малоизвестные названия цветов, которые в русском языке "по большей части неприятны, отзываются какою-то грубостию, противны вкусу очищенному... Сей недостаток в звучных и приятных цвето-названиях... есть главная причина, почему цветы так редко употребляются в стихах у наших поэтов, между тем как у всех просвещенных народов Европы и Азии они служат богатым рудником пленительных сравнений". Ознобишин говорит о роли некоторых цветов в народных поверьях, праздничных обрядах и сказках. Сетует на то, что они забываются. Большую часть книжки составляет своеобразный поэтический словарь – перечень названий цветов на русском и латинском языках и игра – "цветочный флирт", разговор "языком цветов". "Восточная" поэма-легенда (без особого заглавия) образует поэтическое вступление, рассказывающее о происхождении "языка цветов".

Рецензент издания С.Е. Раич писал: "В Селаме, кроме других достоинств, мы нашли еще и то, что он знакомит нас со многими растениями. Это коротенькая дамская Ботаника в прелестной стихотворной форме... Как жаль, что наши Поэты до сих пор не обращали внимания на Ботанику! От этого наши цветы по большей части не стихотворны..." (*Гал*. 1830. Ч. 16. № 28. С. 370; № 30. С. 375).

Сочувственный отзыв А.А. Дельвига помещен в "Литературной газете" (1830. Т. 2. 10 июля. С. 23–24). См. также: *МТ*. 1830. Ч. 33. С. 483; Дамский журнал. 1830. Ч. 31. С. 142; *ВЕ*. 1830. Ч. 3. С. 306, подпись: *Л.С.*; Северный Меркурий. 1830. Ч. 2. С. 43, 47, 51, подпись: *Евг. Лизин*; Северные цветы на 1831 г. СПб., 1830. С. 45.

[1] *Злой Дух, как прежде, не уносит // Тайком за тридевять земель...* – Намек на Пушкина, поэму “Руслан и Людмила”, где героиня похищается Черномором. И далее в произведении Ознобишина встречаются указания на эту поэму (Русью пахнет” и пр.).

[2] *Кама* – индийский бог любви. Рети, или *Приятность*, – его супруга.

[3] *Сир В. Жонес* – имеется в виду Джонс Вильям (1746–1794), английский ориенталист, индолог.

[4] *Жами* – имеется в виду Джами Абдуррахман (1414–1492), персидско-таджикский поэт.

ГОРОДОК

(*Сказочка*)

Недатированные списки: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 4. Л. 44–45 об., без примечаний; Там же. Л. 46–47. Заглавие: “Старый городок”; с подробными примечаниями; Там же. Л. 50–52, с небольшими примечаниями. Есть разночтения. Было послано П.А. Вяземскому для передачи в “Литературную библиотеку”, о чем говорится в письме к нему Ознобишина от 27 января 1867 г. (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2456. Л. 4: “Городок” может быть напечатан, но не иначе как с выпуском всей строфы “Что соваться вам в дела”, и до последнего слова: “Спите, почивайте!”

Впервые: Литературная библиотека. 1867. № 5. Май. Кн. 1. С. 337–340, с пропусками ст.: 91–96, 103–105 и разночтением ст. 108: Столб тот опаленный.

Печатается по тексту журнала, с исправлениями по автографу *ИРЛИ*.

[1] *...монастыря // Поднялися стены.* – Спасский женский монастырь, основан в 1648 г., почти одновременно с Симбирском.

[2] *Ясак* – натуральная подать, собиравшаяся с нерусских народов до XVIII в.

[3] *...в стенах Казани // Грозным юношей-царем // Задан был орде погром...* – В 1547–1552 гг. Иван IV покорил Казанское ханство; до того Казань была центром волжско-камской Болгарии, сформировавшейся еще в X в.

[4] *Конники Гирея* – крымские ханы из династии Гиреев (XV–XVIII вв.), совершавшие набеги на русские и украинские земли.

[5] *...Разина набег...* – В августе 1670 г. Степан Разин со своими отрядами находился на подступах к Симбирску. Воевода Милославский засел в кремле с войском и местными дворянами. Продолжительная осада Симбирского кремля сковала основные силы Разина. Получив тяжелое ранение, он был увезен на Дон.

[6] *...под именем Петра, // Шел Емелька с силой!* – Арестованный в заволжских степях Емельян Пугачев (1774) был привезен в Симбирск в деревянной клетке; оттуда его отправили в Москву.

[7] *В герб за то царица-мать // Верному велела дать // Со столбом корону.* – С 1780 г. Симбирск стал центром наместничества, а с 1796 г. – губернским городом.

[8] *Город выжжен был огнем...* – 13 августа 1864 г. возник пожар, продолжавшийся восемь дней. Описание этого пожара ("Рассказ семейный, не для печатного обнародования"), сделанное Знобишиным, см.: *ИРЛИ*. Ф. 93. Оп. 3. № 918. Л. 1–37 (Собр. П.Я. Дашкова).

СИЗИФ И СМЕРТЬ

Милетская сказка

Автограф неизвестен.

Впервые: отдельное издание (СПб., 1871) с предисловием Д.П. Ознобишина.

Печатается по тексту первого издания.

Вольный перевод мифологизированного рассказа из книги "Lost tales of Miletus" ("Потерянные милетские сказки") Э.-Д. Булвер-Литтона о хитреце Сизифе, прожившем две жизни. Сизиф, умирая, завещал жене Меропе не приносить богу Аиду обычных даров и не погребать его труп. Разгневанный Аид посылает тень хитреца из подземного мира к Меропе за дарами. Тень Сизифа входит в свое тело и начинает жить вторично.

[1] *Обол* (греч.) – монета, шестая часть драхмы.

[2] *Саис* – город в Древнем Египте, современный Са-эль-Хагар, в западной части Дельты. Существовал уже в глубокой древности, при фараонах XXVI династии. Саис был местом культа бо-

гини Нейт; жрецы ее храма, одного из обширнейших в Египте, славились своей ученостью и сделали Саис центром науки. К ним направлялись для беседы многие греческие мудрецы и философы.

[3] *Фракия* (греч.) – историческая область в восточной части Балканского полуострова между Эгейским, Черным и Мраморным морями.

ПРОЗА

АРАБЕСКИ, ИЛИ ВОСТОЧНЫЕ ПОВЕСТИ

Д.П. Ознобишину принадлежит ряд “восточных” повестей, восходящих к арабскому источнику. В *ИРЛИ* есть писарская копия с авторской правкой Ознобишина – “Арабески, или Собрание восточных повестей”, датируемая предположительно началом 40-х годов (Ф. 213. № 46. 82 л.), в которую включены десять новелл.

“Арабески” с предисловием и подробными примечаниями, писанными рукой Д.П. Ознобишина, состоят из его переложений нескольких макам (новелл) Абу Мухаммеда аль-Харири (1054–1122), повестей “Соперничество шести невольниц” – из “нового продолжения 1001 ночи”, “Посещение” и “Идеал”, источник которых Ознобишиным не указан, но по стилю они приближаются к сказкам из “Тысячи и одной ночи”.

В предисловии Д.П. Ознобишин писал: “Некоторые из сих повестей были напечатаны в разных альманахах и журналах. Я собрал их, пересмотрел и дополнил многими новыми, еще до сих пор не переведенными. В применениях, прилагаемых к каждой из сих повестей, избегая сухости, неизбежной почти при всяком филологическом изыскании, я старался, сколько мог, пояснить предмет мой, придать ему более разнообразия, и, вместе с тем, легко ознакомить читателей моих с нравами и обычаями жителей Востока: для этого поместил я в них несколько анекдотов, заимствованных мною из сочинений писателей известных, а в конце биографию Гарири (т.е. Абу Мухаммеда аль-Харири. – *Ред.*), писанную Эбн-Хильканом. Если сии Арабески, бегло пе-

ренесенные мною на Север из пышных зданий ориентализма, успеют обратить на себя внимание немногих ценителей, – цель моя достигнута, и я, как юный счастливец в Саадиевом Гюлистане, и лук свой, и стрелу предам пламени" (Ф. 213. № 46. Л. 4–4 об.).

ПОСЕЩЕНИЕ

Восточная повесть

Писарская копия с правкой автора – *ИРЛИ*.

Впервые: *СЛ*. С. 37–46.

Печатается по тексту альманаха.

Из примечаний Д.П. Ознобишина к повести "Посещение":

«... Исхак бен Ибрагим Ельмаусали, т.е. Исаак, сын Ибрагима из Моссула – придворный Гаруна Аррашида, был не только первый музыкант своего века, искусно сам сочинявший музыку, но в то же время "известен как отличный ученый и Поэт"» (л. 10 об.).

"Моссул, город, лежащий при Тигре. Прозвище: из Моссула, которое носит Исаак, иначе называемый *Надим*, дано ему, не потому чтобы он родился в этом городе, ни вел род свой из оного, а единственно от того, что он избрал его своим местопребыванием. Абульфарадж Аль Есфагани, сам отличный сочинитель песней абабских, в своих произведениях весьма часто упоминает о сем прекрасном музыканте" (л. 11).

"Магади сын Абу Жиафара Альманзора, наследовал своему отцу и был 3-й халиф из династии Аббасидов. Он скоропостижно умер на охоте, но незадолго до своей смерти объявил наследником престола своего старшего сына *Гади*, с тем условием, чтобы он не имел другого наследника, кроме своего меньшого брата *Гаруна*, исключая таким образом собственных его детей от царственного наследия. Таковое распоряжение Магади было причиною всех раздоров, возникших впоследствии между братьями. Уже Гарун был обречен на жертву, как внезапная смерть Гади, отравленного Хайзураною (так называлась его мать) возвела на престол Гаруна..." (л. 12).

СПОР

Восточная повесть

Писарская копия с авторской правкой: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 46. Лл. 30–36.

Впервые: *Урания*. С. 102–109.

Печатается по тексту альманаха.

[1] *Халиф* – правитель мусульман, соединяющий в себе светскую и духовную власть.

[2] *Гарун аль Рашид* (Харун ар-Рашид), 763 (766?) – 809 гг. – пятый халиф (786–809) из династии Аббасидов. Во время его правления Халифат достиг наивысшего могущества. Идеализированный образ Харуна ар-Рашида воссоздан в знаменитом сказочном цикле “Тысяча и одна ночь”.

[3] *Бассора* (Басра) – главный город провинции тогдашней Азиатской Турции, населенный арабами, средоточие индийских и европейских товаров.

[4] *Шейх* – ученый, духовное лицо, “старейшина”.

ИДЕАЛ

Восточная повесть

Писарская копия с авторской правкой: *ИРЛИ*. Ф. 213. № 46. Л. 13–18 об. Примечания рукой Д.П. Ознобишина (л. 19–21).

Впервые: *СЛ*. С. 208–222. Подпись: “*О*”.

Печатается по тексту альманаха.

Из примечаний Д.П. Ознобишина, составленных им на основании трудов западноевропейских ориенталистов:

“*Князь поэтов*. Неизвестно когда и кем установлено сие почетное титло; но что оно было соединено с великими почестями и богатством, это находим мы в книге Руссо: The Flowers of Persian Literature, где он говорит о хакане или владельце Туркестана, лежащего за рекою Джигоном (т.е. Джейхуном – Аму-Дарья. – *Ред*.), Кедер хане, следующее: хакан установил в своем дворце и поддерживал щедрыми наградами литературную академию из ста мужей, славнейших в целом Востоке...

Абдальмалик или Абдольмелек, сын Мервана, пятый халиф из поколения *оммиидов*, начал царствовать в 65 году геджры

(684 г. Р.Х.), а кончил в 86. Ему дано было проименование *Раш аль Геджарат*, т.е.: пот камня, по причине его необыкновенной скупости и *Абульзебаб* потому что его дыхание было столь зловредно, что мухи, сидящие на его губах, умирали. В могуществе превзошел он всех халифов своих предшественников: в его царствование покорены были Индия на Востоке, а его войска проникли даже в Испанию на Западе...

Весьма пышное описание паланкина или носилок находим в “Тысяче и одной ночи”...».

[1] *Амру, сын Ребия...* – Возможно, имеется в виду Омар ибн Абу Рабиа (644–712 гг.), мастер любовной лирики. Стихи его (почти исключительно газели) отличаются изяществом слога, выразительностью и простотой. Создал в своих газелях обобщенный образ арабской женщины своего времени (см.: *Фильштинский И.М.* Арабская классическая литература. М., 1965. С. 103–106; Арабская любовная лирика. М., 1974. С. 8–9, 113).

[2] *Геджас* (Хиджас) – провинция в Саудовской Аравии, входила в состав Халифата.

ЖЕЛАНИЕ

Арабская повесть

Автограф неизвестен.
Впервые: *Гал.* 1829. Ч. 9. № 52. С. 283–289.
Печатается по тексту журнала.

ЗОЛОТАЯ МОНЕТА

Динарийская макама

Автограф неизвестен.
Впервые: *СО*. 1830. Подпись: *Перевод Д.*
Печатается по тексту журнала.

[1] *Золотая монета* – так назвал переводчик “Динарийскую макаму”. *Динар* – крупная золотая монета.

[2] *Кайла* – женщина из рода гассан, считается у арабов родоначальницей двух племен аус и хазрадж, населявших в доисламские времена город Медину (в древности Ясрит). Из этих пле-

мен вышли ближайшие сподвижники пророка Мухаммара, и таким образом этими словами Абу Зайд подчеркивает знатность своего происхождения.

[3] "*Греха нет хромать!*" – Коран обязывает правоверных вести священную войну за распространение ислама. Однако в нем также говорится, что "если слепой, хромой и слабый не пойдут на войну, то не будет им это поставлено в вину" (сура 98, стих 17).

СОПЕРНИЧЕСТВО ШЕСТИ НЕВОЛЬНИЦ

Восточная повесть

Автограф неизвестен.

Писарская копия с правкой автора – в *ИРЛИ.*

Впервые: *Москв*. 1841. Ч. 1. № 2. С. 984–995. Подпись: *Делибюрадер*.

Печатается по тексту журнала.

[1] *Гербалот* – Д'Эрбело Б. (1525–1695).

[2] *Лебид* – Лебид ибн Рабиа (ок. 560–661 гг.), арабский поэт.

ПОЛИВНА

Автограф неизвестен.

Впервые: *Москв*. 1845. Ч. 6. № 12. С. 218–229. Цензурное разрешение 15 января 1846 г. (Цензор В. Флеров.).

Печатается по тексту первой публикации.

[1] *Вернер* Цахариас (1768–1823) – немецкий драматург. Его пьеса "24 февраля" положила начало так называемым трагедиям судьбы.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БдЧ – "Библиотека для чтения", журнал. Санкт-Петербург
ВЕ – "Вестник Европы", журнал. Москва
Гал. – "Галатея", журнал. Москва
ГЛМ – Государственный Литературный музей. Москва
ЖМНП – "Журнал Министерства народного просвещения". Санкт-Петербург
ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Санкт-Петербург
ЛН – "Литературное наследство"
МВ – "Московский вестник", журнал
МН – "Московский наблюдатель", журнал
Москв. – "Москвитянин", журнал
МТ – "Московский телеграф", журнал
ОЗ – "Отечественные записки", журнал. Санкт-Петербург
ПЗ – "Полярная звезда" на 1823–1825 гг. Санкт-Петербург
ПиП – Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев А. Мерзлякова. М., 1825–1826 гг. Ч. 1 и 2
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства. Москва
РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Москва
РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Санкт-Петербург
РС – "Русская старина", журнал. Санкт-Петербург

СЛ	–	“Северная лира на 1827 год”, альманах. Москва
СО	–	“Сын Отечества”, журнал. Санкт-Петербург
Совр.	–	“Современник”, журнал. Санкт-Петербург
Тел.	–	“Телескоп”, журнал. Москва
Урания	–	“Урания на 1826 год”. Москва
ЦГВИА	–	Центральный государственный военно-исторический архив. Москва

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ФРОНТИСПИС (кн. 1)

АЛЬБОМ

ПО ТЕКСТУ

СОДЕРЖАНИЕ

Книга вторая

ПОЭМЫ

ПРОЗА

ПРИЛОЖЕНИЯ

Научное издание

Д.П. ОЗНОБИШИН

Стихотворения
Проза

В двух книгах

Книга вторая

Утверждено к печати
редколлегией серии
"Литературные памятники"

Зав. редакцией *А.И. Кучинская*

Редактор *Е.Л. Никифорова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *В.В. Лебедева*
Корректоры
З.Д. Алексеева, А.Б. Васильев, Н.П. Круглова,
Р.В. Молоканова

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 14.12.2001
Формат 70×90 1/32. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 23.4 + 0,6 вкл. Усл.кр.-отт. 25,7. Уч.-изд.л. 21,4
Тираж 1550 экз. Тип. зак. 4806

Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet:www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА" ВЫШЛИ КНИГИ:

Н.С. Гончарова и М.Ф. Ларионов:

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

20 л.

В сборник включены статьи отечественных и зарубежных искусствоведов, посвященные ранее не изученным аспектам творчества двух выдающихся русских художников. Творчество художников рассмотрено в широком контексте искусства русского авангарда – не только изобразительного, но и искусства театра. Подавляющее большинство произведений, фактов и событий анализируются впервые. Значительную часть сборника составляют публикации архивов Н. Гончаровой и М. Ларионова, И. Зданевича, Н. Виноградова и др.

Для искусствоведов и широкого круга читателей.

Левичева Т.И.

ПИСЬМА А.С. ПУШКИНА ЮЖНОГО ПЕРИОДА 1820–1824

Проблемы текстологии

2-е изд., испр. и доп.

30 л.

Работа посвящена текстологическим проблемам пушкинского эпистолярия Южного периода. В результате тщательной сверки автографов писем выяснилось, что в предыдущих публикациях были допущены неточности (включая Академическое издание). Уточнены в ряде случаев адресаты писем и их датировки. Пересмотрены переводы французских текстов. Сделана реконструкция ряда писем. Впервые дается большой корпус подлинных южных писем Пушкина.

СВОД ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ И МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА РОССИИ:

Смоленская область

55 л.

Издание энциклопедического типа по программе “Свод памятников истории культуры России” включает научно-справочные статьи обо всех сохранившихся на территории Смоленской области памятниках архитектуры, градостроительства, монументально-декоративного и садово-паркового искусства, вводный обзор истории развития художественной культуры в данном регионе и справочный аппарат. Это по возможности полная публикация архитектурно-художественного наследия на данной территории. В книге более 1200 иллюстраций.

Для архитекторов, градостроителей, реставраторов, искусствоведов, музейных работников, экскурсоводов, краеведов, сотрудников органов охраны памятников и всех интересующихся отечественной культурой.

ISBN 5-02-011813-3
9785020118133

«НАУКА»

ISBN 5-02-011813-3

«НАУКА»

Д. П. ОЗНОБИШИН

Стихотворения
Проза

